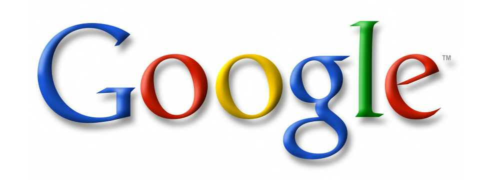


Русскія драматическія произведенія

1672—1725 годовъ.

КЪ 200-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РУССКАГО ТЕАТРА

СОБРАНЫ И ОБЪЯСНЕНЫ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1874.

ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

РУССКІЯ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

1672—1725 ГОДОВЪ.

КЪ 200-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РУССКАГО ТЕАТРА

СОБРАНЫ И ОБЪЯСНЕНЫ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
1874.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изданіи я имѣлъ цѣлью представить по возможности полное собраніе оригинальныхъ и переводныхъ драматическихъ произведеній, явившихся на Руси въ періодъ времени съ 1672 года по 1725 годъ включительно. Конечно, далеко не всѣ изъ піэсъ, вошедшихъ въ составъ нашего сборника, имѣютъ литературныя достоинства; но для изслѣдователя судебъ русскаго театра въ эпоху преобразованія и предшествовавшую ей они представляютъ несомнѣнный интересъ. Къ сожалѣнію многія и часто важнѣйшія піэсы русскаго репертуара 1672—1725 годовъ утрачены, или же остались недоступными и неизвѣстными составителю предлагаемаго сборника, извлекавшему матеріалы изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Императорской Академіи Наукъ, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Московской Синодальной библіотеки, Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московской Духовной Академіи, Московскаго Успенскаго собора и Кіевской Духовной Академіи. Изъ піэсъ, игранныхъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, мы не нашли ни Есфири, или Артаксерксова дѣйства, ни прохладной комедіи о

Товіи. Изъ піэсъ Петровскаго репертура намъ остались неизвѣстными тексты «комедій» объ Александрѣ македонскомъ, о графинѣ Геновевѣ, о Франталпеѣ и Мирандонѣ, и проч. Другія комедіи изъ временъ Преобразователя дошли въ не полномъ видѣ. Быть можетъ, современемъ они найдутся въ какихъ-нибудь частныхъ архивахъ или библіотекахъ; обнародованіе ихъ, безъ сомнѣнія, дополнило бы существенными характеристическими чертами исторію русскаго театра въ первомъ періодѣ его существованія.

Въ примѣчаніяхъ къ піэсамъ, изданнымъ въ этомъ сборникѣ, помѣщены свѣдѣнія о рукописяхъ, по которымъ эти піэсы нами напечатаны, и историко-литературныя разысканія, имѣющія главною цѣлью разъяснить происхожденіе и литературную исторію каждой піэсы стараго русскаго репертуара.

Приложенный къ концу изданія словарь имѣетъ въ виду съ одной стороны облегчить чтеніе собранныхъ нами памятниковъ драматической литературы, съ другой представить нѣсколько новыхъ матеріаловъ для историческаго словаря русскаго языка. Имѣя дѣло съ произведеніями конца XVII и начала XVIII вѣка, мы сочли полезнымъ внести въ словарь нѣкоторыя толкованія и объясненія словъ изъ такихъ компиляцій, каковы Лексиконъ Памвы Берынды и азбуковники XVII вѣка. Наконецъ для характеристики русскаго литературнаго языка въ эту эпоху мы отмѣтили въ словарѣ и отчасти въ примѣчаніяхъ тѣ русскія реченія, варваризмы и неоло-

гизмы, которые употреблялись русскими переводчиками при передачѣ на родномъ языкѣ новой, не извѣстной у насъ въ старину литературной отрасли — драматической: въ такихъ случаяхъ русскія реченія сопоставляются прямо съ тѣми иностранными, для передачи которыхъ они служили.

За содѣйствіе, оказанное настоящему труду, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность принести глубокую благодарность Е. В. Барсову, О. М. Бодянскому, А. Ѳ. Бычкову, Я. К. Гроту и М. И. Сухомлинову.

Н. Тихонравовъ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКАГО ТЕАТРА
ВЪ ПЕРВЫЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ
ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Въ 1872-мъ году исполнилось двѣсти лѣтъ со дня основанія русскаго театра. Годъ, даровавшій Россіи царя-преобразователя, видѣлъ и зарожденіе въ московскомъ государствѣ этого могучаго двигателя народной образованности. Театръ устроился при дворѣ Алексѣя Михайловича при энергическомъ содѣйствіи знаменитаго покровителя второй супруги царя,—боярина Артемона Матвѣева, «который въ духовныхъ обученіяхъ и къ царской и святительской чести належащихъ гражданскихъ поступкахъ зѣло обрѣтался благоискусенъ.» Театръ московскаго государя не былъ случайнымъ явленіемъ среди того могучаго движенія къ ногому, которое обнимало русскую жизнь въ XVII столѣтіи. Новая «потѣха», отодвигавшая царя отъ благочестивыхъ развлеченій православной старины, отъ стиховъ верховыхъ богомольцевъ, отъ церковныхъ «дѣйствъ» прошедшаго, порывавшая его связи съ носителями народнаго русскаго комизма, скоморохами и домрачеями,—новая потѣха вызвана была не мимолетнымъ желаніемъ царя подивоваться на

игру иноземныхъ актеровъ, будто бы занесенныхъ въ Москву случаемъ. Возникновеніе театра при дворѣ Алексѣя Михайловича было однимъ изъ яркихъ знаменій новаго духа, разлагавшаго старую русскую косность и византійскую исключительность, которая столько вѣковъ сдерживала свободное развитіе творческихъ силъ русскаго народа. Среди иноземной «пестроты», входившей, къ ужасу старовѣровъ, въ русскую жизнь XVII вѣка, крупнымъ явленіемъ былъ театръ, отверженный стариннымъ благочестіемъ, проклятый, какъ «бѣсовская игра». Тяжелый для приверженцевъ православной русской старины XVII вѣкъ подрывалъ господство исключительной церковно-византійской догмы и открывалъ лучшее будущее для развитія русской литературы и искусства. Горько сѣтовали тогда отсталые старовѣры, что въ ихъ «послѣднія времена разслабѣли и облѣнились люди въ гоненіи трехъ враговъ: *міра, плоти и дьявола*». Но «пакость душевредная зѣло распространялась» предъ ихъ глазами: русскіе люди начинали «лакомо напаяваться отъ чужихъ возмущенныхъ водъ, наблеванныхъ прелестію, и забывали воду своихъ сосудовъ.»

Попытаемся возстановить существенныя характеристическія черты стараго русскаго театра,—одного изъ первыхъ благъ новаго просвѣщенія, возникшаго въ московскомъ государствѣ въ то время, когда Преобразователь Россіи лежалъ еще въ пеленахъ.

15 мая 1672 года, за двѣ недѣли до рожденія Петра Великаго, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ «пріятелю» Артемона Матвѣева, полковнику Николаю Ѳанъ-Стадену «ѣхать къ курляндскому Якубусу князю и, будучи въ курляндской землѣ, приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые-бъ руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и уче-

ныхъ, да которые-бъ умѣли всякія комедіи строить» [1]). Ѳанъ-Стадену было наказано въ памяти: «если онъ такихъ людей въ Курляндіи не добудетъ, и ему ѣхать для того во владѣніе короля свейскаго и въ прусскую землю». Съ жаромъ принялся Ѳанъ-Стаденъ за исполненіе порученія, возложеннаго на него царемъ: изъ Риги онъ завязалъ дѣятельныя сношенія съ нѣмецкими комедіантами; уже въ іюлѣ нанялъ въ Ригѣ восемь человѣкъ актеровъ, а въ октябрѣ порадовалъ Матвѣева извѣстіемъ, что успѣлъ подговорить «еще три человѣка молодыхъ, которые на всѣхъ играхъ играютъ, что никогда предь сего на Москвѣ не слыхано.» Судьба на первое время благопріятствовала артистическимъ поискамъ Ѳанъ-Стадена: «для потѣхъ царскаго величества» онъ успѣлъ пригласить въ Москву даже знаменитаго магистра Фельтена, именемъ котораго знаменуется цѣлый періодъ въ исторіи нѣмецкаго театра, и съ нимъ какого-то Чарлуса, повидимому, англичанина [2]). Стаденъ, именемъ царскаго величества, звалъ въ Москву и другую знаменитость того времени, пѣвицу Анну Паульсонъ, находившуюся тогда съ своею труппою въ Копенгагенѣ. Но дальній путь въ полудикую Московію пугалъ еще тогда нѣмцевъ. Не поѣхали рудознатцы, приглашенные Ѳанъ-Стаденомъ: «опасны были о томъ, что ихъ задержатъ; для того: услышали они, что черепиннаго майстера и свирѣльщика не отпускаютъ; а писалъ тотъ свирѣльщикъ женѣ своей, что ему на Москвѣ не добро: грозятъ де ево кнутомъ бить и Сибирью» [3]). Даже смѣлыя труппы странствующихъ актеровъ, привыкшія смотрѣть въ лицо опасностямъ далекихъ путе-

---

[1]) Въѣздныя дѣла москов. архива министерства иностранныхъ дѣлъ связка 10-я.

[2]) «Да онъ же Николай приговорилъ для потѣхъ царскаго величества экомедіантовъ, магистра Фельтона да Чарлуса съ *товарищи* 12 человѣкъ» (т. е. съ труппою).

[3]) Письмо Ѳанъ-Стадена Матвѣеву отъ 31 іюля 1672 года.

шествій, не рѣшились отправиться въ московское государство. Изъ пѣвцовъ и музыкантовъ, къ которымъ обращалась Паульсонъ, никто не хотѣлъ ѣхать въ Москву. Вѣроятно, подобныя же опасенія далекаго и небезопаснаго пути удержали и комедіантовъ, приглашенныхъ Ѳанъ-Стаденомъ. Ожиданія Алексѣя Михайловича и царскихъ воеводъ, которые должны были принять въ Псковѣ вызванныхъ комедіантовъ, были напрасны. Ѳанъ-Стаденъ успѣлъ вывезти съ собою въ Москву только одного трубача да четырехъ музыкантовъ.

Въ декабрѣ 1672 года возвратился Ѳанъ-Стаденъ въ Москву; за нѣсколько недѣль до его пріѣзда уже разыграна была въ присутствіи царя комедія объ Эсѳири [1], а въ Преображенскомъ стояла совсѣмъ отстроенная и снаряженная комидійная хоромипа. Чего пріятель Матвѣева не могъ вывезти изъ Риги и Стокгольма, то дала московскому государю—нѣмецкая слобода. Нетерпѣніе Алексѣя

---

[1]) Первое представленіе Эсѳири относится къ октябрю 1672 года. Оберъ-пасторъ московской еванг.-лютеран. церкви с. Михаила, Dr. Фехнеръ обязательно указалъ мнѣ на слѣдующее извѣстіе о первомъ представленіи Эсѳири при дворѣ Алексѣя Михайловича: «Das Kunstwerk Ahasver und Esther wurde glücklich beendet, ein Vierteljahr Deutsch und Russisch eingeübt und am 17 October 1672 aufgeführt, wobei Stunden lang der Zar unverwandten Blickes zusah und sowohl Gregorii als Verfasser, als des Doctor Blumentrost Sohn, der die Hauptrolle spielte, sehr belobte.» *Eine ecclesia militans in Moskau vor zwei Jahrhunderten.* (Berlin, 1863). Въ январѣ 1673 года пастору Грегори уже дано было *за это дѣйство* сорокъ соболей; въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря 1672 года, иноземецъ Фридришко Госенъ, *бывшій* по указу великаго государя *въ комидійномъ дѣйствѣ*, просилъ вправить его въ поруческій чинъ и дать ему жалованье, и 5 декабря 1672 г. царь пожаловалъ Госена, велѣлъ написать его въ прапорщики и дать ему жалованье. Кромѣ того Рингуберъ свидѣтельствуетъ, что онъ по приказанію царскаго величества наставлялъ (съ *мая* по *октябрь* 1672 года) въ exercitio comico дѣтей, которыя должны были дѣйствовать въ представленіи Эсѳири; что пасторъ Грегори противъ своей воли долженъ былъ написать *трагикомедію* «Есѳирь и Агасѳеръ», которая была представлена къ величайшему удовольствію царя въ Москвѣ 17 октября 1672 года». См. *Ernst der Fromme, Herzog zu Sachsen-Gotha und Altenburg. Ein Beitrag zur Geschichte des siebenzehnten Jahrhunderts von A. Beck*, s. 602.

Михайловича увидѣть при своемъ дворѣ комедію было такъ сильно, что едва Ѳанъ-Стаденъ успѣлъ выѣхать въ курляндскую землю за комедіантами, а царь, черезъ три дня послѣ рожденія Преобразователя, указалъ пастору московской лютеранской церкви, магистру Ягану Готфриду Грегори «учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь» (въ Преображенскомъ). Грегори успѣлъ уже обжиться въ Москвѣ, привыкнуть къ своему новому отчеству и, безъ сомнѣнія, достаточно освоиться съ русскимъ языкомъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ призвалъ его положить починъ комедійнымъ дѣйствамъ на Москвѣ. Уроженецъ Марбурга [1]), магистръ Іоганнъ Готфридъ Грегори присланъ былъ въ Москву въ 1662 г. саксонскимъ курфирстомъ Іоганномъ Георгомъ II, чтобы занять здѣсь мѣсто пастора при лютеранской церкви. «Человѣкъ отличной учености, благочестивый, замѣчательнаго ума», Грегори, «изъ любви къ слову божію, сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ: покинулъ родину, отцовскій кровъ, дѣтей и родныхъ и отдалъ жизнь свою множеству опасностей, повинуясь единственно призванію божію»:—такъ писалъ герцогъ саксонскій Христіанъ, вручая пастора особенной милости московскаго государя. «Строеніе комедіи» для магистра Грегори не было дѣломъ новымъ и неизвѣстнымъ. Въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ почти повсемѣстно существовалъ въ XVII вѣкѣ обычай—въ извѣстное время года устроивать публичное представленіе комедій. Многіе студенты, оставивши университетскія аудиторіи, прежде чѣмъ избрать себѣ опредѣленное занятіе, отдавали часто свои молодыя силы театру, вступая временно въ число актеровъ какой нибудь странствующей труппы. Можетъ

[1]) Büsching Magazin für die neue Historie und Geographie, XI, 527. По Кильбургеру (Краткое извѣстіе о россійской торговлѣ, пер. Языкова, стр. 197), Грегори родился въ Эйслебенѣ.

быть, и Грегори въ годы ученья «дѣйствовалъ» на какой нибудь школьной сценѣ. Онъ освѣжилъ, можетъ быть, лишь воспоминанія своей молодости, когда, вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловымъ, собралъ на Москвѣ «дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцовъ, всего 64 человѣка», и сталъ съ ними разучивать комедію объ Эсѳири, или такъ называемое «Артаксерксово дѣйство».

Нѣмецкая комедія понравилась великому государю; Грегори и комедіанты были щедро награждены. 21-го января 1673 года окольничій «Артемонъ Матвѣевъ объявилъ царскій указъ взять въ посольскій приказъ 40 соболей во 100 рублевъ, да пару въ восемь рублевъ, а изъ посольскаго приказу отдать тѣ соболи его великаго государя на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строенье, что объ Артаксерксовѣ царствованіи.» 6-го апрѣля того же года, на свѣтлой недѣлѣ были «у великаго государя у руки и видѣли его; великаго государя, пресвѣтлыя очи магистръ, пасторъ Яганъ Готфридъ, да учитель Юрья Михайловъ, да съ ними экомедіанты Артаксерксова дѣйства. А напередъ сего изъ посольскаго приказу пасторы и иноземческія дѣти великаго государя у руки не бывали.» Въ стола мѣсто пожаловалъ Алексѣй Михайловичъ комедіантовъ такъ, какъ давалось голландцамъ и гамбургцамъ, торговымъ иноземцамъ.. Самую комедію Артаксерксова дѣйства велѣно было переплести въ сафьянъ, съ золотомъ. Это было первымъ выраженіемъ покровительства московскаго государя драматическому искусству. Какой соблазнъ для православной русской старины! Какое торжество для иноземныхъ прелестей и новшествъ!

Грегори упрочилъ существованіе театра при дворѣ отца Петра Великаго. Въ 1673 году пасторъ стоялъ уже во главѣ цѣлой школы, въ которой начали учиться «ко-

медійному дѣлу» двадцать шесть человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, выбранныхъ въ комедіанты изъ новомѣщанской слободы. Переводчикъ посольскаго приказа, Георгъ Гивнеръ помогалъ Грегори въ «строеніи» и переводѣ комедій. За Артаксерксовымъ дѣйствомъ послѣдовали комедіи: Юдиѳь, Товій, малая прохладная комедія о превзрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ, жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ, Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязетъ и Тамерланъ. Школа нѣмецкой слободы дала русскихъ актеровъ для исполненія этихъ піэсъ, и «превысокая обыклая милость царскаго величества» неослабно поддерживала драматическія дѣйства «неискусныхъ отрочатъ», учениковъ лютеранскаго пастора.

Какой же репертуаръ далъ театру Алексѣя Михайловича саксонскій выходецъ?

Симпатическая личность магистра Грегори далека была отъ той клерикальной исключительности, которая въ современной ему Германіи не разъ разражалась проклятіями на театръ и отказывала въ причащеніи актерамъ. Духовная драма съ ея опредѣленными архаическими формами не стояла на первомъ планѣ въ небогатомъ запасѣ дѣйствъ и жалостныхъ комедій, которыя ставилъ на Москвѣ и въ Преображенскомъ пасторъ Грегори. Комедіи Симеона Полоцкаго ничего не имѣли общаго съ новыми нѣмецкими потѣхами, устроенными Матвѣевымъ. Такъ *комедія о царѣ Навуходоноссорѣ и трехъ отрокахъ, въ пещи не сожженныхъ* представляетъ слабое литературное развитіе «пещнаго дѣйства», которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ древней Россіи входило въ составъ извѣстнаго богослужебнаго чина. «Комидійное явленіе» этого церковнаго обряда ограничилось подъ перомъ Полоцкаго лишь нѣкоторымъ распространеніемъ стараго пещнаго дѣйства и переложеніемъ рѣчей дѣйствующихъ

лицъ въ силлабическія вирши. Съ большею свободою отнесся Полоцкій къ евангельскому разсказу въ своей *комедіи о блудномъ сынѣ*. Раздѣливши свою піэсу на шесть частей, онъ чувствовалъ необходимость послѣ каждой изъ нихъ «примѣсить нѣчто утѣхи ради»: онъ вставилъ въ антракты интермедіи и играніе. Но книжная комедія Полоцкаго не отрѣшилась отъ условій школьныхъ драмъ католической Польши.

Грегори поставлялъ передъ «честныя очи» великаго государя преимущественно «потѣшныя, радостныя комедіи». Нравоучительное направленіе, столь рѣзко выражающееся въ двухъ комедіяхъ Полоцкаго, почти незамѣтно въ піэсахъ Грегори. Онъ исполнилъ при дворѣ Алексѣя Михайловича жалостную комедію объ Адамѣ и Еввѣ, т. е. о паденіи и искупленіи человѣческаго рода; но онъ самъ выдвинулъ эту серьезную, строго выдержанную въ стилѣ духовной драмы, каноническую піэсу изъ ряда другихъ «дѣйствъ» своего репертуара. Онъ представилъ въ «прохладной комедіи» исторію Іосифа и Товія, которую еще Лютеръ совѣтовалъ облечь въ драматическую форму. Но для комедійной храмины московскаго государя Грегори искалъ піэсъ не въ школѣ, не въ отжившемъ свое время запасѣ мистерій и моралите, но въ средѣ тѣхъ комедіантовъ, которые пришли на европейскій материкъ изъ Англіи для того, чтобы оживить новымъ духомъ разрушавшуюся народную сцену средневѣковой Германіи, которые прошли эту страну вдоль и поперегъ, оставили глубокій слѣдъ въ драматической литературѣ и въ сценической практикѣ нѣмцевъ и подготовили эпоху Фельтена. Артаксерксово дѣйство, такъ восхитившее царя Алексѣя Михайловича, комедія объ Юдиѳи, Темиръ-Аксаково дѣйство носятъ на себѣ типическія черты такъ называемыхъ «англійскихъ комедій.»

«Англійскіе комедіанты» начали распространяться по Германіи въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка. Данія и богатые торговые города сѣверной Германіи первые подали этимъ пришлецамъ руку гостепріимства. Нидерланды служили главнымъ посредствующимъ звеномъ между Англіею и Германіею въ этомъ артистическомъ общеніи, дополняли новыми силами труппы заѣзжихъ актеровъ, и потому англійскіе комедіанты въ Германіи XVII столѣтія носятъ иногда названіе «англійскихъ и нидерландскихъ комедіантовъ», или же прямо выступаютъ подъ именемъ послѣднихъ [1]). Сначала они играли на англійскомъ языкѣ, кромѣ шута, который объяснялся на нижне-нѣмецкомъ; впослѣдствіи, смѣшавшись съ нѣмецкими актерами, «на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ» [2]). Уже въ первые годы XVII столѣтія искусство англійскихъ актеровъ пользовалось хорошею репутаціею въ Германіи. «Англія (писалъ профессоръ Целліусъ въ 1605 году) производитъ много отличныхъ музыкантовъ, комическихъ и трагическихъ актеровъ, которые очень опытны въ сценическомъ искусствѣ; нѣкоторые изъ нихъ иногда оставляютъ на время свою родину, предпринимаютъ путешествія къ иностраннымъ націямъ и показываютъ свое искусство при княжескихъ дворахъ» [3]). Съ теченіемъ времени при нѣмецкихъ дворахъ вошло въ моду держать англійскихъ комедіантовъ. Датскій король Фридрихъ II (1559—1588) имѣлъ у себя на службѣ труппу англійскихъ актеровъ, рекомендованную ему графомъ Лейчестеромъ. Въ 1591 году пріѣхала въ Голландію цѣлая труппа англійскихъ комедіантовъ и пустилась отсюда по Германіи «показывать свое искусство въ музыкѣ, въ представленіи комедій, трагедій и исторій». Нѣкоторые изъ членовъ этой

---

[1]) Devrient, Geschichte der deutschen Schauspielkunst I 151.

[2]) Genée, Geschichte der Shakspeareschen Dramen in Deutschland p. 19.

[3]) Elze, Die englische Sprache und Literatur in Deutschland, p. 22.

труппы остались въ Германіи надолго [1]), — обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что эта труппа находилась въ близкомъ отношеніи къ шекспировскому кружку [2]).

Саксонія въ XVII вѣкѣ особенно была извѣстна своимъ покровительствомъ англійскимъ актерамъ. Еще въ 1586 году вызваны были къ саксонскому двору изъ Даніи «англійскіе инструментисты» [3]). За ними въ самомъ началѣ XVII столѣтія являются сюда съ своими комедіями и англійскіе актеры [4]). Въ 1609 году саксонскій дворъ оказалъ имъ особенное покровительство: братъ курфирста принялъ на свое полное содержаніе труппу англійскихъ комедіантовъ. Въ 1605 и 1613 году въ Дрезденѣ играла англійская труппа, во главѣ которой стоялъ Іоаннъ Спенсеръ; онъ явился въ Саксонію съ самою лестною рекомендаціею курфирста бранденбургскаго [5]); впослѣдствіи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ игралъ при дворѣ короля польскаго; «честно и благопристойно исполнялъ свое дѣло» при матери эрцгерцога Карла, епископа бреславльскаго [6]); ѣздилъ потомъ съ своею труппою въ Ольмюцъ, игралъ наконецъ при дворѣ императора Матвѣя [7]). Быстро онѣмечивались странствовавшія по Германіи труппы англійскихъ актеровъ: они восполнялись нѣмцами; часто прямо составлялись труппы изъ нѣмцевъ и, усвоивши себѣ манеру игры и нѣкоторыя піэсы англійскихъ актеровъ, странствовали по Германіи подъ заманчивымъ для

---

[1]) Genée, l. c., p. 18.

[2]) Elze, l. c., p. 24.

[3]) Fürstenau, Zur Geschichte der Musik und des Theaters am Hofe der Kurfürsten von Sachsen, I, 69.

[4]) Ibidem. p. 76.

[5]) Ibidem. Devrient I, 153.

[6]) I D. Elwert, Theatergeschichte von Mähren, p. 26.

[7]) Fürstenau, I, p. 77.

того времени именемъ англійскихъ комедіантовъ. Въ 1626 году акробатъ Шиллингъ получилъ отъ курфирста саксонскаго патентъ на право показывать во всей его землѣ свое искусство, дѣйствовать комедіи (Komödien agiren) и показывать дикихъ звѣрей. Зять его, пикельгерингъ Ленгсфельдъ получилъ впослѣдствіи возобновленіе этого патента и съ своею труппою принятъ былъ къ саксонскому двору; хотя она состояла почти исключительно изъ нѣмцевъ [1]) и въ ней оставался одинъ только истый англичанинъ [2]), но репертуаръ ея состоялъ изъ «англійскихъ комедій.» Такъ въ 1626 году этими «Англичанами» представлены были при дрезденскомъ дворѣ: Ромео и Юлія, Юлій Цезарь, Гамлетъ, принцъ датскій, Лиръ, король англійскій, Шекспира, Dr. Фаустъ и Мальтійскій жидъ Марлова и рядомъ съ ними «англійскій комедіи»: Эсѳирь и Аманъ, Блудный сынъ, Амфитріонъ, Неистовый Орландъ и т. д. [3]). Въ 1671 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія комедійныхъ дѣйствъ въ Москвѣ, при саксонскомъ дворѣ продолжали играть «англійскіе комедіанты».

Англійскіе актеры принесли въ Германію XVII вѣка и новую сценическую постановку, и новую манеру игры, и наконецъ новый репертуаръ. Утрированный стиль въ изображеніи трагическаго характеризуетъ ихъ игру: они выкрикивали патетическіе монологи, «усердно пилили воздухъ руками»; «какой нибудь дюжій длинноволосый молодецъ разрывалъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка;» «въ словахъ и походкѣ они не походили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и орали такъ, какъ будто какой нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно:

---

[1]) Ibidem, p. 78. Devrient, I, 154.

[2]) Genée, p. 41.

[3]) Fürstenau, I. 96—97.

такъ ужасно подражали они человѣчеству». Такую характеристику англійскихъ актеровъ влагаетъ Шекспиръ въ уста Гамлету. Кровавыми, потрясающими сценами богаты были піэсы англійскихъ комедіантовъ, и онѣ разработывались съ особенною подробностію, развивались до послѣднихъ предѣловъ. Англійскіе актеры принесли съ собою и водворили на нѣмецкой сценѣ особую, самостоятельную фигуру шута: нѣсколько видоизмѣненный вліяніемъ Голландіи, получивши даже новое названіе—Пикельгеринга, шутъ въ теченіе цѣлаго XVII в. и даже далеко за его предѣлы былъ неограниченнымъ властелиномъ нѣмецкой сцены. Комическій элементъ не распредѣлялся между дѣйствующими лицами; онъ какъ бы прихлынулъ къ одному центру и собрался весь въ одномъ лицѣ шута. Грубое, ничѣмъ несдержанное шутовство смѣшивалось въ піэсахъ англійскихъ актеровъ съ кровавыми сценами и трагическимъ паѳосомъ. «Высокое представленіе перебивалось вздорными сценами, какъ сцены шутовъ и сраженій». Зрители стекались къ подмосткамъ, чтобы видѣть «великолѣпныя сцены», наслаждаться «сценами смѣшными и соблазнительными, слушать стукъ щитовъ, или любоваться молодцомъ въ длинномъ разноцвѣтномъ кафтанѣ съ желтою каймою», т. е. шутомъ [1]).

Среди труппъ странствовавшихъ актеровъ выработался въ Германіи XVII вѣка особый репертуаръ піэсъ, получившихъ модное названіе «англійскихъ комедій;» уже въ тридцатыхъ годахъ явились въ печати два тома «англійскихъ комедій и трагедій, представленныхъ Англичанами въ Германіи, при дворахъ королей, князей и курфирстовъ, также въ знатныхъ имперскихъ, примор-

---

[1]) Прологъ къ Генриху VIII, Шекспира.

скихъ и торговыхъ городахъ»[1]). Несомнѣнно, что піэсы, вошедшія въ составъ этого сборника, сложились въ Германіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ англійскихъ комедіантовъ, хотя и стоятъ въ довольно слабой связи съ классическими піэсами англійскихъ писателей. Изъ всѣхъ произведеній, внесенныхъ въ это изданіе, одинъ Титъ Андроникъ представляетъ переработку, и притомъ довольно жалкую, трагедіи Шекспира. Быть можетъ, комедіямъ и трагедіямъ этого сборника присвоено было названіе «англійскихъ», ради спекуляціи [2]); или же сюда занесены піэсы какой нибудь посредственной труппы англійскихъ комедіантовъ, давно жившей въ Нидерландахъ и Германіи, потерявшей связь съ современною имъ англійскою сценою и принявшей въ свой составъ нѣмцевъ [3]). Какъ бы то ни было, но въ Германіи XVII вѣка очень часто получали названіе «англійскихъ» не только комедіи и трагедіи, написанныя подъ вліяніемъ піэсъ и манеры англійскихъ комедіантовъ, но и такія, которыя успѣли осложниться другими вліяніями и чуждыми англійской сценѣ элементами [4]).

Возникши среди артистовъ по профессіи, дорожившихъ прежде всего силою сценическаго впечатлѣнія, «англійскія комедіи» отбросили стихотворную форму и одѣлись прозаическою рѣчью, какъ болѣе естественнымъ выраженіемъ жизни. Въ широкой, эпической формѣ развиваютъ онѣ передъ зрителями самое разнообразное содержаніе, заимствуя его изъ исторіи, новеллъ,

---

[1]) Gottsched, Nöthiger Vorrath zur Geschichte der deutschen dramatischen Dichtkunst, I, 182, 183, 189.

[2]) Мнѣніе Гервинуса. Geschichte der deutschen Dichtung (5 Aufl). III, 161.

[3]) Genée, p. 39.

[4]) Таковы напр. по большей части піэсы, вошедшія въ Liebeskampff oder ander Theil der englischen Comödien und Tragödien. Gottsched, Nöthig. Vorrath, I, 189. Въ этомъ видятъ вліяніе итальянскихъ и испанскихъ пастушескихъ піэсъ. Devrient I, 173—175.

сказокъ, рыцарскихъ романовъ. Бѣдные раскрытіемъ внутренняго міра человѣка, такъ называемыя «англійскія комедіи» часто представляютъ скорѣе разбитый на монологи разсказъ, нежели строго драматическое произведеніе: дѣйствующія лица движутся въ нихъ какъ куклы, безучастно отдаваясь ходу изображаемыхъ на сценѣ событій и произнося, точно на театрѣ маріонетокъ, свои длинныя рѣчи. *Такія* «англійскія комедіи» особенно были пригодны для «дѣтскаго дѣйствованія».

Въ печатныхъ нѣмецкихъ текстахъ «англійскихъ комедій» (1620, 1624 г.) не сгладились еще слѣды импровизаціи, которой отдавались часто англійскіе комедіанты особенно въ шуточныхъ сценахъ: «первый томъ (говоритъ Тикъ объ этомъ сборникѣ) заключаетъ нѣкоторыя изъ старыхъ англійскихъ піэсъ въ отвратительной нѣмецкой прозѣ, очень неисправно напечатанныхъ, и на такомъ языкѣ, какъ еслибъ кто нибудь записалъ импровизацію неискуснаго актера» [1]). Среди англійскихъ комедіантовъ драматическій писатель и актеръ совмѣщались нерѣдко въ одномъ лицѣ; это обстоятельство, свобода импровизаціи, близкія, часто искреннія и живыя отношенія къ сценическимъ писателямъ давали особенную силу игрѣ англійскихъ актеровъ. Профессоръ роднаго пастору Грегори марбургскаго университета, Ренанусъ (Рейнландъ), посѣтивши Англію, писалъ въ 1613 году: «Я замѣтилъ въ Англіи, что актеры ежедневно какъ бы поучаются въ школѣ; самые знаменитые изъ нихъ обращаются за наставленіями къ поэтамъ; это и придаетъ хорошо написаннымъ комедіямъ жизнь и красоту. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что англійскіе комедіанты (я говорю объ искусныхъ) имѣютъ преимущество передъ другими» [2]).

---

[1]) Tieck, Deutshes Theater, I, p. XXV.

[2]) Lynker, Geschichte des Theaters und der Musik in Kassel, s. 250.

*

Первыя «комедіи», разыгранныя при дворѣ Алексѣя Михайловича, представляютъ буквальные, часто тяжелые переводы тѣхъ нѣмецкихъ піэсъ [1]), которыя въ Германіи XVII вѣка ходили подъ названіемъ «англійскихъ трагедій и комедій». Не дошедшее до насъ «Артаксерксово дѣйство», можетъ быть, представленное въ Москвѣ еще на нѣмецкомъ языкѣ, по всей вѣроятности, есть «англійская комедія объ Эсѳири и Аманѣ», разыгранная при саксонскомъ дворѣ въ 1626 году и уже нашедшая себѣ мѣсто въ первомъ нѣмецкомъ сборникѣ «англійскихъ трагедій и комедій» (1620 г.). Держась съ строгою точностію библейскаго текста въ развитіи исторіи Эсѳири, піэса уже приняла въ себя существенныя свойства англійскаго репертуара. Смерть Амана на висѣлицѣ воспроизведена съ мелкими подробностями передъ глазами зрителя [2]). Рядомъ съ драматическимъ событіемъ, развивающимся при дворѣ царя Артаксеркса, черезъ всю піэсу льется самостоятельной струею исторія супружескихъ отношеній Ганса *Knapkäse*, обильная шутовскими выходками, драками и напоминающая нѣкоторыми подробностями *Укрощеніе строптивой* Шекспира. Сила комическаго элемента,—шутовства, особенно поражала зрителей «Артаксерксова дѣйства» Грегори, и Рейтенфельсъ въ своихъ запискахъ о Россіи замѣтилъ, что представленная при дворѣ Алексѣя Михайловича исторія Эсѳири написана была «комически».

Съ полной силою выступаютъ типическія принадлежности «англійскихъ комедій» въ испещренной германизмами [3]) Юдиѳи. Солдатъ Сусакимъ въ этой піэсѣ—не-

[1]) Прологи къ этимъ піэсамъ написаны въ Москвѣ.

[2]) Ср. Devrient. s. 169. Первые два акта нѣмецкой Эсѳири, по тексту 1620 г., вполнѣ перепечатаны у Genée, s. 247—368.

[3]) Изъ множества примѣровъ приводимъ нѣсколько: *безпохвальный народъ* (unlöbliches Volk); кровію оное *истребимъ* (vertilgen); отомщуся *надъ* сими псами; вѣнцы *осажденные* (besetzt); *осадятъ* пути стражею;

измѣнный шутъ (Пикельгерингъ, lustige Person) «англійскихъ» комедій. Онъ сыплетъ свои часто грязныя, площадныя шутки среди медленно, эпически развивающагося дѣйствія [1]. Узами кровнаго родства связанный съ Гансвурстомъ, Сусакимъ только и думаетъ о «свиныхъ жаринахъ и колбасахъ» и возбуждаетъ въ своихъ сослуживцахъ опасеніе, что онъ самъ «скоро превратится въ свиное мясо». Шутовство не только не покидаетъ Сусакима, но разыгрывается съ новою силою, когда онъ «смерть свою предъ очами видитъ», когда онъ знаетъ, что грозный «майстеръ Никель,—се есть палачъ,—въ провожатыхъ ему постановленъ» [2]. Въ русской Юдиѳи является даже лисій хвостъ,—этотъ неизмѣнный аттрибутъ нѣмецкаго Гансвурста [3]. Длинная комическая сцена казни шута разработана съ особенною подробностію. Сусакима кладутъ на землю, и палачъ, вмѣсто меча, ударяетъ его по шеѣ лисьимъ хвостомъ; шутъ черезъ нѣсколько минутъ поднимается на ноги, начинаетъ вездѣ искать своей головы и «покорно, безъ шляпы» проситъ зрителей, чтобъ ему возвратили голову, «аще ли кто изъ любви и пріятства ее скрылъ» [4]. При томъ развитіи, какое имѣла импровизація въ «англійскихъ комедіяхъ», нравившіяся зрителямъ шутовскія сцены часто переносились изъ одной піэсы въ другую цѣликомъ [5]. Забавная сцена казни лисьимъ хвостомъ (или платкомъ), вмѣсто меча, и за тѣмъ исканіе своей головы принадлежали, повидимому, къ числу любимыхъ

живи благо (lebe wohl); *отключити* (aufschliessen). Собственныя имена часто оставлены въ нѣмецкой формѣ: *Кананитейскаю,* въ *Нинивѣ*, и т. д.

[1]) Монологи дѣйствующихъ лицъ, заимствованные цѣликомъ изъ библіи, въ русской Юдиѳи переданы по тексту славянской библіи.

[2]) Русскія драм. произвед. I, 158.

[3]) Prutz, Vorlesungen über die Geschichte des deutschen Theaters, s. 179.

[4]) Русскія драм. произвед. I, 185—6.

[5]) Devrient, I, 161.

потѣхъ нѣмецкаго народнаго театра. По крайней мѣрѣ еще въ первой четверти XVIII столѣтія въ одной изъ вѣнскихъ Haupt- und Staatsactionen воспроизведенъ этотъ комическій эпизодъ Юдиѳи, потѣшавшій нѣкогда царя Алексѣя Михайловича [1]).

Но не одно развитіе шутовства выдвигаетъ Юдиѳь въ область такъ называемыхъ «англійскихъ комедій»; піэса не бѣдна и другими признаками, характеризующими репертуаръ «англійскихъ» актеровъ Германіи. Между ними прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мелодраматическій элементъ «англійскихъ комедій и трагедій». Если находили неумѣстнымъ вставлять между отдѣльными дѣйствіями піэсы шутовскія сцены Пикельгеринга, то междудѣйствія (или междусѣнія) наполнялись пѣснями на одинъ голосъ. Въ русской Юдиѳи между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ вставлена именно такая *Singetspiel:* поддавшіеся власти Олоферна цари сѣтуютъ на свою горькую судьбу и въ заключеніе «междосѣнія» каждый изъ нихъ поетъ особый «стихъ»—«зѣло жалобно» [2]). Даже любимый, иногда до излишества употребляемый въ «англійскихъ» комедіяхъ пріемъ, игра съ эхо [3]), отзывается въ Юдиѳи [4]). Наконецъ,—и это заслуживаетъ особеннаго вниманія,—въ эту піэсу вставлены, хотя и не въ изобиліи, руководящія указанія актерамъ, занимавшія такое важное мѣсто въ сценической практикѣ англійскихъ комедіантовъ [5]): видно, что

---

[1]) Weiss, Die Wiener Haupt- und Staatsactionen, s. 67.

[2]) Русскія драм. произвед. I, 127.

[3]) Devrient, I, 186.

[4]) «Получила,» говоритъ Рагавъ; Олоферну слышится: «убила.» Русск. драм. произвед. I, 195.

[5]) Савалъ говоритъ съ Олоферномъ, «дрожаще, якобы *ужаснулся*» (стр. 99); «Салманъ освобожденъ и челомъ бьетъ (стр. 107); Ванея съ товарищи отступятъ *со смѣхомъ;* тогда приподнимается Сусакимъ и *со страхомъ* речетъ (стр. 185); Олоѳернъ говоритъ *яко пьяный* (стр. 194); иные же *тихо* отходятъ» (стр. 195).

«Юдиеь» шла изъ труппы актеровъ по профессіи, въ средѣ которыхъ авторъ піэсы считалъ своею обязанностію преподать кое-какія наставленія ея сценическимъ исполнителямъ.

Въ Темиръ-Аксаковомъ дѣйствѣ, которое было представлено у великаго государя «на верху» и, повидимому, подверглось значительнымъ сокращеніямъ подъ перомъ русскихъ переводчиковъ, столь же опредѣленно выступаютъ отличительныя черты «англійскихъ» комедій, черты, роднящія это дѣйство съ драмами Якова Айрера и герцога Гейнриха Юліуса брауншвейгскаго съ одной стороны, съ позднѣйшими дѣйствами (Haupt- und Staatsactionen) странствующихъ нѣмецкихъ труппъ съ другой. Піэса открывается «стрѣляніемъ, рекетами огненными, дѣйствіемъ пушечнаго наряда.» Несмотря на скромный свой объемъ, комедія о Баязетѣ и Тамерланѣ не оставила зрителей безъ кровавыхъ сценъ: лазутчику на сценѣ отсѣкаютъ голову; взятый въ плѣнъ Баязетъ бьется головою объ стѣны желѣзной клѣтки, въ которую заключенъ, «пока голову всю сокрушитъ, такъ что мозгъ видѣть.» На сценѣ происходитъ сраженіе. Рядомъ съ Пикельгерингомъ, который является въ этомъ дѣйствѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ и выдѣлываетъ съ солдатами свои lazzi, въ Баязетѣ выведенъ другой комическій типъ народнаго нѣмецкаго театра, получившій въ XVIII вѣкѣ особенное развитіе въ фарсахъ даровитаго Страницкаго, типъ мужика-простофили. Подъ перомъ русскихъ переводчиковъ эта личность удержала даже свое нарицательное названіе Телпелъ (Tölpel), принятое, можетъ быть, московскими сотрудниками Грегори за собственное имя. Наконецъ комическая сцена между солдатами и Пикельгерингомъ завершается обычными «боемъ и воплемъ» [1]; безъ которыхъ шутъ рѣдко схо-

[1] «Здѣ падутъ на землю обои, бьютъ и вопятъ.» Русск. драм. произв. I, 219.

дилъ съ подмостокъ нѣмецкаго театра. Такимъ образомъ «англійскіе комедіанты» своими отдаленными отпрысками коснулись русскаго театра при самомъ его зарожденіи.

Съ смертію царя Алексѣя Михайловича заглохло и надолго комедійное дѣло на Москвѣ. Въ декабрѣ 1676 года Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ «очистить палаты, которыя были заняты на комедію» [1]).

Протекла четверть вѣка, прежде чѣмъ Преобразователь возстановилъ пренебреженное нововведеніе своего отца. Эта четверть вѣка не даромъ прошла для московскаго государства. Успѣхи преобразовательной дѣятельности московскихъ государей, успѣхи новаго просвѣщенія выразились и въ новомъ воззрѣніи на драматическое искусство. Петръ Великій выдвинулъ театръ изъ царскаго дворца на площадь, перенесъ его съ недоступнаго для большинства «верху» въ среду «охотныхъ смотрѣльщиковъ», въ среду «всякаго чина людей»: царская «потѣха» понята была теперь какъ насущная потребность образованнаго народа.

Въ декабрѣ 1701 года въ посольскомъ приказѣ полученъ былъ изъ Воронежа царскій указъ сказать выѣхавшему (изъ Венгріи) комедіанту Яну Сплавскому, «чтобъ онъ къ тѣмъ комедіантамъ, которыхъ онъ во Гданску приговорилъ, писалъ отъ себя черезъ почту о немедленномъ пріѣздѣ имъ въ Москву.» Въ январѣ слѣдующаго года Сплавскій получилъ разрѣшеніе самому ѣхать въ Польшу за комедіантами. Въ Данцигѣ онъ заключилъ договоръ съ принципаломъ одной изъ странствующихъ труппъ Іоганномъ Кунштомъ, и въ іюнѣ 1702 года этотъ новый «царскаго величества комедіантскій пра-

---

[1]) Этотъ указъ напечатанъ въ книгѣ г. Замысловскаго: Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, I, Прил., стр. IV.

витель» пріѣхалъ въ Москву [1]). Мѣсто Матвѣева въ управленіи театральнымъ дѣломъ занялъ при Петрѣ Головинъ; дьяки посольскаго приказа должны были принимать особенное участіе въ осуществленіи царской воли. При стукѣ топора и подъ громомъ пушекъ отдавалъ Петръ свои распоряженія объ устройствѣ театра въ Москвѣ. До царя дошло извѣстіе, что шведы собираются вторично и съ бо̀льшими силами къ Архангельску, и 18 апрѣля Петръ самъ съ большою свитою и двумя батальонами гвардіи двинулся къ «городу.» Съ пути отъ Двинки малой Головинъ (6 августа) приказалъ дьякамъ Посольскаго приказа строить комедійный домъ въ Кремлѣ, «въѣхавъ въ Никольскія ворота на лѣвой сторонѣ» [2]). Заочно выбранное мѣсто дьяки нашли неудобнымъ для постройки: «наношено кирпичу, и всякаго лому и земли отъ старыхъ палатъ великія горы.» Получивши донесеніе дьяковъ, Головинъ приказалъ построить комедіальную хоромину па Красной площади близь тріумфальныхъ избъ. Дьяки поражены были выборомъ такого «знатнаго мѣста»—для комедіи. Они уже давно тяготились такимъ «необычнымъ» для себя и ничтожнымъ дѣломъ, каково строеніе комедіи; теперь они рѣшились просить, чтобъ оно передано было въ оружейную палату: «волочиться, государь, не можемъ». Головинъ отвѣчалъ па ихъ жалобы: «О комѐдіи, что дѣлать велѣно, вельми скучаете? Гораздо вы утѣснены дѣлами? Кажется, здѣсь суетнѣе и безпокойнѣе вашего,—дѣлаютъ безскучно. Какъ напередъ сего къ вамъ писано, дѣлайте и спѣшите къ пришествію великаго государя анбаръ построить. Скучно вамъ стало!» [3]) Выборъ Красной площади для «комедіаль-

---

[1]) Внѣздния дѣла моск. архива мин. иностран. дѣлъ.

[2]) Есиповъ, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, II, 311.

[3]) Тамъ же, стр. 312.

наго анбара» снова смутилъ дьяковъ. «Въ томъ мѣстѣ (доносили они Головину) подъ то строеніе земли столько не будетъ, а если по нуждѣ и построится, и отъ той хоромины площадь и тріумфальныя свѣтлицы заставятся, а лѣсъ, государь, весьма дорогъ.» Дьяки не могли помириться съ мыслію отдать «знатное мѣсто» подъ малое, «ничтожное дѣло» и расточать царскую казну на «утѣшныя дѣла» сомнительнаго свойства. «Комедіантъ совершенный ли мастеръ (докладывали они Головину)—и съ утѣшныя дѣла станетъ ли подлинно, невѣдомо и опыту ему не было.... А какую комедію готовитъ, тому принесъ нѣмецкое письмо; а по разговорамъ, государь, переводчиковъ слышимъ, что мало въ ней пристоинства. И если, государь, хоромы въ такомъ знатномъ мѣстѣ и великимъ иждивеніемъ построятъ, а дѣло у нихъ будетъ малое, и за то, государь, опасны твоему гнѣву.» Но воля царя была неизмѣнна. Изъ подъ Нотебурга за три дня до штурма крѣпости Головинъ лаконически отвѣтилъ дьякамъ: «О комедіи и о комедіантахъ учините по прежнему моему о томъ къ вамъ письму.» Черезъ два мѣсяца комедіальная храмина на Красной площади была «совершена.»

«Великаго иждивенія» не пожалѣли. Новая комедіальная храмина Москвы должна была послужить зерномъ будущаго народнаго театра. Первымъ условіемъ новой комедіи поставленъ былъ русскій языкъ. «Комедію отправлять ему на нѣмецкомъ языкѣ?»—спрашиваютъ дьяки Головина, и онъ отвѣчаетъ: «Надобно, конечно, на русскомъ. И тому Сплавскому, какъ посулилъ, чтобъ такихъ вывезъ, приказано,—чтобъ умѣли исполнить!» Труппа Куншта должна была подготовить русскихъ актеровъ для комедіальной храмины. Въ началѣ октября 1702 года «взяты въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ дѣйствъ разныхъ приказовъ подьячіе, и ска-

занъ имъ его, великаго государя, указъ, чтобъ они комедіямъ учились у комедіянта Ягана Кунштa, и были бъ ему, комедіянту въ томъ ученіи послушны.» Куншту въ свою очередь объявлено, чтобъ «онъ ихъ комедіямъ всякимъ училъ съ добрымъ раденіемъ и со всякимъ откровеніемъ.» Русскимъ ученикамъ комедіянта положено было жалованье, «смотря по персонамъ: за кемъ дела больше, тому дать больше; а за кемъ дела меньше, тому меньше.» Съ первыхъ чиселъ октября подьячіе начали учиться «комедіянтскимъ наукамъ.»

Репертуаръ Кунштовой труппы возвращаетъ насъ къ сценической деятельности магистра лейпцигскаго университета Фельтена.

Драматическая литература Германіи во второй половине XVII века приняла строго-изолированное положеніе относительно народнаго театра. Приковавшись къ двору или къ школе, она не давала народной сцене никакого живаго содержанія. Ученые представители драматической литературы отвернулись отъ народа и отдали свой высокопарный, неестественный александрійскій стихъ служенію двора и чуждымъ образцамъ. Разрывъ между драматической литературой и народнымъ театромъ былъ полный и решительный. Литература какъ бы забыла естественное назначеніе драмы,—представленіе ея на сцене; появилась драма книжная, неудобная, невозможная для представленія. Странствующіе актеры Германіи не могли обречь себя на служеніе этимъ выродкамъ драматической литературы, совершенно оторваннымъ отъ національнаго корня, заменявшимъ драматическую жизнь учеными речами, или политическимъ резонерствомъ. Раздавленный тридцатилетнею войною, старый народный театръ Германіи былъ заброшенъ. Къ концу XVII века блестящія безделки,—оперы, балеты, пастушескія драмы и Wirthschaften заслоняли при дворяхъ драму въ соб-

ственномъ смыслѣ. Рядомъ съ ними росли роскошно обставленныя, ослѣпительныя для глаза ludi caesarei iезуитовъ. Фельтенъ нашелъ въ репертуарѣ народнаго театра лишь такъ называемыя «англійскія комедіи» и, при совершенномъ разобщеніи драматической литературы съ народной сценой, поставленъ былъ въ необходимость создать для своей труппы репертуаръ. Онъ принялъ на свою сцену нѣкоторыя піэсы Грифіуса, но ихъ блестящая риторика не удовлетворяла ни зрителей Фельтеновскаго театра, ни самого принципала, одареннаго сценическимъ тактомъ и литературнымъ вкусомъ. Въ Гамбургѣ въ послѣдней четверти XVII вѣка начала развиваться нѣмецкая опера. Расточительной сценѣ нѣмецкихъ дворовъ съ операми и балетами Фельтенъ противупоставилъ репертуаръ, который служилъ какъ бы завершеніемъ нѣмецкаго средневѣковаго театра. Полный вѣры въ студентовъ, изъ которыхъ состояла его труппа, съ юношескимъ увлеченіемъ отдался Фельтенъ своей задачѣ возстановить театръ, смятый тѣмъ новымъ порядкомъ вещей, который водворился въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны. Онъ продолжалъ развитіе нѣмецкаго театра въ направленіи, данномъ «англійскими комедіантами», и среди странствующихъ нѣмецкихъ труппъ выросъ, на сценѣ, а не въ книгахъ, новый репертуаръ, новая,—сказали бы мы,—отрасль драматической литературы, если-бъ эти произведенія,—результатъ горячей дѣятельности, часто импровизаціи актеровъ,—имѣли претензію войти въ литературу путемъ печати. Фельтенъ почти совершенно отрѣшился отъ современной ему драматической литературы и смѣлою рукою уничтожилъ зависимость своей сцены отъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Онъ мечталъ совмѣстить въ одномъ лицѣ и актера, и драматическаго поэта. Вѣрный преданіямъ народной сцены, Фельтенъ охранялъ

остатки старой духовной драмы, хотя и подставлялъ къ нимъ Пикельгеринга, уже упроченнаго на нѣмецкой сценѣ англійскими комедіантами. Стиль и существенныя принадлежности такъ называемыхъ англійскихъ комедій не потерпѣли особенно существенныхъ измѣненій подъ перомъ Фельтена и его ближайшихъ продолжателей. Развитіе придворной оперы и балета внесло лишь новые элементы въ піэсы знаменитаго принципала и осложнило ихъ и безъ того пестрый составъ. Почти четверть вѣка [1]) отдалъ Фельтенъ скитальческой дѣятельности актера и неустанной выработкѣ репертуара для своего артистическаго кружка: труппы странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ получили такимъ образомъ запасъ новыхъ, оригинальныхъ піэсъ, часто не закрѣпленныхъ не только печатью, но даже и перомъ въ окончательно-опредѣленныя рамки, піэсъ безформенныхъ, совмѣщавшихъ въ себѣ самые разнообразные элементы, начиная отъ обрывковъ классическихъ трагедій и комедій, импровизацій Гансвурста, и кончая итальянскими аріями и французскими балетами. Обладая основательнымъ знаніемъ французскаго, испанскаго и итальянскаго языковъ, Фельтенъ бралъ *сюжеты* для своихъ піэсъ изъ какого нибудь литературнаго произведенія, удерживалъ изъ него лишь общій очеркъ, канву піэсы и на ней выводилъ свои оригинальные узоры. Ложно-классическая трагедія французовъ теряла при этой обработкѣ свои основныя свойства: она получала враждебный ей плебейскій отпечатокъ; она поступалась псевдоклассическими правилами фривольному ходу англійскихъ комедій, получала балаганный характеръ. Крупныя, почти каррикатурныя черты принялъ на себя Поліэвктъ Корнеля, прежде чѣмъ явился на той нѣмецкой сценѣ, на кото-

[1]) Имя Фельтена, какъ актера, встрѣчается въ первый разъ въ 1669 году; онъ умеръ между 1694 и 1696 годами.

рой дебютировалъ Фельтенъ. Новый репертуаръ создался среди труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ, совокупными усиліями, собирательнымъ творчествомъ этихъ сценическихъ рапсодовъ XVII столѣтія. Этотъ репертуаръ передавался изъ одной труппы въ другую, отъ одного поколѣнія актеровъ къ другому, не всегда въ окончательно-выработанной литературной формѣ, часто въ «перечняхъ» въ общихъ очеркахъ, вызывая необходимость импровизированныхъ дополненій. Эти піэсы, эти Haupt-und Staatsactionen были дальнѣйшимъ и крайнимъ развитіемъ такъ называемыхъ англійскихъ комедій, хотя на нихъ отразились уже и позднѣйшія вліянія: нѣмецкой оперы и отчасти іезуитскихъ піэсъ [1]). Поддерживая и принаравливая къ грубому вкусу своего времени остатки старой духовной драмы, Фельтенъ посвятилъ себя преимущественно выработкѣ пресловутыхъ Haupt- und Staatsactionen и, давши широкое развитіе импровизаціи актера, внесъ новую жизнь въ старый репертуаръ народнаго театра. Дѣйствующія лица этихъ Haupt-und Staatsactionen избирались изъ людей знаменитыхъ:— героевъ, царей, великихъ завоевателей, тирановъ, славныхъ разбойниковъ. Кровавыя сцены «англійскихъ» комедій, ихъ экзальтированный паѳосъ воскресли въ новыхъ піэсахъ Фельтена и его странствующихъ послѣдователей. Въ выборѣ дѣйствующихъ лицъ сходясь съ современной драматическою литературою, Haupt-und Staatsactionen часто подражали бомбасту и высокопарнымъ монологамъ модныхъ нѣмецкихъ писателей. Исторія античнаго и христіанскаго міра, даже громкія историческія событія современности давали сюжетъ этимъ «главнымъ дѣйствамъ», которыя любили вводить народъ въ идеальное общеніе съ людьми, наполнявшими міръ своею славою. Къ сценѣ странствующихъ актеровъ зрители сте-

[1]) Devrient I, 238.

кались не для художественнаго наслажденія, а ради того сюжета, который на ней изображался: «желали видѣть собственными глазами событіе, о которомъ слышали и, можетъ быть, читали; хотѣли собственными ушами слышать рѣчь героевъ или героинь и отдавались, какъ дѣти, пріятному обольщенію» [1]). Вскорѣ послѣ того, какъ пронеслась по Германіи вѣсть о внезапной, загадочной смерти Карла XII, среди странствующей труппы, преемницы трудовъ и начинаній Фельтена, уже разыгрывалась Haupt- und Staatsaction: *Карлъ XII передъ Фридрихсгалломъ*. Прошло какихъ-нибудь четыре года со времени паденія знаменитаго пособника Петра Великаго, дитяти его сердца, а придворный баденскій комедіантъ Титусъ Маасъ приглашалъ смотрѣть «достойное посѣщенія, совершенно вновь выработанное дѣйство (Hauptaction), подъ заглавіемъ: замѣчательная игра счастія и несчастія съ княземъ Алексѣемъ (sic!) Даниловичемъ Меншиковымъ, великимъ фаворитомъ, кабинетъминистромъ и генераломъ преславной памяти Петра перваго, царя московскаго, нынѣ же съ высочайшихъ степеней величія низвергнутымъ въ глубочайшую пропасть злополучія, истиннаго Велизарія, съ Гансвурстомъ» и т. д. Впрочемъ обращеніе къ ближайшей современности за сюжетами для дѣйствъ развилось у преемниковъ Фельтена.

Но главнымъ героемъ въ Haupt- und Staatsactionen остается Пикельгерингъ «англійскихъ» комедій, Гансвурстъ. Импровизація, которой Фельтенъ далъ развитіе на сценѣ, открыла этому любимому типу «англійскихъ» комедій еще болѣе широкое поприще дѣятельности. Съ лисьимъ хвостомъ, вмѣсто меча, стоитъ этотъ представитель народнаго остроумія рядомъ съ историческими героями древности и великими двигателями современной

[1]) Lindner, Karl der Zwölfte vor Friedrichshall, s. 56.

жизни: онъ съ ними на короткой ногѣ; площадной цинизмъ его рѣчи вторгается въ патетическіе монологи вѣнчанныхъ героевъ, и его грубыя продѣлки перекрещиваются съ дѣяніями Сципіона, Александра Великаго, царя Соломона, свят. Непомука и трирской графини Геновевы. Наконецъ особымъ, добавочнымъ элементомъ входятъ въ эти дѣйства, въ этотъ сценическій калейдоскопъ танцы, аріи, хоры, сраженія, фейерверки.

Принципалъ комедіальной храмины Петра Великаго, принадлежа къ одной изъ труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ, вышелъ изъ школы Фельтена, воспитался въ ея преданіяхъ. Труппу, съ которою онъ пріѣхалъ въ Москву, Кунштъ составилъ отчасти въ Варшавѣ, отчасти въ Штольценбергѣ; музыканты частію вызваны были въ Москву изъ Гамбурга, знаменитаго въ то время своею оперой, частію высланы княземъ Григоріемъ Огинскимъ. Саксонія и Гамбургъ были любимымъ поприщемъ дѣятельности Фельтена въ послѣдніе годы его жизни. Осенью 1685 года труппа Фельтена даже осѣлась на нѣкоторое время въ Дрезденѣ; въ Германіи устроился такимъ образомъ первый придворный театръ [1]). Фельтенъ съузилъ теперь границы импровизаціи, закрѣпилъ діалоги своихъ «нѣмецкихъ комедій»; увеличилъ число піэсъ Мольера въ своемъ репертуарѣ. Онъ получилъ отъ курфирста саксонскаго особенную привилегію для своей труппы; въ 1696 году, когда курфирстъ сдѣлался и королемъ польскимъ, привилегія, данная труппѣ Фельтена, распространена была и на Польшу [2]). Знаменитаго принципала уже не было въ живыхъ, но труппа его занесла репертуаръ и направленіе его и въ Польшу.

---

1) Devrient, 257.

2) Ibid, 267. Въ 1702 году труппа Фельтена играла въ Гамбургѣ, именуя себя: Königlich Polnische und Churfürstlich Sächsische Hof-Komödianten. Schütz, Hamburgische Theater-Geschichte, s. 35.

Послѣдніе годы своей жизни онъ снова провелъ въ скитальчествѣ. Онъ посѣтилъ Гамбургъ; блескъ нѣмецкой оперы сообщилъ новый оттѣнокъ піэсамъ его труппы. Съ другой стороны, при Августѣ II усиливалось вліяніе французской драматической литературы. Въ 1700 году ко двору польскаго короля приглашена была изъ Парижа большая труппа французскихъ актеровъ; она играла и въ Краковѣ, и въ Варшавѣ; съ 1702 года въ этомъ послѣднемъ городѣ стали играть итальянскіе комедіанты [1]).

Репертуаръ Фельтеновой труппы [2]), манера ея игры, установленныя ею отношенія актеровъ къ принципалу—все это перенесено было Куништомъ въ Москву. «Царскаго величества комедіантскій правитель» былъ и актеромъ, и авторомъ. Онъ «обязывался царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами угодить и къ тому всегда бодрому, готовому и должному быть». Онъ не прочь былъ «въ недѣлю изготовить на письмѣ новую, невиданную и неслыханную комедію». Студіозусы, какъ и въ блестящую эпоху дѣятельности Фельтена, входили въ составъ Куништовой труппы. Строгое подчиненіе принципалу и старшимъ по службѣ актерамъ постановлено было въ обязанность комедіантамъ. Въ московскомъ государствѣ Куништу пришлось отступиться отъ одного, освященнаго давностію, обычая странствующихъ комедіантовъ: онъ долженъ былъ выдать переводчикамъ посольскаго приказа тексты своихъ піэсъ, ко-

---

[1]) Fürstenau, Zur Geschichte der Musik und des Theaters am Hofe der Kurfürsten von Sachsen und Könige von Polen, II, s. 31.

[2]) Представляемъ: а) списокъ піэсъ, переведенныхъ для московской сцены конца XVII и начала XVIII вѣка въ посольскомъ приказѣ, и в) перечень репертуара Фельтена. А) «Описаніе комедіямъ, что какихъ есть въ посольскомъ приказѣ: 1) О Александрѣ македонскомъ (О крѣпости Грубетона, въ нейже первая персона Александръ македонскій); 2) О графинѣ тріерской Геновевѣ; 3) О честномъ измѣнникѣ, въ нейже первая персона арцухъ Фридерикъ фонъ-Поплей; 4) О Фрациалпеѣ, королѣ эпирскомъ, и о Миран-

торыя изъ финансовыхъ выгодъ ревниво охранялись актерами отъ постороннихъ глазъ [1]). «Не долженъ есмь (писалъ Кунштъ дьякамъ Посольскаго приказа) комедiи свои отдавать и переводить, наипаче русскихъ научать; вѣжества же ради не отказываю». Отъ импровизацiи, повидимому, не вполнѣ отказалась и Кунштова труппа: нѣкоторыя изъ «шутовскихъ» комедiй, отданныхъ имъ въ Посольскiй приказъ, были «перечневыя» т. е. въ нихъ наброшены были лишь очерки сценъ; полнаго же литературнаго изложенiя оныхъ не было [2]). Въ дѣйствахъ Кунштовой труппы внутренняя характеристика дѣйствующихъ лицъ была слаба: ими, какъ куклами, управляла таинственная рука судьбы. Лессингъ справедливо замѣтилъ, что Haupt- und Staatsactionen «вѣрно подражали лишь одной половинѣ природы, совершенно пренебрегая другою: они подражали природѣ явленiй, не обращая никакого вниманiя на природу нашихъ ощущенiй и душевныхъ силъ». Если на передачу душевныхъ движенiй человѣка мало обращали вниманiя странствующiя труппы, за то внѣшнiе прiемы сценической игры опре-

---

донѣ, сынѣ его; 5) Тюрьмовый заключникъ, или принцъ Пикельгерингъ (О принцѣ Пикельгерингѣ или Жодолетѣ); 6) Донъ Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ, дочь его (О Донъ-Педрѣ и Донъ Янѣ); 7) Сципiй африканскiй, погубленiе королевы Софонисбы; 8) Прельщенный любящiй; 9) Два завоеванные города, въ нейже первая персона Iюлiй Цесарь; 10) Постоянный Папинiанусъ; 11) Порода Геркулесова, въ нейже первая персона Юпитеръ; 12) О Баязетѣ и Тамерланѣ; 13) О докторѣ битомъ (Докторъ принужденный). В). Къ пiэсамъ Фельтеновской труппы принадлежали: 1) Don Juan oder des Don Pedro Todtengastmahl; 2) von Genoveva; 3) von dem grossen Rechtsgelehrten Papiniano; 4) von des Alexanders Liebeskrieg; 5) der gezwungene Arzt. Эти пiэсы были играны Фельтеномъ въ Торгау въ 1690 году. Devrient 1, 263. *Принцъ-Пикельгерингъ* также находился въ числѣ комедiй Фельтена. Flögel, Geschichte der komischen Literatur. IV, s. 320.

[1]) Gottsched, Nöthiger Vorrath, I, 12; II, 16.

[2]) Въ перечнѣ Посольскаго приказа замѣчено: «шутовская (комедiя) *о Тенерѣ, Лизетинѣ отцѣ, винопродавцѣ*—перечневая; шутовская *о Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ съ дочерью*—перечневая».

дѣлены были у нихъ строгими правилами. Новичку, желавшему вступить въ труппу актеровъ, прежде всего предлагался вопросъ: умѣетъ ли онъ обращаться съ жезломъ полководца и прилично управлять имъ? Способъ выхода на сцену и удаленія съ нея, позиція, которую должно было сохранять во время разговора; манеры, которыя слѣдовало соблюдать въ различныхъ роляхъ, однимъ словомъ,—то, что русскіе ученики Куншта называли «кумплементами», — все это опредѣлено было съ точностію.

Въ репертуарѣ Кунштовой труппы, какъ и у Фельтена, замѣтно чрезвычайное разнообразіе литературныхъ вліяній: въ немъ есть піэсы, обязанныя своимъ происхожденіемъ литературѣ французской, нѣмецкой, итальянской. Но почти всѣ онѣ приняты трупою Куншта не изъ первыхъ рукъ; онѣ уже прошли черезъ сценическую цензуру нѣмецкихъ актеровъ. Онѣ представляютъ совершенно свободную обработку иностранныхъ образцовъ.

Такъ въ основѣ комедіи *Принцъ Пикельгярингъ или Жоделетъ, самый свой тюрьмовый заключникъ* лежитъ комедія младшаго Корнеля: Le géolier de soi même où Jodelet prince (1657 г.). Сюжетъ французской піэсы заимствованъ изъ знаменитой комедіи Кальдерона: El Alcaide de sí mismo. Испанскаго крестьянина Корнель замѣнилъ мелкимъ парижскимъ повѣсою, въ которомъ тщеславіе равняется глупости; его нелѣпыя выходки стоятъ въ яркой противуположности съ этикетомъ и чопорностью принцессъ и ихъ дамъ [1]). Нѣкоторыя сцены *Принца-Пикельгяринга*, правда, почти дословно сходны съ соотвѣтствующими имъ въ піэсѣ Корнеля; но съ нею совершилось полное превращеніе. Она сократилась на по-

---

[1]) Schmidt, Die Schauspiele Calderon's. s. 140.

ловину; непремѣнныя лица ложно-классической комедіи—наперсницы (при Лаурѣ и Изабеллѣ) исчезли. Рыцарская личность принца Фредерика отступила, съ своею романтическою страстью, на послѣдній планъ; на первое мѣсто, истиннымъ героемъ піэсы, выдвинулся шутъ, Пикельгерингъ. Отъ Жоделета Корнеля не осталось въ комедіи Куншта почти ни одной черты; парижскаго простяка замѣнилъ обжившійся на нѣмецкой сценѣ, родной ей Гансвурстъ. Вѣрный своему происхожденію, Пикельгерингъ Кунштовой комедіи пересыпаетъ свою рѣчь народными прибаутками и очень недвусмысленными остротами. Только что вышедши на сцену, онъ объявляетъ своему собесѣднику, что «читалъ недавно книжицу *Рамазка лисенокъ* и видѣлъ въ ней, какъ лисицы похаживаютъ въ нарядныхъ кружевныхъ платьяхъ и въ желтыхъ ферезеяхъ». Романтическая сторона комедіи Кальдерона, ослабленная у Корнеля, въ русской піэсѣ совершенно смята и затерта грубо-циническими фарсами развернувшагося съ полною свободою балаганнаго шута. Рѣзкій вульгарный тонъ проходитъ черезъ всю піэсу: «самый свой тюрьмовый заключникъ» исчезъ изъ глазъ зрителей; передъ ними уцѣлѣлъ одинъ нѣмецкій скоморохъ [1]). Нашему времени непонятна самая возможность представленія на сценѣ этой оргіи грязнаго шутовства, на которую благосклонно и съ интересомъ смотрѣли въ XVII вѣкѣ даже при нѣмецкихъ дворахъ. Переводчики московскаго Посольскаго приказа были правы: въ комедіи Куншта «мало было пристоинства».

Комедія о Донъ Педрѣ и Донъ Янѣ,—въ которой нѣкоторые изслѣдователи исторіи русскаго театра думали ви-

[1]) Въ русскомъ переводѣ четыре названія для героя піэсы: *Пикельгерингъ*, *скоморохъ*, *арлекинъ* и *Жодолетъ*. Послѣдній принадлежалъ къ числу французскихъ комическихъ типовъ XVII вѣка Ср. Moland, Molière et la comédie italienne, p. 261.

дѣть простой переводъ *Донъ Жуана* Мольера[1]), — представляетъ, судя по извѣстному намъ отрывку, передѣлку старой итальянской трагикомедіи, которая съ необыкновеннымъ успѣхомъ представлена была въ Парижѣ «итальянскими комедіантами», за нѣсколько лѣтъ до появленія Донъ-Жуана Мольера переведена была на французскій языкъ Де-Виллье и разыграна комедіантами de l'Hôtel de Bourgogne[2]). Кунштъ поставилъ на сценѣ московской комедіальной храмины *прототипъ* Мольеровскаго Донъ-Жуана, вѣроятно, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уцѣлѣлъ изъ репертуара магистра Фельтена. *Донъ Янъ* и *Донъ Педро* знаменитаго родоначальника странствующихъ труппъ испыталъ ту же судьбу, которая постигла большую часть репертуара нѣмецкаго театра и особенно пресловутыя Haupt- und Staatsactionen: онъ спустился въ кукольный нѣмецкій театръ. Тамъ нашли себѣ убѣжище «нѣмецкія комедіи», особенно съ того времени, когда на Гансвурста воздвигнуто было гоненіе ученымъ послѣдователемъ французскаго классицизма—Готшедомъ. Донъ-Педро, дочь его Амариллисъ долго держались на театрѣ маріонетокъ въ Германіи и лепетали отрывочныя фразы изъ тѣхъ монологовъ, которые произносились комедіантами Куншта въ комедіальной храминѣ Красной площади[3]).

---

[1]) Въ этой комедіи Кунштовой труппы являются въ числѣ дѣйствующихъ лицъ: Донъ Педро, Амариллисъ, его дочь, Филиппинъ, слуга Донъ Яна. Въ *Донъ Жуанѣ* Мольера ихъ нѣтъ.

[2]) Трудно сказать, съ какого текста,—французскаго, или итальянскаго переводилъ Фельтенъ свою піэсу Don Juan oder des Don Pedro Todtengastmahl. Переводъ де-Вилье мѣстами совпадаетъ съ текстомъ Кунштовой комедіи, См. Parfait, Histoire du théatre françois depuis son origine jusqu'á présent, VIII, 255 и мои примѣчанія къ отрывку этой піэсы.

[3]) Когда Донъ Янъ предлагаетъ духу Донъ Педро трапезу, послѣдній отвѣчалъ ему: «Не требую земнаго подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотрѣть; хощешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать. Въ Донъ Жуанѣ кукольнаго нѣмецкаго театра: Jüngling! Ich bin nicht

Трудно сказать, въ какомъ видѣ и когда поставленъ былъ на московской сценѣ *Докторъ принужденный* Мольера, и какимъ передѣлкамъ подверглась трагедія Грифіуса *Постоянный Папиніанусъ* прежде, чѣмъ явиться на подмосткахъ Фельтеновскаго театра. Но несомнѣнно, что въ репертуарѣ Куншта и его преемника нашли себѣ мѣсто піэсы, не имѣвшія ничего общаго съ Haupt- und Staatsactionen, возникшія на другой почвѣ и перенесенныя на нѣмецкую сцену много лѣтъ спустя послѣ смерти Фельтена.

Изъ всѣхъ комедій московской храмины рельефно выдѣляется своимъ романтическимъ духомъ трагедія Чиконьини: *Честный измѣнникъ, или Фридрикъ фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его* [1]). Немного свѣтлыхъ дней прожилъ герцогъ Федериго съ своею молодою супругою Аловизіею. Ея красота очаровываетъ окружающихъ. Даже служитель герцога Родриго почувствовалъ страсть къ своей госпожѣ. Но вотъ на земляхъ герцога является, чтобъ потѣшиться охотою, маркизъ Альфонзо. Когда-то онъ встрѣтилъ Аловизію на балѣ и полюбилъ ее пламенно. Герцогъ приглашаетъ маркиза въ свой замокъ и представляетъ его женѣ. Оставшись наединѣ съ герцогиней, маркизъ открываетъ ей свою любовь. Родриго подслушалъ это объясненіе и донесъ герцогу обо всемъ. «Возстановите вашу честь»,—говоритъ онъ своему повелителю. Въ эту минуту герцогъ слышитъ шорохъ въ сосѣдней комнатѣ: онъ бросается туда и застаетъ тамъ маркиза съ своею женою. Герцогъ даритъ маркизу жизнь. Но кромѣ маркиза, былъ еще свидѣтель оскорбленія его чести—Родриго. Герцогъ бросается на него сзади и неожиданно убиваетъ. Надъ бездыханнымъ трупомъ шпіона

---

gekommen irdiche Speisen zu essen, sondern um Dich mit den ewigen zu erquicken. Scheible, Kloster, III, 713.

[1]) Jl tradimento per l'honore, overo Jl vendicatore pentito (Bologna 1668 г.).

Федериго произноситъ свое любимое двустишіе: «Мудрецъ говоритъ, что измѣна простительна, если нужно оградить свою честь». Герцогъ не отказался отъ мысли раздѣлаться съ маркизомъ; но ему нравится «холодная, флегматическая месть». Коварствомъ заманиваетъ Федериго маркиза къ себѣ на виллу и убиваетъ; довѣрчивая Аловизія падаетъ жертвою холодной мести герцога при той же обстановкѣ, какъ и Дездемона Шекспира. При каждой новой жертвѣ изъ устъ герцога слышатся тѣ же слова: «Мудрецъ говоритъ, что измѣна простительна, если нужно оградить свою честь» [1]).

Но принципала странствующей нѣмецкой труппы, заѣхавшаго въ Москву, тронуло уже вліяніе придворной нѣмецкой оперы. Отправляясь въ Россію, Куништъ просилъ Сплавскаго и подьячаго Ляпунова: «Бога ради, для чести царскаго величества, дабы мнѣ двѣ недѣли сроку дали, и я въ то время промышлю такихъ комедіантовъ, иже искусны въ малыхъ операхъ, сирѣчь въ поючихъ дѣйствахъ». Куништъ убѣждалъ Сплавскаго заѣхать въ Торнъ, надѣясь вывезти оттуда трехъ человѣкъ, «которые въ операхъ искусны и уже тринадцать лѣтъ самогласной и инструментальной музыкѣ обучены». Принципалъ не добился отъ Сплавскаго исполненія своей просьбы, но успѣлъ поставить на московской сценѣ «комедію» *Сципіо африканскій*, въ которую введены аріи. Эта піэса носитъ на себѣ всѣ характеристическія черты Haupt- und Staatsactionen; но она испытала уже сильное вліяніе нѣмецкой оперы. Пикельгерингъ, успѣвшій пробраться съ подмостокъ народнаго театра на блестящую оперную сцену Германіи, въ *Сципіонѣ африканскомъ* является въ видѣ прожорливаго «издѣвочнаго слуги» Эрсила. Этотъ подмалеванный Гансвурстъ забавляетъ зрителей обезьяной, которая, по его требованію,

[1]) Klein, Geschichte des Dramas, VI, 52 sqq.

показываетъ, какъ «собаки черезъ посохъ скачутъ, какъ солдаты оружіемъ своимъ пойдутъ». Сцена балаганнаго шутовства смѣняется материнскими сѣтованіями Софонизбы, которая должна принести богамъ въ жертву одного изъ своихъ сыновей. Жрецъ Богудесъ поетъ арію, за тѣмъ полагаетъ одного изъ римлянъ «на алтарѣ солнечномъ и въ горло ему зарѣжетъ». Но рядомъ съ истинными героями Haupt- und Staatsactionen въ *Сципіонѣ африканскомъ* является Эолъ, «богъ вѣтренный», который открываетъ второе дѣйствіе піэсы аріею.

Таковъ былъ составъ репертуара, принесеннаго Кунштомъ въ московскую комедіальную храмину. Принципалъ не долго «дѣйствовалъ» въ Россіи: онъ умеръ въ началѣ 1703 года. Петръ Великій желалъ основать русскій театръ—не нѣмецкій. Тотчасъ по смерти Куншта онъ указалъ «нѣмецкимъ комедіантамъ впредь больше не играть». Труппа нѣмцевъ была отпущена назадъ; въ Москвѣ изъ нея оставлены были жена Куншта и комедіантъ Бендлеръ для того только впрочемъ, чтобы «русскихъ комедіантовъ въ ученіи совершать». Скоро впрочемъ эту обязанность принялъ на себя золотаго дѣла мастеръ Артемій Фирштъ.

Преобразователь не былъ удовлетворенъ театромъ Куншта. Нѣмецкій принципалъ думалъ «привести царское величество въ утѣшеніе» операми, летаніемъ и махинами; по приказанію царя дьяки Посольскаго приказа требуютъ, чтобъ онъ «въ скорости, какъ мощно составилъ новую комедію о побѣдѣ и о врученьѣ великому государю крѣпости Орѣшка». Изъявляя желаніе, чтобъ «вышній Господь толиками побѣдами царское величество вѣнчалъ, колико дней въ году», Кунштъ проситъ дьяковъ «дать ему роспись, какъ облеженіе совершилось, и союзъ укрѣпился, закрытыми именами генераловъ и градъ называть». У дьяковъ не оказывается нужнаго принци-

палу «подлинника»: «никакой вѣдомости о томъ къ нимъ не прислано октября по 31-е». Комедія Куншта должна была замѣнить для московскихъ «смотрѣльщиковъ»— вѣдомости: царь требуетъ отъ него «тріумфальной» комедіи. Театръ долженъ былъ служить Петру тѣмъ, чѣмъ была для него горячая, искренняя проповѣдь Ѳеофана Прокоповича:—онъ долженъ былъ разъяснять всенародному множеству истинный смыслъ дѣяній Преобразователя.

Слабыя стороны Кунштова театра не могли не броситься въ глаза Петру Великому. «Императоръ, вкусъ котораго во всѣхъ искусствахъ, даже въ тѣхъ, къ которымъ у него не было расположенія, отличался вѣрностію и точностію, пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ піэсу трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства»[1]. Ученики Куншта, русскіе актеры комедіальной храмины въ свою очередь терялись въ «кумплементахъ», которымъ ихъ учили, жаловались на принципала Фирншта и горько сѣтовали, что не могутъ «дѣйствовать выученныхъ комедій въ твердости за нерадѣніемъ иноземца въ кумплементахъ и за недознатіемъ въ рѣчахъ». Главную причину своей сценической шатости русскіе актеры видѣли въ томъ, что начальный комедіантъ иноземецъ, «ихъ русскаго поведенія не знаетъ». И для того, чтобъ имъ «комедіи дѣйствовать въ рѣчахъ въ твердости», русскіе актеры просили «выбрать изъ нихъ же, русскихъ комедіантовъ, одного человѣка или двухъ по разсмотрѣнію», вмѣсто Фирншта. Царю понадобился новый репертуаръ, его актерамъ— русскій принципалъ, «русское поведеніе». Изнемогали подъ «необычною» работою, падали въ борьбѣ съ поэтическимъ языкомъ иностранныхъ комедій и переводчики

[1]) Бассевича, О Россіи при Петрѣ Великомъ.

Посольскаго приказа, которымъ такъ хорошо была знакома живая разговорная русская рѣчь, слогъ которыхъ, по справедливости, считался образцомъ литературнаго изложенія въ эпоху Петра Великаго. Возвращая Поликарпову переведенную имъ географію и замѣчая, что она «переведена гораздо плохо», Мусинъ-Пушкинъ совѣтовалъ ему учиться стилю у переводчиковъ Посольскаго приказа. «Исправь хорошенько (писалъ онъ Поликарпову) не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, со всѣмъ усердіемъ явися; и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказа употреби слова» [1]). Но въ грубой, неуклюжей формѣ, съ «недознатіемъ въ рѣчахъ» выходили часто изъ Посольскаго приказа «малыя оперы и комедіи» Куншта. Мастерски передавая шутовскія выходки Гансвурста, нанося даже мѣстныя краски на комическія сцены Кунштовыхъ піэсъ, вставляя въ нихъ народныя русскія пословицы, переводчики Посольскаго приказа оказывались безсильными при передачѣ сантиментальныхъ изліяній и патетическихъ монологовъ трагедіи Чиконьини.

Комедіальной храминѣ Петра Великаго не доставало самыхъ жизненныхъ, основныхъ условій существованія; у ней не было того, что составляетъ душу театра—художественной драматической литературы. Она поднялась на Красной площади въ то время, когда преобразованная Россія еще не успѣла создать себѣ литературнаго языка.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи XVI, 318.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

1672—1725 годовъ.

1672 годъ.

1. **Эсѳирь или Артаксерксово дѣйство** (17 октября) [1].

1673 годъ.

2. **Алексѣй, божій человѣкъ** [2].

3. **Товія младшій** (2 ноября) [3].

1674 годъ.

4. **Іудиѳь** (декабря 8) [4].

---

[1]) См. выше *Репертуаръ русскаго театра въ первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія*, стр. IX.

[2]) На послѣднемъ листѣ рукописи этой піэсы означено: «дѣялося въ 1673 году». *Пекарскій*, *Наука и лит.* I, 394.

[3]) 6 октября 1673 г. по указу великаго государя Матвѣевъ приказалъ дать Ягану Грегори «ко исправленію (т. е. представленію) комедіи на платье ангеловъ и на молодаго Товію и на одѣяніе его спутьшественниковъ 30 рублевъ»; эти деньги «на строеніе комедіи» Грегори получилъ 7 октября. *Временникъ Общества исторіи и древностей*, томъ XXIV, отд. II, стр. 6. 2 ноября того же 1673 года великій государь ходилъ въ комидію смотрить дѣйства, какъ Нѣмцы дѣйствовали. «*Выходы царей*» изд. Строева, стр. 563. Выходная книга, содержащая послѣднее извѣстіе, относится не къ 7181 (1672), какъ полагалъ Строевъ, а къ 7182 году. См. *Забѣлина*, *Домашній бытъ р. н.* II, 478.

[4]) Дворцовые разряды III, 1131 и мои примѣчанія къ этой піэсѣ.

1674—1675 годы.

5. **Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ.**
6. **Малая прохладная комедія объ Іосифѣ.**
7. **Малая комедія Баязетъ и Тамерланъ** [1]).

Между 1673 и 1678 годами.

8. **Комедія притчи о блудномъ сынѣ.**
9. **О Навходносорѣ, царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ.**

Конецъ XVII вѣка.

10. **Рождественская драма** св. Димитрія Ростовскаго.
11. **Грѣшникъ кающійся**, его же.
12. **Успенская драма**, его же.
13. **Димитріевская драма**, его же.
14. **Эсѳирь и Агасѳеръ**, его же (?).
15. **Воскресеніе Христово**, его же. [2])
16. **Амфитріонъ**, комедія Мольера. (**Порода Геркулесова, въ нейже первая персона Юпитеръ**).
17. **Междорѣчіе.**
18. **Дѣйствіе, на страсти Христовы списанное.**

---

[1]) См. мои примѣчанія къ этимъ піэсамъ. Всѣ эти три комедіи были представлены одна вслѣдъ за другою. Такъ, *Комедія объ Адамѣ и Еввѣ* «примѣшана была къ потѣшнымъ радостнымъ комедіямъ» (I, 244 настоящаго изданія). Къ числу этихъ потѣшныхъ комедій принадлежалъ *Баязетъ* и *Іосифъ*, носящія названіе «прохладныхъ» (I, 270). На одновременность представленія *Баязета* и *Іосифа* намекаетъ и эпилогъ послѣдней піэсы.

[2]) Митр. *Евгенія, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина* II, 133.

Начало XVIII вѣка.

19. **Исторія о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ.** [1])
20. **Интермедія.**

1701 годъ.

21. **Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ нищетнымъ и прелестнымъ** (ноябрь).

1702 годъ.

22. **Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю** (февраля 2-го).
23. **Царство міра, идолослуженіемъ прежде разоренное и проповѣдію святаго верховнаго апостола Петра паки возставленное.**

1703 годъ.

24. **Торжество міра православнаго Петромъ, святымъ апостоломъ, утвержденное.**
25. **Драгыя смѣяныя**, комедія Мольера.

1704 годъ.

26. **Ревность православія, древле чрезъ Іисуса Навина прообразованная, нынѣ же въ равныхъ прехрабрыхъ ревнителяхъ православныхъ истинно зримая** (февраль).

[1]) Неполная рукопись, сохранившая эту піэсу, по справедливому замѣчанію г. Пекарскаго (*Наука и литература* I, 412) сдѣлана собственно для употребленія актеровъ; по почерку мы вмѣстѣ съ П. Строевымъ (*Описаніе рукописей И. Н. Царскаго*, стр. 588) относимъ ее къ XVIII вѣку.

1705 годъ.

27. **Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи** (февраль).

28. **Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій приведенный** (іюля 3).

1708 годъ.

29. **Іосифъ, патріарха** (мая 25).

Между 1702 и 1709 годами.

30. **О Донъ-Янѣ и Донъ-Педрѣ** [1]).

31. **О Александрѣ македонскомъ. (О крѣпости Грубетона, въ нейже первая персона Александръ македонскій).**

32. **О графинѣ тріерской Геновевѣ.**

33. **Честный измѣнникъ.**

34. **О Франталпеѣ, королѣ эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ.**

35. **Принцъ Пикель-Гярингъ или Жоделетъ.**

36. **Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійскія.**

37. **Прельщенный любящій.**

38. **Два завоеванные города, въ нейже первая персона Юлій Цесарь.**

39. **Постоянный Папиніанусъ.**

---

[1]) Изъ переведенныхъ въ посольскомъ приказѣ комедій это безспорно одна изъ древнѣйшихъ: на это указываетъ и языкъ перевода, и самый почеркъ рукописи, по которой напечатанъ нами отрывокъ изъ этой комедіи.

40. **О доторѣ битомъ (Докторъ принужденный),** шутовская.

41. **О Тенерѣ, Лизеттинѣ отцѣ, винопродавцѣ,** перечневая, шутовская. Семена Смирнова.

42. **О Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ, съ дочерью,** перечневая, шутовская. Семена Смирнова.

1710 годъ.

43. **Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе** (февраль).

Не позднѣе 1715 года.

44. **Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращенная.**

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
КЪ ПІЭСАМЪ
НАСТОЯЩАГО ИЗДАНІЯ.

Вопросительнымъ знакомъ сопровождаются заглавія піэсъ, пріуроченныхъ къ той или другой мѣстности по соображеніямъ, которыя изложены въ примѣчаніяхъ.

I.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ XVII ВѢКА

(1672—1678).

I.

АЛЕКСѢЙ, БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ПРОЛОКГЪ, ПРЕДОСЛОВІЕ.

Діоенесъ, ѳилософъ, среди дня зъ свичою
Чловѣка некгдысь шукалъ межь тижбою своею,
Шукалъ, але не знайшолъ: жаденъ не далъ быти,
Человѣчимъ когобъ мѣлъ гоноромъ учтити.
Если мудрецъ не найшолъ проста человѣка,
Шукаючи посреди лукавого вѣка,
То барзѣй божіего чловѣка не найдешъ.
Отъ такой вашмосцовъ увольняючи працы,
Алексѣя покажемъ ото на семъ пляцы.
Тутъ же обачите, за якіе справы
Божіимъ чловѣкомъ сталъ въ небесной славы.
Будетъ то на пожитокъ вашмосцомъ душевный
Сей нашъ актъ працовитый, тылко не вседневный.
Будетъ то и на славу пресвѣтлому и благочестивому царю Алексѣю,
Кторый и въ Бозѣ, и въ святыхъ маючи надѣю,
Зъ непріятелемъ креста христова дѣло зачинаетъ,
Але, яко Костянтинъ, нигды не програетъ.

ДѢЯНІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДОКЪ ПЕРВОЙ.

ПѢНІЕ НАЧИНАЕТСЯ АНГЕЛЬСКОЕ: СЛАВА ВЪ ВЫШНИХЪ БОГУ!

АНГЕЛЪ РАФАИЛЪ.

Рафаилъ ангелъ имя мое быти, знайте,
Да и о повинности моей запытайте.
Бо зъ ангельскихъ рѣдко кто хоровъ порожнюеть:
Кождый зъ насъ любъ Богу, любъ людемъ услугуеть.
Не дармо небесные хлѣбъ ядятъ дворяне:
Кождому зъ насъ свое тутъ дѣло ся достане.
Овожъ я урядъ собѣ той злецоный маю,
Же справедливыхъ людей малженствъ догледаю.
Товіи молодшему зъ Рагуила дочкою
Веселе сталося не кимъ, тылко мною;
Служилемъ въ томъ и многимъ людемъ справедливымъ,
Далемъ ся знати добре духовомъ злосливымъ.
Готовъ есмь далей служить чили сохраняти
Станъ малженскій, отъ злого той остерегати;
Але вижу: хотятъ быть ангеломъ подобны
Люде, гды многіе зъ нихъ отъ женъ свободны
О малженствѣ не мыслятъ, дѣвства ся тримаютъ,
Власне ангелы живутъ въ мірѣ, хочь плоть маютъ.
За тое хвала Богу, же сущіи въ плоти
Безплотнымъ намъ ревнуютъ во дѣвственной плоти!
Тые рыхло выполнятъ небу украину,
Въ которой злыи ангелы вчинили руину.
Предъ сяжь вельми мнѣ дивно, одкуль тое повстала
На святый станъ малженскій трвога такъ не мала,
Же многіе взгордѣвши достатніе люди
Гонорами, богатствомъ и що колвекъ буди,
Въ паненствѣ животъ ведуть, Богу услугують,

До насъ, ангельскихъ чиновъ, путь простый торують.
Гавріиле! ты большое освѣдченне маешь,
Ты къ престолу божіему смѣлей приступаешь,—
Скажи секретъ той рѣчи; благодаренъ буду
И отвдячить, чѣмъ можно, тобѣ не забуду.

АРХАНГЕЛЪ ГАВРІИЛЪ.

Скажу, толко послухай, и всѣ слышьте люде:
Если що истратите часу, не жаль буде.
Руина ангельская якъ ся стала, знаешъ?

РАФАИЛЪ.

Знаю. На що о тое мене и пытаешъ?
Презвынеслость думного ангельского чину
Люцифера ангела—той тому причина.
Гды Богу не хтѣлъ во всемъ онъ повиновати,
Замыслилъ ровный зъ Богомъ престолъ будовати,
А такъ зъ свѣтоносца сталъ Люцыперомъ зпроснымъ,
Зъ пресвѣтлого сталъ темнымъ, брыдкимъ и незноснымъ,
И зъ высокого неба низверженъ до ада
Зъ всѣми тыми, кторыхъ зъ нимъ една была рада.

ГАВРІИЛЪ.

Множество великое, же и самъ не зличить
Архимедесъ, кторый въ личбѣ людей цвичить,
Еще зъ кождого хору выпавши, дорогу
Звѣдали до пекла за гордость противъ Богу.
Ово жъ бы ся сполнила всѣхъ хоровъ руина,
Бы не порожневала злыхъ ангелъ краина,
До найвышшего хору, самыхъ дѣвъ збираеть,
А иншіе иншими Богъ нашъ наполняеть.
Видишь, же съ панны самъ ся рачилъ народити,
До которой мя посылалъ то благовѣстити.
Почавши отъ Ирода для себе збіенныхъ,

Маеть многихъ зъ собою Богъ совокупленныхъ;
А найбарзе зъ достатныхъ ѳамилій збираеть,
Ровныхъ собѣ въ роженю миле прибираеть,
Бо и самъ уродился зъ царского колѣна
Давидова, зъ Авраамля его знаю быти сына.
И для того, яко жь реклъ, береть зъ царскихъ дворовъ
Годныхъ людей и вводить ихъ до вышнихъ хоровъ,
Яко и недавными сихъ временей часы
На небеса своими провелисмо гласы
Индѣйска царевича, на имя Іосафа,
Пустыни першь оддавши отъ царства отнята,
Который теперь царствуеть зъ Христомъ въ емпирею,
Свѣтлѣйшою шатою одѣтъ, нижъ я сею.
А и теперь Сынъ божій въ дворъ мя сенаторскій
Евѳиміяновъ пославъ, у способъ таковскій,
Былъ далъ тую мысль его единачку сыну,
Абы въ дѣвстве одишолъ, альбо на пустыню,
Альбо гдѣ индей служить чисто Богу
И просту себѣ въ небо торовать дорогу:
Бо родичы женитбу ему обмысляютъ
И до тоей усилне его намовляютъ.

РАФАИЛЪ.

Богъ неплодства не любить; а чему жь паненство
Лѣпшь себѣ поважаеть, нежели малженство?
Вшакъ то не кождая есть плодовита панна;
Одной родити въ дѣвствѣ благодати есть данна.

ГАВРІИЛЪ.

Усѣ панны суть плодны, гды панна зродила,
Единоплодство зъ дѣвствомъ гды совокупила.
Плоды духовные суть то чада паненскіе,
Далеко досконалшыи, нежли малженскіе:

Бо якъ духъ есть далеко зацнѣйши отъ тѣла,
Такъ плоды духовные лучши суть и дѣла.

РАФАИЛЪ.

Юже жь вижу, же тылко землю наполняеть
Малженство, а дѣвство зась въ небо впровожаеть.
Въ томъ меншіе ангелы нехай служать людемъ,
А мы съ тобою дѣвства пилновати будемъ.
Ходимъ того паненца на то намовляти.
Дай намъ, Боже, щасливе почать и скончати!
Знакъ своей повинности уже покидаю,
Поселства до паненъ леску затримаю.

(Ту ангеломъ, низходящымъ отъ степеней высоты, носящымъ цвѣты, Алексѣй имъ показуется въ стрѣчу.)

ГАВРІИЛЪ ДО АЛЕКСѢЯ.

Аще хощеши божіимъ человѣкомъ званъ быти
И въ наивышшомъ ангельскомъ хору въ небѣ жити,
Храни до смерти чистость: она есть дорога
Наипростѣйшая въ небо до самого Бога.

ДѢЯНІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДѢНІЕ ДРУГОЕ.

ПѢНІЕ АНГЕЛЬСКОЕ ЯВЛЯЕТСЯ: СВЯТЫЙ БОЖЕ! СВЯТЫЙ КРѢПКІЙ! СВЯТЫЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ! СПАСИ ЛЮДИ ТВОЯ! [1])

АЛЕКСѢЙ.

Алексѣй естемъ, милый сынъ Евфиміяна,
Сенатора рымского, такъ значного пана,
Кторый слугъ три тысящи за собою водить,
А кождый зъ нихъ въ блаватѣ, въ пасѣ златомъ ходить.
Еще асметенцію и другую маеть

[1]) Въ рукописи: *моя*.

Невидимую; тая такъ ся называеть—
Милосердіе къ нищимъ, а побожность къ Богу.
До тыхъ двохъ родичъ мой такъ любовь маеть многу,
Же крыхвы хлѣба не зъѣсть самъ еденъ у столу,
Ажь зъ нищими, зъ хорыми, зъ слѣпыми посполу;
Кождого дня три столы для оныхъ готуеть;
Кгды траеится ихъ и меншей, то южь се фрасуеть.
За тое милосердіе певне будеть многа
Мзда на небесѣхъ моимъ родичемъ отъ Бога.
Лечь и на земли южъ Богъ на нихъ ся обачилъ,
Гдыжъ имъ въ неплодствѣ мене сына дати рачилъ,
Которого же собѣ единого маютъ,
Усилне о женидбѣ моей ся стараютъ,
Абы ихъ домъ, такъ славный, не знищалъ у свѣта,
Лечь трвалъ презъ насъ, потомковъ, во вѣчные лѣта.
Не одъ того и я былъ овшемъ на томъ цале,
Абымъ облюбенницу собѣ понялъ. Але
Що сь ми до сердца ткнуло и дало слышати,
Абымъ ся рачей дѣвства изволилъ тримати?
Пре то такъ и учиню, якъ мнѣ рада дана,
Бо отъ небесного узнаю быти пана:
Облюбенницы собѣ южь не жадаю,
Дѣвственное житіе лучше избираю.
Хочь бы южъ мя примушалъ отецъ до малженства,
Конечне буду шукать способу безженства.
Хочай бы мнѣ пришло вступить до ложницы,
Утеку отъ своее чистъ облюбенницы.
А сіе, що суть на мнѣ, дорогіе шаты
Замѣню зъ якимъ старцемъ на подлые латы
И въ далекіе отсюль пущуся краины,
Гдѣ бъ не было знаемо мнѣ и дѣтины.
Тамъ въ дѣвствѣ и въ убозствѣ служить буду Богу
Поты, поки мнѣ въ небо покажеть дорогу.

(*Юно, богиня, и Щастье выходять.*)

ЮНО.

Стой, шляхетный младенче! Зле сь собѣ порадилъ,
Будешъ потомъ каяться, же сь самъ себе зрадилъ.
Моей почуй рады, которую дать маю.

АЛЕКСѢЙ.

Почую; лечь, кто естесь, нехъ впередъ познаю.

ЮНО.

Юно есмь потужная и славна богини,
На земной и небесной паную краинѣ.
Малжонка есмь Іовиша, наивышшаго бога;
До щастя и нещастя презъ мене дорога.
Я богатства, я славу, я даю гоноры;
Панскіе и царскіе въ моихъ рукахъ дворы:
Бо, если на цесарскомъ кто сѣдить престолѣ,
Маеть кто скипетръ царскій, зъ моей то воли.
Я кресла сенаторомъ, булавы гетманомъ
Даю; якого хочу, того чиню паномъ.
Дорогіе кто скарбы и богатства маеть,
Тые всѣ же отъ меня принялъ, нехай знаеть,
Не отъ Фортуны, яко люде звыкли править
И Фортуну за добра и богатства славить.
И Фортуна моимъ то все добромъ шаѳуеть:
Що якому кажу, да то она даруеть;
На кого я веселымъ окомъ погледаю,
На того и Фортуна; лечь на кого маю
Гнѣвъ, тому не поможе Фортуна ничого,
Хиба барзѣй зашкодить и вчинить що злого.
Парысъ Троянчикъ, знаешь, щасливымъ былъ поты,
Поки моей дознавалъ ласки и охоты;
Лечь скоро мя на себе розгнѣвалъ за тое,
Же Венеры присудилъ яблко золотое.

Не тылко жь Фортуну отъ него отвернула,
Лечь и самую Трою въ попелъ обернула,
Одъ Венеры помочи не мѣлъ никоеѣ.
Если бы былъ рады послухалъ моеѣ
И облюбенницу бъ мѣлъ собѣ ведлугъ воли,
И не згинула бъ его отчизна николи.
Въ далекую жь зашла рѣчь, понехавши тую,
Еднымъ словомъ правдивымъ тобѣ обѣцую
Богатства, и гоноры, и роскоши дати,
Тылко не хтѣй, млоденче, свѣта покинути.
Ты родычемъ едина утѣха и слава.
Оставишь ихъ въ старости,—чи пенкная жь то справа?
Славный ихъ домъ безъ тебе прудко ся обвалить.
Азали жь тобѣ хто той учинокъ похвалить?
Перестань тоей мысли, а зажывай свѣта,
Маешъ власне потому молодыя лѣта.
Ото до всѣхъ роскошей стелю ти дорогу:
Ходи по ней, а будешь мѣть утѣху многу.

(Ту Юно, богиня, на дорогу стелетъ ковръ Алексѣю до суетъ мірскихъ.)

То отъ мене певную обѣтницу маешъ.
А ты, Фортуно, къ нему зъ чимъ ся одзываешъ?

СЧАСТЬЕ.

Надъ тою жь не треба большъ що сь обецала,
Гдысь му до всѣхъ роскошей дорогу услала,
Тыхъ нехай заживаеть щастливе въ покою.
Я за сь въ Марсовомъ ему прислужуся бою,
Бо ежели где, яко на пляцу марсовымъ
Щастя тому треба, хто хочеть быть здоровымъ,
Нехай станутъ жолнѣровъ, добре узбройоныхъ,
Незличоные полки,—ничого по оныхъ:
Если мене, Фортуны, при собѣ не маютъ,
Латво на пляцу мертвымъ трупомъ полегаютъ.

Азась при которомъ ся я рыцерству поставлю,
Тому зъ непріятелей значный тріумфъ справлю.
Южъ то правду мовлю, въ томъ абысь ми далъ вѣру,
Обачь, що валенному тому кавалѣру
Тимоѳеушу справлю: спитъ онъ, лечь я чую;
Успокоился онъ, я за него воюю.

(*Ту Тимоѳѣй Авинскій, на телѣги спячій, показуется.*)

Которыхъ бы мѣлъ провинцый презъ мечь добывати
И въ небезпеченство ся для нихъ удавати,
Тые я доброволне до него скланяю
И до сѣти ихъ, яко звѣрятъ, заганяю.
Провинціѣ! до сѣти сееѣ ступайте,
Тимоѳеушу, яко пану, поклонъ дайте.

ЗЕМЛЯ БЕОЦІЯ.

Беоція, краина, тобѣ ся скланяю,
Тимоѳеушу! тебе себѣ пана знаю,
Подъ твоею рукою буду зоставати
И цале тобѣ, яко пану, голдовати.

ПРОУЕНЦІЯ ЛАЦЕДАЙМОНЯ.

Я Лацедомонія, которая за пана
Предъ тымъ тя не знала, днесь тебѣ есть подданна;
Ажемъ ся дотоль твоей власти спротивляла,
Прошу, абымъ за то паметы отъ тебе не мяла.

ЗЕМЛЯ ЕВБОНІЯ.

Подъ твою власть и мене, Еѵбоею страну,
Пріими; вѣрне ти буду голдовати, пану.

(*Ту Тимоѳѣй зъ очей людскихъ взятый.*)

ѲОРТУНА.

Видишь, щасте якое поткало отъ мене? Якое
Тимоѳеуша, будеть и тебѣ такое:

Всегда правица твоя мечемъ то докаже,
Же всякъ твой непріятель отъ него поляже,
Жадна противу ти стать не возможе страна,
Овшемъ весь свѣтъ знать будеть тебе собѣ пана.
Певную обѣтницу то отъ мене маешь,
Которую ежели ни во что вмѣняешь,
А отъ міра цале ся мислишь удалити,
По нимъ же моцно ся будешь на тое болѣти,
Ото до всѣхъ роскошей маешь путь пространный.
Ходи по немъ безпечне: бо тобѣ постланный.

ЮНО.

Досыть му южь правити; отъидемъ, Өортуно.

ӨОРТУНА.

Учини жь, якъ радила тобѣ я и Юно.

(Ту Юно, богиня, и Счастье отходятъ, и пѣсни стаются).

АЛЕКСѢЙ.

Що мнѣ чинить? Возьму я раду собѣ ину,
Першую предъ ся взятя безмаль не покину:
Бо не добрѣ, якъ бачу, родичевъ оставить
И, въ далеки отшедши страны, тамъ ся бавить
Такъ молодому: будетъ вельми то жалосна,
Сенаторскому сыну нищета незносна
Буде; юже жь хочъ ми кто нестатокъ признаеть,
Пойду тымъ путемъ, кторы свѣтъ мнѣ поставляеть.

(Ту Алексѣй поступаетъ на коверъ......)

ВИРТУСЪ *(ад Алексимъ).*

Алексѣй! стой. Алексѣй! назадъ оглянися.
Жаль ми тебе, младенче! Зле сь пошолъ, вернися.

(Чистота терніе и лилію руками носитъ.)

АЛЕКСѢЙ.

Ты кто естесь, панно? Що на мене волаешь?

ВИРТУСЪ

Цнота естемъ. Азали ты мя не знаешь?
И не дивъ, же не знаешь: бо тылко самому
Теперь Богу знаема, а зъ людей никому.
Теперь тылко честь маю у Бога самого,
А у людей зась естемъ власне якъ що злого;
Ниякіе же богини передъ себе ставятъ,
Юнону и Фортуну тыхъ высоцѣ славятъ,
Якъ бы то одъ ныхъ добра и богатства маютъ
Безумные людіе; чѣмъ того не знаютъ,
Же богатство и слава, долгота лѣтъ многа,
Все то есть отъ самого наивышшаго Бога,
А не отъ якой-ся тамъ вымыслной Юноны:
Бо то сутъ поганскіе только забобоны.
Зъ Тимоѳеуша маешь на то прикладъ явный:
Тимоѳеушъ гетманъ то былъ и рицеръ славный;
Тойже звитяжилъ краинъ много, за ту справу
И одвагу заробилъ на вѣчную славу.
Инши же доказать того не зумѣли,
Такъ змыслили, бы его славу затлумили,
Же то ему спячому всѣ краины тые
Ѳортуна въ сѣти значила звитяжить, кторые
Ово жь видишь; ижь то все людіе вымышляютъ,
А Ѳортуна самъ богъ есть, лечь его не знаютъ,
Всѣхъ роскошей дочасныхъ всего свѣта пилнуютъ.
Всѣ пространнымъ тымъ путемъ охочо вандруютъ,
Кторымъ и ты, якъ вижу, поити змышляешь:
Жаль ми тя: неуважне собѣ починаешь.
Обачь тылко, куды той ведетъ путь пространный,—
Ото въ пагубу и въ огнь, злымъ уготованный.

(Ту змій ротъ роззявить и дымъ успущаетъ.)

АЛЕКСѢЙ.

Вельми тобѣ дякую, Цнота, Богу мила,
Же сь ми отъ пагубного пути отвратила.
Яки же путь, скажи ми, провадить до Бога?

ВИРТУСЪ.

Узкая и прикрая къ нему есть дорога,
Тую предъ тобою ото постилаю,
(*Ту тѣсный путь Чистота съ тернія стелеть Алексѣю, который до неба ведеть.*)
Ходи по той дорогѣ, тя напоминаю.
Рожа,—знакъ дѣвства,—межи терніемъ ся родить;
Даетъ то знать, ижь по сей кто дорогѣ ходить,
Тернистой тотъ цвѣтъ дѣвства цѣло сохраняеть
И межи ангельскіе хоры ся вселяеть,
Съ которыми ежели и ты хочешь жити,
Не слухай міра, а хтѣй при мнѣ, Цнотѣ, быти.

НИЩЕТА УБОГАЯ.

И я признаю, же всѣхъ на небо возводить
Цнота, кто колвекъ тылко въ слѣдъ за нею ходить.
Лечь при цнотѣ и много погаржать не треба
Убозствомъ; бо и мнѣ есть простый путь до неба.
Самъ Богъ мною не згордить, будучи царь славы:
Пришедчи на свѣтъ, не мѣлъ, гдѣ приклонить главы;
Богатъ сый, такъ обнищалъ, же, царскіе дворы
Минувши, народился въ быдлячой оборѣ.
Далъ то Богъ зъ себе прикладъ, абы надглядѣли,
А мною, Нищетою, люде не гордѣли.
Якожь имѣламъ любовь предъ тымъ у многихъ,
Полно было на свѣте для Христа убогихъ;
А теперь, якъ що злого, всѣ мя ненавидятъ,.......
Иншіе предся цноты и людей мѣсца маютъ,

А мене ся, Нищеты, цѣлкомъ всѣ цураютъ.
Юноша ангельскій досыть мѣлъ двѣ цноты,
А до убозства не взялъ, якъ живо, охоты
И совершенства не хтѣлъ приняти отъ Бога,
Быле-бы стяжанія не утратитъ многа:
Во совершеннымъ Господь того называетъ,
Кто при цнотахъ въ волномъ ся убозствѣ кохаетъ;
Прето и ты, если быть совершенъ желаешь,
Оставь же всѣ достатки, кторые маешь,
А живи во мнѣ, неизномъ убозствѣ, на свѣтѣ:
Будешъ на небѣ многа сокровища мѣти.

(По отшествіи Чистоты и Убозства).

АЛЕКСѢЙ.

Въ стыдъ ми, же не статечный естемъ въ своемъ словѣ!
Реклъ, же свѣтъ оставляю, а потымъ, зло мовѣ
И хитрой радѣ якихъ богинь давши вѣру,
Знову мыслелемъ служить роскошемъ и міру.
Ажь, вижу, міръ недобре слугамъ своимъ платить,
Гды ихъ же небесную отчизну имъ тратить;
Пространный и роскошный путь имъ постѣлаеть,
Але до ада оныхъ по немъ засылаеть:
Цѣлкомъ сей свѣтъ облудне зъ людьми ся обходить;
Жался, Боже, кто ему, яко слуга, ходить.
Юже жь мнѣ вся отъ него отпала охота;
Учиню такъ, яко ми порадила Цнота,—
Пойду симъ путемъ узкимъ, кторый ведетъ къ небу,
А тую пространную кидаю дорогу.
Далей ся отъ сего дня въ свѣтѣ не забавлю,
Всю его славу и всѣ роскоши оставлю,
Отъиду въ чужіе страны изъ отцовского дому,
Тамъ буду жить въ убозствѣ, незнаемъ никому,
При убожствѣ и цнотѣ дѣвства заховаю,
Бо южь цале женитбы себѣ не желаю.

Що тожь еще родечи рекуть мнѣ, почую,
И могу учинить политику тую,
Ижь на женитбу мою яко бы позволю,
Гды на томъ усильную обачу ихъ волю;
Але, яко передъ тымъ реклемъ, изъ ложницы
Утеку одъ своея, чистъ, облюбеницы.

ДѢЯНІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДѢНІЕ ТРЕТІЕ.

ЕВ'ѲИМІЯНЪ, БОЯРИНЪ РИМСКІЙ, ОТЕЦЪ АЛЕКСѢЕВЪ, СО МНОГИМИ СЛУГАМИ ВЫХОДИТЬ.

Ежели сте слышали о Евфиміянѣ,
Азъ естемъ, кторый рымскихъ на западнѣй странѣ
Панующихъ цесаровъ честный естемъ здавна,
Особливое теперь у Гонорія славна:
Той мене маеть праве за отца другого,
Нигды безъ моей рады не учинить ничого;
Першое далъ мнѣ мѣсто въ сенаторскомъ колѣ,
Всю рѣчь посполитую моей злицилъ воли,
Абы, якъ самъ зразумѣлъ, такъ справовалъ ею,
Яко жь и никто не гордить справою моею.
Що уряжу, того никто не переставить,
Бо завше моя рада все доброе справить.
Для того маю славу и честь отъ сенату,
А отъ цесарского зась ласку маестату.
Але не хвалюся я зъ тоей, якъ живо,
Поваги свѣтовой, бо мнѣ то не диво.
Зъ того ся мнѣ похвалить слушна есть причина,
Же далъ мнѣ Богъ въ старости Алексѣя сына.
Той моя есть похвала, той мнѣ радость многа,
За тое наивышшаго благодарю Бога.
А що ся ткнеть гонору, кторый собѣ маю,

Уже о томъ якобы мало я и дбаю,
Бо мя старость день за день до гробу провадить,
Кторая не гоноровъ глядѣти мнѣ радить,
Лечь старане о моемъ сыну кажеть мѣти,
Якъ бы онъ жилъ счастливе и пристойне на свѣтѣ.
Скоро отъ роду ему шесть лѣтъ зраховалемъ,
До наукъ вызволенныхъ заразъ его далемъ,
До котрыхъ безъ примусу доступить наукъ досканале.
Тое о сыну моемъ, яко то дитяти,
Старане мѣлъ, же бъ его до наукъ отдати.
Теперь, гды совершенный возрастъ себѣ маеть
И добре ся розглядать въ свѣти начинаеть,
Мышлю его оженити, абы помножене
Домъ нашъ мѣлъ презъ потомковъ своихъ розмножене.
То моя мысль, бы сынъ мой былъ въ малженскомъ станѣ;
Але еще що речеть на то моя пани,

(Ту Евфиміянъ посылаетъ слугу по свою паню.)

Почую. Вы, дворяне, поклонъ залецѣте,
Пошодчи, ей мосци, и такъ до ней рецѣте:
«Проситъ вашей мосци панъ до себе на слово.»
Съ той вы пойдѣте, что служить мнѣ въ покойове.

(Ту Евфиміянъ рѣчь до своей жены говорить.)

Аглаисъ, пани моя! щось я замышляю?

АГЛАИСЪ *(Евфиміяну говорить:)*

Гды доброе счастье божіе, и я позволяю.

ЕВФИМІЯНЪ.

Добре скажу тебѣ, изволь тылко сѣсти.

АГЛАИСЪ.

Не сяду, ажъ почую, що маешь повѣсти.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Не иншее що, тылко повѣмъ тобѣ тое:
Ото въ глубоку старость ввошлисмо обое,
Ктораяя здается быть честна сѣдинами,
Да немноголѣтна есть, на часъ тылко зъ нами,
Бо за нею трудъ болѣзни завше наступуеть,
А потымъ безъ забавы и смерть привендруеть,
Которой и мнѣ що день, яко то старому,
Сподиватись треба; аже въ моемъ дому
Наслѣдника по мнѣ больш не маю никого,
Кромѣ Алексѣя тылко, сына единого.
Прето оженить его—моя мысль и рада,
Бы при моей головѣ научился зъ млада
Господарства пилновати, домъ справовати,
Слугами радити, скарбомъ шаѳовати;
Особливе бы познал порядокъ и справу
Въ рѣчи посполитой и заробилъ на славу
Такую, якую я теперь собѣ маю;
Для того станъ малженскій ему обираю.
На то, пани моя, ты чи позволяешь?

АГЛЯИСЪ, ЖЕНА ЕВѲИМІЯНОВА.

Дармо, пане, о тое мене и пытаешъ:
Я того давно себѣ сердечне жедала,
Сына моего въ малженствѣ абымъ огледала;
Але о томъ ти только молвити не смѣла,
Абымъ за то якои налоги не мѣла.
Съ тымъ ся, гды отзываешь теперь самъ, мой пане,
Не тылко на то и я свое даю здане,
Овшемъ съ прозьбою до ногъ твоихъ упадаю,
Нехай сына въ малженскомъ станѣ оглядаю,
Абымъ ся зъ его потомства могла веселити
И болшие милосердіе ко убогимъ мѣти.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Ростропне досыть мовишь, хочь есть бялоглова.
Южежь ведлугъ моего и твоего слова,
На сихъ же дняхъ веселе сыну сотворимо.
Ещежь о томъ съ собою першъ поговорѣмо:
Гдѣ ему возмемъ панну? изъ дому якого?
Видишь, же сенаторскихъ дочокъ есть немного,
А индѣ и не вижу, гдѣ бъ то благородна
Была панна, а моего Алексѣя годна.
Нашъ сынъ есть сенаторска рода великого,
А взять бы подлѣйшую—то будеть незгода.
Гдѣ бъ же то взять нашому сыну Алексѣю?

АГЛЯИСЪ.

Дамъ на то раду, тылко не погарди ею.
Въ опецѣ панну единъ тутъ сенаторъ маеть,
Тая есть царска роду, кожды о томъ знаеть,
Линѣю свою ведеть съ дому Ѳлавіяновъ,
Зъ которого мѣлъ собѣ Римъ цѣсаровъ и пановъ;
Уроды есть сличной и маеть, якъ чую,
Пенкные обычаи. Прето ражу тую
Алексѣеви, сыну нашему, поняти;
А иншой намъ надъ тую не треба шукати.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Певне не треба, гдымъ такъ славного есть роду
И пенкныхъ обычаевъ, маеть и уроду,
Тая Алексѣева будеть, а не ина.
Сюдажь тылко нашого призовите сына.
Що онъ скажеть? Чи схочеть еще ся женити?

АГЛЯИСЪ.

Чему жь не хоче? А щожь маеть онъ чинити?
На що маеть даремне тратить собѣ лѣта?
Нагулявся уже и такъ и повидавъ свѣта.

АЛЕКСѢЙ.

На роскозане ваше, которое мѣлемъ,
Ато до васъ, родичевъ моихъ, поспѣшилемъ.
Родительская ко мнѣ о чемъ будеть мова?
Сыновская поволность слухать есть готова.

ЕВѲИМІЯНЪ.

О томъ: ото уже, якъ видишь, обое мы стары,
Нынѣ, завтра пойдемо на смертные мары,
А щегулне единого сына тебе маемъ;
Прето оженити тя цале замышляемъ,
Абысь змолоду зъ свѣтомъ научился жити,
Якъ треба, господарствомъ и домомъ радѣти,
И абысь могъ засидѣть въ сенаторской лавѣ,
Абысь у всѣхъ въ таковой, яко и я, славѣ:
Того латво за моимъ старанемъ доступишъ
Скоро, тылко, якъ зычимъ, въ малженскій станъ вступишъ.

АЛЕКСѢЙ.

Чиню родичомъ моимъ подяковане,
Же о мнѣ, сынѣ своемъ, маете старане;
Тылкожь хотѣлъ бы вольнымъ отъ малженства быти,
Але рачей по вся дни въ дѣвствѣ чисто жити.

АГЛЯИСЪ, ЖЕНА ЕВѲИМІЯНОВА, МАТИ АЛЕКСѢЕВА.

Чемужь то ся отцовской воли спротивляешь
И чему ся малженства, сыне, отмовляешь?
Добро теперь быть вольнымъ за всѣмъ за готовымъ,
Поки зъ ласки божіи отецъ есть здоровымъ.
А прудко ль на его, ховай Боже, смерти,
То оного на той часъ може ея вперти
И куды ся обернуть, албо що почати,
Не трафишь, и не буде кому рады дати.

А домъ нашъ славны въ свѣтѣ прудко себя обалить,
Сенаторская слава отъ тебе отдалить.
При отцовской головѣ о тую старайся,
А малженскій станъ миле пріймы, не цурайся.

АЛЕКСѢЙ.

Южь ся буду о славу старать свѣтовую,
Тылко жь дайте ми, прошу, раду таковую,
Якъ бымъ тоей славы на земномъ подолѣ
Моглъ вѣчне заживати, не втрапить николи.
А если въ прудкомъ часѣ утратить ю маю,
То на що ся и стратить о оную, не знаю.
Волю жь о тую славу барзѣ ся старати,
Которой во вѣки въ небѣ буду заживати.
Сами жь мовите, ижь вашъ домъ упадеть скоро,
Овожъ потреба Богу работати споро,
Абы мя вселить рачилъ въ небесные дворы,
Идѣже веселятся ангельскіе хоры.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Бы намней свѣтовая слава не зашкодить
Хто въ ней ся не пышаеть, лечь смиренно ходить:
Якъ ангеловъ Богъ пышныхъ выкинулъ зъ всѣхъ хоровъ,
Такъ тежъ смиренныхъ людей вводить до тыхъ дворовъ.
Бо ежели кто себе предъ Богомъ смиряеть,
Той предъ очима всегда страхъ господень маеть.
А страхъ господень чистъ есть; зачимъ кто въ немъ стале
Живеть, той угодникомъ Богови есть цале.

АЛЕКСѢЙ.

Той я страхъ господень чистъ предъ очима маю,
Зачимъ въ святомъ паненствѣ жить всегда желаю,
А малженского стану не хочу пріймати:
Оженившися, треба женѣ угождати;

А я овшеки мышлю угодити Богу
И на небесѣхъ принять отъ него мзду многу.

АГЛЯИСЪ.

Упорнымъ сталесь теперь, а не былъ николи,
Завсюгды-сь родительской былъ послушный воли.
То поты тылко тебе послушного сына
Мѣлисмо, поки есть былъ малая дѣтина.
А теперь, коли розумъ совершенный маешъ,
Ажь насъ не слухаешъ, все впреки отмовляешъ.
Вшакъ то на тое тебе мы пеленговали
И все наше старане коло тебе мали,
Абысмося втѣшили зъ потомства твоего,
Имѣли помножене домовства своего;
Ажь ты, бачу, бы намней не дбаешь о тое,
Кеды не позволяешъ на малженство святое.
Уже бъ намъ часъ спокойне старымъ посидѣти,
А тобѣ бъ то уже треба всѣмъ домомъ радити.

ЕВѲИМІЯНЪ *(до Алексѣя глаголетъ:)*

Дивно ми, чему то ся не мыслышь женити!
Покижь будешъ въ безженствѣ ни такъ, ни сякъ жити.
А мнѣ, якъ видишъ, уже въ свѣтѣ ся не бавить.
Комужь маю достатки и домъ свой оставить?
Конечне станъ малженскій пріими, милый сыне,
Нехъ ѳамилія наша множится и слыне.

АЛЕКСѢЙ.

Юже жь ся вашой воли большъ не спротивляю,
Облюбеницу собѣ мѣти позволяю
Тую, если ся траѳитъ мнѣ гдѣ отгодити,
Будете въ дому своемъ мѣсто мене мѣти,
Обачите и плодъ мой и вси узрятъ люде,
Зъ которого и Богу, и вамъ мило буде.

АГЛЯИСЪ *(до сына мовитъ:)*

Дякуемъ тобѣ, сыну, же сь нашому слову
Далъ мѣсце. Южежь знаемъ и панну такову,
Облюбеницею ти кторая быть годна,
Бо и уроды пенкной есть и благородна.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Радъ естемъ и я тому и вельми ся тѣшу,
Же твое позволене на малженство слышу.
Ходѣмъ же, а, що треба, въ дому приберѣмо
И бракъ весельный гойне сыну сотворѣмо.

АЛЕКСѢЙ.

Пойдете вашецъ; я ся тутъ на часъ зостану.

Егда отецъ отъиде, МАТИ *до Алексъя нача глаголати:*

Не отпирайся жь знову малженского стану,
Бо отца такъ розгнѣвишь, же всю свою милость
Стратить къ тобѣ за твою тую упорливость.

Егда отъидоша родитель, АЛЕКСѢЙ *нача глаголати:*

Милый Боже! якую теперь трвогу маю!
Куды ся обернути, самъ згола не знаю.
Цнота мнѣ и сумнене Богу служить радять,
А родичи усилне до свѣта провадять.
Ужь цале умыслили мене оженити,
Мушу, вижу, ихъ воли досить учинити.

АРХАНГЕЛЪ МИХАИЛЪ *(до Алексъя глаголетъ:)*

Алексіе, юноша! на всіомъ естесь гречный,
Тылко предъ ся взяти своемъ не статечный.
Взялесь то разъ предъ себе, абысь служилъ Богу
И до неба простую торовалъ дорогу.
Чему жь власне, тросць вѣтромъ колеблема, хвѣешъ?

Теперь тую, а теперь иншую мысль мѣешъ?
Уже овшеки сего свѣта отцурайся,
А о небесну пилне отчизну старайся.
А що родичы тебе женить примушаютъ,
И домъ свой, и достатки тобѣ поручаютъ,
Сами, яко старые, на смерть ся готуютъ,
А тебе наслѣдникомъ своимъ зоставуютъ;
А неразсудне то они чинятъ. А Богъ знаетъ,
Нужь ихъ вѣкъ должши отъ твоего быти маеть.
Слѣпая смерть бы намней не гледить никого,
Якъ старого до гробу влечеть, такъ молодого.
Самъ виделесь оногда въ тую власне добу
Младенца умершого, несома до гробу:
Той былъ такъже родичевъ славныхъ преложоный,
А що болшый зе крви царской урожоный,
Былъ пенкный, обычайны, былъ велце вспанялый,
Былъ ростропный и во всѣхъ цнотахъ доскональный;
Сего родычи собѣ всю утѣху мѣли
И тылко то его вже оженить хотѣли,
Ажь зненацка впалъ въ ѳебру, розболѣлся зѣло,
А потомъ якъ ся его сердце заразило,
Отъ ѳебры горячости мнилъ пойти зъ свѣта,
А ледва собѣ тылко мѣлъ дватцать двѣ лѣта.

АЛЕКСѢЙ *(до Михаила).*

Отецъ не моглъ здоровымъ его учинити,
Нвеͬ отъ смерти не моглъ увольнити?

(Михаилъ зъ Алексъемъ глаголиваетъ).

МИХАИЛЪ.

Не моглъ.

АЛЕКСѢЙ.

А нихто иный?

МИХАИЛЪ.

А нихто инный.

АЛЕКСѢЙ.

То и мнѣ треба умерти?

МИХАИЛЪ.

Треба: бо то неотъимѣнный
Бозскій декретъ на всѣхъ людей вышолъ зъ неба,
Же кождому человѣку умерти потреба.

АЛЕКСѢЙ *(до Михаила).*

То умру, якъ старъ буду: бо мнѣ еще мирить
Юность многія лѣта.

МИХАИЛЪ.

Не хоти ей вѣрить,
Або то тылко люди старые умираютъ,
Которые сто албо болшъ лѣтъ собѣ маютъ;
И за молодымъ смерть тутъ же ходить.
Прето нехай тя твоя юность не уводить,
Если ти обѣцуетъ лѣта многа дати,
Не слухай; хтѣй Богу пилне роботати,
А свѣтъ въ тожь если тобѣ скарбы даеть въ злотѣ,
Покинь то все, аль живи въ убозствѣ и въ цнотѣ.
А будешъ ся за тое веселити выну
Зъ нами ангельми и жить въ найвысшемъ чину.

АЛЕКСѢЙ.

Поневажь же такъ ижь смерть не глядить никого,
Влечеть до гробу ровне старого и малого,
Шкода жь въ марныхъ роскошахъ бавиться на свѣтѣ,
Треба о спасеніи все старане мѣти.

Юже жь теперь правдивымъ обѣцую словомъ,
Же трвать буду до смерти въ житіи суровомъ,
А богатства и гоноръ, о кторомъ ми правятъ
Родичи, кому хочутъ, тому нехъ оставятъ.
А що мнѣ уготуютъ малженское ложе,
Шкода ихъ и заходу, бо то быть не може,
Бымъ, дѣвство оставивши, жилъ въ малженскомъ станѣ,
Южь и въ дому не буду жить, лечь въ чужой странѣ.

ИГРАНІЕ СВАДЬБЫ.

РѢЧЬ, ВЗЫВАЮЩАЯ НА СВАДЬВУ.

Вельможный его мосць панъ Евфиміанъ, сенаторъ рымскій маенцъ особливой ростропносци и годносци ве вшиткимъ панствѣ рымскемъ заволани, майонцъ единего сына собе намилшего Алексѣя, зъ кторего въ своей старосци подпоре, въ ченсцу оздобе, въ несченсцу поцехе, своей славней фамиліи помножене мецъ жадаенцъ, теразъ, за ласко божа, актъ ему свентего малженства весельный справуе, на кторый вашесцовъ моихъ велце мосци пановъ покорне запроша.

ДРУГОЙ СЛУГА ЕВФИМІЯНОВЪ *въ худшомъ платію зоветъ мужиковъ на свадьбу*:

И васъ, мои гречные мужеве, покорне
Панъ Евфиміянъ проситъ усѣхъ не выборне.
Выставити вашмостямъ маеть бочку соли
И самой оковитой бречки дасть до воли;
Будеть тамъ и твердой головицы полно:
Хто чего схочеть, того зажить будетъ волно,
Лишь не будьте отмовны да таки пріидѣте,
А панскою прозьбою его не гордѣте.

МУЖИКЪ ПЕРВОЙ.

Уховай, Боже, чтобъ мы прозьбою гордѣли,
Ставимося до его милости по еили.

Ознайми вашмость, нехай панъ ся прибираеть,
А насъ къ собѣ запевне нехай сподеваеть.

По отшести слуги, зовущего на свадьбу, той же СЛУГА ПЕРВОЙ.

Вакуло, братче! ходи и ты, Селивоне,
Скажу вамъ щось, ходи лишь и ты, Харитоне,
Ижь Господь Богъ веселе далъ Евфиміану,
Сенатору рымскому, а нашому пану.

МУЖИКЪ ПЕРВОЙ.

А що то за веселе Евфиміянъ чинить?

МУЖИКЪ ДРУГОЙ.

Алексѣя, милого сына своего, женить.

МУЖИКЪ ТРЕТЕЙ.

Боже! ему помагай! Дай, Боже, часъ добрый!

МУЖИКЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Дай, Боже, чтобъ и сынъ такъ былъ, якъ батько щодрый!

МУЖИКЪ ПЯТОЙ.

Ибну пакъ уже батько зраилтянинъ правый,
Никого не засмутить, всѣмъ есть ласкавый,
Досыть есть панъ сенаторъ и слугъ маеть многихъ,
А властиве, якъ батько, до всѣхъ есть убогихъ:
Съ убогими то ему изѣсти, испити.
Съ того можемо его ласку зрозумѣти,
Гды и насъ велце на веселе запрошаеть.
Напитку вшелякого достатокъ дать маеть,
И вы пакъ може чули, якъ тутъ голосили
Его слуги, а насъ всѣхъ покорне просили?

МУЖИКЪ ШЕСТОЙ.

Нѣтъ, бачитца, не чули; я, правда, бывъ зъ дому
Отгодився, ходивъ тамъ въ лугъ по солому.

МУЖИКЪ СЕДЬМОЙ.

Уже жь я чувъ; мнѣ вѣрте, я мужъ однословный,
Я вже и обѣцався не быти отмовный,
Да и вы за мною пойдѣте: людей повидаемъ
Да и зъ сенаторами собѣ погуляемъ.

МУЖИКЪ (ВОСЬМОЙ).

Гараздъ, першей же еще по домахъ пойдѣмо,
Да и иншихъ съ собою сосѣдей ззовѣмо.
Да кто курку озмемо, хто пирожковъ пару,
И то Евфиміану понесемъ въ подару.

МУЖИКЪ 1-й.

Добро вельми то мовишъ, и я такъ вамъ ражу,
А самъ васъ на веселе я и попроважу.

Ту ЕВФИМІЯНЪ *покажется радостенъ на свадьбѣ сына своего.*

Радъ естемъ и веселъ, же ми далъ Богъ дочекати
Весельный актъ сыну моему справовати!
Будьте веселы и вы, охоче гуляйте,
Мужики! Вдарте струны, охоты додайте!

(*Ту цымбалысты и скрыпкы играютъ; потымъ мужики на свадьбу къ музыкамъ приходятъ и пьютъ и играютъ.*)

МУЖИКЪ 1-й.

Отъ уже и цынбалы на веселе играють,
Въ часъ идемо: ужь насъ давно гдесь чекають.

(*Мужикъ* 1-*й до Евфиміяна рѣчь говоритъ:*)

Челомъ, добродѣю нашъ, сенатору, пане!
Нехай въ твоей домовцѣ все доброе стане!
На прозьбу твою отмовны быти не хтѣли,
На веселе смо къ твоей милости поспѣли,

О се жъ прійми и сію курачку, кторую
На господарство твоему сыну охвѣрую.

МУЖИКЪ ДРУГОЙ.

Я хлѣбъ тобѣ приношу, пане добродѣю,
А верецѣи большей говорить не смѣю.
А ты живи здоровъ съ сыномъ и съ пріятельми всѣми!
Дай, Боже, щобъ и сынъ твой былъ сенаторъ въ Рымѣ!

МУЖИКЪ ТРЕТІЙ.

Пане Евѳиміяне! и я, твой подданый,
Зъ хлѣбомъ къ тобѣ прихожу на веселе званый;
Тое отъ мене завдячне рачь, пане, приняти,
А на большое, прошу, не хтѣй дивовати.

МУЖИКЪ *утку носить.*

Ось и я, добродѣю, пане сенатору,
На веселе приношу уточку въ подару,
Да зычю, чтобъ далъ ти Богъ счасливе скончати
Сей святый актъ, кторый рачилеся почати.

МУЖИКЪ *яблоки носить.*

А я уже яблочки приношу вашети;
Прійми ихъ, добродѣю, здадутся наветы.
(*Ту Евѳиміянъ до мужиковъ рѣчь говорить.*)

ЕВѲИМІЯНЪ.

Дякую вамъ, мужеве; радъ естемъ вашмостемъ.
Слуги! дайте столъ въ избѣ столовой тымъ гостемъ,
А теперь кождому зъ нихъ по тавални дайте.
(*Ту слуги даютъ полотенца мужикомъ, которыи сѣдаютъ у стола.*)

. . . .

И мы ся подарками и сими култуемъ
И вашей панской мости велце денкуемъ.

ЕВѲИМІЯНЪ *(до мужиковъ.)*

Рачьте жь собѣ въ столовой избѣ посѣдати,
Кажу я тамъ всякого напитку вамъ дати.
Слуги! вынесите имъ столъ, заславши коберецъ,
Дайте среднего трунку имъ скилка ведерецъ.

(Ту столъ на игралище поставленъ. Ту слуга другой стулы носить.)

Панове мужеве! тутъ изба столовая,
Жадныхъ въ собѣ николи лавъ не маеть тая.
Овожь вамъ крѣсла его милость высылаеть,
А иншій панъ и доле нехай кто сядаеть.

МУЖИКЪ.

И мы, нашъ добродѣю, не пышные люди,
Хорошое намъ мѣсце тутъ и доле буде.
Ось я першій на земли гречи собѣ сяду
Да и ноги звѣшаю; сядь тутъ и ты, дядю!

СЛУГА.

Осе жь и напитокъ вамъ, мужеве, выносимъ
Одъ пана сенатора и на той васъ просимъ,
И самъ панъ Евѳиміянъ проситъ васъ на тое.
Будьте веселы, теперь веселе святое.

МУЖИКЪ ПЕРВЫЙ.

Почнижъ самъ, паниченьку, щобъ и мы посмѣли
И лѣпшую охоту напитися мѣли.

СЛУГА *(мовить: «Барзо добре»!)*

Пану Евѳиміяну нехай лѣта многа
Зычю его милости всѣхъ добръ отъ Бога!
Дай, Боже, щобъ дочекалъ онъ зъ сына потомства
На помножене свого зацного домовства!

А вашмость щобъ потѣху зъ своихъ дѣтокъ мали,
Щобъ они васъ въ старости кіемъ подпирали!
Нехай ваши волики, козки, козенятка,
И ввесь статочокъ здоровъ и егнятка!
Зъ ними и вы здоровы! Того вамъ виншую,
А пью заздоровную до вашмости сію.

МУЖИКЪ.

Дякуемъ, паниченьку, що добрымъ здоровьемъ
Повинчовалъ еси насъ и всѣмъ поголовьемъ.
Суди жь, Боже, нашому пану Ѳипіяну
Сынка своего бачити въ малженскомъ стану!
Ось веселився на вѣкъ зо всеею
Панскою ѳамилею зацною своею.
За здоровечко жь его милости сповняю
И отждужать випити....

СЛУГА.

Ласкавы жь будьте, уже сами ся чостуйте:
Я мушу пойти къ пану; прошу, не здивуйте!

МУЖИКЪ.

И будемо и сами, коли есть що пити.
Здоровъ, Зѣнку, къ тобѣ пью, щобъ ты живъ на свѣтѣ!
Але жь добрый напитокъ, щира малзамѣя!

МУЖИКЪ.

Чи диво жь у такого пана добродѣя?
Господи жь, благослови! Ось и я скоштую:
Здоровъ, куме Свиридъ, къ тобѣ охверую,
А не жартомъ, же добрый заразъ ся почувся.
На; да не духомъ пій, щобъ есь не заслынувся.

МУЖИКЪ.

Але жь добрый напитокъ! Не выпью я много,
Бо и молодикомъ не пивавъ такого.

МУЖИКЪ.

До вечера, якъ бачу, вы ся честовати
Сами лишь будете и собѣ росправляти,
А до мене то черга колись прійти маеть,
Нахилю жь я изъ цебра; нехай хто звягаетъ.
(*Ту мужикъ изъ шата пьетъ.*)

МУЖИКЪ.

Да тамъ-ся старый; що тобѣ приступило?
Напитокъ власне огонь, а такъ жерешь смѣло!
Едь заразъ тебе кинеть, що отсюль не трапишь.
Отъ уже черга пришла: здоровъ! що ся квапишь?

МУЖИКЪ.

До мене вже пій, ужъ у ему очи
Посоловѣли власне якъ у поторочи.

МУЖИКЪ.

Добре нашъ старый почавъ. Що маемъ ся бавить?
Озмемъ зъ конвы нахилять; панъ еще поставить.
(*Ту вино мужики весь изъ шата пьютъ.*

МУЖИКЪ.

Да тямъ-те ся щось то вамъ нелѣпшое стало
Коли жь еще напитку вамъ гетого мало?

МУЖИКЪ.

Мало, ой мало! булшъ! Треба не звать было,
А келишь мнѣ цеберъ, ось еще напьюся.
Охочь старъ, да молотчалъ, не хутко звалюся.
За добре здорове пана Ѳиміяна! многа лѣта!
Пойте всѣ: многа лѣта! пійте голо!
(*А ту весь рекутъ*: «Многа лѣта!»)

СЛУГА.

Змилуйтеся, мужеве! Спокойне гуляйте!
Теперь панъ обѣдаеть, не перешкожайте;
Заразъ и вашимъ милостямъ обѣдъ дати маеть,
Теперь паштеты зъ столу свого присылаеть:
Тымъ перекусѣть собѣ, а напотомъ пійте,
Тылко, прошу васъ, больше, якъ волки, не выйте.

МУЖИКЪ.

Уже ся мы, паничу, напиткомъ култуемъ,
А обѣду не хочемъ и не потребуемъ.
Пойди ты, отъ насъ пану поклонися гречне,
Хочутъ може выскочити мужеве конечне.
Нехай намъ тута каже цымбаломъ зайграти,
По чомъ же будемъ его веселе знати.

МУЖИКЪ.

Аковотее мы коли бъ скоштовали.

МУЖИКЪ.

Тху, пекъ вамъ, якъ собаки усе похватали.

СЛУГА 3-й (*до Евѳиміяна рѣчь говорить*):

Велможности вашой свой поклонъ пресылаютъ
Презацные мужеве, да цымбалъ желаютъ.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Барзо добре; нехай до нихъ музыки поспѣшатъ,
Ачей и насъ мужеве танцомъ своимъ утѣшатъ,
И ты, ежели хочешь, туды жь завенися,
Передъ ними напередъ пойди, не лѣнися.

СЛУГА.

На росказане вашей велможности учиню тое.
Вы идите, музыки, за мною.
Осе жь вамъ и музыку панъ нашъ высылаеть,
Выскочьте собѣ гречне, нехай вамъ зайграеть,
А я передъ поведу, на мене жь глядѣте:
Якъ я буду танцовать, такъ и вы скочите.

(Ту танцовать будутъ.)

Танцуйте уже сами, заваже не хочу.

МУЖИКЪ.

А вже жь якъ знаешъ; такъ я по переду скачу.

МУЖИКЪ

Пойти бачу и собѣ туды жь поскакати;
Ходи за мною, будемъ на передъ ступати.

(Ту мужики съ собою переговариваютъ.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Отъ, поганые сыны, перешли дорогу;
Одъ я вамъ которому-сь переломлю ногу.

МУЖИКЪ ДРУГОЙ.

Е, отъ пакъ пришли зъ боку,
Да перебили строку.

МУЖИКЪ.

А кого то ты, старый псе, такъ зневажаешъ?
Якій ты венатъ, що намъ ноги ломать маешъ?

МУЖИКЪ ПЕРВОЙ.

Ось такій сюда лишенъ, подай мнѣ чуприну.

(Ту цымбалисты отъ мужиковъ прочь идутъ.)

МУЖИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Чи! такъ ты почавъ, стуй же лишь, собачій сыну:
Осе жь и у мене руки есть.

(Ту сваръ и битва всѣмъ мужиковъ стается; посля мужикъ пятый, будто иныхъ меньше пьянъ, мирить ихъ.)

МУЖИКЪ ПЯТОЙ.

За якую вы трясцу бьетеся? Да стойте,
Принамне сенаторскій дворъ сей пошануйте:
Що хто коли есть виненъ, до пана пойдѣте,
Сами ся не перечьте, тамъ ся розсудѣте.

(Ту всѣ мужики кричатъ и отходятъ съ позорища. Ту, по отходѣ мужиковъ, мужикъ 5-й отъ людей прощеніе просить.)

О давъ бы вамъ золы пить, а не малзамѣи!
Якои наробили они голосѣи!
Хмѣль—не вода, якъ кажуть. Панове! пробачьте,
А на ихъ пьяныхъ за то диковать не рачьте!

Конецъ игралищу первому.

ДѢЯНІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫХОДИТЬ АЛЕКСѢЙ: ОСТАВИВШИ ДОМЪ РОДИТЕЛЕЙ И ЖЕНУ, ПОИШОЛЪ ПРОЧЬ.

Которую ми Цнота постлала дорогу,
Въ тую ато выхожу уже, хвала Богу!
Выбачте ми, родичы, же васъ оставую:
Божіему званію я ся повиную.
Вѣдаю, же будете по мнѣ, своемъ сыну,
Тяжко болѣзновати и плакати вину;
Але мѣйте отъ Бога радость и здравствуйте,
А о мнѣ, Алексѣю сынѣ, памятствуйте:

Ежели коли до васъ пелгрымъ привендруеть,
Вспомните, же такъ же вашъ где-сь сынъ пелгримуеть.
Выбачъ, облубениціе, же тя опустилемъ,
Любъ животъ свой зъ тобою провадити мѣлемъ,
Маешъ перстень мой и пасъ рыцерскій, ввиніоный
Въ обруси; вспоминай мя, глядячи на оный,
Вспоминай Алексѣя, жениха своего,
Кторый, для душевного спасеня моего
Въ далекіе страны отхожу отсюды:
Тамъ въ дѣвствѣ и въ убозствѣ служить Богу буду.

Ту съ Алексѣемъ стрѣлся НИЩІЙ *и рѣчь до Алексѣя говорить:*

Здоровенекъ, паничу! Здоровъ, мой господарю!
Дай милостыню старцу шележковъ не пару [1]),
Щобъ тобѣ Богъ пощастивъ, що мыслишъ, гадаешъ!

АЛЕКСѢЙ.

Давъ бы, старче; лечь грошей при минѣ не маешъ.

СТАРЕЦЪ.

Таки жь чимъ колвекъ мене подари старого.

АЛЕКСѢЙ.

Вѣрь же, старче, не маю при собѣ ничого,
Хиба отъ сіе тобѣ отдамъ моѣ шаты,
А твоѣ старческіе возьму собѣ латы.

СТАРЕЦЪ.

Жартуй здоровъ, паниче! вже мнѣ не носити
Такихъ шатъ, симъ мнѣ драптнемъ до смерти трусити.

АЛЕКСѢЙ.

Не жартую, лечь правду тобѣ повѣдаю:
Ото передъ тобою оные скидаю.

---

[1]) Въ рук.: *испару*.

СТАРЕЦЪ.

Не чини мнѣ, панятко, того: скажутъ люде,
Що я тя забилъ, такъ мнѣ бѣда и соромъ буде.

АЛЕКСѢЙ.

Не варуйся, вѣрь же мнѣ, а болшъ не спирайся,
Дай мнѣ свои лахманы, а въ мои вбирайся.

СТАРЕЦЪ.

Вже жь коли есь наперся, нѣчего чинити,
Мушу съ тобою свои латы отмѣнити.

(*Ту нищій съ Алексѣемъ платье мѣняетъ*).

АЛЕКСѢЙ, *давши свою шату нищему, рѣчь до нищего говоритъ.*

Обачишь самъ, якъ у ней будеть тобѣ гречне.

СТАРЕЦЪ.

И я ее уздевать на себе не буду;
Ось якомусь вельможи я оную збуду.

АЛЕКСѢЙ.

Маешь же кому збывать, я жь тобѣ нараю:
Евѳиміанъ, сенаторъ рымскій, добре знаю,
Такого власне, якъ я, сына собѣ маеть,
Которому тепере веселе справляеть:
Оте жь къ Евѳиміяну сію неси шату,
Будешъ добрую певне отъ него мѣть плату.

(*Ту старикъ зъ шатою отходитъ; Алексѣй по отшествіи нищего говоритъ.*)

Хвала Богу, же мнѣ той человѣкъ нагодився,
Жемъ въ лахману старчую нарядився!
Уже мя и власные слуги не познаютъ,
Если мя гдѣ натраѳятъ: бо шукати маютъ.
Перши то до убожества степень вижу быти,
Въ которомъ, дай Боже, стале мнѣ до смерти жити,
И въ семъ, который зачалемъ, спутшествуй ми пути
И настави мя, гдѣ ся маю обернути.

УРІИЛЪ АРХАНГЕЛЪ *(до Алексѣя).*

Во Мезопотамію до Едеса града
Спѣшись, Алексѣе! моя тобѣ рада.
Тамъ при богородичномъ храмѣ будешъ жити,
Богу и Богородицы угодно служити.

АЛЕКСѢЙ.

Боже! благодарю тя, же ми путь сказалесь!
Спѣшуся тамъ охочо, гдѣ ми росказалесь.

Приближаючися до Едеса АЛЕКСѢЙ:

Се градъ Едесъ; се есть той храмъ царицы неба.
Тутъ мнѣ, яко же слышелъ, склонитися треба.
(Смотрячи пречистой дѣвы Маріи на образъ, такъ до него мовить Алексѣй:)
Подъ твой покровъ, чистая дѣво, прибѣгаю:
Тебе нерушимый столпъ дѣвства быти знаю.
Утверди мя, царице, бымъ твоему сыну,
Христу Богу, и тобѣ чисто служилъ выну.
Птенецъ есмь, ловящихъ сѣтей избавленный,
Да не паки отъ міра буду уловленный!
Благосѣннолистовно древо, Дѣво мати!
Даруй ми подъ твоею сѣнію витати.

ДѢЯНІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДЭНЪ ПЯТЫЙ.

ТУ ВЫХОДИТЬ ЕВѲИМІЯНЪ ПЛАЧЛИВЫЙ.

Разомъ, якъ вижу, на свѣтъ съ собою ся родять
Радость мірская и скорбь: бо за едно ходять.
Самъ на собѣ тоей правды дознаваю,
Гды по радости печаль незносную маю.
Радость зъ сына моего Алексѣя мѣлемъ,
Зъ того ся едине предъ всѣмъ свѣтомъ хвалилемъ;
Звлаща теперь, гдымъ ему пошлюбилъ былъ панну,
Зъ всѣмъ моимъ домомъ мѣлемъ радость неизглаголанну,
Сподѣвалемся бо тѣмъ южь зъ него потомства
На помноженe моего зацнаго домовства;
Ажь мя тая надѣя и мыслъ омылила
Такъ далече, же и мнѣ теперь есть не мила,
Гдымъ до малженства сына я не примушалемъ,
Всегда ся въ дому моемъ зъ него утѣшалемъ,
Ато жь его примусилъ невѣсту поняти,
А онъ, вижу, Богу хтѣлъ въ дѣвствѣ работати,
И такъ же воли моей не хтѣлъ ся противить,
Зажилъ на тое штуки, кожды ся задивить:
Пасъ рыцерскій и перстень свой давши невѣстѣ,
Пошолъ отъ ней зъ ложницы чистъ безъ жадной вѣсти,
Пошолъ таемне зъ моего отцевского дому,
Не сказался, якъ живо, ни мнѣ и никому.
Власне въ воду впалъ, вѣсти о немъ я не чую,
Для того тяжко серцемъ о томъ болѣзную,
И слѣду за нимъ отнюдь не могу узяти,
Куда бымъ слугъ мѣлъ моихъ въ погоню послати.

СТАРИКЪ НИЩІЙ *шату Алексѣеву Евѳиміяну приносить.*

Чулемъ, велможный пане, же ты сына маешъ,
Которому веселе теперя справляешъ;

Такъ ему купи сію шату, добродѣю,
Що хочь, дай: я съ тобою торговать не смѣю.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Старче! гдѣ-сь взялъ такіе дорогіе шаты?

НИЩІЙ.

Паничъ якись зо мною замѣнялъ на латы,
За свиту мнѣ одежда досталася сія.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Ахъ! се есть риза моего сына Алексѣя.
Гдѣ жь ся ты теперь, сыне мой, оборочаешъ?
Въ якой скорби по тобѣ естемъ, чи не знаешъ?
Молвилъ бымъ, жесь зъ Іосиѳомъ отъ звѣра пожренный!
Мыслилъ бымъ, жесь отъ брата въ ровъ воверженный!
Мовилъ бымъ, жесь отъ брати въ Египетъ проданный;
Але-сь братіи не мѣлъ, сыне мой коханый!
И для того, гды твою ризу огледаю,
Барзей, нежели Іяковъ, по тобѣ рыдаю:
Ияковъ самъ былъ жалю своему причина,
Же послалъ Іосиѳа, коханого сына,
До братіи, которые заздрость уже мали
На Іосиѳа и его згубити желали;
А ты самъ доброволне въ старости оставилъ,
Алексѣе, мя, отца, и смутокъ набавилъ.
Утратилъ былъ Іяковъ Іосиѳа сына,
Такъ предъ ся въ смутку радость мѣлъ зъ Веніамина;
А я, гдымъ тя утратилъ, сыне мой единый,
Хто мя въ моемъ ѳрасунку, хто потѣшить иный?
Не маю уже теперь потѣхи ни зъ кого:
Маю слугъ, маю скарбовъ, маю злата много,—
Що жь ми потомъ все тое? Комусь ся достане?

Чужому, который мя, може, ни вспомяне!
Уже наша ѳамилія и слава вся згине
Безъ тебе, Алексѣе, коханый мой сыне!

Ту СЛУГА ПЕРВЫЙ *Евѳиміяна тѣшить.*

Велможны мосци пане! южежь що чинити?
Рачь ваша мость отъ смутку себе уволнити:
Бываетъ всякихъ пригодъ на людей не мало,
А тутъ, якъ вижу, Богу такъ ся подобало,
Же есте Алексѣя своего пострадали.
До васъ, родичовъ своихъ, вернется азали.

СЛУГА ДРУГОЙ *(Евѳиміяна тѣшить).*

Не цале то онъ домъ вашъ отцевскій оставилъ,
На часъ одышолъ, жебъ ся еще гдѣсь забавилъ
Въ наукахъ вызволоныхъ, любъ въ рыцерскомъ дѣли,
Яко бысте болшую зъ него славу мѣли.
Прето не хтѣй ся, вашмосць, панъ ѳрасовати:
Дасть Богъ, же знову будешъ его оглєдати.

ЕВѲИМІЯНЪ *(дякуеть за потѣху).*

Дякую за потѣху, лечь, на ризу сію
Глядѣчи, жадной о немъ надѣи не мѣю.
До пани моей тую ризу понесите,
Альбо рачей тутъ еѣ до мене просѣте:
Бо, якъ нашу шату сыновную гляneть,
То зъ жалю великого жива чи зостанеть?

(Аглаисъ, жена Евфиміянова, плачлива приходить, до ктоѵей такую Евфиміянъ рѣчь говорить.)

Аглаисъ, пани моя! отъ намъ скорбъ ся стала!

АГЛАИСЪ *(отвѣщаеть).*

Ахъ сталася, пане мой, да еще не мала!
Гдесь то мы надъ всѣхъ людей грѣшнѣйшіе въ свѣти,

Людцкого собѣ щастя же не можемъ мѣти?
У людей часомъ будетъ сыновъ до десятка,
А зъ всѣхъ тыхъ радость маеть отецъ и матка,
Зъ потомства ихъ утѣху собѣ отбираютъ,
Зацныхъ своихъ ѳамилій помножене маютъ;
А мы едного сына мѣлисмо отъ Бога,
А и зъ того не радость, лечь печаль намъ многа,
Которую сынъ нашъ Алексѣй намъ справилъ,
Гды насъ, родычовъ своихъ, и домъ нашъ оставилъ
И пошолъ, не знать где-сь, пелгримовати:
Не далъ о собѣ вѣдать никому и знати.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Отъ сей старецъ гдесь его на дорозѣ бачилъ,
Которому и шату свою онъ дать рачилъ.
Виждь, чи познаешь, чія одежда есть сія?

АГЛЯИСЪ.

Ахъ! се есть сына моего Алексѣя!
Куды жь ся ты обернулъ, сыне нашъ коханый?
Пустъ есть безъ тебе домъ нашъ, въ свѣти заволаный.
За що то мы нелюбовь твою заробили?
Хиба же тобѣ панну были пошлюбили?
Волно жь ти было нашой не послухать воли,
Нежели насъ зоставлять въ такъ незносномъ боли! [1]).
Кудыжь онъ пошолъ? Скажи ми, старенкій дѣду!

НИЩІЙ.

Не укимовалъ же бо и я его слѣду.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Предся таки знаешь, гдѣ бачился зъ тобою.

[1]) Въ рук.: *болю.*

НИЩІЙ.

Знаю.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Оте жь поведешъ туды моихъ слугъ зъ собою.
Ходи жь въ домъ мой; слугъ выправлю оттуду,
Бы Алексѣя шукали повсюду.

ДѢЯНІЕ ВТОРОЕ.

ВИДОКЪ ПЕРВЫЙ.

ГОНОРІЙ, ЦЕСАРЪ РЫМСКІЙ.

Цесаръ рымскій и всего заходу панъ славный
Естемъ. Зымени моего гоноръ мой есть славный.
На крестѣ святомъ имя Гоноpій ми дано,
Отъ дѣтинства на гоноръ мене промовано:
Бо Гоноріемъ быти значить гоноръ мѣти, —
Кождый тое ростропный може зрозумѣти.
Яко жь титулъ мой добре зъ рѣчу ся згожаеть,
Въ цесарскомъ мя гонорѣ кождый оглядаеть,
Кторый отъ отца моего маю себѣ данный.
Отецъ мой Ѳеодосій, великій названный,
Кторый цесаромъ паномъ былъ и на востоцѣ
И заходные страны въ своей трималъ моци,
Той двохъ тылко сыновъ насъ мѣлъ собѣ немного:
Аркадія едного, а мене другого.
Аркадія жь посадилъ на всходнемъ престолѣ,
А заходнее панство моей злицылъ воли.
Аже бысмо тымъ панствомъ добре справовали,—
Бо смо вельми молодыи по отцу застали,—
Теды отецъ нашъ и панъ, гды мѣлъ пойти зъ свѣта,
Далъ намъ былъ опекуновъ людей старыхъ въ лѣта,
Яко бы оны и насъ молодыхъ глядѣли

И панствомъ нашимъ по части радили.
Ажь тые опекуны почали зле зъ нами:
Насъ хотятъ съ панства вызуть, а пановати сами.
Опекунъ брата мого, якъ ми дошли вѣсти,
Мыслить цале Африку и въ весь всходъ посѣсти,
Войну уже былъ подноселъ на пана своего,
Аркадія кесаря и брата моего;
Але его поразилъ братъ ему рожоный,
Отъ Аркадія надъ всѣмъ войскомъ преложоный.
Потреба прето и мнѣ осторожнымъ быти,
Жебъ и мой такъ не хтѣлъ опекунъ учинити.

БОЯРИНЪ ПЕРВОЙ.

Потреба, наяснѣйшій цесару и пане!
Бо и на тебе певне война встане:
И твой бовѣмъ опекунъ тое жь замышляеть,
Тылко потаемне, же мало хто и знаеть,
Бо, звитяживши Готовъ, вельми збогатился
И надъ мѣру зъ витяжства того разгордился.
Вже згола противъ себе никого не ставить.
Всѣхъ за подлыхъ маеть, себе тылко славить;
Почалъ фикціи строить з абоими народы,
Сталъ не любить милого покою и згоды,
Радъ бы тылко, якъ видимъ, все войну чинити.
На що было Вандаловъ и Швабовъ дражнити?
А то, давши имъ власне якъ на злость причину,
Въ гишпанскую на тое звабилъ ихъ краину,
Бы въ твоемъ панствѣ сталася замѣшанина,
Яко бы подъ часъ той моглъ своего сына
На панствѣ посадити; туды онъ керуеть:
Прето ваша мость панска нехай ся варуеть.

БОЯРИНЪ ДРУГОЙ.

И я признаю вѣрне, же на то онъ годить.
Зрадецко ся, пане нашъ, съ тобою обходить:

Чи то маеть послушность къ вамъ, альбо щирость?
Же ваша цесарская позволила милость
Царю готскому мѣсце въ Гишпаніи мѣти
И тамъ ограничнымъ панствомъ ему жити;
А онъ панскую вашу волю преставилъ
И пословъ готскихъ грозно и зъ нищимъ отправилъ.
А то все чинить, абысь наслѣдовать впокою,
Бо, видишь, общыхъ людей гнѣваеть съ тобою,
Бы вашецъ на Марсовымъ полю забавлялся,
А онъ на мѣсце вашомъ въ Римѣ зоставался,
Яко бы моглъ до того посполъство склонити,
Жебъ его сына паномъ хтѣли учинити.

БОЯРИНЪ ТРЕТЕЙ.

Явна и то на него суспиція зрады,
Же николи ничіей не слухаеть рады:
Хочь зле, добре, що самъ хоче, тое чинить;
На кого ся розозлить, того внетъ обвинить,
А особливе ему хто не оплявдуеть,
Того не любить барзо, тому и смерть кнуеть.
А хто зась похлѣбуеть и той жь за нимъ радить,
Того любить и того на урядахъ садить
Подуѳалцовъ, ижь собѣ до килка сотъ маеть,
А и збройныхъ жолнѣровъ еще прибираеть.
А то на що? Чили то на его пристоить?
Много панъ туторъ вашей моєци собѣ кроить,
Посполству смиреннымъ ся и ласкавымъ ставить,
А то все, жебъ у его ласку собѣ справить,—
Жебъ его сыну панство досталося въ руки,
Туды онъ горне; знаю я его всѣ штуки.
Острожне, наяснѣйшій пане, треба зъ онымъ,
Же бы зъ вами не было, що зъ вашимъ рожонымъ.

ГОНОРІЙ.

Вашего, пане канцлеру, що будеть за слово?
Чи боронишь его, чи оскаржишь сурово?

ДЬЯКЪ ДУМНОЙ.

Я оскаржать никого не радъ, ховай Боже!
Тылко жь бо починаеть онъ вельми негоже:
До всѣхъ сталъ злосливымъ, никого не любить,
Все тылко а все зъ того звитяжства ся хлюбить,
Же голодомъ поморивъ Готѳовъ тысячь двѣсти,
Въ Гетруріи облегши ихъ у тѣсномъ мѣсти.
Вашому тое щастю приписати треб,
Вамъ то звитяжство тое дано было зъ неба,
Яко цесару; а онъ, же мѣлъ въ томъ старане,
Маеть за тое отъ всѣхъ насъ подекoване.
Але съ того неконтентъ, въ пыху ся подносить,
Всѣмъ ставится съ рогомъ, всѣхъ окомъ переносить;
Хтѣлъ бы, жебъ всѣ Рымляне предъ нимъ стояли;
Радъ бы, жебъ жадной отъ васъ мы ласки не мали,
Ваша цесарская мосць на кого погляне
Веселымъ окомъ, тому онъ ворогомъ стане;
Кого на гоноръ ваша цесарская мосць всадить,
Того вашъ панъ опекунъ радъ бы зъ свѣта зладить.
А то все чинить зъ гнѣву и зъ своей злости,
Явне противечися вашей панской мосци.
Тую завчасу его злость рачь укротити,
Ежели хочешъ въ своемъ панствѣ покой мѣти.

ГОНОРІЙ.

Такъ же мой панъ опекунъ собѣ починаеть!
Осе жь познаеть, якъ то пана зражать маеть!
Дякую вамъ велице за перестрогу,

Буду же коло себе мѣти чулость многу,
А зъ нимъ що почать, ваше хочу слышать здане.

БОЯРИНЪ ПЕРВОЙ.

Насмертельное то онъ заслужилъ коране.

ГОНОРІЙ.

Безмалъ тое не буде, ежели почую
И отъ Евѳиміяна пораду такую:
Бо я безъ его рады не вчиню ничого,
Маю абовѣмъ его за отца другого.
Слуги! просѣте до насъ тутъ Евѳиміана,
Нехай изволитъ прійти до цесаря пана.

(*Ту Евѳиміянъ плачливый къ цесару выходитъ.*)

ГОНОРІЙ.

Що то сталосе, милый ты Евѳиміяне?

ЕВѲИМІЯНЪ.

Смутокъ великій стался, наяснѣйшій пане!

ГОНОРІЙ.

Що за смутокъ и що то за жалоба сія?

ЕВѲИМІЯНЪ.

Утратилемъ своего сына Алексѣя.

ГОНОРІЙ.

Яко? що зъ твоимъ милымъ Алексѣемъ стало?

ЕВѲИМІЯНЪ.

Я бо и самъ не знаю, що ему припало.
Въ малженствѣ его водить усилне желалемъ

И уже то ему актъ веселный справлялемъ:
Гды пришло къ вечеру, вступилъ до ложницы,
И утеклъ отъ своей чистъ облюбеницы,
И пошолъ где-сь безъ вѣсти изъ моего дому,
Не сказался ни мнѣ, ни матцѣ и никому.

ГОНОРІЙ.

Що то ся ему стало? Вельми мнѣ ужасно,
Же родичовъ и панну оставилъ напрасно.
Жалую по немъ и я и вельми болѣю:
Мѣлемъ бовѣмъ певную въ немъ тую надѣю,
Же мѣлъ Евфиміяномъ вторымъ быть въ сенатѣ,
Умѣлъ бы раду на все здоровую дати,
Бо видѣлемъ его быть ростропнымъ, учонымъ,
Найбарзѣ въ красомовствѣ добрѣ выцвичонымъ.
Але гды такъ учинилъ, яко отъ васъ чую,
Же ся не знать, гдѣ подѣлъ, вельми болѣзную.

БОЯРИНЪ ПЕРВОЙ.

Не тылко цесарская ваша мосць жаль мѣеть,
Лечь по немъ и вся наша отчизна болѣеть,
Же позбыла другого праве Сципіона,
Была бъ ей потужная зъ него оборона.
Южь мы бовѣмъ его были розумѣли,
Же мѣлъ велце отважный быть въ рыцерскомъ дѣли.

БОЯРИНЪ ДРУГОЙ.

Я такъ мовлю, же весь свѣтъ теперь ламентуеть,
Гды Алексѣя уже въ себѣ не найдуеть.
Бо то певнѣ онъ свѣта цале отцурался,
Же бы презъ смиреніе Богу милымъ стался.
Знаю, же свѣтъ ему мѣлъ всѣ роскоши дати,
На высокіи гоноры его промовати;

Лечь онъ то все погордѣлъ, не хтѣлъ въ свѣтѣ жити,
Пошолъ где-сь на сторону Богови служити.

ГОНОРІЙ.

Даймо покой той мовѣ. Богъ его мысль знаеть.
Чи шукалесь его? Може, въ Рими быти маеть?

ЕВѲИМІЯНЪ.

Южь его въ Рыми не машъ, бо пилно шукалемъ;
Вже и поблизу коло Рима слугъ послалемъ.

ГОНОРІЙ.

Не коло Риму тылко, але по всемъ свѣтѣ
Слугъ поразсылать, если хочемъ его мѣти.
Я самъ пошлю не тылко слугъ моихъ надворныхъ,
Але килка ротъ добрыхъ жолнѣровъ и збройныхъ,
Бы его въ чужихъ странахъ шукали, пытали,
Такито онъ нигдѣ дѣвся обрящутъ азали.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Дякую ти велице за ласку такую,
Всегда быть благодаренъ [1]) самъ я обѣцую.

ДѢЯНІЕ ДРУГОЕ.

ВИДОКЪ ДРУГОЙ.

(*Ту выходять слуги: пять цесарскихъ, а пять Евѳиміяновыхъ въ далекіе страны искати Алексѣя.*)

СЛУГА ПЕРВОЙ ЦЕСАРСКОЙ.

Гонорія цесара посланы
Пущаемося въ далекіе страны
Евѳиміянова сына шукати,

[1]) Въ рукописи: *благороденъ*.

О второмъ и тутъ не вадить спытати,
Чи не моглъ его видить хто, скажите,
Принамней за нимъ слѣдъ намъ покажите,
Гдѣ ему зъ Риму припала дорога.
Если хто знаеть, скажите для Бога!
Самъ Евөиміянъ о тое всѣхъ просить,
Который по сыну жалосне голосить.
Якъ то пакъ отцу рѣчь есть нежалосна
И овшемъ болѣзнь ему есть незносна,
Же мѣлъ щегулне сына единого,
А и той его покинулъ старого,
Покинулъ, и, гдесь подѣлся, ни знати:
Скажить, хто знаеть: гдѣ его шукати.

СЛУГА ДРУГОЙ.

Куда отсюды моглъ ся обернути,
Згола за онымъ не возьмемъ и пути,
Скажить: самъ цесаръ о томъ пытаеть,
По Алексѣю бо и онъ жаль маеть.
Бо его видѣлъ мудрымъ въ кождой справѣ,
Першее мѣсце въ сенаторской лавѣ
Алексѣеви мѣлъ запевне дати:
Былъ бы Тулліушъ онъ другій въ сенати.

СЛУГА ТРЕТІЙ.

И овшемъ былъ бы Тулліушъ запевне,
Для того жъ весь Римъ по немъ плачеть ревне,
Же сенатора въ лѣтахъ молодого
Утратилъ, але въ ростропность старого.
Зъ Евөиміяна дознаеть, якой
Изъ Алексѣя сподѣвалъ такой
Славный Римъ собѣ порады здоровой
И обороны въ потребѣ суровой.
На Алексѣю алиць омылился:

Ото бовѣмъ онъ зъ Риму удалился
И въ чужіе гдѣсь страны пойти рачилъ.
Скажите, просимъ, ежели хто бачилъ.

СЛУГА ЧЕТВЕРТЫЙ.

Милый панъ Боже! Гдѣ онъ пелгрымуеть?
Весь станъ рыцерскій по немъ ляментуеть,
Же кавалера своего и спол брата,
На гетманскую годность кандедата
Утратилъ; прето жаль маеть незносный,
А тымъ найбарзе зостаеть жалосный.
Же вѣдомости жадной не маеть,
Алексѣй теперь гдѣсь оборочаеть.
Дороги куда онъ чи не пытался,
Скажите, альбо зъ кимъ чи не споткался.

СЛУГА ПЯТЫЙ.

Якъ то хто его не моглъ гдѣ его спотками,
Вшакъ пустинею не моглъ утѣкати,
Таки то мусилъ держаться дороги,
А на дорогѣ люде завше многи.
Прето, если хто любъ видѣлъ на пути,
Альбо принамней моглъ о немъ гдѣ чути,
Скажите: вся рѣчь посполита просить,
По Алексѣю бо и она носить
Смутную вельми на собѣ жалобу,
Же его свою втратила оздобу.

СЛУГА ПЕРВОЙ ЕВѲИМІЯНОВЪ.

Яко дворяне цесаря и пана,
Та тежъ и слуги мы Евѳиміана
О Алексѣю пилно ся пытаемъ
И, яко своего паненка, шукаемъ.
Рады смо были молодому пану,
До малженского гды приходилъ стану;

Ставился бовѣмъ завше насъ ласкаве,
За товарышовъ своихъ мѣлъ насъ праве
И южь при боку его казалъ жити
Намъ Евфиміянъ и ему служити.
Тому бысмо ради и мы сами,
Ажь ото сталося нѣщасте зъ нами,
Же насъ Алексѣй покинулъ овшеки
И пустился гдѣсь въ стороны далеки.
Если бъ принамне намъ быть ознаймился,
Кождый зъ насъ за нимъ пойти бъ не лѣнился,
Мило бъ намъ бы зъ нимъ пелгримовати;
Але пошолъ, же не моглисмо знати,
И не знаемъ, гдѣ теперь ся знайдуеть.
Скажите, просимъ, кто о немъ гдѣ чуеть.

СЛУГА ВТОРОЙ ЕВѲИМІЯНОВЪ.

Жалуемъ по немъ мы, яко по пану;
Але неровный жаль Евѳиміану,
Же Алексѣя позбылъ своего сына,
Которого себѣ мѣлъ тылко едина:
Мѣлъ отцевское свое въ немъ кохане,
Мѣлъ коло него пилное старане,
Потѣхи зъ него собѣ сподевался,
Ажь надѣи своей ошукался.
Мѣсто потѣхи жаль незносный маеть,
Во своемъ дому гды не оглядаеть
Милого своего Алексѣя сына.
А ни знати, що тому за причина,
Же зъ отцевского дому гдѣ безъ вѣсти
Пошолъ и въ Римѣ не зостался мѣсти.
Если кто бачить, просимо, скажите,
Принамней за нимъ слѣдъ намъ покажите.

СЛУГА ТРЕТЕЙ ЕВѲИМІЯНОВЪ.

Скажите намъ, кому цнота мила,
Нехай бы матка серцемъ не болѣла,

А то южь ледво отъ ѳрасунку жива:
До Алексѣя такъ была горлива,
Же зъ очей своихъ его не спускала,
Зъ него утѣху, свою радость мала.
Теперь,—гды передъ очима его южь своими
Ни въ своемъ дому, а ни во всемъ Римѣ
Не видить его, наветь и не слышить,—
Тяжко болѣеть, и поты не втѣшить
О Алексѣю, поки не почуеть,
Гдѣ, въ якомъ краю теперь ся знайдуеть.
Скажите прето, ежели кто знаеть:
Матка о немъ жалосно пытаеть.

СЛУГА ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пытаеть о немъ и смутная панна,
Которая ему за невѣсту данна,
Где облюбенъ еѣ обернулся.
На дорозѣ съ нимъ чи не розминулся?
Если хто видѣлъ, скажите, не тайте,
Надъ невѣстою его милость майте:
Рѣчь молодая, жебы отъ печали
Здоровя своего не позбыла вмалѣ.

СЛУГА ПЯТЫЙ ЕВѲИМІЯНОВЪ.

Весь домъ Евѳиміяновъ теперь ляментуеть,
Же дѣдича своего въ собѣ не найдуеть;
Въ смутную теперь оный убрался жалобу,
Же Алексѣя своего утратилъ оздобу.
Пустъ сталъ и на руину уже похилился,
Гды его столпъ, Алексѣй, зъ него удалился.
Правда, же господаря еще собѣ маеть
Евѳиміяна, кторый оно вспираеть;
Лечь Евѳиміянъ домъ свой немного вспирати
Буде, бо готовится уже умирати.

Алексѣй мѣлъ ему быть подпорою цале,
На немъ Евѳиміяновъ домъ мѣлъ стоять трвале;
Ажь Алексѣй въ немъ вчинилъ велику руину,
Гды зъ дому своего пошолъ въ чужую краину.
Если хто его бачилъ, рачте намъ сказати,
Гдѣ маемъ Алексѣя млоденца шукати.

СЛУГА ПЕРВЫЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Далѣй отсюду, далѣй поступаймо,
Онъ того еще жебрака спытаймо.

(*Ту сказуеть Алексѣй нищего, сидящего передъ образомъ пресвятой Богородицы. Ту слуги всѣ сошлись до Алексѣя; его не познавши, вопрошаютъ его: не видалъ ли Алексѣя?*)

СЛУГА ПЕРВОЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Будь здоровъ, старче! Такъ тебе витаемъ.
Скажи намъ, о чомъ тебе запытаемъ:
Чи не видѣлесь панича якого
Въ шатахъ коштовныхъ, въ лѣтахъ молодого?
Былъ сенатора сынъ Евѳиміана,
Заволаного въ римскомъ панствѣ пана.
Той паничь пошолъ зъ отцевского дому,
Не знать куды, не сказался никому.

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ! Не видалъ панича такого.

СЛУГА ДРУГОЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Чи не слышалесь же о немъ отъ кого?

АЛЕКСѢЙ

Яжь бо не знаю, якъ его и звано.

СЛУГА ПЕРВОЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Алексѣй имя ему было дано.
Скажи, еслись чулъ: будешъ плату мѣти.

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ! не слышалемъ; на що жь бы таити?

СЛУГА ТРЕТІЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Далей пойдѣмо; дармо ся тутъ бавимъ:
Южь вижу, тута ничого не справимъ.

СЛУГА ПЕРВЫЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Даймо жь мы сему жебраку алмужну,
Здасться то ему на потребу нужну.

СЛУГА ПЕРВОЙ ЕВѲИМІЯНОВЪ.

Даймо и мы: нехай за насъ молитъ Бога,
Же бы щаслива намъ была дорога.

АЛЕКСѢЙ.

Миле изъ рукъ вашихъ елмужну примаю,
Щесливой вамъ дороги спріяю. *(Алексѣй всталъ.)*
Боже! хвалю тя, жесь имъ не далъ мя познати
И сподобилъ мя отъ слугъ елмужну приняти!
Даждь ми по вся дни стале въ сей нищетѣ трвати.

(*Ту игралище.*)

ДѢЯНІЕ ДРУГОЕ.

ВИДОКЪ ТРЕТІЙ.

Ту НЕВѢСТА АЛЕКСѢЕВА *вышла плачлива.*

Алексѣева же естемъ, не таюся,
Облюбеница; але признаюся,
Отъ Алексѣя же есмъ посрамленна
И оставленна.

Наиславнѣйшими межъ паннами всѣми
И наищасливша быламъ колись въ Римѣ,
Бо зъ дому естемъ царска урожона;
Теперь згоржона.
Сенаторскіе не тылко сынове,
Але ксенжента и славны панове,
Абы мя собѣ за невѣсту мѣли,
Сердечне хтѣли;
Але усѣмъ тымъ сталемъ ся отмовна,
Бо мыслъ моя къ нимъ была нелюбовна,
До Алексѣя серце мя склонило
Мнѣ облюбенцомъ, а тымъ его вчинило
Укоханнымъ,
Въ союзѣ любвѣ, нѣтъ, нерозорваннымъ.
Обецывалемъ зъ нимъ жити до смерти,
Въ томъ и умерти.
Онъ взялемъ словомъ шлюбовалъ стокротнымъ
Пріятелемъ мнѣ быти доживотнымъ;
Лечь тому не сталъ паномъ своему слову,
Отминулъ мову.
Такъ же то в тебе милость мѣсце мала,
О Алѣксѣе, и такъ была трвала,
Же ю отменилъ безъ жадной причины
Въ едной годины!
Чи на то жь тобѣ за невѣсту данна,
Же бымъ отъ тебе была ошуканна?
Былъ шлюбъ, бы-сь животъ зо мною провадилъ,
А тысь мя зрадилъ.
Причину того знати бымъ хотѣла,
Для чого тобѣ сталемъ ся не мила.
Хиба жемъ смѣла къ тобѣ любовь мѣти,
Съ тобою жити?
Ежели тобѣ дѣвство было мило,
Серце твое чѣмъ не ознаймило?

Жила бъ съ тобою до смерти чиста
Твоя невѣста.
Ахъ! нихто мнѣ не хотѣлъ порадить,
. . . .
Иже мѣлъ мене напрасно оставить,
Смуткомъ набавить!
Пасъ и перстень свой гды мнѣ давалъ въ руки,
Не моглamъ тое зрозумѣти штуки,
Же для памяти далъ мнѣ знаки сіе,
Абымъ на тые
Глядячи, всегда его вспоминала,
А тымъ больши жаль въ серцу своемъ мала,
Яко жь и такъ есть, же по немъ не въ малѣ
Естемъ печали.
И зъ жалю сама хтѣламъ за нимъ гнати,
Задержаламся, же его шукати
Цесаръ и отецъ слугъ своихъ послали:
Тые азали
Гдѣ его знайдутъ, такъ ся сподѣваю
И на ихъ погледъ миле выглядаю.
Давно посланы, а чемусь бавять,
Чей добре справять.

(Слуги цесарскіе возвратилися, которые искали Алексѣя.)

СЛУГА ПЕРВОЙ.

Отъ Гонорія кесара посланны
И найдалшіе звѣдалисмо страны,
Пилно шукали, пилно смо пытали
О Алексѣю; але не видали
Нигдесмо его, наветъ жадной вѣсти
Не взяли о немъ, ни въ полю, ни въ мѣсти.
Тое цесару ознаймимо пану,
Скажемо также и Евѳиміану.

НЕВѢСТА АЛЕКСѢЕВА.

Ахъ! дармо ся жь, я вижу, дармо тѣшу
О Алексѣю, поневажь такъ слышу,
Же вѣсти не машъ, гдѣ ся онъ знайдуеть.
Чи пелгримуеть?
А Евѳиміяновы гдѣ суть слуги?

СЛУГА ДРУГОЙ

Чулисмо, же южь и они вертають.
Лечь Алексѣя съ собою не мають.

СЛУГА ТРЕТІЙ ЦЕСАРСКІЙ.

Такъ то мы чули, а певне не вѣмы
Не трвожься: може быть, Алексѣй зъ ними.

(По возвращеніи слугъ цесарскихъ.)

НЕВѢСТА.

Юже мнѣ, вижу, тя не огледати,
Але во вся дни по тобѣ рыдати!
Вижу, Алексіе, мнѣ съ тобою не жити,
Лечь якъ сыногорлицы по тобѣ тужити.

ВИДОКЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

ЕВѲИМІЯНЪ ВЫХОДИТЬ ПЕЧАЛЕНЪ, СЛУГЪ СМОТРИТЬ, СКОРО ЛЬ СЯ ВОЗВРАТЯТЬ.

Алексѣя, моего сына, выгледаю,
Ачей чи не явиться онъ зъ якого краю.
Слуги цесарскіе въ Римъ уже повернули,
Нигдѣ о Алексѣю, кажутъ, же не чули.
Тые албо не могли оного познати,
Або, може, не хтѣли съ поволностю шукати;
Моѣ азали его гдѣ обрящутъ слуги,

Бо пилно шукать будуть, якъ вѣрные други;
Тымъ и бавятся, а южь часъ бы имъ быть въ Римѣ.
Дай толко, Боже, жебъ мой Алексѣй былъ зъ ними!

СЛУГА ЦЕСАРСКІЙ (*зоветь Евѳиміяна до цесара.*)

До велможности вашой мене присылаеть
Наяснѣйшій цесаръ-панъ, а того желаеть,
Абы ваша велможность къ нему безъ забавы
Ставился: суть якіесъ поважные справы.

ЕВѲИМІЯНЪ.

Не тылко безъ забавы, лечь скоро вѣдана
Ото иду охотне до цесара-пана.

(*Слуги Евѳиміяновы возвратилися зъ дороги.*)

СЛУГА ПЕРВОЙ.

Слуги посланны отъ Евѳиміана
Не зъ потѣхою до нашого пана
И до славного Риму ся вертаемъ,
Бо Алексѣя съ собою не маемъ.

СЛУГА ДРУГОЙ.

Нигдѣсмо его не нашли, якъ живо;
А то намъ еще великое диво,
Же наветъ о немъ не моглисмо чути
Ни въ якомъ мѣсти, ни на жадномъ пути.

СЛУГА ТРЕТІЙ.

Змѣрилисмо и нацалши дороги,
Страны и панства обходили многи,
И высокіе перешлисмо горы,
И на бурливомъ жеглиговали мори,—
Алексѣя смо нигдѣ не видали
И вѣсти о немъ жадной не мали.

СЛУГА ЧЕТВЕРТОЙ.

Шукати его мы ся не лѣнили,
Пану нашому прислужиться хтѣли;
Але даремне кождый зъ насъ трудился,
Бо Алексѣй намъ, нѣтъ, не нагодился.

СЛУГА ПЯТЫЙ.

Юже жь що чинить туто, ся не бавлю,
Къ Евѳиміяну, пану своему, ставлю:
Тое ознаймимъ, гдѣ есмо бывали;
Якъ онъ росказалъ, такъ мы справовали.

ДѢЯНІЕ ВТОРОЕ.

ВИДОКЪ ПЯТЫЙ.

АНГЕЛЪ УРІИЛЪ АЛЕКСѢЯ, ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ, ЛЮДЕМЪ ОБЪЯВЛЯЕТЬ.

Алексѣя, божого человѣка, знайте!
До него ся въ потребахъ своихъ утекайте!
Бо хтобо Бога его о причину просить,
Той великую ласку одъ Бога односить.
Такъ абовѣмъ далеце Богъ въ немъ ся кохаеть,
Же своимъ человѣкомъ его называеть,
А то за его цноту и милость къ Богу,
Же узкую обралъ себѣ на свѣти дорогу.

(Два изъ рядовыхъ людей пришли къ Алексѣю, вспоможенія просячи.)

ПЕРВОЙ ПРОШАЕТЬ.

Знаю, же естежъ ты мужъ благочестивый
И вельми, вижу, до Бога горливый;
Прето хтѣй о мнѣ Бога помолити,

Же бымъ я въ добромъ моглъ здоровю быти,
Въ своемъ або вѣмъ здоровю шванкую
И барзо часто смертелне хорую.

ДРУГОЙ ПРОСЯЧІЙ.

И я тя быти мужа свята знаю,
Прето покорне тебе упрашаю:
Молитвы о мнѣ творити изволи,
Абымъ былъ въ небѣ по земномъ подолѣ.

АЛЕКСѢЙ *(до нихъ отвѣщаетъ).*

Я и самъ абымъ былъ въ небѣ, дай Боже!
Лечь, если моя що у Бога може
Молитва, буду ей къ нему возсылати,
Абы вамъ, що потреба, все то рачилъ дати.

(По отшествіи просящихъ.)

. . . .

Вижу, же мене тута люди познаваютъ,
Прето чимъ прудшей гдѣ индей отсюду:
Тамъ, никому не знаемъ, Богу служить буду.

Смотря на Римъ, АЛЕКСѢЙ.

До Риму, бачу, тая дорога провадитъ;
Лечь до него мысль моя мнѣ итти не радитъ.
Одно жь пойду тамъ, прикрымъ жебъ не быть никому,
Буду я жить незнаимо въ отцевскомъ дому.

ЕВѲИМІЯНЪ *(отъ цесара возвратився).*

Великую зъ цесаремъ справу есмо мѣли,
Але тую на инши часъ мы отложили,
Бо знать давно, же мои слуги въ Римъ поспѣли;
Для того смо съ цесаромъ бавиться не хтѣли.
Иду къ нимъ; що ти скажутъ доброго, почую
И Алексѣя зъ ними быти обецую.

АЛЕКСѢЙ (*пришолъ до Евѳиміяна, отца своего, и такъ до него рѣчь говоритъ*).

Велможный мосци пане! слышалемъ, же маешъ
Милость къ убогимъ и ихъ въ свой домъ пріимаешъ,
Особливе которые пути отправують,
Христа ради по розныхъ краинахъ странствують.
Рачь и мене, пелгрима бѣдного, приняти,
При дому твоемъ нехай мѣсце буду мати.
Ежели хто изъ твоего роду пелгримуеть,
Нехай его Богъ хранить! Нехай онъ здравствуеть!

ЕВѲИМІЯНЪ (*отвѣщаетъ*).

Маю сына пелгрима. Нещасна година!
Гдѣ теперь естесь, моя потѣхо едина?
Тобѣ при моемъ дому позволяю жити,
Особливого слугу будешъ собѣ мѣти.

АЛЕКСѢЙ.

Жесь мнѣ ласку показалъ въ сей моей потребѣ,
Да воздасть тебѣ Господь за тое мзду въ небѣ!
Позволь же въ дому твоемъ мнѣ будку вчинити,
Бымъ въ ней якую колвекъ моглъ выгоду мѣти.

ЕВѲИМІЯНЪ (*до Алексѣя*).

Ставь кущу въ дому моемъ, будешъ мѣти выгоду
Ты ему служити, завше дамъ ти нагороду.
Теперь тебе до своего запрошаю столу,
Бо и завше зо мною будешъ ѣсть посполу.

АЛЕКСѢЙ.

Не могу у твоего столу я бывати:
Если ласка, тутъ мнѣ рачь хлѣба присылати.

(*Ту Алексѣй хижину себѣ устроилъ.*)

ЕВѲИМІЯНЪ *(до слугъ своихъ).*

Слуги! отъ мене назадъ ся вернѣте,
До столу моего убогихъ ззовѣте.
Пелгриме! чого треба, до мене мѣй слово;
Все, що треба, будеть ти презъ мене готово.

СЛУГИ (*нищихъ ведуть до Евѳиміяна по приказу Евѳиміяна.*)

До вашей мосци убогихъ созвали.

(*Ту Евѳиміянъ столъ велить готовать.*)

ЕВѲИМІЯНЪ *(до нищихъ глаголеть).*

Изволте, Христа ради, хлѣба у мене зѣсти,
Рачьте собѣ безпечне в моего столу сѣсти.
Дай, Боже, мнѣ и въ небѣ зъ вами ся втѣшати,
Тамъ презъ ваши молитвы хиба ся достати!
Слуги! тому пелгриму тое понесѣте;
Иже бы миле принялъ отъ мене, просите.

(*Ту слуги Евѳиміяновы приказные ѣсть вынесли; що лучши, сами поѣли, а Алексѣю сухи хлѣбъ принесли.*)

СЛУГА ПЕРВОЙ.

Не лѣпшъ самимъ поѣсти, нежъ жебраку дати?
Сухимъ хлѣбомъ будеть ся онъ контентовати.

СЛУГА ДРУГОЙ.

На! отъ хлѣбъ панъ нашъ тобѣ присылаеть,
А болшъ напотымъ щось прислати маеть.

АЛЕКСѢЙ.

Отъ Евѳиміяна сей хлѣбъ миле пріимую
И за его милость Бога обецую.

ГЛАСЪ СЛЫШИТЬ ЗЪ НЕБА.

Пріидѣте ко мнѣ всѣ труждающіися и обремененныи, и Азъ упокою вы.

АЛЕКСѢЙ.

Уже мнѣ, вижу, стелется дорога
Зъ сего земного подолу до Бога.
Прето зъ нимъ сей дочасный животъ пожегнаю,
Гисторію о себѣ написать желаю.

(Алексѣй до слуги, который ему служилъ:)

Пойди, брате, ежели цнота тебѣ мила,
Принеси тросгь, паперу и трохи чернила.

СЛУГА, КОТОРЫЙ СЛУЖИТЬ АЛЕКСѢЮ.

Пойду и причинюся до Евѳиміана,
Жебъ ти лѣпшая была потрава давана.

АЛЕКСѢЙ.

Уже мнѣ не треба жадной потравы,
Насыщуся божой въ рыхломъ часѣ славы.

ГЛАСЪ ПОВТОРЕ СЪ НЕБЕСЕ.

Человѣкъ божій исходить изъ тѣла.

(*Ту слуга приноситъ бумаги, перо и чернило Алексѣю; Алексѣй житіе свое описуетъ.*)

АЛЕКСѢЙ *(описавши житіе свое)*.

Время мое приспѣло; южь сей свѣтъ жегнаю;
Еднакъ же не овшеки его оставляю:
Тѣломъ бовѣмъ отхожу, духомъ въ немъ жить буду,
За Римъ и ввесь міръ Бога молить не забуду.

(*Рекъ и преставись, письмо свое руками держа. Архангелъ Михаилъ послалъ два ангела зъ неба по душу Алексѣеву.*)

МИХАИЛЪ.

Человѣкъ божій Алексѣй скончася.
Слышь, Гавріиле и ты, Рафаиле!
Пойдѣте, душу его примѣте миле,
Въ найвышши хоръ нашъ справьте ей дорогу,
Бо угодна есть душа его Богу.

ГАВРІИЛЪ.

Повелѣнное намъ отъ Бога сотворѣмо,
Алексѣеву душу во руцѣ пріимимо.

РАФАИЛЪ.

Пріимемъ и передъ столъ божій ставмо;
Що намъ казано, безъ забавы справмо.

ПО ОТШЕСТВІИ АНГЕЛОВЪ ГЛАСЪ ТРЕТЕЙ ЗЪ НЕБА:

Ищите человѣка божія, еже сотворити о градѣ молитву, яко да пребудете нестужими.

ДѢЯНІЕ ВТОРОЕ.

ВИДѢНІЕ ШЕСТОЕ.

ГОНОРІЙ, ЦЕСАРЪ.

Въ великомъ есмъ и весь Римъ зо мною ужасу,
Кторый такимъ способомъ сталъ въ нынѣшнемъ часу:
Гды Инокентій, папежъ рымскій, литоргію правилъ
Въ церкви Петра святого, тамъ ся и я ставилъ,
Былъ тамъ и ввесь мой синклитъ и посполства много,
Съ пилностью набоженства слухали святого.
Гды всѣ умолкнули,—того якъ была потреба—,
Пришолъ къ намъ такій голосъ громогласный зъ неба:

«Ищите человѣка божія, еже сотворити о градѣ молитву, яко да пребудете нестужими».
Того человѣка въ Римѣ казалемъ шукати,
Лечь не найдено; прето ся мушу ѳрасовати.

БОЯРИНЪ ПЕРВОЙ.

Наяснѣйшій цесару и незвитяжонный!
Слышалемъ отъ посполства, же человѣкъ оный
Въ Евѳиміановомъ маеть быти дому,
Евѳиміянъ о немъ не скажеть никому.
По Евѳиміяна рачь, ваша мосць, послати
И о томъ человѣку оного спытати.

ЦЕСАРЪ.

Слуги! Евѳиміяна тутъ до насъ просите,
О томъ, що смо молвили, вы не голосѣте.

ЦЕСАРЪ *(до Евѳиміяна пришедъ).*

Евѳиміяне! що то наилѣпшого чинишъ?
Человѣка божія въ дому своемъ крыешъ,
А никомусь оного не хтѣлъ ознаймити.
На що ти было его до тыхъ часъ таити,
Ажь зъ неба своимъ его ознаймили гласомъ,
А насъ всѣхъ набавили великимъ ужасомъ?

ЕВѲИМІЯНЪ.

О такомъ человѣку, якъ живо, не знаю,
Аня въ своемъ дому оного я маю.
Правда, живеть у мене якись пелгримъ здавна,
Презъ семнатцать лѣтъ; лечь мнѣ о немъ рѣчь не явна,
Чи человѣкъ божій есть. Якъ ся онъ справуеть,
Того спытати, кторый ему услугуеть.

ЦЕСАРЪ.

Добре повишъ. Сюды къ намъ слугу того ставьте.
Спытаемъ его о томъ; тылко ся не бавьте.

ЦЕСАРЪ *(до слуги мовить, которой Алексію служилъ).*

Ты тому пелгриму послугуешъ, що живетъ у Евфиміана?

СЛУГА.

Я, наяснѣйшій пане, его доглядалемъ,
Во отъ пана моего росказане малемъ.

ЦЕСАРЪ.

Що мовишъ: доглядалемъ? Теперь южь не доглядаешъ?

СЛУГА.

Не доглядаю, бо южь оного не маешъ.

ЦЕСАРЪ.

А гдѣжь подѣлся?

СЛУГА.

Южь зъ свѣтомъ розстался.

ЦЕСАРЪ.

Якъ давно?

СЛУГА.

Тылко що.

ЦЕСАРЪ.

Скажи мнѣ, якъ онъ въ своемъ житіи справлялся.

СЛУГА.

Добре справлялся; жилъ барзо цнотливе;
Вси скорби поносилъ терпливе:
Наши дворяне зъ него ся смѣвали,
А нѣкоторые его и бивали.

*

ЕВѲИМІЯНЪ (*до слуги*).

А чемужь ты мнѣ о томъ не далъ знати?
Умѣлъ бымъ своихъ дворянъ скарати.

СЛУГА.

Самъ онъ боронилъ мнѣ тоей злости,
Бымъ слугъ не скаржилъ вашой панской мосци:
Бо въ терпѣніи великомъ кохался,
Бога всѣмъ серцемъ любилъ и боялся,
Хлѣба и воды вкушалъ не помногу,
Тылко молился безпрестанно Богу
И уже близко передъ смертью своею
Написалъ о чомъ-сь картку и умеръ съ тоею.

ЦЕСАРЪ.

То запевне онъ есть человѣкъ божій,
Поневажь животъ провадилъ такъ гожій.
Пойдемъ скоро въ домъ вашъ, Евѳиміяне!

ЕВѲИМІЯНЪ.

Прошу, рачь пойти, наяснѣйшій пане!

(*Ту Цесаръ и Евѳиміянъ до тѣла Алексѣева пришолъ со всею полатою.*)

ЦЕСАРЪ.

Се во истинну мужъ святъ, Богу возлюбленный,
Се есть человѣкъ божій, небомъ намъ явленный!

ЕВѲИМІЯНЪ.

Вижу и я, же мужъ святъ; лечь предъ тымъ не зналемъ,
За подлого пелгрима его почиталемъ,
Наветъ, якъ звано его, до тыхъ часъ не знаю;
Откуль былъ родомъ, не вѣмъ, и зъ якого краю.

ЦЕСАРЪ.

Осежь тепера азали познаемъ,
Хартію сію коли прочитаемъ.
Канцлѣру! озми зъ его рукъ хартію тую;
Що написано въ ней, нехай почую.

(Дьякъ думный у Алексѣя листъ хочетъ взять; Алексѣй не даваетъ.)

КАНЦЛЕРЪ.

Не даеть листу, наяснѣйшій пане!

ЦЕСАРЪ.

Що мовишъ? Озми самъ, Евѳиміане!

ЕВѲИМІЯНЪ.

Не даеть и мнѣ.

ЦЕСАРЪ.

Чудо! що ся будеть?

ЕВѲИМІЯНЪ.

За недостойныхъ, вижу, насъ онъ себѣ имѣеть,
Рачь самъ, мой пане, поклонъ предъ нимъ сотворити,
Жебъ изволилъ тую намъ хартію оттворити.

ЦЕСАРЪ *(до земли поклонился, проситъ хартію).*

Дай хартію! Нехай, хто естесь, познаемъ
И, що въ ней написано, нехай прочитаемъ.

(Цесаръ хартію взялъ у Алексѣя.)

Канцлѣру! перечитай, абы вси слышели.

(Ту хартію чтутъ всѣмъ въ слухъ.)

ЛИСТЪ АЛЕКСѢЯ СВЯТАГО.

«Понеже о прародительномъ благородіѣ величатися никомуже не подобаетъ, всѣ бо имутъ роду праотца бреніе и иже діадимою облеченные, и иже на гноищи поверженныѣ, тѣмъ же и азъ не о родѣ моемъ хваляся, ниже славы моея отъ человѣкъ желая, явленна себе по скончаніѣ моемъ мірови творю; но сего единого ради, яко да благодать божію, яже во мнѣ не тща бысть, человѣцы, увидѣвше, прославятъ Отца небесного, емуже отъ юности работати восхотѣхъ въ дѣвствѣ и въ нищетѣ, во смиреніи и терпѣніи, въ немъже добрѣ скончахъ теченіе житія моего, еже бысть сицево. Бысть имянемъ Алексѣй, родомъ рымлянинъ, родителю славну, и благородну, и благочестиву, отца Евѳиміана, матери Агляиды. И яко единороденъ сынъ има бѣхъ, во велицей мя милости и любвѣ своей имяша, подвизающеся прилежно о моемъ добромъ воспитаніи. И сущу ми во шестомъ лѣтѣ возраста моего, родителя моя вдаста[1]) мене въ наученіе божественныхъ писаній и благихъ нравовъ. Егда же достигохъ въ совершенный возрастъ, нуждаста мя обручити невѣсту себѣ, яко да бихъ былъ наслѣдникомъ высокой ихъ славѣ и всему стяжанію. Но азъ, славу міра сего видящи суетную бысти, не восхотѣхъ оноя и многажды отрицахся супружницы предъ родителема моима. Но за еже ми нужду по вся дни о томъ творяста, соизволихъ льстивнымъ словомъ невѣсту себѣ обручити и по обрученіѣ въ весь той день веселихся лицемъ, сердцемъ же плакахся, молящися во умѣ моемъ Богу, да сохранитъ мя чиста до смерти и да избавитъ мя отъ мірскихъ суетъ. Егда же приспѣ вечеръ, внидохъ со невѣстою моею во чертогъ женитвенный и пребыхъ тамъ часъ многъ, молитву дѣющи ко Богу, дондеже всѣ домашніе уснуша. И тогда во убрусѣ обвихъ перстень и поясъ свой,—сія же бяху многоцѣнны вещи,—дахъ я возлюбленной моей невѣстѣ, глаголющи: «Сохрани я опасно, любезнѣйшая моя, и Богъ да будетъ между нами, дондеже благодать Его устроитъ нѣчто ино новѣе въ насъ». И

[1]) Это слово въ рукописи пропущено.

сія рекши, отай изыйдохъ изъ чертога и, пріемши отъ сокровищъ моихъ нѣчто злата и каменій честныхъ, изыйдохъ изъ Рима надъ море *(Тутъ плачь бываетъ отъ отца, и матери, и невѣсты)*. Тамо божіимъ благоволеніемъ обрѣтохъ корабль, плывущь во Ляодикію. Въ томъ кораблѣ въ Ляодикію приплывши, отъидохъ во Месопотамію во градъ Едесъ, и тамо пребыхъ въ нищетѣ веліей седьмнадесять лѣтъ, живущи при храмѣ владычицы нашей Богородицы, пріемля милостыню отъ благочестивыхъ жителей града того. Тамо пріяхъ милостыню и отъ рабовъ моихъ, ищущихъ мя и не познавшихъ. По седьмнадесятихъ же лѣтѣхъ отъидохъ изъ Едеса, хранящися славы временные, еюже аки мужа свята чтяху жителіе едесскіе и хотѣхъ во Тарсійскій градъ путшествовати; но по смотрѣнію божію бурею морскою приплыхъ въ кораблѣ къ Рыму. Тамо, да быхъ никого не отягчилъ, пріидохъ ко отцу моему и умоливъ его, поставихъ въ дому его худую мою кущу и въ ней такожде седмьнадесять лѣтъ пребыхъ, многи досады, поруганія, біеніе и ины пакости претерпѣхъ отъ рабовъ отца моего. Въ таковомъ терпѣніи духъ въ руцѣ Богу предахъ во великій пятокъ, егда и Господь нашъ Исусъ Христосъ, по спасительной своей страсти, на крестѣ висящи, духъ свой Богу Отцу своему въ руцѣ предаде».

(Ту плачь родителей и невѣсты.)

ОТЕЦЪ *(плачетъ)*.

Ахъ! сежь есть сынъ мой Алексѣй! Увы мнѣ, сладчайшое мое чадо! Чесо ради далъ еси мнѣ толику скорбь и мученіе и не жалилъ еси старости моея? Видѣлъ мя еси на всякъ день тебе ради сѣтующа и отъ серца стеняща и не объявилъ еси мнѣ тебе, сыне мой! О любве моя, утѣшеніе старости моея и упокоеніе!

МАТИ *(плачетъ)*.

Дадѣте мнѣ мѣсто видѣти возлюбленное мое чадо! Дадѣте мѣсто, о человѣцы! *(Лобызаетъ мати тѣло Алексѣя свята-*

го.) Увы мнѣ, сыне мой! сыне мой, Алексѣе! Чесо ради оскорбилъ мя еси, и не жалилъ еси мя, матери твоея? Яковую имѣлъ еси душу! Видѣлъ мя еси на всякъ день тебе ради зѣло печальну и не болѣзновалъ еси мнѣ. Оле твоего терпѣнія! И какъ терпѣлъ еси, благороднѣйшій, толико лѣтъ отъ рабовъ твоихъ укоренія и досады!

ПЛАЧЬ НЕВѢСТЫ.

Увы мнѣ, любопустынная горлице моя! Кое тобѣ зло сотворихъ, яко напрасно возненавидѣлъ мя еси и отреклся еси мене, невѣсты твоея? Тридесять лѣтъ и четыре ожидахъ тебе, жениха своего возлюбленнаго, и се нынѣ вижду, не якоже хотѣхъ. Се уже безчасная явилася есмь вдова! О источницы и моря! дадѣте ми толико слезъ, да возмогу [1]) довольно плакати мое безчастье!

ЦЕСАРЪ.

Не тиснитеся, насъ не угнетайте.
Слуги! сребро и злато на люде метайте,
Во остатку тѣло святое сховайте.

(Ту тѣло Алексѣя святаго вынесено.)

ЦЕСАРЪ ТѢШИТЬ ЕВѲИМІЯНА.

Не ляментуй, милый мой южь Евѳиміане!
Божіе цѣлкомъ, вижу, на томъ было здане.
Покинь болѣзновати и ты, сенаторко!
Перестань плакать и ты, шляхетная цорко,
А Алексѣеви милая невѣсто!
Богъ то такъ хотѣлъ, абы-сь жила чисто
До смерти, а женихъ твой также былъ дѣвственный.
Божій то былъ вырокъ вамъ толко таинственный,
Тѣло его святое отнести кажѣмо
Въ церковь святыхъ апостолъ; тамъ на часъ зложѣмо,

---

[1]) Въ рукописи: *возму*.

Церемонію ему надгробну отправимъ
По шести дняхъ; тымъ часомъ, що потреба, справимъ.
Я кажу сребреную труну уробити
И тамъ святое его тѣло положити.

СВЯТЫЙ АЛЕКСѢЙ *(тѣшится на небеси посреди ангел).*

Що ми справила чистость, дана вѣчне Богу,
Жемъ обралъ на земли тернисту дорогу!
Сами зрите, смотрячи на мою щастливость,
Якъ ся нагородила моя къ Богу милость:
Же проводилемъ животъ ангельскій на свѣтѣ,
Межь херувимами Богъ далъ мнѣ за то жити;
Южь теперь огледаю лицемъ къ лицу Тройцу
И не такъ служу, яко сполцарствую Творцу;
Неустанною къ нему милостю полаю,
Зрѣніемъ серафимовъ певне ся ровнаю.
Повинность вышнихъ ангелъ нижшимъ подавати
Вѣдомость, тымъ и я, що подамъ, мусятъ взяти;
А любъ нижшимъ вѣдомость духомъ подаваю,
Поднебесную еднакъ лѣпшъ ихъ проникаю.
Щасливый той, которому естемъ за патрона:
Того справа чрезъ мене не есть понижона.
Вижу въ Богу земныя, якъ въ зерцалѣ, рѣчи,
Маю тые на добро и имѣти му печи
И для того, сналъ, мене своимъ человѣкомъ
Богъ въ Тройцѣ славить казалъ напотомнымъ вѣкомъ,
Вымъ, предъ Богомъ будучи, мѣлъ респектъ на люде,
Поки людей на свѣтѣ, поки людей буде.
Не забуду и тебе, кліенте единый,
Алексѣе, которому равный не есть иный:
На землѣ бо-сь монарха единъ православный
И для того всему свѣту добрѣ явный.
Смотрю зъ неба на твою побожность ко Богу,

Смотрю, же любо есть царь, а тѣсну дорогу,
Спѣшачи просто въ небо, зъ неба обобралесь
Барзей, гды монархою россійскимъ зосталесь.
Южъ твои тута давно справы записано,
Въ чару постническіѣ труды знотовано;
Ялмужнами, креторыми ввесь свѣтъ збогатилесь,
Пресвѣтлое ти небо южъ давно купилесь.
Тылко жь живи на землѣ презъ долгія лѣта,
Падаючого двигай, яко Отлясъ, свѣта.
Будешь зо мною жить въ наивышнимъ хорѣ.
Правда, же дѣвъ толко Богъ вводитъ въ тые дворы;
Але тебѣ во дѣвство вмѣнится малженство:
Многихъ дѣвъ въ царствѣ твоемъ справихъ то паненство.
Маешь въ своей державѣ обители многи,
Въ которыхъ, держачися, якъ Алексѣй, дороги,
Узкое тернистое дѣвство сохраняютъ,
Ангеломъ во животѣ своемъ подражаютъ.
Презъ тыхъ молитвы станешь предъ Богомъ со мною,
Будемъ на вѣкъ зоставать посполу зъ тобою;
Въ небѣ ти будеть добре; тута трудность маешь,
Гды великое дѣло себѣ зачинаешь:
Антихристомъ южъ правымъ войну хочешь мати
И зъ онымъ ся потужне мыслишь пасовати.
Пасуйся; Богъ ти въ помощь! Я при тобѣ стану,
Яко при православномъ монарсѣ и пану;
Буду горячо Бога о тое благати,
Бы побѣду рачилъ ти надъ врагами дати.
Крестного знаменія во бранѣхъ трымайся
И, аки щитомъ крѣпкимъ, симъ вооружайся.
Яко Костянтинъ дознаешь помощи отъ Бога
Презъ крестъ, и вшелякая оминетъ тя трвога.
Тое отъ змышленнаго Алексѣя маешь,
Але и отъ истинна, вѣруй, же дознаешь.

НАВѢРШЕНІЕ РѢЧИ.

Человѣка божія, Алексѣя свята,
Якій былъ животъ и якая въ небѣ плата,
Въ семъ актѣ милость ваша видѣлисмо ясно,
Кторый же бы ся кому не здалъ быть напрасно,
Поневажь о томъ есть повѣсть въ книгахъ здавна,
Есть, признаемъ, лечь тая не кождому явна,
Особливе тому, хто книгъ не оттворяеть;
А видѣніе паче слуха увѣряеть.
Прето смо видѣніемъ живымъ показали
Алексѣя святого, яко во зерцалѣ.
На то видѣніе же панскимъ очомъ вашимъ
Весело глядѣлисте, а къ дышкурсомъ нашимъ
Ласкаво охотное ухо наклонили
И до конца послухать не стескнили,
Благодареніе вамъ за то возсылаемъ
При наинижшомъ поклонѣ, а того желаемъ,
Абысте Алексѣя въ небѣ оглядали
И зъ нимъ того жь блаженства вѣчне заживали.

II.

ІУДИѲЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Великій Алексѣй Михайловичь, о царю самодержче, къ сему многихъ странъ государю, тебѣ же весь народъ великія, малыя Россіи ся скланяетъ, купно же и бѣлыя! О великій князю, превосходитель міра, обладателю востока, и сѣвера, и западажъ къ тому! Но и то тебѣ мало. Достойно бо и быть второму міру было, ей, что вселенная едина предъ тобою, когда многихъ царей наслѣдіе есть съ тобою? Ты убо ей еси можнѣйшій во вселеннѣй, зане царству славы ты далъ еси презѣльной: весь христіанской родъ скифетръ твой почитаетъ, божіею бо милостію онъ всѣхъ ихъ защищаетъ отъ врага крестова, лютаго бусурмана, да христіанъ ему одолѣти нѣсть дано. То царю ты творишь надъ тѣмъ же недругомъ имѣти всегда счастье, побѣду такожде, къ сему же и воздаяніе. Богъ же превышній соблюдетъ твое царство, зане оградою есть всему христіанству. Тѣмъ же, великій царь, предъ тобою всѣ силы изчезаютъ. Аще Авенгаддадъ[1]), той сильной царь ассирійской, Даѳанъ градъ осадилъ со силою великою, однакожде округъ непріятеля стоитъ еще сильнѣйшая стража, кій градъ тотъ бронитъ, небесныежъ воины огненные и страшные. Тѣмъ же пророкъ Елисей можетъ рабу изрещи: почто боишися человѣческія силы, ихъже здѣ больши есть съ нами,

---

[1]) Въ рукоп.: *ивенъ гадать*.

нежели съ ними?» И твои, о царю, ограждены предѣлы для непріятелей огненными ангельми, иже крѣпко стрегутъ царского твоего дому. Зри, великій царю: здѣ ти, ей, изъяснится въ комедіи сіе, объявляя, како Богъ нашъ чудесно въ странной земли хранитъ благочестиво и безопасно и какъ премѣняетъ печаль зѣльную въ счастье, что токмо скорбь пребысть во окомгновеніи, брань творяще со врагомъ. По семъ же благосчастно, о всесильный царю, начало есть всѣмъ монархомъ.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

НАВУХОДОНОСОРЪ, МЕМУХАНЪ, МОАВЪ, АММОНЪ, НЕЕМАНЪ, КОРЕЙ, ЛАПИДОЕЪ, ЧЕТЫРЕ ПРОТАЗАНЩИКИ, ЧЕТЫРЕ СПАЛЬНИКИ.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Что, мои вы совѣтники вѣрные! како великодушіе мое сія объяти можетъ! Быстрая рѣка Тигръ киваніемъ руки моей [1]) точію установиться должна; Евфратъ возбуряетъ гордыя своя волны по желанію моему даже до облакъ самыхъ и паки повелѣніемъ моимъ низлагаетъ оныя ко утишенію; и самая Адосонъ рѣка, богатствомъ исполненная, въ нейже черные Индіане купаются, принужденна ми дань отъ своего золотого песку подавати. Великая Ассирія такожде вящшимъ себѣ быти вмѣняетъ счастіемъ въ подданствѣ у мене пребывати; храбрый Персидъ страшится и слушаетъ заповѣди моя; и самъ дерзновенный медскій царь еще и нынѣ предъ великимъ именованіемъ моимъ вострепещетъ, зане мимошедшаго году увидѣ, яко крѣпкія и толстыя стольного его царского Екватаниса града стѣны отъ дыханія моего двизашася и воздрожаша. Что же ми рещи?

---

[1]) Эти слова приписаны съ боку, вмѣсто нихъ въ текстѣ стояло: *омаваніемъ моимъ*.

Самое солнце, къ немуже аще и молюся, изблѣднѣетъ, егда ему жертву приношу, подобіемъ аки усрамлену сущу, что сицевый вельможа передъ онымъ усмиряется. Токмо сей нищетный родъ, полевыя мыши, иже въ Киликіи, въ Дамасцѣ, въ Ливанѣ, въ Кармеліи и въ Кидарѣ обитаютъ, множае же и иный самовольный народъ, иже не вѣмъ на какова уповаетъ Бога, живущъ тое страны Іордана въ Галилеи, въ Самаріи и во Іудеи, окрестъ Іерусалима, скифетръ мой лобызати не хощетъ, но дерзаетъ пословъ моихъ со уничиженіемъ воспять посылати. О Навуходоносоре! низвержи либо скифетръ свой къ ногамъ сего презрительнѣйшаго народа, или исторгни мечь ко отмщенію надъ тѣми псами. Вы же, совѣтники, что глаголете?

МЕМУХАНЪ.

Что же, о царю, много и глаголати? Не точію тѣ народы, ихъже ты, всесильнѣйшій монархо, именовалъ еси, но и вельми множайшія, ихъже нарещи нѣсть возможно и коихъ солнце едва знаетъ, персть полизуютъ ногъ твоихъ, таковъ же паки [1]). Безпохвальный народъ точію, между горами живущій и во вертепѣхъ храняющійся, имать словеси твоему противлятися? Ни царю! Пріимися за оружіе: инако, что сицевый безпочтенный народъ тя презирати можетъ,—большимъ было бъ поношеніемъ нежели честь, что надъ толико множествомъ народовъ побѣдоносцемъ былъ еси.

МОАВЪ.

Ей, истинно; ибо твоему могутству что бъ пользовало, аще бъ безсравненная сила твоя и всю вселенную воздвигла, когда бы то къ самому твоему царскому поруганію приходило? Тѣмъ же имѣетъ ли того ради превеликое имя твое всему міру проявлено быти, дабы токмо единое міра всего гнѣздо, гнѣздо, безсмысленными людьми исполненное, оное умалити и твою побѣдоносную честь низвергати имѣло? Ей, казни то достойно.

[1]) Мѣсто испорченное въ рукописи.

АММОНЪ.

Достойно казни, отомщенія и правды. Токмо присовѣтую, дабы ваше величество того пустынническаго народу и свой гнѣвъ съ яростію сице достойнымъ не почиталъ, да онибъ тѣмъ славу не получили, яко сицеваго возмогли удобно смутити монарха; ноипаче со смѣхомъ да ихъ казниши, ничтоже бо воздвигаетъ льва отъ своего покоища, аще и песъ мимо побѣжитъ, и хотябъ тотъ безумной скотъ восхотѣлъ спящаго льва за уши терзати, однако же левъ, о томъ не радивъ, токмо лапу свою протянувъ, пса сице во снѣ точію и дерзость его казнитъ. Тѣмъ же, о можнѣйшій царю, искуси ихъ точію со смѣхомъ воевати: аще они воиновъ твоихъ презирати возмогутъ, яко посломъ твоимъ наругалися? Истинно же ти глаголю, что паче прохладную игру, нежели кровавую войну довольными очима узриши.

НЕЕМАНЪ.

Велеможнѣйшій монархъ! аще ми, покорственнѣйшему рабу твоему, такожде слово къ сему изрещи долженствуетъ, тогда прежде смиренно о свободѣ и милостивомъ поволеніи молю, дабы безо всякого опасства, не досадивъ твоего величества, и безъ злоинительства нѣкоего предвступленія предъ сими премудрыми совѣтники глаголати моглъ.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Како ни, совѣтниче мой вѣрный Неемане? Глаголи свободно и безопасно, еже хощеши; зане азъ не точію знаю твое благоразуміе, но и вѣрное сердце твое, еже царству моему никогда же еще иное, точію вся благая радѣло есть. Убо чесо ради сѣдиши на семъ мѣстѣ, точію да совѣтникомъ ми будеши и, еже къ дѣлу, прислушаешь? И ты по тому же, яко и иніи, да говориши; инако бы когда бы ми еси хотѣлъ со молчаніемъ служити, тогдабъ то возмоглъ и стулъ, на немъже сѣдиши, исполнити.

НЕЕМАНЪ.

Благо, всемилостивый государь царь, глаголю же тогда. Подобаетъ мечу обоюду добре изострену быти, аще имъ обнадежно рѣзати кто похощетъ; сице достоитъ и къ войнѣ не токмо начало, но и совершеніе оной добрѣ разсудити, аще искусно быти имать: ибо что же удобнѣе есть, яко огнь зажигати; но что же и труднѣе, яко тотъ же паки утушити? И твоему могутству зѣло удобно будетъ великую силу войска изъ сей равной земли извести; но тяжко оное черезъ безпутныя идумейскія горы провести, еще же труднѣе утружденное войско въ цѣлости паки на прежнее мѣсто къ смотру поставити и всякого воина особно въ свое паки жилище для упокоенія устроити. Что же тя, великій міропобѣдитель, къ той ярости противъ того нищего народу принуждаетъ? Нѣсть бо честь множае народовъ преодолѣти, зане вси малые короли побѣдоноснаго радостнаго торжества твоего недостойни; ниже въ томъ похоть есть царство свое распространити: ибо ти мощно есть сице ихъ удобь лишитися, яко орелъ никоего ластовичного гнѣзда не потребуетъ. Аще ли поношенія ради, что они твое прирожденное владѣніе возгордили? Но и въ томъ студъ вящшій на нихъ самѣхъ пребываетъ, нежели чтобъ сіе тя и мало безчестити могло. Аще дивія звѣри паче зайца въ царя себѣ имѣти хотятъ, неже великодушного льва, тогда бо сами тѣмъ посрамляютца. Не хотятъ ли тогда и сія несмысленные дикія, или горныя козы и сурики тоѣ честь и благополучіе воспріяти, дабы сицевой міра сего монарха, каковъ еси ты, ими владѣти и защищати ихъ имѣлъ,—и они да возложатъ на большую главу, яже между сими безразумными главы обрѣтаетца, коруну, и назовутъ ее своимъ царемъ: стыдѣніе на нихъ самѣхъ да будетъ и пребудетъ, ты же пребываеши Навуходоносоръ.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Истинно, яко Навуходоносоромъ пребываю. Но вѣси добрѣ и сіе, совѣтниче мой, что яко Навуходоносоръ величествіемъ

доволенъ есть, сицеваго народу ни во что почитати, тако и вельми паче преизлишно величайшій есть отъ таковыхъ псовъ не обезчестенъ быти.

КОРЕЙ.

Сіе же есть, о чемъ и азъ помышляю, царю ты всѣхъ царей! Кому бо не извѣстно, что единая точію муха предражайшее благоуханное мvро смердящимъ сотворити можетъ? Кто же тогда о томъ и сумнѣватися учнетъ, что и тѣ идумейскіе прузи твой несравненной вѣнецъ аще не огрызати, однакожде осквернити бъ не возмогли? Тѣмъ же сіе имъ возбраняти достоитъ, донележе онымъ еще большей рой во слѣдъ не наступитъ: ибо которой измѣнникъ, или мятежникъ по семъ, зря на сей образецъ, не учинился бы такожде упорственнымъ, рекуще: «что же Навуходоносоръ въ Киликіи, въ Самаріи и въ Галилеи живущимъ сотворити моглъ, иже заповѣди его возгордѣша?» О! истинно, не иматъ ли царь о сицевомъ поношеніи смущатися? Буди же имъ тако: да останешися въ дому, да яси, да піеши, опочиваеши и свой царской прохладъ употребляеши; но мы же, раби твои, прежде упокоитися не желаемъ, дондеже за сицевое непослушаніе достойную воздамы изду и кровію оное истребимъ.

ЛАПИДОѲЪ.

Ей, дерзостно, дерзостно наступайте на нихъ! Иже бо въ таковомъ дѣлѣ, еже о цареву честь, ружья своего не помышляетъ во Іерусалимѣ кровію украсити, той не достоинъ, яко честный воинъ, отъ непріятельского меча животъ свой положити; но вельми паче пси отца его въ Нинивѣ на торжищѣ кровь его да полижутъ. Кто убо вѣсть, чего для бози, иже однакожде царю нашему въ совѣтѣ ихъ мѣсто дати должны, сіе допустили, что таковой ни къ чемужъ угодной, нищетный народъ слову и повелѣнію его противлятися дерзаютъ? Не тоя ли ради вины содѣяся, да бози тѣмъ ему пространнѣйшій путь къ вящшей чести изъявляти благоизволяютъ? Ибо царя нашего мечь,

изрядно кровью всѣхъ народовъ земныхъ очервленъ, лишенъ точію еще жидовскія крови. Подобно убо яко вѣнецъ его не довольно бы украшенъ бяше, егда бы въ немъ токмо единъ драгой камень не былъ; тѣмъ же обычаемъ и побѣдительный мечь его довольно не украшенъ, донелѣже жидовскія крови лишается. Дерзай, наступай, непобѣдимый Навуходоносоръ, не остави ни единое же мѣсто всея вселенныя, иже либо скифетръ твой не лобзаетъ, или меча твоего не осязаетъ; принуждай всенародіе, да исповѣдуютъ, яко ты единъ еси богъ земный.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Тако да и збудется, и сіе есть совершеніе цѣломудрого совѣта вашего. Азъ самъ скифетръ сей на тысящу частей сокрушу, или отомщуся надъ сими псами. Лапидоѳъ! иди немѣшкотно къ моему великому воинскому воеводѣ, къ Олоферну, объявляя ему, да все помышленіе его будетъ къ войнѣ и ко кроворазлитію; и еще днесь ко мнѣ въ тайную мою комнату да пріидетъ, идѣже самъ азъ ему повелѣніе мое объявлю. (*Здѣ вострубятъ*). Уже трубятъ къ столу. Возстаните, совѣтники, и во слѣдъ мене идите, у стола множае о семъ да поговоримъ.

I ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

Сисера, Мосолломъ, Сомнасъ, Сусакимъ.

СИСЕРА.

Истинно же, товарыще: яко вода не текущая, но тихо стоящая смрадный духъ скоро пріемлетъ; тако и азъ самъ себѣ аки бы смердящимъ быти мню, что толь долгое время безъ дѣла пролежати принужденъ былъ. Но нынѣ, когда служба военная во іюдейскую землю пойти сказана, тогда кровь моя аки бы уже на стѣнахъ іерусалимскихъ возыграетъ.

МОСОЛЛОМЪ.

Мнѣ же, брате, якобы сердце мое напередь возлетѣти хощетъ; досадно бо ми есть еще такъ долго, покамѣстъ войско конечно двигнется, ждати: азъ желалъ быхъ, дабы воутрее всѣмъ воинскимъ людемъ смотръ учинился.

СИСЕРА.

Уже то не долго, мню, продлится; знаю бо воеводу нашего Олоферна добрѣ, яко ему здѣ уже, въ Ниневѣ, десять нощей не пребыти: таковъ бодръ сей обрѣтается великодушный воинъ, что ми и нѣсть вѣстно, аще воинское сердце его множайшее въ храбрости своей, или наипаче въ скорости щастіе имѣетъ.

МОСОЛЛОМЪ.

Воистинну храбръ онъ въ скорости и скоръ во храбрости, къ сему благодатенъ есть и щедръ къ подручнымъ воиномъ своимъ. Мню, яко во видѣніи уже видѣти могу, како онъ вѣнчальныя главы къ погамъ своимъ низлагати, клейноты же ихъ къ намъ прикидати учнетъ.

СИСЕРА.

Что клейноты? Еще азъ уповаю два полные купецкіе дворы въ Дамасцѣ градѣ себѣ въ свойство получити.

СОМНАСЪ.

Что же намъ убогимъ будетъ?

СИСЕРА.

Вы же, воины, подражайте предводителю вашему; азъ бо васъ обнадеживаю, яко нынѣ изъ Асиріи ходите, ничто же съ собою, развѣ соль да пшено, несуще, но паки возвратитеся воспять златомъ и сребромъ обогащени.

*

СУСАКИМЪ.

Но, благородный господине капитане, мочно ли ми нѣчто опросити?

СИСЕРА.

Скажи, что же?

СУСАКИМЪ.

Сказываютъ, что жиды свиного мяса не ядятъ?

СИСЕРА.

Но тебѣ же что къ тому?

СУСАКИМЪ.

Тогда и намъ свиныхъ жаринъ и калбасъ не будетъ?

СИСЕРА.

О великая свинья самъ! Тогда бы лучше свиную жарину, нежели косякъ бархату, и паче колбасу, нежели золотую чепь въ корысть себѣ добывáти хотѣлъ? Пойди, стыдися!

СОМНАСЪ.

О! ни! Азъ быхъ свиней не коснулся, но красную дѣву во изрядномъ одѣяніи взялъ быхъ.

МОСОЛЛОМЪ.

Что же бы съ нею хотѣлъ сотворити?

СОМНАСЪ.

Одежду отъ нея взявъ, про себя быхъ держалъ; но дѣву моему милостивому господину капитану дарилъ быхъ.

МОСОЛЛОМЪ.

Но то бы еще праведное дѣленіе было. (*Здѣ приходитъ Селумъ.*)

СЕЛУМЪ.

Капитаны и вси начальники, солдаты и вси воинскіе люди! послушайте вельможнѣйшаго воеводы нашего Олофернова повелѣнія. (*Бьетъ на барабанъ и кличъ чинитъ*). Утрѣ въ первомъ часу дни всѣ на Марсово, предъ царскими враты сущее, мѣсто да соберитесь, и всякъ съ своимъ ружьемъ подъ знамя свое да ставится. Воевода хощетъ самъ генеральной смотръ учинити. Дерзайте, дерзайте ко нарочитой войнѣ. Живи Навуходоносоръ!

МОСОЛЛОМЪ.

Слыши, товарыще! Тамо слышимъ желанія нашего. Барабанщикъ! зри, пріими ефимокъ за тое радостную вѣсть.

ЅИСЕРА.

О свѣтлая сабля! радуйся симъ вѣстямъ, зане вящшая ти честь въ крови утупѣти, нежели во ржавчинѣ. Пріиди, брате, да днесь возрадуемся и съ женами нашими попрощаемся, воутріе бо ѣхать будетъ прочь, прочь. Минувшу же году, хто вѣсть, будетъ ли здѣ кожа наша, или хотя и волосъ?

I ДѢЙСТВА

СѢНЬ 3.

НАВУХОДОНОСОРЪ, МОАВЪ, ЛАПИДОѲЪ, ОЛОФЕРНЪ, АХІОРЪ ГЛАГОЛЮТЪ; МЕМУХАНЪ, АММОНЪ, НЕЕМАНЪ, КОРЕЙ МОЛЧАТЪ.

НАВУХОНОСОРЪ.

Пойди же, вѣрный мой воине! Пойди, Олофернъ! Буди же избавитель чести моея! Не возвратися паки, дондеже вѣнчаль-

ныя главы тѣхъ мятещиковъ ко мнѣ приведеши. Пойди же; Навуходоносорово щастіе тя да проводитъ.

ОЛОФЕРНЪ

Велеможнѣйшій монархъ, егоже милостію токмо азъ живу, безъ егоже паки повелѣнія весьма мертвъ есмь! пресильнѣйшее слово твое, еже нынѣ на мя возлагаешь, воскрешаетъ мя воистинну паки изъ мертвыхъ. Доколѣ Олоферновъ мечь на стѣнѣ виситъ, дотолѣ и животъ его на стѣнѣ висящъ пребываетъ; но егда ему возможно мечь свой въ теплой крови напоити, тогда и бывшей мертвостуденой животъ его паки возгрѣвается. Истинно же Олофернъ по нынѣшнее число межъ жидами мертвъ пребываше. Кто бо его тамо познаше? Или кто его имяноваше? Или кто о немъ что провѣдалъ есть? Но нынѣ, аще бози живутъ истинно, и тамо воскреснути имать. Великій государь! Аще ми то болѣзнуетъ, что твоя честь отъ сицевыхъ недостойныхъ псовъ рушена бысть, обаче же сподобляюся тѣмъ великое щастіе изобрѣсти, тебѣ вѣрность мою въ посреди кровавого міра изъяснити и честь твою, яже прежде сего инако умножатися не возможе, симъ новымъ изобрѣтеніемъ и средствіемъ возвеличати. Азъ убо доведу, какъ драгоцѣнна великаго Навуходоносора честь является: никакія сильныя крѣпости, никія непобѣдимыя грады, никакія толстыя стѣны, ни высокіе столпы, ниже воистинну и тысящи златые со всего свѣта сущими драгими каменьми осажденные царскіе вѣнцы не возмогутъ оную окупити и удовольство за ню учинити, кромѣ Іордана, Амана и Ѳарфара, и вся потоки и рвы, въ тѣхъ земляхъ обрѣтающіеся, исполненные человѣческою кровію.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Ей, Олофернъ! истинно же ти сіе возлюбитися можетъ, что азъ ти превысочайшее сокровище мое, егоже множае живота моего почитаю и никоею вселенною окупити не мочно, имянно

же честь мою повѣряю; того же ради прилежно смотри, да служеніе свое надъ сицевымъ сокровищемъ достойно исполниши. Но чтобъ еси всему свѣту *) явно показати моглъ, яко не точію моимъ повелѣніемъ, но и весьма лицемъ моимъ ходишь, се тогда дарствую тя моимъ мечемъ, егоже сильная моя мышца самая носила въ то время, во еже извоевахъ Арфаксада, царя медского, на поли, еже имянуется Рагавъ, прежде бывшаго Еріоха, царя еликорска. Той мечь во всѣхъ походѣхъ твоихъ да носятъ предъ тобою, да очи силою моею возгорятся, и сердце твое къ храбрости возбудится; тѣмъ же достоитъ ти да употребляеши во всѣхъ бранѣхъ сей, а не иной мечь самъ: тогда бо щастіе мое къ тебѣ пристанетъ и побѣдителемъ тя сподобитъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Кого же, о непобѣдимый царю, такая превысокая милость къ смѣлости бъ не привела? Мышца моя прежніе храбрости посрамится, когда нынѣ мечь самого Навуходоносора носити имать; но обаче же вся слава, по достоинству, Навуходоносорова пребудетъ тако истинно, яко свойственной мечь его въ руцѣ моей народы подклонитъ. Токмо опасаюсь, дабы рука моя чрезъизлишно дерзостна не была, чесо ради молю, да ты, пресильнѣйшій повелитель, ми намѣреніе узаконишь, коль далече ми сѣчь, убивати и разоряти.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Тотъ же самой мечь, иже еще отъ медскіе крови влажденъ, образецъ ти покажетъ: яко во Арфаксадовые и всѣхъ, его присовокупленныхъ, народовъ крови безъ милосердія уязвился бѣ, тако и нынѣ да уязвится въ кровь презрителевъ моихъ.

---

*) Въ текстѣ: *міру*.

АХІОРЪ.

Велеможнѣйшій царю всѣхъ царей! возможно ли твоему смиреннѣйшему рабу едино точію словцо со всякимъ уклоненіемъ изрещи?

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Слышу, Ахіоръ, мой вѣрный ты воевода надъ амонейскимъ тебѣ подручнымъ войскомъ!

АХІОРЪ.

Всемилостивѣйшій царь государь! изобрѣтаются два столпа, имиже не точію кождо царство, но и вся вселенная утверждена есть и содержится, то есть правда и милосердіе; единъ же другому долженствуетъ воспомогательство творити, ниже овъ другаго отринути: похотящему же вину праведнымъ быти, царство скоро изпустошѣетъ и подданныхъ лишится; паки же, присно токмо милосерднымъ [1]) сущу, всенародіе учнутъ владствовати, царю же нужда боятися. Убо милосердіе содержитъ весь міръ во изобиліи, правдажъ его держитъ въ воздержаніи. Тѣмъ же и азъ мню, великій монархъ, и совѣщаю лутче сему быти, яко правда и милосердіе клеврети да будутъ Олоферну, и съ нимъ же они купно насъ управятъ. Аще ли же всѣхъ посѣчемъ, умертвимъ и въ крови потопимъ, тогда ты, великій Навуходоносоръ, будешь множайшихъ земель, но не множайшихъ людей царемъ; получиши великія, но безъ подданныхъ пустоши. Аще же дадимъ просящимъ милосердіе, тогда тѣ, иже тя нынѣ и презрѣша, по семъ со вящшимъ страхомъ и со смиреніемъ ти воздадутъ достойную честь. Возможетъ правда умерщвляти, но никоего мертвеца къ службѣ твоей паки воскресити; а ихъже живыхъ оставимъ,

---

1) Въ рукописи: *милосердіемъ*.

можемъ оныхъ къ службѣ твоей правдою принудити и потомъ милосердіемъ ихъ къ тому удобно пріучити.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Истинно, Ахіоръ, благо ты реклъ еси. Вы же, совѣтники, что о семъ непщуете? что глаголете?

МОАВЪ.

Ей, истинно, всемилостивый царь государь! Праведно Ахіоръ сказа: ибо въ началѣ было бы то жалобно и недостойно, когда бы убогимъ безвиннымъ подданнымъ то терпѣти, что упорные правители ихъ погрѣшили; къ сему же тѣ въ живыхъ остальные люди изряднѣя преизящныя твои дѣянія наслѣдникомъ своимъ разглашати, нежели пустые грады и стѣны, пепелъ и каменіе сіе сотворити возмогутъ.

ЛАПИДОѲЪ.

И побѣды твои, о великій Навуходоносоръ, вельми изряднѣйшія будутъ въ твоихъ земляхъ, когда Олофернъ вѣнчальныя главы со толико тысящь похвальными вои, живыхъ въ плѣну имущи, повсюду съ собою повезетъ и по семъ конечно сѣмо въ Нинивъ градъ, возрадуяся, припроводитъ. Великое же тогда и презѣльное побѣды тоя таковаго царя достоинства годного воспріятіе и стрѣтеніе будетъ, множае лутче, нежели бы мертвые недруги въ своей истой крови на идумейскихъ поляхъ остались, и храбрость наша купно съ ними бы истлѣла.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Ей, то истинно. Сверьхъ же сего мню, что казнь надъ тѣми мятежщики зѣло тяжчайшая будетъ, егда въ плѣну и въ поношеніи живы пребудутъ, нежели да съ честію живота лишатся. Двигнися тогда, Олоферне! Пойди и посѣти всѣхъ тѣхъ несмысленныхъ народовъ, иже къ западу обитаютъ и повелѣнія

моя презираютъ; посѣти же ихъ не яко привѣтливый посолъ, но яко судья и мститель самовольства ихъ. Той убо народъ, иже твоему токмо киванію рукою [1]) противлятися учнетъ, тѣхъ убо весьма да искорениши, ниже единого въ той землѣ не оставиши, и иже къ стѣнѣ мочится; но тѣмъ царемъ, иже мечь мой лобзаютъ и милосердія желаютъ, даси животъ, обаче же тако, да при возвратѣ твоемъ, яко добровольные плѣнники, купно тебѣ послѣдствуютъ, да мое побѣдоносное радостное торжество токмо украшаютъ, но и здѣ къ ногамъ моимъ да ницъ положатся. Пойди тогда: Навуходоносорова благодать, счастіе его тя проводитъ.

(Здѣ царь скифетръ на главу Олоферна кладетъ.)

ОЛОФЕРНЪ НА КОЛѢНА ПРИПАДАЕТЪ И ГОВОРИТЪ.

Живи, царю всѣхъ царей! Живи, Навуходоносоръ! Вси же врази твои персть отъ ногъ твоихъ да полижутъ!

ВСИ.

Царь благо да живетъ! Царь благо да живетъ! Да благо живетъ великій Навуходоносоръ!

I ДѢЙСТВА

СѢНЬ 4.

ОЛОФЕРНЪ, АХІОРЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, МЕССУЛА.

(Одидъ носитъ мечь предъ Олоферномъ.)

ОЛОФЕРНЪ.

Изрядные вы воины, вѣрные вы мои начальники, имъже азъ нынѣ животъ мой и иже ми паки щастіе свое вручили!

---

[1]) Въ текстѣ: *помаванію*.

пойдите съ сильнымъ войскомъ тѣмъ, великого Навуходоносора добрымъ строеніемъ, въ намѣренной путь. Какъ скоро азъ изъ царской казны злата и денегъ довольно вамъ и всему войску моему воспріиму, абіе вамъ во слѣдъ пойду. Дайтежъ ми тогда нынѣ роспись всего войска, еже ми водити вручено. Колико пѣхоты, конницъ и стрѣльцовъ есть?

СИСЕРА.

Великій воевода! зри, здѣ у мене есть роспись всего войска, тако, яко вчерашняго дни оное смотрѣно.

ОЛОФЕРНЪ.

Чти ю предо мною, Сисера!

СИСЕРА.

Асирійской пѣхоты есть 50000 человѣкъ, медскіе изрядные пѣхоты 34500 человѣкъ, аммонейскіе, юже Ахіоръ водитъ, есть 13500 человѣкъ; азъ веду наемные пѣхоты 22000 человѣкъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Колико же будетъ въ числѣ всей пѣхоты?

СИСЕРА.

Всего будетъ въ числѣ 120000 человѣкъ, междо ими же ни единъ обрящется, иже бы не искусенъ и силенъ былъ супротиво тремъ человѣкомъ устоятися.

ОЛОФЕРНЪ.

Истинно, то зѣло изрядное войско; съ нимъ бы возможно и новой свѣтъ преодолѣти.

АХІОРЪ.

Ей, такое войско доброму воину великое сердце подаетъ, нынѣ бо конечное получимъ счастіе: или великая сила всѣхъ устрашитъ, и тако сподобимся господами и повелительми быти; или то страшное войско все въ крови умертвитъ, тогда однакожъ побѣдительми будемъ, яко вся преодолѣли есмы. Но обаче сіе въ рукахъ божіихъ, како они устроити то благоизволятъ.

ОЛОФЕРНЪ.

И бози не могутъ Навуходоносора отринути. Колико же въ собраніи конницъ и стрѣльцовъ?

МЕЛЕХЪ.

Великій воевода! азъ подъ моимъ имѣю началомъ 7600 человѣкъ пароянскихъ храбрыхъ конницъ, да 4400 человѣкъ мидянскихъ избранныхъ воинскихъ людей, воистинно таковыхъ, изъ нихъже всякъ добрѣ искусенъ самъ такимъ войскомъ владѣти, къ сему же и кійждо усердствуетъ сицевому гетману, яко ты, о прехрабрій Олофернъ еси, послѣдствовати.

ОЛОФЕРНЪ.

Тогда конныхъ въ собраніи 12000 человѣкъ обрѣтается?

МЕЛЕХЪ.

12000 ихъ въ числѣ есть, милостивый воевода!

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, ужасаюся такова войска въ поли узрѣти: земля, на нейже стою, подо мною воспаляетъ. Нуждажъ ми есть итти и всѣ лучшіе и потребнѣйшіе воинскіе припасы, то есть множество злата и серебра, изъ царскіе казны взимати; ибо безъ денегъ

никая охота ниже у единого взыскуется. Пойдите же вы, вѣрные начальники, впредь меня и ведите войско благо, емлите съ тобою скотовъ, воловъ, стада же овчая и вельблюдовъ по цареву узаконенному указу, и колико вамъ требно будетъ; жито же и всякая пища, яко уже повелѣніемъ моимъ устроихъ, имѣетъ вамъ изъ Сиріи изобильно послѣдствовати. Будите благодушни и войско увеселите, дондеже азъ ихъ самъ прибытіемъ моимъ множае возрадую.

МОСОЛЛОМЪ.

Благо; благополучно буди начало повелѣнія твоего.

МЕЛЕХЪ.

О Олофернъ! твоимъ щастьемъ днесь да рушимся.

СИСЕРА.

Иди же благо, Олофернъ, обаче не безъ насъ.

АХІОРЪ.

Войско благо да идетъ, обаче же не безъ тебе.

ОЛОФЕРНЪ.

Пойдите благо вы, храбрые вои, ихъже въ трехъ дняхъ паки поздравляти желаю, или ми лучше въ мірѣ не жити.

II ДѢЙСТВА

СѢНЬ I.

ІОАКИМЪ, САДОКЪ, МЕЛХІЯ.

ІОАКИМЪ.

О Боже! коль печальныя времена дожихомъ, бѣдные мы люди! Коль лютыя вѣсти приходятъ нынѣ изъ за рубежей на-

шихъ! Всѣ письма, всѣ вѣстники, всѣ путешественники и иже нынѣ въ 4-хъ мѣсяцѣхъ изъ Іюдеи пришли вѣщаютъ намъ ничто же иное, развѣ о плѣненіи, о пожарѣ, убивствѣ и о кроворазлитіи, еже той лютой мучитель Олофернъ, воинона-чальникъ царя Навуходоносора, съ своимъ сильнымъ войскомъ содѣваетъ.

САДОКЪ.

Ей, страшно и ужасно, еже о немъ глаголетца; и слышно: всѣ киликійскія страны объиде, и не точію всѣ крѣпкіе грады, но и села ихъ взя: славный Мелоѳиль градъ супротивитися ему не возможе, разруши же Ѳарсисъ, градъ богатъ зѣло, и поби вси сыны исмаили, иже живяху противу лица пустыни и къ югу земли Хеллонъ, острею меча; и ихъ же абіе не умертви, тѣхъ онъ для болѣзненной неволи живыхъ остави. О Боже! коль далеко еще тому свирѣпому мечю снѣдати?

МЕЛХІЯ.

Ей, паче о симъ повѣсть твори, какъ уже близко предѣлъ нашихъ люто разоряетъ. Киликійскія страны еще отчасти отъ насъ далече отстоятъ, но мадіамская земля къ намъ ближе, идѣже вся исплѣни и поби, яже обрѣте. Дамаскъ еще ближе насъ, гдѣ ему мало бысть въ крови человѣческіе свирѣпствовати, но и плоды земные, то есть жито,—огню, плодоносные древеса—сѣкирамъ, виногради же косамъ ихъ предано есть. Сице онъ во всѣхъ, близко къ намъ сущихъ, земляхъ люто содѣлалъ, яко уже и намъ мнится, что здѣ во Іюдеи пожаръ той обоняти и вопль плѣнниковъ слышети можемъ. Ей, кровь мертвыхъ, кажетца, яко уже въ потокахъ нашихъ плаваетъ.

ІОАКИМЪ.

Что же тогда вяще намъ ждати, токмо да прямо чрезъ предѣлы наши скочитъ и во снѣ, безъ опасства нашего, насъ убіетъ и горше насъ почтетъ, нежели всѣхъ иныхъ языкъ?

МЕЛХІЯ.

Онъ же самъ языческого есть роду, а однакожде языческихъ не почитаетъ боговъ. О Боже! колико меньши онъ святыню нашу и храмъ нашъ пощадитъ!

ІОАКИМЪ.

Что? пощадитъ! Храмъ нашъ іерусалимскій, украшенія и богатства ради отъ злата и серебра, во всей вселеннѣй прославенъ есть сице, яко и всѣ мечети убогими домами противъ его вмѣняются. Не разумѣете ли, что онъ о семъ и во снѣ помышляетъ, какъ бы тое церковь ограбити и богатство изъ нее получити возмоглъ?

САДОКЪ.

Боже отецъ нашихъ! николи же да допустиши святая Твоя отъ необрѣзанныхъ языковъ осквернити, ниже люди Твоя да даны будутъ имъ на поруганіе!

ІОАКИМЪ.

Тако, возлюбленная чада моя, Господу Богу смиреннымъ сердцемъ и покаяніемъ да помолимся, и получимъ милосердіе. Между же симъ достоитъ намъ не закоснѣвати, или спати, но недругу предварити и всякія промышленныя средствія взыскати; ибо никакія Богъ прежде не дѣйствуетъ чюдеса, развѣ когда всѣхъ человѣческихъ промысловъ ужъ не станетъ.

САДОКЪ.

Но что же намъ совѣтуешь, отче святый, что же намъ творити?

ІОАХИМЪ.

Вы старѣйшіе міра есте, идите тогда и объявите совѣтъ мой судіи вашему, и правителемъ и всѣмъ вобще старѣйшимъ,

да абіе пошлютъ во всю Самарію окрестъ даже до Ерихона, и да облягутъ вси верси горъ, и оградятъ стѣнами отпертыя села и всякіе запасы да собираютъ, яже къ войнѣ требна суть.

МЕЛХІЯ.

Воистинно зѣльная сія исполнити нужда есть, и самое естество учитъ такожде и малѣйшаго червія, аще и совершенно невозможетъ сопротивлятися, однакожъ предъ супостатомъ своимъ хотя да сожмется.

ІОАКИМЪ.

Сверхъ сего напишемъ и ко всѣмъ обитающимъ противу Ездролона, иже есть противъ поля великого близъ Дотаимъ, и ко всѣмъ, идѣже недругъ можаше пройти, да всѣ каменные горы и пути междо горами ко Іерусалиму крѣпко стражею осадятъ. Не обрѣтшу же соколу прилету, безопасна въ пещерѣ своей пребываетъ горлица.

САДОКЪ.

Ей, когда порубежные сосѣди наши намъ пособствовати похотятъ, тогда великая намъ помощь и безопасство учинится.

ІОАКИМЪ.

Нѣсть имъ лѣть сіе отказывать, зане самимъ вода ближае подъ уста приходитъ, нежели намъ. Но Господь Богъ лутши насъ защититель и спаситель будетъ, къ немуже со прилежаніемъ возопіемъ, и жены и дщери наши предъ Нимъ смирятся въ постѣ и молитвѣ, священницы же и левиты возложатъ на ся вретища, и младенцы въ праху да лежатъ на земли предъ храмомъ господнимъ; ей, храмъ самъ да тужитъ, и олтарь господень накрою вретищемъ, уповая, яко Богъ воззритъ на наше смиреніе и умилосердится на ны.

МЕЛХІЯ.

Ей, воистинно помолимся, рыдаемъ, воздыхаемъ, плачемъ, стонемъ и возопіемъ, не преставая, дондеже услышитъ насъ Господь.

САДОКЪ.

Онъ же покажетъ, яко сильнѣйшій есть паче всѣхъ боговъ языческихъ.

ІОАКИМЪ.

Идите же того ради, творяще, еже васъ увѣщевахъ, цѣлуйтежъ отъ мя старѣйшихъ и правителей міра; азъ же пойду, всенародіе къ покаянію да увѣщеваю. Живитежъ благо, возлюбленные друзи! Богъ васъ да благословитъ!

МЕЛХІЯ.

Богъ да укрѣпитъ тя къ всемірному утѣшенію!

II ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, ОДИДЪ, ДВА ПРОТОЗАНЩИКИ, САВАЛЪ, ѲАѲНАЙ, ѲУЛА, РЕГМА, ЧЕТЫРЕ ПОСЛЫ ОТЪ СИРІИ, МЕСОПОТАМІИ, ЛИВІИ, ОПАМЕИ.

ОЛОФЕРНЪ.

Сей есть истинной путь, иже насъ къ добродѣтели ведетъ и имяни нашего безсмертнымъ сотворити можетъ. Правда, что вѣнцовъ лишенные цари и связанные правители и велеможа нынѣ исповѣдуютъ, яко Навуходоносоръ царемъ всѣхъ царей и государь всѣмъ государемъ есть, вси разоренныя мечети и сокрушенные идолы свидѣтельствуютъ ему единому богу

быти, предъ нимъже вси иные бози низпадати должны; обаче же и растерзанныя стѣны, разрушенные столпы, ей, толико безчисленныхъ тысящъ кургановъ зѣло по многихъ годѣхъ сказывати учнутъ, каковъ Олофернъ воинъ прежде бысть.

СИСЕРА.

Истинно же Навуходоносорово имя исполнено есть силою, Олоферново же щастіемъ; того ради и вся къ доброму приходятъ совершенію: всѣ крѣпчайшіе грады отверзаютъ намъ врата, и иныя мѣста вручаютъ намъ ключи своя; къ сему же вси владѣтели и князи стрѣчаютъ насъ, воспріемлюще, со вербами, со вѣнцы и со свѣщами, воспѣвающе и веселящеся въ тимпанѣ и въ свирѣлехъ; иные же народы, на нихъже еще и не помышляемъ, посылаютъ къ намъ пословъ своихъ, молящe милосердія и мира.

МЕЛЕХЪ.

И нынѣ, великій воеводо, четыре послы, то есть сирійскій, месопотамискій, ливійскій и опумейскій о милостивомъ выслушаніи молятъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Воведи ихъ сѣмо, научивъ оныхъ, да абіе въ первомъ пришествіи мечь Навуходоносоровъ лобзаютъ во знамя подданства ихъ.

МЕЛЕХЪ.

Добро, милостивый господине!

ОЛОФЕРНЪ.

Мню, яко бози громъ свой въ мечь Навуходоносора да молнію во очи мои вложили, зане вси предо мною сице устрашаются. Одидъ! пріиди сѣмо; егдажъ внидутъ, тогда ты имъ мечь ко устамъ поднеси да прилежно смотри, чтобъ со всякимъ

смиреніемъ и съ честію оной цѣловали во знамя подданства ихъ, по семъ же и вѣнцы, яже обыкоша съ собою приносити, да велиши имъ на мечь возложити во знакъ побѣды моея.

ОДИДЪ.

Милостивый воеводо! се уже приходятъ. Лобзайте неодолѣемый мечь великаго Навуходоносора, возложите на тотъ мечь вѣнцы, исповѣдующе, яко онъ обладателемъ вашимъ, государемъ и повелителемъ есть.

ОЛОФЕРНЪ.

О варварскій родъ отъ безразумныхъ человѣкъ! откуду приходиши сѣмо? О чемъ предложеніе твое? Не тѣхъ ли такожде злодѣевъ есте, иже великаго царя моего божественное повелѣніе презрѣша? Что глаголете? Како стоите, аки бы разрушитися хотяще?

САВАЛЪ ЗДѢ ГЛАГОЛЕТЪ, ДРОЖАЩЕ, ЯКО БЫ УЖАСНУВСЯ.

Всемилостивѣйшій господине! ты сильнѣйшій побѣдителю нѣкогда непреодолѣнныхъ народовъ! ты славо Навуходоносорова, страсе всеа вселенныя! не стращай же вящи безъ того уже малодушныхъ королей и князей, иже и тако своего срамятца имянованія и благовольно вѣнцы и правительные жезлы къ ногамъ твоимъ низлагаютъ. Азъ посолъ есмь царя сирійска, сей посланъ изъ Месопотаміи, третей посланъ изъ Ливіи, послѣдній же изъ Опамеи. Честь ти молимъ, сіе да будетъ, яко царствія сія и земли прежде еще, нежели повелѣлъ имъ, и сіе уже тебѣ повинуются; чесо убо ради носишь съ собою мечь сильнѣйшаго царя вселенные? хощеши бо имъ всенародіе подъ его послушаніе привести. Мы же уже прежде, нежели тотъ мечь лобзахомъ, или нежели еще народъ во очи его увидѣ, поклонилися есмы. Къ семужъ вѣждь, что не такъ безумные есмя, яко о насъ непщуеши; понеже мы, яко разумные и мудрые человѣцы,

*

лучше сія вмѣняемъ и въ преславное счастіе почитаемъ великому Навуходоносору служити и въ его благодати жити, неже во гнѣвѣ его умирати и тѣмъ ничто же получити, развѣ обдержанія наша, люди вся, имѣнія, жены со чады, ей,—еже множае есть,—и животъ со всѣми вольностьми нашими погубити. Зри убо: здѣ вся лежатъ, яже имяновахъ, у ногъ твоихъ съ коруною, юже донынѣ царь сирійскій носилъ есть съ такою міра славою, что той вѣнецъ никій еще монарха перстомъ единымъ осязати не возможе. Самъ же нынѣ да разсудишь, о премудрый княже, кая ти слава является, что оную ногами своими попирати можешь?

ѲУѲНАЙ.

Велеможнѣйшій воине! ось, на нейже нынѣ вся вселенная обращатися должна, се здѣ лежитъ, и скифетръ месопотамійскаго царства, съ нимъже купно и всѣхъ земель грады, обдержанія, горы, холми, нива, волы, стада овчая, козлы, кони, и велблюды, и вся, яже имамы, или вельми паче имѣли есми, нынѣ же твоя суть. Восхощешь ли звѣрей еще ловити, яже и самовольно къ тебѣ въ сѣти прибѣгаютъ? Или благоизволишь ли драгоцѣнной бисеръ паче изъ моря изчерпнути, иже безъ меньшихъ трудовъ самъ ти на лоно сыплется? Что же множае желаеши, когда уже вся твоя суть? Довольно ти да будетъ, что мы самохотно твои раби и рабыни есмы, занеже бо сила твоя ничто же вящше истязати не можетъ.

ФУЛА.

Такожде, благополучнѣйшій княже и побѣдителю, прибѣгаетъ въ послушаніе къ тебѣ неосиленное еще ливійское царство, еже весьма темныя и дикія пустыни вмѣсто оборонныхъ стѣнъ и лютыхъ звѣрей, львовъ, рысей и леопардовъ къ воинской помощи себѣ имѣетъ, чего ради насъ силою преодолѣти истинно же безъ зѣльныхъ трудовъ и великого опасства не возможно будетъ. Тѣмъже къ подданству и къ послушанію твоему

насъ подклонити ничто же ти вящи требно есть, точію да намъ повелѣваеши, или аще и третее отъ насъ произвѣдати желаеши, да отъ твоея силы, яже паче чрезъизлишно аще насъ щастливѣйшая будетъ, бѣжати намъ, или въ безпутныя пустыни сокрыватись: тогда тебѣ не съ людьми, но съ нашими дикими звѣрьми токмо брань творити. Тѣмъже, милостивый господине, разсудно да изволиши размышляти, что же лучше есть: самохотно ли послушливымъ людемъ повелѣвати, или со львами и иными дикими звѣрьми безполезную и неключимую брань творити? Здѣ лежитъ предъ ногама твоима діадима преждебывшіе нашіе вольности: ибо, когда понынѣ великому Навуходоносору міропохвально бяше, да отъ невольникъ своихъ возможе велеможами сотворити,—разсуди же тогда, аще сіе не вящая похвала, что онъ свободныхъ, честныхъ и благородныхъ ливійскихъ жителей можетъ своими невольниками сотворити.

РЕТМА.

Что же, безсравненный и мужественный воине? Какихъ здѣ большихъ словъ требуеши, зане единого слово всѣхъ нашихъ слово есть, и всѣхъ нашихъ уста единого уста есть? Къ сему же, ведутъ обычно пространные уговоры зломнительство нѣкое злохитрости вслѣдъ себѣ; лутше тогда, да самъ искусно увѣдати изволиши. Тѣмъже благоволи токмо отвѣдати, да пріидеши къ намъ во Апамейское царство либо безъ меча и людей, аще намъ вѣриши, или и со всею силою своею. Аще работу нашу и пищу, юже воиномъ твоимъ дати хощемъ, не презриши, пріиди же тогда, да будеши милостивымъ господиномъ нашимъ; мы же работати ти учнемъ сице, яко тя по вѣрности нашей къ сожалѣнію приведемъ, что насъ нѣкогда въ ненависти имѣлъ еси. Здѣ ключи ко всѣмъ вратамъ градовъ нашихъ, яже повелѣніемъ всѣхъ князей нашихъ съ собою взяхъ отчасти для того, да вельми множае ти добровольное подданство наше обнадежу, отчасти же и для того, егда того благополученія, честь сицевую пріемлюще, сподоблюсь всѣ врата наши предъ очима твоима отпи-

рати, да тогда изъ великаго образца службы моея, когда ти всѣ грады наши вручю, разсудити возможешь, колико же множае всѣ иные народы наши готовы суть тебѣ въ подданство предатися. Пріиди точію, ожидаемъ бо пришествія твоего желательно.

ОЛОФЕРНЪ.

О! ей смокви ваши зѣло укусны; но, доколѣ не дозрѣютъ, вкусити ихъ, зане еще горестны, не хощу, ниже оныхъ, егда простарѣютъ и истлѣютъ, желаю; обаче принесите ми наполненное блюдо смоквъ вашихъ, яже дозрѣша и свѣжо отъ древесъ сняти: тогда убо укусъ мой желательно ихъ воспріиметъ. Тѣмъ же аще ли бы есте словеса сія, яже нынѣ уже поздно слышу, великому Навуходосору нашему въ самое время объявили, тогда бы онъ всемилостивно и пріятно оныхъ воспріялъ есть; нынѣ же не вѣмъ, аще ли не замедлили.

МЕЛЕХЪ.

Великій побѣдоносче! преодолѣй же въ томъ оправданія твоя и побѣди прежнее тѣхъ несмысленныхъ народовъ безуміе и невѣжество; разумѣша бо тѣ юродивіи, яко толь далече отстоятъ отъ Діоса, егоже громъ ничто же имъ вредити не возможе; нынѣ же, егда точію молнія починаетъ объявлятися, тогда же еще творятъ мудро, да предваряютъ его со смиреніемъ, донелѣ же самымъ громомъ въ посредь ихъ не ударитъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, истинно же такъ: и звѣрь, егоже жива рукама ловятъ, многажды сладчайшій есть, нежели той, егоже копіемъ ловчимъ убиваютъ, тогожъ ради да будетъ тако: земли и люди ваши, грады и села, поля и злаки, лѣса и пашни, ей, и жены, и сыны со дщерьми вашими, и вся обдержанія и имѣнія ваша да моя будутъ. Пріиду же тогда къ вамъ, моя си да обдержу; но аще

ли же начальники, правители, старѣйшая и подданныя ваши вобще вси повелѣнію великаго Навуходоносора, яко раби повинные, съ послушаніемъ подклонятся, тогда увидятъ, что Навуходоносоръ богъ сицевый, иже таковъ милосердъ можетъ быти, каковъ же и силенъ есть. Тѣмъже идите и готовитеся меня достойною вездѣ честію и поздравленіемъ встрѣчати; азъ бо вамъ вскорѣ послѣдствую.

II ДѢЙСТВА

СѢНЬ ?.

СОМНАСЪ, СУСАКИМЪ, САЛМАНЪ (СТОИТЪ КЪ СТОЛПУ ПРИВЯЗАНЪ), СЕЛУМЪ.

СОМНАСЪ.

Кто же бы восхотѣлъ нынѣ больши мужику служити за сіе житіе, кое мы имамы, брате?

СУСАКИМЪ.

Ей, братецъ, вѣрую, яко Зевесъ, Арисъ, Афродита и вси бози на небеси лучшаго житія имѣти не могутъ, яко мы здѣ низу на земли.

СОМНАСЪ.

Азъ желалъ быхъ, чтобъ таковое житіе и во вѣки пребыло; тогда богомъ радъ небомъ бы поступился. Но опасаюся, что сіе житіе скоро воспріиметъ кончину; ибо, аще едино токмо намъ по ушамъ займутъ, яко и слухъ и видѣніе устанетъ, въ то время и вся радость минется; или егда, яко уже къ тому намѣряется, со всякими народы миръ учинится, — тогда нужда будетъ по домомъ возвратиться и паки изрядно хлѣбъ мо-

лотити, гдѣ никто же по семъ насъ больши не назоветъ милостивымъ господиномъ.

СУСАКИМЪ.

Не опасайся, брате! Мы столько накрадемъ [1]) разбоемъ и грабежемъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; аще ли умремы, тогда пси и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ.

СОМНАСЪ.

Но что же убогимъ женамъ и дѣтемъ нашимъ сотворити?

СУСАКИМЪ.

О! иной тогда ихъ да пропитаетъ. Ходи, брате, печальныя сія думы да въ винной бочкѣ погребемъ; пойди со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

СОМНАСЪ СМѢЕТСЯ.

Ха, ха, ха! Смѣюся тому: всегда опасался еси, что свиными жаринами и колбасами не удоволишися; нынѣ же чаю, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися.

СУСАКИМЪ.

Ни, брате! не хощу свиніею быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатись. Пойди, брате, да сего дня возвеселимся; Богъ вѣсть, сколько поживемъ; аще убо не въ небо достанемся, то однакожде мимо.

---

[1]) Въ рукописи: *не крадемъ*.

САЛМАНЪ.

Товарыщи, товарыщи! возьмитежъ и меня съ собою; азъ потому же лутчи бы хотѣлъ съ вами ясти и пити, нежели голоденъ у столпа стояти.

СУСАКИМЪ.

Кой бѣсъ тя къ столпу принесъ?

САЛМАНЪ.

Господыня моя та, злодѣй, вчерашняго дни жалобу на мене принесла, потому велѣлъ войсковой моршалокъ меня здѣ къ столпу привязать.

СОМНАСЪ.

Что же ты тогда господыни зло сотворилъ еси?

САЛМАНЪ.

Не хотѣла ми и гостямъ моимъ больши пить давать, и язъ за то ея цѣлую бочку вина въ грязь выточилъ, она же тотчасъ и била челомъ, и за то мнѣ сутки цѣлые здѣ у столпа стояти и жажду терпѣти.

СУСАКИМЪ.

Дуракъ! когда бы ты вино то въ горло свое влилъ, тогда бы не надобно было сію нужду терпѣти.

САЛМАНЪ.

Тихо, тихо! се тамо войсковой моршалокъ Одидъ приходитъ. Прошу васъ, товарыщи, заступите добрымъ словомъ и молите о мнѣ: азъ васъ сего дне довольно виномъ напою.

ОДИДЪ.

Предложи все изрядно Мелеху, слышишь ли Селумъ?

СЕЛУМЪ.

Зѣло добро, милостивый господине!

ОДИДЪ.

Скажи ему, яко Олофернъ повелѣ абіе подъѣздныхъ конницъ 150 человѣкъ ко іюдейскимъ предѣломъ послати и всѣ тамошнія преправы добрѣ розыскати.

СЕЛУМЪ.

Добро, азъ сіе уже внялъ есмь.

ОДИДЪ.

Ниже да возвратятся, аще съ собою языковъ имѣти не будутъ.

СЕЛУМЪ.

Скажу и то безъ забвенія.

ОДИДЪ.

Аще же ротмистръ мой, которой подъѣздъ поведетъ, противъ наказу своего что не исполнитъ, тогда высочайшее дерево да пенькова веревка ему во мзду дана будетъ.

СЕЛУМЪ.

Азъ все уже добрѣ исправлю.

СОМНАСЪ.

Милостивый господине моршалокъ! молимъ за сего бѣдного: помилуй его, вели ево освободить; не нарочно сіе сотворилъ есть.

ОДИДЪ.

Что? не нарочно учинилъ, когда той своевольникъ цѣлую бочку вина въ погребѣ выточилъ?

СУСАКИМЪ.

Милостивый господине! пресмотрѣлся; хотѣлъ бо токмо малую кружку нацѣдить и позабылъ гвоздь въ рукѣ, между же тѣмъ, какъ онъ изъ тое кружки пилъ, все вино изъ бочки на землю вытекло.

ОДИДЪ.

О лукавцы! знаю я ваши злыя дѣла. Скажи, хощеши ли женѣ той вино то заплатить?

САЛМАНЪ.

Чѣмъ, милостивый господине, мнѣ платить? Ничто же бо имѣю.

СУСАКИМЪ.

Дуракъ! мочно ти есть едино съ нею поспати?

ОДИДЪ.

Что глаголеши? Хощешь ли платить, или ни?

САЛМАНЪ.

Уже, милостивый господине, азъ съ нею помирюся.

ОДИДЪ.

Отпусти же его; но, аще ли паки какія на тебя жалобы пріидутъ, клену ти ся азъ, что до тѣхъ мѣстъ у столпа стояти имѣешь, доколь очернѣешь.

(Салманъ освобожденъ и челомъ бьетъ. Одидъ отходитъ.)

СУСАКИМЪ.

Пріидите же, братія, да колбасы съямы.

СОМНАСЪ.

Ни, братья; прежде пойдемъ, да Салмана съ госпожею помиримъ.

САЛМАНЪ.

Добро, брате: азъ ея вино заплачю, но она также терпѣніе и жажду мою, юже для нея претерпѣхъ, да заплатитъ, къ сему же и знаки на рукахъ моихъ.

СОМНАСЪ.

Доброе то намѣреніе къ миру; но какъ же хочешь eѣ прежде вино заплатить?

САЛМАНЪ.

Азъ бочку паки водою наполню, она же тощой стомахъ мой жаринами и виномъ наполнитъ, руки же мои поврежденныя аравицкимъ златомъ да улѣчитъ.

СУСАКИМЪ.

Тогда бы азъ по вся недѣли хотѣлъ трижды у столпа стояти; пойдитежъ, братія, да къ намѣренному мѣсту пріидемъ.

III ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1.

ІОСІЯ, ГОѲОНІИЛЪ, АВДІЯ, ѲИНЕЕСЪ.

ІОСІЯ.

Пріятель мой любимый Гоѳоніилъ! нынѣ время отчинѣ нашей показаться вѣрной, которая и до смерти бы въ постоян-

ствѣ пребывала. Сполохи варварскаго Олоферна у насъ зѣло умножаются, такъ что и горы, и каменіе уже отъ того дрожатъ и трепещутъ. Святой отецъ Іоакимъ, нашъ наивѣрнѣйшій архіерей, въ своихъ письмахъ насъ остерегаетъ и со всего сердца своего научаетъ, чтобъ намъ Бога ради бодрственное око на древнюю вольность израилевыхъ людей имѣти, паче же, для святыя церкви іерусалимскія, всѣ предѣлы наши укрѣпить. Градъ нашъ Веѳулія тому мучителеву псу предстоитъ въ первомъ устремленіи, и, яко слышимъ, уже гортань свою отверзе нань, да поглотитъ его. Вѣдай, честный воевода нашъ, что ассирійская сила и ярость ея искуснымъ каменемъ будетъ, на немъже подобаетъ, да вѣрность и храбрость твоя искусится.

ГОѲОНІИЛЪ.

Премудрый Іосія! какъ ты такъ унываеши и глаголеши! Буди благоутишенъ и воспріими храбрость такую, которая никакова недруга неопасна есть. Истинно такъ, что Олофернъ зѣло страшенъ, а рати его сильны и храбры и благосчастіе даное по се время во всемъ постоянно и непобѣдимо; однакожъ все то сумнительно. Не вѣси ли, яко аще высокія древеса долго ростутъ, но однакожде внезапу скоро токмо отъ единаго громового удару, или отъ бури большіе сокрушаются? Коликократно похульные враны и пресильнѣйшаго льва снѣдоша, и крѣпчайшее желѣзо ежедневно ржа истребляетъ, яже точію прахомъ нарицаетца! Кто же вѣдаетъ, ащели и Олофернъ пропасти подъ нашими стѣнами не обрящетъ? Убо Господь Богъ израилевъ съ нами и славы своея не предастъ болваномъ и народу своего въ поруганіе не дастъ.

ІОСІЯ.

Истинно то, и надежда наша, что Господь Богъ самъ учнетъ за насъ воевать. Азъ же сіе не страха ради, но для остерегательства глаголю, чтобъ намъ по совѣту архіерея нашего

быти осторожнымъ и во время нужды противо сицеваго сильнаго недруга по образу предковъ нашихъ смѣло стоять: ибо къ спящему человѣку и мышь въ постелю внидетъ, яже предъ бодрствующимъ и являтися не смѣетъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Что по должности моей достоитъ, азъ то все исполню и буду днемъ въ печали, а нощію въ бодрости; и когда покажетъ время къ бою, тогда я готовъ, да къ пользѣ градцкой нынѣ и всегда дѣло мое намѣрено будетъ. Непріятель да пріидетъ, но съ собою долгія ноги, или крыла грифовыя принесетъ, инако же тяжко ему будетъ чрезъ стѣны наши преступити.

АВДІЯ.

Истинно глаголеши, честный господине воеводо, что градъ Веѳулія твердое ядро есть, на немъже многимъ притупятца зубы; но азъ въ смиреніи своемъ вельми иныя помышленія имѣю.

ГОѲОНІИЛЪ.

Какія имѣеши помышленія?

АВДІЯ.

Кто вѣсть, аще Олофернъ нѣсть таковъ хитръ, что, градъ нашъ Веѳулію мимо пустивъ, прямо ко Іерусалиму пойдетъ? Тогда мы въ вящемъ опасеніи будемъ, нежели когда бы насъ осадилъ. Того же бы ради, будучи намъ въ осадѣ, лутче было, что тогда отъ всея іудейскія страны помощь получилибъ, которые истинно Веѳулію, яко порубежной градъ и изрядной щитъ, оставить не могутъ, развѣ они непріятелю врата отвержутъ ко всѣмъ ихъ землямъ. Аще же и мимо пойдетъ, тогда же что нашему гнѣзду противъ ево дѣлать? Ибо удобно въ то

время преодолѣни будемъ, когда чаемъ безопаснымъ быти, нежели тогда, какъ случай имѣти будемъ боронитца.

ГОѲОНІИЛЪ.

Ни, ни, мой добрый Авдія! Лисица не входитъ въ такую яму, гдѣ ей паки возвратитись невозможно: Олофернъ не таковъ простъ, чтобы ему оставить за собою и меньшое опасство, или силу, помышляя, что ему Іерусалимъ не тако удобно взяти, какъ иные городы и села, которые, узнавъ безсилія свои, ему поддалися. Аще же межъ Іерусалимомъ и Веѳуліею побитъ будетъ, гдѣ же ему уходить? занеже мы со иными порубежными городы назадъ ево не пропустимъ. И далъ бы то Богъ, чтобы то тако учинилося: тогда бы мы тое лисицу въ запорѣ имѣли.

ѲИНЕЕСЪ.

И мнѣ сіе мнится, яко истинно реклъ еси, благопочтенный Гоѳоніилъ, и вся впредь будущая разсудилъ еси. Нынѣ же сіе совѣтую, чтобъ граждане всякими хлѣбными запасы изъ земель градъ наполнили, чтобъ насъ прежде непріятельского меча голодъ не одолѣлъ. Ты же, храбрый Гоѳоніилъ, щитъ нашего малодушія, свое дѣло исполнишь.

ІОСІЯ.

Господь Богъ израилевъ то все благо сотворитъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Всякой къ своему постановленному дѣлу пойди; а ты же, Іосія, къ совѣту архіерея Іоакима, да во всемъ благо устроиши; а граждане тебѣ съ радостію во всемъ, яже требна [1]) суть, послѣдствовати учнутъ. Азъ же пойду стѣны и шанцы

[1]) Въ рук. *требно*.

за градомъ по каменнымъ горамъ постановленныя, досматривать и, что вредительное обрящу, исправить. Простите.

ІОСІЯ.

Прости, честный пріятель!

ВСѢ.

Прости, прости, прости!

III ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ОЛОФЕРНЪ, АХІОРЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, МОСОЛЛОМЪ, ОДИДЪ, ОРИВЪ, СЕЛУМЪ, СОМНАСЪ, САЛМАНЪ, СУСАКИМЪ.

ОЛОФЕРНЪ.

Какъ мнѣ не чюдитися, или отъ ярости не сокрушатися, что тѣ люди, которые въ горахъ обитаютъ и во свѣтѣ едва знатни суть, (а гдѣ и знатни суть, тамо и ти ихъ не почитаютъ, да на нихъ возлаютъ) однако же силу мою уничижати дерзаютъ, или оной сопротивлятися помышляютъ?

СИСЕРА.

Велеможный гетмане! не могу вѣрити, что твоя великая сила имъ то противстояніе почитаетъ, понеже тѣ люди малодушны: ибо, яко кроты, егда узнаютъ по естеству своему пришествіе злопогодія, въ глубокія пещеры свои сохраняются, также и тѣ люди межды горами и каменіемъ въ шанцахъ и въ валахъ сокрываются; и то чинятъ они не отъ храбрости, чтобъ противъ твоей великой силы стояти, но малодушіемъ своимъ опасаяся кровавые бури ассирійскихъ великихъ войскъ, восходящей ярости лица твоего.

МЕЛЕХЪ.

Не такъ, честный товарыщю, глаголеши. Тѣ люди не съ малодушія въ горахъ укрѣнились, а иныхъ на залогѣ въ шанцѣхъ и въ валахъ постановили, но и боронитися хотятъ: ибо вчерашнего вечера 150 человѣкъ рейтаръ изъ подъѣзду возвратились, съ которыми будучіе начальные намъ девять ужниковъ, взятыхъ на розныхъ мѣстѣхъ, объявили, и тѣ единогласно въ роспросѣ сказали, что вся іюдейская земля, и самарійская, и галилейская союзъ учинили со всѣми своими силами противо насъ стояти за свою ветхую вольность, и женъ и отроковъ своихъ и до смерти неотступнымъ быти. Да тѣ же рейтары издалека примѣтили ихъ сильные шанцы во многихъ мѣстѣхъ на горахъ и валы, людьми укрѣпленные, и всѣ пути замкнули. А подлинно, что мы понынѣ взятіемъ людей и земель токмо игрушку имѣли, нынѣ же весь сей прохладъ во кровавой потъ премѣнится.

МОСОЛЛОМЪ.

То подлинно; занеже сколько моавскихъ людей подъ моимъ началомъ суть, объявляютъ и отъ ветхихъ образцовъ памятуютъ, что тотъ жидовскій народъ таковъ упрямъ и непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, что лучше въ своей крови бѣдно умрети готовы, нежели подъ владѣніемъ великаго Навуходоносора во всемъ благополучіи жити.

ОЛОФЕРНЪ.

Рцыте ми: что есть люди сія, иже горами обладаютъ? Или каковы и колики суть грады ихъ и какова есть сила ихъ? Или кое будетъ мужество ихъ и оружіе, или кто царь воевъ ихъ? И царь ихъ благоразуменъ ли есть, что онъ свое владѣніе хощетъ погубити и мнѣ доброволно предатися не хощетъ, якоже сотвориста и тіи, иже одержатъ востокъ, но погордѣша

нами, не хотя насъ съ миромъ пріяти, и не изыдоша во стрѣтѣніе намъ?

АХІОРЪ.

Аще восхощеши слышати, милостивый господине, реку истинно предъ тобою о людехъ сихъ, иже въ горахъ обитаютъ, и не изыдетъ слово ложно изо устъ моихъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Подлинно такъ, что я съ ярости изъ тѣхъ людей желаю крови пити и жажду свою угасити, и охотенъ есмъ житія того роду начало увѣдать.

АХІОРЪ.

Выслушай же, великой гетмане, милостиво, что я тебѣ правду глаголати учну. Людіе тіи отъ колѣна халдейска суть; тіи же прежде въ Месопотаміи обиташа, яко не хотѣша послѣдовати богомъ отецъ своихъ, иже обиташа въ земли халдейстѣй; оставляюще бо чины отецъ своихъ, иже при множествѣ боговъ быша, но единаго Бога небеснаго чтоша, иже повелѣ имъ, да изыдутъ оттуду и обитаютъ въ Харранѣ. Егда же бысть гладъ по всей земли той, идоща во Египетъ; тамо же по четырехъ ста лѣтехъ тако умножени суть, иже множество ихъ не можаше сочтено быти. Егда же отягчаше ихъ царь египетскій работою въ созиданіи градовъ своихъ съ блата и плинѳы, и воззваша ко Господу Богу своему; сій же порази, и взыдоша на горы сія вся и паки владѣютъ Іерусалимомъ, гдѣ суть Святая Святыхъ. Сего ради, господине мой, взыщи: аще есть кая беззаконія ихъ предъ Богомъ ихъ, взыдемъ къ нимъ, яко предающи предастъ ихъ Богъ тебѣ, и будутъ повинни подъ иго силы твоей; аще ли не согрѣшиша людіе сіи предъ Господомъ Богомъ своимъ, не можемъ противитися имъ, яко Господь защититъ ихъ, и будемъ въ поношеніе всей земли.

СИСЕРА.

Какъ ты, песъ, сіе рещи предъ вельможнымъ гетманомъ въ очи можешь, что народы израилевы предъ непобѣдимымъ царемъ Навуходоносоромъ и войскомъ его супротивлятися будутъ?

МЕЛЕХЪ.

О измѣнниче и уже нынѣ не товарыщу! съ твоихъ рѣчей знатно, сколь вѣренъ еси ты великому царю Навуходоносору. Понеже аммонейскіе породы и въ сосѣдствѣ іюдейскомъ родился еси, того ради желаешь, чтобъ Іюдеи насъ одолѣли и въ неволю насъ поимали, нежели великому государю Навуходоносору ихъ потребить. О измѣнниче! о горе! о! чево бы хотѣлъ, но не смѣю.

ОЛОФЕРНЪ.

Воздержися мало, Мелехъ!

МОСОЛЛОМЪ.

Что воздержатись еще намъ храбрымъ отъ сицеваго измѣнническаго воеводы, иже нѣсть достоинъ храброго и честнаго воина въ полку твоемъ подъ началомъ своимъ больши имѣти, меньши, нежели нагіе Веѳулійскіе нищетные люди во израилевыхъ народѣхъ почтеннымъ быти? понеже они никогда воинскими людьми не были. Ей, воистинно, аще нынѣ симъ мечемъ моимъ главы его на части розсѣщи не могу, однакожде кленуся при мечѣ Навуходоносора, что въ забвеніи не будетъ, да ему ложной языкъ его купно же съ прелестнымъ сердцемъ изъ утробы ево изторгну, егда ногами нашими на мертвыхъ израилевыхъ главахъ стояти будемъ.

*

СИСЕРА

То подлинно совершитися имать. Аще ли правду рекль есть, тогда и изда ему добра будетъ, намъ же злоключеніе; аще ли ложную рѣчь извѣщалъ,—яко азъ ему въ очи сіе сказалъ, что онъ яко измѣнникъ, солгалъ есть,—тогда и злосчастіе на него да будетъ: ибо между всѣми иными жидами, ихъже въ плѣнъ получимъ, его прежде азъ мечемъ своимъ ребра прободу.

ОЛОФЕРНЪ.

О несмысленный Ахіоре! како ти сіе въ помышленіе пріиде, что единъ ты между нашими храбрыми вои великую Навуходоносорову честь низлагати дерзаешь? Убо что Навуходоносоръ, яко богъ вселенныя, овладѣти можетъ, свидѣтельствуютъ нынѣ множество государствъ и земель, ихъже азъ безо всякого труда и яко во снѣ покорилъ есмь. Аще ли же Богъ іюдейскій Навуходоносора преодолѣти можетъ, хощу азъ тебе ради животъ мой во искушеніе дати, но не въ такомъ измѣнническомъ опасствѣ, яко ты нынѣ еси. Солдаты! отъимите у него ружье, держаще его до тѣхъ мѣстъ свазана, до коихъ ему изда заслуженная воздана будетъ. Вы же, прехрабрые вои, готовитеся утрешняго дня рушитися и сей порубежной городъ во Іюдеи осадити: тогда покажу, что Навуходоносоръ истинный богъ земный есть, и тако истинно, яко отомститель чести его надъ Ахіоромъ вскорѣ буду.

АХІОРЪ.

Сія ли изда за мою вѣрность, о Олофернъ? Вспоминай, яко еще иный большій богъ есть надъ Навуходоносоромъ, противу же его нѣсть ти мочно прати.

ОЛОФЕРНЪ.

Иди, песъ! Солдаты! что же стоите? Возьмите его, и поведите отъ очей моихъ и сохраните его, да никое честное око вящи на него не взираетъ.

СОЛДАТЫ.

Пойди, пойди, милостивый господине!

III ДѢЙСТВА

СѢНЬ 3.

ІОАКИМЪ, САДОКЪ, МЕЛХІЯ.

ІОАКИМЪ.

Ей, почтенный пріятель мой! Здѣ есть писаніе отъ Ветулінъ, въ немъже Іосія ми извѣщаетъ, яко непріятель уже къ предѣламъ ихъ приходитъ.

САДОКЪ.

О Боже, Боже нашъ! Что же намъ иное ожидати, развѣ то, что̀ иныя земли и уже безчисленные грады къ сему же и всѣ наши порубежные народы отчасти даже до окаяннѣйшія смерти претерпѣша, отчасти же въ поношенныхъ веригахъ еще и узахъ терпятъ?

МЕЛХІЯ.

Однакожде всѣ сицевые Олоферновы невольники и плѣнники, ихъже онъ отъ всѣхъ народовъ и языковъ съ собою водитъ, въ бѣдахъ своихъ множае благополучнѣйше суть, нежели мы, въ нынѣшнемъ нашемъ свободномъ житіи пребывая.

САДОКЪ.

Чесо же ради, честный господине мой и пріятель?

МЕЛХІЯ.

Яко убо страхъ смертный вельми горчайшій есть паче самыя смерти, иже никогда же болѣе, яко въ окомгновеніи мучити можетъ; тако тоска наша, яже нынѣ посреди тысящъ страстей отчаяніе намъ представляетъ,—аще живы, или мертвы, аще ли въ подданствѣ или въ плѣну будемъ, и аще жены и дѣти наши смертную казнь пріемлютъ, или (еже горшее есть) аще до смерти своея въ поношеніи пребудутъ,—тысящью больши есть, нежели да быхомъ то злосчастіе уже пріяли и все истерпѣли. О вы, мучителя Олоферна плѣнники! хотя нынѣ въ веригахъ и узахъ ходите, однакожъ вельми счастливѣйшіе есте, нежели мы въ нынѣшней еще свободѣ нашей, имъже намъ еще множае горшую бѣду боятися.

ІОАКИМЪ.

О ты, мой возлюбленный друже, нѣкогда премудрый Мелхія! како убо нынѣ глаголеши сицевыя отчаятельныя словеса? Нѣсть бо достойно самому о себѣ крестъ изковати, но благодушнымъ упованіемъ ожидати, доколѣ Господь Богъ самъ кому крестъ наложитъ, и тогда онъ терпѣливно носити. Аще имамы и вѣдомость о непріятелѣ нашемъ, но свирѣпость и мученіе его здѣ еще не обрѣтается. Прежде сего, правда, Олофернъ многихъ побѣди языковъ, мы же да уповаемъ крѣпко, яко сице удобно не возможетъ людъ и достояніе божіе преодолѣти.

МЕЛХІЯ.

Ей, отче святый, подобаетъ намъ надежду имѣти и на Господа Бога уповати, да Израильтянъ своихъ не отринетъ и святая своя на оскверненіе языкомъ не подастъ; но грѣхи наши достойную намъ сотворяютъ боязнь.

САДОКЪ.

Ей, истинно грѣхи наши насъ устрашаютъ, страхъ же той всю Іюдею и вся, къ ней прииалежащая, ко уныванію приводитъ. Воспоминай убо, отче святый: нынѣ уже всѣхъ человѣкъ сердца въ малодушіе приходятъ, непріятелю едва чрезъ предѣлы наши прошедшу; что же тогда въ то время будетъ, егда онъ первой токмо порубежной градъ Веѳулію обладаетъ и по своему обычаю оной жалостно разоритъ? Не учнутъ ли тогда всѣ иные грады предъ нимъ разрушатися?

ІОАКИМЪ.

О братья возлюбленная! не тако да глаголемъ. Аще бо на грады уповати будемъ, тогда удобь погибнемъ: на Бога да уповаемъ и да къ Нему прибѣгаемъ, Онъ бо насъ самъ защищати можетъ. Увѣщеваю вы тогда, да, къ ногамъ Бога нашего припадше, грѣхи ваша исповѣсте и милости у Него молите. Вѣсте убо, яко услышитъ Господь Богъ молитвы ваша. аще пребудете въ постѣ и въ молитвѣ предъ Господемъ: памятствуйтежъ Моисея, раба господня, иже люди амалитскія, надѣющіяся на силы своя, и величествія вои своя, и всадники и колесницы, не мечемъ, но, молитвами святыми своими моляся, одолѣлъ есть. Тако да будетъ всѣмъ недругомъ израилевымъ, аще прилежите въ томъ дѣлѣ, яко начасте.

САДОКЪ.

Ей, воистинно всѣмъ чистымъ сердцемъ ко Господу обратимся, Онъ же насъ да помилуетъ.

МЕЛХІЯ.

Воистину да постимся со слезами, и молимся, и во вретища насъ и дѣтищъ нашихъ оболчемъ, Господь Богъ да узритъ смиреніе наше.

ІОАКИМЪ.

Пойдите жъ, братья возлюбленная, сотворите по намѣренію вашему; азъ же вниду въ церковь господню, да вся ко утреннему покаятельному служенію устрою. Шествуйтежъ благо.

III ДѢЙСТВА

СѢНЬ 4.

ОДИДЪ, АХІОРЪ, СЕЛУМЪ, СУСАКИМЪ, СОМНАСЪ, ОЛОФЕРНЪ.

ОЛОФЕРНЪ.

Да буди тако, безумный Ахіоръ! Понеже таковъ пророкъ еси, иже прорещи можешь, яко израилевымъ людемъ отъ Бога ихъ защищеннымъ быти; тогда пойди же къ нимъ и да будеши самъ себѣ добрымъ пророкомъ у Израильтянъ, иже однако радостно пророковъ, яко слышу, принимаютъ и у себя ихъ держатъ. Но въ семъ зѣло остерегателенъ буди, да прореченіе твое не мимоидетъ: ибо егда всѣхъ тѣхъ убогихъ жидовъ даже до единаго человѣка побіемъ, тогда явно узриши, яко нѣсть Богъ инъ, развѣ Навуходосоръ. Тѣмъ же тогда и праведно будетъ, да купно и ты со жиды ассирійскимъ мечемъ погибнеши и достойную казнь, яко измѣнникъ, пріимеши. Истинножъ ти реку, что тогда нещадно будетъ и моимъ самымъ мечемъ такова пса сквозѣ сердце проколоти, укрѣпляюще тѣмъ, яко Навуходоносоръ государь есть всея вселенныя.

АХІОРЪ.

Велеможный воеводо! что же сотворилъ есмь? Вопросилъ еси у мене совѣта, и азъ ти отвѣщахъ, яко совѣсть моя ми повелѣ глаголати: аще совѣтъ мой ти не угоденъ, и ты искуси дѣло то по твоей мудрости инымъ лучшимъ образомъ сотвори-

ти, совершеніе же того свидѣтельствомъ ми будетъ, яко азъ ти никакова зла присовѣтовалъ есмь.

ОЛОФЕРНЪ.

Добро же; тогда ти никакова зла и не опасатися. Аще добро и истинно прорекль еси, и ты иди безо всякаго страху и трепету ко израилевымъ людемъ, ожидая исполненія и истины пророчествія твоего; азъ ти къ сему провождати повелю. Одидъ! абіе его да велиши крѣпкою стражею въ градъ Веѳулію провести и Израильтяномъ въ руки ихъ отдати, извѣщая имъ, яко азъ сего изряднаго Амонѣя имъ и Богу ихъ въ сохраненіе предаю.

АХІОРЪ.

Но, Олоферне, обнадеживаю тя, что Богъ израилевъ гордость твою усмиритъ, люди же своя отъ мучительства твоего соблюдетъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Что ты, собако, еще глаголеши? Одидъ! солдаты! Иди, собако! *(Здѣ отходитъ со гнѣвомъ).*

АХІОРЪ.

Азъ отхожу съ радостію.

ОДИДЪ.

Пойди, пойди, безумный Ахіоре! Гдѣ умъ твой дѣлся, что сице уничижательно о побѣдоносныхъ оружіяхъ навуходоносоровыхъ глаголати и нашему воеводѣ тако упорственно отвѣщати дерзаешь? О бѣдный ты, злощастный и окаянный глупче!

АХІОРЪ.

Иногда благосчастливѣе васъ, убогихъ людей, иже во всѣхъ честяхъ вашихъ ничто же множае, яко токмо Олоферновы

изрядные невольники есте, кои ничто же иное творити и глаголати должни есте, точію что онъ самъ радъ имѣти и слышати хощетъ, хотя бы то было сопротивно Богу истины, сопротиво же и совѣсти, и всѣхъ уставовъ.

ОДИДЪ.

Добро, добро, бѣдный ты! Глаголи же ты нынѣ правду во Веѳуліи, мы же вскорѣ со Олоферномъ тебе и всѣхъ жидовъ въ Веѳуліи посѣтимъ и отъ тебе же особно вопросимъ: гдѣ іюдейскій сильный Богъ есть и твоя совѣсть? Солдаты! возьмите и поволоките его да вручите его во вратахъ въ Вефуліи стражи имянно. Слышите ли?

СЕЛУМЪ.

Слышу, слышу, милостивый господине! Николи же такихъ не имѣлъ чуткихъ ушей, какъ нынѣ, егда сицеваго изрядного воеводу подъ началомъ моимъ имѣти имамъ.

СУСАКИМЪ.

Азъ бы радъ по вся дни таковаго милостиваго господина хотѣлъ прочь отволочь: тогда и намъ бы въ конецъ единожды мѣсто очистилось, да начальниками и воеводами будемъ.

СОМНАСЪ.

А мнѣ мнится, что азъ ужъ и нынѣ воеводою, егда таковому благородному князю сицевые изрядные удары въ бока давати могу. Ступай, ступай, милостивый господине! Ступай, ступай!

III ДѢЙСТВА

СѢНЬ 5.

Ахіоръ, Ванея съ четырми человѣкъ вой, или стрѣльцовъ.

АХІОРЪ *(здѣ привязанъ ко древу, и говоритъ.)*

Нынѣ же азъ здѣ вишу, непостоянства изображеніе и прелестнаго колебимаго счастія свидѣтельство. О проклятое и предательное счастіе! яко еси во всѣхъ случаяхъ прелютымъ всѣмъ мучителемъ: лишатися бо тебе, а не употребляти нищетно, правда, есть и несносимо; но обаче же унше, нежели въ прелестномъ твоемъ лонѣ преопочивати: ибо емуже пріятенъ еси, той долженствуетъ пріязнь ту со страхомъ и трепетомъ употребляти и вскорѣ, ей, абіе со страшнымъ паденіемъ прелесть твою увѣдати, желающе, да николи же во счастію пребылъ есть. О бѣдный азъ! о какихъ возмоглъ есть вчерашняго дни еще, въ рамахъ у сего прелестнаго счастія сущи, владѣтельствъ похвалятися и таковыхъ честей еще примножати? Нынѣ же что развѣ злосчастіе мое и поношеніе? Аще быхъ княземъ не родился и никогда воиноначальникомъ не былъ, аще быхъ о бокъ съ Олоферномъ никогда не сидѣлъ, или николи же богатествъ, имѣнія и сокровищъ не имѣлъ; то бы ми сіе паденіе никіимъ поношеніемъ, но вельми множае таковое поношеніе точію обыкновеніемъ было. Азъ убо и прежде видѣхъ плѣнниковъ или невольниковъ, связанныхъ и во узахъ сущихъ, смѣющихся и играющихъ [1]), зане обыкновенія ради никакихъ радѣша узовъ. Но сіи руки, яже народовъ токмо побеждати обыкоша, съ ними же купно и вольность, что связана есть,—то ми вящую творитъ скорбь, понеже, во узахъ пребывая, толико свободы не имамъ, да возмогу токмо едину руку самъ въ своей истой утробѣ пре-

---

[1]) Въ рукописи: *играющи*.

вращати и тако безчастному поношенію моему благополучнѣйшую кончину съ великодушною смертію сотворити.

ВАНЕЯ.

Мѣсто же здѣ, на немъже ассирійскихъ псовъ самъ изъ стѣны своима очима видѣхъ. Гдѣ убо незапно содѣвахуся они?

АХІОРЪ.

О горе мнѣ! Азъ слышу людей глаголющихъ.

ВАНЕЯ.

Охъ жаль, что тѣхъ висельниковъ не получихомъ! Съ ними убо быхомъ утѣшное содѣвалибъ прохлажденіе.

АХІОРЪ.

О дабы львы и иные лютые ко мнѣ надбѣжали звѣри, яже бы ми скорую преподали кончину! Страшуся бо человѣкъ, занеже лютѣйши суть, нежели львы и бабры.

ВАНЕЯ.

Кто возопіетъ? Кто рыдаетъ здѣ?

АХІОРЪ.

О горе, горе! Плачевное бо есть недорожденіе прелестнаго счастія и жалобное мучительство лютыхъ человѣкъ.

ВАНЕЯ.

Кто еси ты? И како сѣмо еси пришелъ? И кто тя здѣ привязалъ?

АХІОРЪ.

Самимъ вамъ то зримо есть, яко ни львы, ни медвѣди, ниже волки сія сотворяху, токмо человѣцы, иже лютѣйшіи суть паче всѣхъ лютыхъ ливійскихъ звѣрей.

ВАНЕЯ.

Что глаголеши о человѣцѣхъ? Скажи, чесо ради здѣ привязанъ еси? Что еси зло сотворилъ и преступилъ?

АХІОРЪ.

Что Бога израилева почтилъ есть.

ВАНЕЯ.

Бога израилева? Нѣси ли отъ войска ассирійска и язычникъ?

АХІОРЪ.

Есмь азъ единъ отъ Олоферновыхъ воеводъ, аммонійскій князь; обаче же страшуся Бога израилева паче всѣхъ языческихъ боговъ, тѣмъ же и въ сію бѣду попалъ есмь.

ВАНЕЯ.

Что Бога нашего ради ти терпѣти? Не буди то. Скажи ми токмо со клятвою: нѣсть ли какого коварства, прелесть, или измѣна подъ симъ сокрыто?

АХІОРЪ.

Какъ истинно Богъ вашъ единый Богъ есть, сотворивый небо и землю, тако истинно стражду сіе не ради коего злотворенія, токмо понеже за весь родъ израильскій правду изреклъ есмъ, имянно, яко Богъ ихъ—оныхъ удобь избавити можетъ отъ всея силы Навуходоносора. Тогда той мучительной Олофернъ мя къ вамъ въ Веѳулію изгна, да въ защищеніи Бога вашего купно съ вами жити, или умирати дерзаю; но вои мя, страха ради, да отъ васъ яты не будутъ, здѣ привязавъ, побѣжали.

ВАНЕЯ.

Мощно ли сему безопасно и не ложно вѣрити?

АХІОРЪ.

Не хощете ли мнѣ вѣрити, или опасаетесь нѣкакой лести, то изъ двухъ сотворите едино: или мя умертвите,—еже скорбная душа моя съ великимъ хотѣніемъ желаетъ,—или возьмите связана во градъ вашъ, испытайте мя мукою: азъ бо въ томъ явственнѣе и о иныхъ вещѣхъ множае правду исповѣмъ.

ВАНЕЯ.

Воины! разрѣшитежъ его, да его плѣномъ съ собою возьмемъ. Имаши ли, яко вѣщаеши, къ Богу нашему упованіе свое,—помощь дати и спасати можетъ,—благо: тогда бо сіе употребляти имѣешь и отъ скорби своея избавитися. Но аще нѣкая злохитрость и прелесть проявится, горе тебѣ тогда, горе! Въ то убо время сіе древо токмо прохладнымъ ти жилищемъ и всѣ нынѣшнія скорби токмо сномъ вмѣнились противъ той бѣды и мученія, что на твою главу приходити будетъ.

АХІОРЪ.

Буди же по глаголу вашему; но Богъ исраилевъ, возмогій чюдесно избавляти, иже и мене чюдесно отъ скорби тоея спаслъ есть, Той самъ вѣсть, яко азъ отъ всякаго прельщенія чистъ, въ семъ же дѣлѣ праведенъ и непороченъ есмь. Той да воздастъ вамъ милосердіе, еже надо мною твористе.

ВАНЕЯ.

Пойди же тогда, пойди во градъ, прежде нежели о насъ непріятель вѣсть воспріиметъ и предваритъ ны на пути.

МЕЖДОСѢНІЕ ПОСЛѢ 3 ДѢЙСТВА ПРЕДЪ ПЕРВОЮ СѢНІЮ 4 ДѢЙСТВА.

САЛМАНАСАРЪ, АДЕРЪ, АГАГЪ, АМАРѲАЛЪ, ОДИДЪ.

САЛМАНАСАРЪ.

О мучителю! О свирѣпый и человѣческіе крови ненасыщенный песъ, Олоферне! То ли то храбрыя дѣла, то ли то похвальные воинскіе обычаи—прежде самому къ миру призывати, милости обѣщатися и о вольности вѣрою укрѣпляти, по семъ же по такому договору у надѣющихся на сицевую милость, у поддавшихся земли и людей отнимати и вѣнчанныя главы въ узы оковати? О змій *), егоже весь весь свѣтъ еще не носилъ есть!

АДЕРЪ.

Но, почтенный пріятель и клеврете мой, егоже никое благополученіе, но злоключеніе и невольническія узы моимъ пріятелемъ сотвориста, почто же намъ еще много возъяритися? Что намъ на Олоферна въ томъ вину возлагати, зане паче наша вина тому есть. Чесо бо ради вѣрили есмы сему прелестнику? Почто сице суетно предахомъ земли и люди наша въ руки его? Чего убо для паче главы наши со множайшею смѣлостію подъ яростную саблю его подлагати не дерзахомъ, нежели да оныя въ сія невольныя узы подали есмя. Воистинно бывшіе подданные наши сами насъ множае, нежели Олоферна проклинати учнутъ.

АГАГЪ.

Аще ли сіе воистинно правда, но обаче кто же той великіе силы его возможе сопротивлятися? Како сицевой скорости мощно бѣ убѣжати? И кому бы сицевымъ преизящимъ словесемъ княжимъ не вѣ-

*) Это слово написано съ боку; въ тексѣ: *о коркодиле.*

рити? Аще бы единъ увѣдалъ есть о другаго нашествіи, тогда бы, такимъ увѣдавшаго образцомъ уцѣломудрився, возмогли бы, ополчився и совокупився единомышленно, крѣпко супротивитися, или тому злощастію поне лучшимъ остерегательствомъ предварити. Но до коихъ мѣстъ еще гласъ о Олоферновомъ мучительствѣ отъ единого рубежа до другаго пройде, уже мы мало не всѣ вкупѣ чрезъ ложный договоръ въ плѣнъ взяты есмя.

АМАРѲАЛЪ.

О горе въ плѣненіи быти! Есть истинно неистерпимое иго, зане не обыкохъ его. Но при желѣзныхъ веригахъ и златый вѣнецъ на главѣ имѣти поношеніе есть, еже зельнѣе паче горьчайшіе смерти и тяжчайшихъ узъ болѣзнуетъ: елико же принужденъ есмь вѣнчанную главу мою предъ нимъ ницъ склонити, толико привѣтствую отай въ сердцѣ моемъ, да глава бы моя николи же вѣнецъ носила есть, или чтобъ его глава нѣкогда въ радость къ стройному позорищу отъ невысокихъ людей, каковые нынѣ мы обрѣтаемся, на копіи обношена была.

АГАГЪ.

Ей; аще бы сіе желаніе исполнилось, то бы и намъ возможно было паки свободу нашу и прежнее счастіе получити.

АМАРѲАЛЪ.

О аще ли бы ми еще толико счастія произбыло, дабы сіе руки и ноги свободныхъ моглъ имѣти, да бы̀хъ нѣчто дерзнулъ сотворити, еже бы многимъ, ей, многимъ царствомъ пользовало! хотя бы ми еже радостнѣе вожделѣлъ бы, нежели сице во узахъ жити и живота своего лишитися.

АДЕРЪ.

О господа! сицевыя суетныя рѣчи туне да не глаголемъ. Аще ли Богъ есть, иже обыче всякія прелести и лукавства казнити,

и насъ отъ мучительства сего лукавого врага избавити хощетъ: тогда Онъ и мышцу, и руку обрящетъ, юже ко отомщенію и догубленію мучителя сего поучитъ и къ тому укрѣпитъ. Наше великодушіе паки нынѣ точію въ томъ изъявимъ, да мучительство его презираемъ, злоключеніе же наше терпѣніемъ полегчимъ. Тихо, тихо! тамо бо къ намъ воинской маршалокъ грядетъ.

ОДИДЪ.

Вы, безчастные великоначальники! како сице боязливи стоите, въ сомнѣніи суще, понеже нынѣ вамъ никакова злѣйшаго злощастія не опасатися паче того, еже уже терпите?

САЛМАНАСАРЪ.

Но и таковое еще долѣе терпѣти большую намъ ежедневно боязнь притворяетъ и приводитъ насъ къ конечному отчаянію, егоже обаче не страшимся, но вельми паче оного со желаніемъ взыскуемъ.

ОДИДЪ.

Чесо ради? Что же таковаго неистерпимаго терпите, еже ко отчаянію приводитъ?

АМАРѲАЛЪ.

Истинно же, почтенный господине маршалокъ, яко вѣнцы сіе, предъ ними же прежде сего князи великіе низкланялися, нынѣжъ и малѣйшему міру къ поруганію и позору держатся: сіе убо царскимъ сердцамъ неистерпимо есть.

ОДИДЪ.

Не тако, великодушные господа! Достоитъ вельми множае вамъ помышляти, что Олофернъ, господинъ нашъ, вамъ для того въ плѣненіи вашемъ еще царскіе вѣнцы на главахъ имѣ-

ти допущаетъ, яко да отъ всѣхъ иныхъ плѣнниковъ провозхожденіе, честь и почитаніе имате.

АДЕРЪ.

Весьма то вмѣстѣ не согласуетца: златые царскіе вѣнцы со желѣзными невольническими веригами.

АГАГЪ.

Никая же честь быти можетъ по всѣхъ земляхъ посмѣятельного позорища [1]) волочимымъ быти.

ОДИДЪ.

Господа! азъ вамъ нѣчто присовѣтую.

САЛМАНАСАРЪ.

О! то бы еще благосчастіе было доброго присовѣтника [2]) имѣти!

ОДИДЪ.

Послушайте мя. Егда же великій воевода Олофернъ Веѳулійскій градъ во обдержаніе пріиметъ,—еже по немногихъ дняхъ учинится,—тогда вы, падъ ему въ ноги, молите у него милосердія, и егда о побѣдѣ веселитися учнетъ, подлинно вамъ узы ваши подлегчитъ, мы же и сами за васъ молити его не замедлимъ.

АГАГЪ.

Уже толь долго будучая скорбь къ никоей больше надеждѣ допущаетъ.

---

[1]) За этимъ словомъ, вѣроятно, пропущено: *ради* или *для*.
[2]) Въ рук.: *присовѣтники*.

ОДИДЪ.

О! ей, хотя смиреннымъ моленіемъ нашимъ столько получите, да васъ больши не повезетъ съ собою по разнымъ землямъ къ позорищу, но васъ во Веѳуліи градѣ оставитъ и тѣмъ воиномъ, иже тамо будутъ, васъ въ соблюденіе вручитъ.

САЛМАНАСАРЪ.

О дали бы то бози, чтобъ Веѳулія избавленіемъ нашимъ была!

ОДИДЪ.

Идите же и не скорбите много. Кто вѣсть, что въ пяти, или шти днѣхъ вамъ можетъ добро приключитися?

САЛМАНАСАРЪ.

Почтенный господине Одидъ! благодаримъ тя о потѣшеніи твоемъ благомъ.

ОДИДЪ.

Идитежъ во мирѣ; мнѣ же отходити къ воеводѣ, да послужу ему.

(Одидъ здѣ отходитъ.)

Цари же тѣ, 4 человѣка, поютъ зѣло жалобно, еже послѣдствуетъ:

ПѢСНЬ.

САЛМАНАСАРЪ ПОЕТЪ СТИХЪ 1:

Аще ли намъ гордѣтца
Во царскихъ сихъ вѣнцахъ,
А въ плѣну являтися
Въ позорѣ и во узахъ,
Злосчастіебъ не болѣло,
Поносу бы не было.

АДЕРЪ ПОЕТЪ СТИХЪ 2:

Мучитель Олоферне!
Премѣнное счастіе
И ти вскорѣ лютое
Явить [1]) паденіе
Может вящши, неже мы
Есми отъ тя мучени.

АГАГЪ ПОЕТЪ СТИХЪ 3:

Иже царствы и людьми,
Ей, владѣли есмя,
Нынѣ же въ поношеніи
Намъ терпѣть есть нужда;
Но иже всѣмъ хвалится,
Абіе сокрушится.

АМАРѲАЛЪ ПОЕТЪ СТИХЪ 4:

О прогнѣванный Боже!
Есть ли въ Веѳуліи
Кое еще спасеніе,
Тогда намъ помози;
Аще ли ни, то насъ возьми
Къ себѣ отъ сея жизни.

IV ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1.

ІОСІЯ, ГОѲОНІИЛЪ, АХІОРЪ, АВДІЯ, ФИНЕЕСЪ.

ІОСІЯ.

Благо же, Ахіоръ, вѣруемъ тогда словесамъ твоимъ, яко истинны и не ложны суть, и по всему, како видимъ, чаемъ, что

[1]) Въ рукописи: *явитъ*.

вся сія свирѣпому Олоферну въ очи изреклъ еси, яже нынѣ намъ провѣщаваеши.

АХІОРЪ.

Ей, Іосія, господине мой, поистиннѣ: яко Богъ вашъ, на негоже уповаете, и о Его великомъ имени азъ отъ юности моея многа слышахъ, самою истинною есть; сице праведно азъ Олоферну вся явственно предложихъ, яже вамъ днесь паки сказахъ; тоя же ради вины онъ мене связана къ вамъ послалъ есть.

ГОѲОНІИЛЪ.

Прости же ми, пріятный друже мой Іосія! Не вѣмъ убо, коимъ остерегательствомъ сіе зломнительное дѣло вняти имамъ.

ІОСІЯ.

Чего ради, пріятель мой Гоѳоніилъ?

ГОѲОНІИЛЪ.

Како достойно есть къ истиннѣ радостно примѣрятися, тако и должно есть опасну быти, да не вся во истинну вмѣняются, яже истинною мнятся быти: ибо троиственные лукавцы обыкоша злохитрости своя между лучшія вещи сокрывати: имянно же тайноубійца сокрываетъ смертоносный ядъ свой въ пресладчайшемъ винѣ, прелестной другъ сокрываетъ прелестное сердце свое въ глубоцѣмъ смиреніи, предатель же сокрываетъ лукавые совѣты и намѣренія свои въ вѣрности и во истиннѣ. Вѣмъ убо искусно, что въ таковомъ образцѣ, каковъ нынѣ на Ахіорѣ видимъ, многажды зѣло великая воинская злохитрость сокрыта бысть, и мы преизлишно да не вѣримъ.

АХІОРЪ.

Зѣло почтенной и храброй господине мой Гоѳоніилъ! како ти возмогли о мнѣ сицевыя помышленія въ чувства твои приходити? Аще убо узы тѣ, яже днесь отъ рукъ моихъ разрѣшили есте, и сіе струпы, ихъже нынѣ еще отъ тѣхъ же вервій показати могу, не довольно свидѣтельствуютъ, что азъ повѣстію моею, юже вамъ днесь паки сказахъ, Олоферна сице розъярилъ, что мене для того яти повелѣ и къ вамъ послалъ есть; добро же, велитежъ на мя вервія тѣ паки возложити и держите мя сами дотолѣ у себя въ узахъ, доколѣ Богъ вашъ, на негоже и азъ нынѣ уже уповаю, по своему благоволенію къ совершенію приведетъ. Тогда убо провѣсте ми, что по Олофернову мучительному изреченію купно же съ вами едино отъ двухъ ожидати: или бѣдно съ вами смертію предану быти, или по томъ благополучнѣе, нежели прежде сего, съ вами жити.

ГОѲОНІИЛЪ.

О благій друже Ахіоръ! токмо бы третіе утаено не было, имянно измѣна: ибо, яко помышляю, не возможе Олофернъ никогда же лучше предателя въ городъ нашъ промышляти, развѣ симъ образомъ, изгнаннымъ и связаннымъ человѣкомъ.

АХІОРЪ.

Да будетъ же тако; вѣруйте сице и держите мя, яко измѣнника, и положите мя связанна въ уголъ, точію дайте ми дыханіе, хлѣбъ и воду и провѣдывайте до скончанія дѣла того цѣломудріемъ вашимъ, аще азъ солгахъ, или помышленія ваша васъ прельстили: азъ бо не желаю ключей града вашего, ниже стражу и мѣсто на стѣнахъ вашихъ, вельми меньше свободно вшествіе и изхожденіе чрезъ врата ваши, еже такимъ подобіемъ возмоглъ бы кто на измѣну помыслити; но сице желаю токмо вашего доброполучія, или злоключенія сподобитися,—

кой судъ ми гордый Олофернъ изрече и ко исполненію тому сѣмо мя къ вамъ прислалъ есть. Засвидѣтельствуюсь Богомъ всѣхъ боговъ, ей, засвидѣтельствуюся еще совѣстію моею предъ Вогомъ неба и земли, яко радостнымъ сердцемъ отъ Олоферна сицевое изреченіе воспріяхъ, зане вѣмъ, обнадеженъ сущи, что Богъ вашъ спасетъ и защититъ вы, Олоферна же со всѣми вои его посрамитъ, яко сіе азъ ему и въ очи изреклъ есмь.

ІОСІЯ.

Воистинно, возлюбленной Гоѳоніилъ, очи ми, сіе слыша, слезами исполнены, и нѣсть ми лѣть кое зло о семъ праведномъ мужѣ помышляти. Олофернъ той варваръ не ево такъ обесчестилъ, какъ Богу нашему поругался и весь исраильтеской родъ похулилъ есть; намъ же сего не возлюбити и благо ему не сотворити, иже насъ ради уже пострада, — онъ же взыскуетъ помощи у Бога нашего, а намъ его не воспріимати, но отъ себя его отринути:—о! ни, сіе да не будетъ, Гоѳоніилъ, да предъ Богомъ нашимъ и предъ изгнаннымъ странникомъ сице согрѣшимъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Нынѣ же исповѣдаю, пріятель мой, господине Іосія, яко Ахіоровою повѣстію къ сожалѣнію принужденъ есмь и ко иному помышленію приведенъ; но кленуся при семъ, егда Олофернъ, тою кровіею не насыщенный песъ, точію къ намъ да придетъ, тогда увѣдати имать, что многажды кошка, въ утѣсненіи сущи, вредительнѣе драти, нежели песъ кусати можетъ.

ІОСІЯ.

О возлюбленные друзи! нынѣ не о дракахъ, ниже о псахъ и кошкахъ да глаголемъ, вельми множая да восплачемся и молитвы ко Господу Богу, ницъ падше на землю, приносимъ, моляще единое надежды исраилевы. Богъ же отецъ нашихъ да умилосердится на ны.

ЮСІЯ ЖЪ МОЛИТСЯ.

О! ей, Господи Боже нашъ, Боже небесе и земли! узри гордыню языковъ тѣхъ и наше смиреніе.

ФИНЕЕСЪ.

О Боже Авраама [1]), Исаака и Іякова! призри милосердіемъ твоимъ на святая и яви, яко не оставиши надѣющихся на Тя и низлагаешь уповающихъ о себѣ и отъ своея силы хвалящихся.

ІОСІЯ.

Тако, братья возлюбленная, тако! Къ Господу Богу да прибѣгаемъ; вѣмъ убо, что Онъ, яко милостивый и милосердый отецъ, жезлъ казни своея, иже на насъ уготови, паки сокрушитъ и во огнь ввержетъ, насъ же, аки чадъ своихъ, помилуетъ.

АХІОРЪ.

И азъ въ крѣпкомъ пребываю обнадеженіи; чаю бо, яко сицевыя горькія слезы предъ щедрымъ и милосердымъ Богомъ вотще излитися не могутъ, егоже вы таковымъ прилежаніемъ призываете.

ГОѲОНІИЛЪ.

Ты же, Ахіоръ, буди обнадеженъ, яко Богъ отецъ нашихъ егоже силу проповѣдалъ еси, той тебѣ сія дастъ воздаянія, да они о тебѣ не возрадуются, но ты наипаче погибель ихъ узриши.

ІОСІЯ.

Ей, зѣло пріятный и возлюбленный гость нашъ Ахіоръ! нынѣ еще чюждъ еси между нами, но, егда Господь Богъ нашъ подастъ свободу намъ, рабомъ своимъ, будетъ и съ тобою той

---

[1]) Въ рукописи: *Авраамля*.

же Богъ и впосреди насъ, и яко угодно тебѣ, тако со всѣми твоими да живеши съ нами.

АХІОРЪ.

Благодарю о семъ благопріятіи вашемъ, егоже недостойнымъ себе быти еще вмѣняюся, обнадеживая васъ, что ничто же любезнѣйшаго во всемъ мірѣ себѣ не привѣтствую, развѣ двѣ вещи: впервые, дабы впредь азъ со всѣми си моими по строенію и обыкновенію вашему Богу купно съ вами служити моглъ, иже самъ истиннымъ есть Богомъ небесе и земли, и по семъ вся языки да предъ вами праведными посрамлены будутъ.

(*Вси глаголютъ*: аминь, аминь, аминь.)

ІОСІЯ.

Пойди же тогда, муже ты любимый, азъ бо тя оставити не могу: приходи въ домъ мой, воспріемлюще пріятно учрежденіе и вечерю, юже ти благословеніемъ божіимъ представлю. Вси вы, любимые друзи, пріидите со мною, да гостя сего почтемъ, егоже Богъ намъ послалъ есть, и да съ собою часъ и другой при скудной вечери, юже изготовихъ, возвеселимся, уповая на Бога, яко намъ малое подкрѣпленіе благоизволитъ принимати. Азъ иныхъ пресвитеровъ къ себѣ позову.

ГОѲОНІИЛЪ.

Благо зѣло, почтенный Іосія! Мы съ охотою ти во слѣдъ пойдемъ, понеже сонмъ цѣломудренныхъ совѣтниковъ паче не желе излишнее учрежденіе будетъ.

ФИНЕЕСЪ.

Богу сіе досадити, ей, не возможетъ, егда лѣпотно и воздержательно къ сему же и умирительно подкрѣпляемся и увеселимся.

АВДІЯ.

Но и паче, когда толь долго постилися есмя.

ІОСІЯ.

Пріидите, любимые друзи, да вкушаемъ и подкрѣпляемся мало; по семъ бо паки, егда звѣзды на небеси блистатися учнутъ, вси людіе воззвани будутъ, да всю нощь молимся вкупѣ, просяще помощи отъ Господа Бога израилева.

IV ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, МОСОЛЛОМЪ.

ОЛОФЕРНЪ.

Начало нынѣ, правда, учинено, храбрые вы мои вои! Веѳулія градъ истинно въ рукахъ моихъ, занеже уже въ лонѣ войска моего объатъ есть; обаче удивляюсь зѣло, что они нищіе люди еще предъ силою моею великою не страшаются и чрезъ послы своя милосердія молити не желаютъ. Ей, крѣпчайшихъ и безчувственнѣйшихъ оныхъ быти мню, нежели стѣны ихъ и каменіе.

СИСЕРА.

Аще бы и крѣпчайшіе были, нежели желѣзо и укладъ, однакожъ желѣзо и укладъ еще мочно премощи: убо огнь укладъ яко скудель измягчаетъ, молотъ же изтребляетъ желѣзо, аки плевели. Воеводо великій! они было храбрости твоея еще сами не провѣдали, яко издали троскотъ тое слышали, и огнь ярости твоея самыхъ еще не опали, яко издали пожаръ той услышали. Но напусти токмо на нихъ силу и ѳевность свою, тогда

ни о чемъ сице не роскаются, яко что восхотѣша укладными и желѣзными быти.

ОЛОФЕРНЪ.

Но не вѣмъ, аще прузи тѣ въ худомъ гнѣздѣ своемъ сице достойни, дабы хотя единую мышцу къ нимъ простри; азъ бо имѣю удобнѣйшей на нихъ промыслъ и чаю безъ великихъ трудовъ упорственныя главы ихъ усмирити, да въ скорыхъ дняхъ съ женами и дѣтьми сами ко мнѣ изыдутъ. А иже богатество благодати моея презираютъ, въ то время, напитися студеныя воды да получити возмогутъ, въ превысочайшее себѣ счастіе вмѣняютъ.

СИСЕРА.

То бы воистинно прохладное утѣшеніе было; но коимъ же обычаемъ, премудрый воеводо?

ОЛОФЕРНЪ.

Вчерашнего дни обыдохъ окрестъ града и, егда вся положенія и мѣста разсмотрѣхъ, обрѣлъ есмь источникъ велій внѣ града отъ страны юга, изъ негоже вода трубами во градъ течетъ; и мню, яко единъ точію имѣютъ кладезь той, изъ негоже и сами себе и скоты своя напояваютъ во Веѳуліи. Тѣмъ же вcѣ трубы повелѣлъ пресѣчи сице, яко проразумѣю, что днесь ни единые капли воды не имѣютъ. Что же прочая по нѣколикихъ дняхъ сотворятъ? Ей, неистерпимая жажда оныхъ въ станы моя изгонитъ или, нужды ради воды, зѣло бѣднѣе, нежели когда бы въ своей истой крови залились, помрутъ.

МЕЛЕХЪ.

Истинножъ премудрой промыслъ! Но видѣлъ еси, милостивый княже, яко не далече отъ стѣнъ многіе иные малые кладези есть, изъ нихъже черпаютъ воду отай, колико хотятъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Видѣхъ не токмо зѣло малые тѣ источники, отъ нихъже едва бы довольно было малое стадо скотовъ напоити; чесо ради вѣрити не могу, дабы отъ того во всемъ градѣ воды довольно быти могло.

МОСОЛЛОМЪ.

Аще не довольно на вседневную потребу, то однакожде вседневнаго прохлажденія ради; тѣмъже, егда слово мое угодно быти можетъ, совѣтую, да ко всѣмъ кладеземъ стражи поставлены будутъ, да Веѳуліане не черплютъ отъ нихъ воды: тогда истинно или безъ меча погибнутъ, или градъ свой, егоже нынѣ еще неодолѣемымъ себѣ почитаютъ, зане на горахъ поставленъ, намъ отдати потщатся.

ОЛОФЕРНЪ.

Воистинно совѣтъ сей благъ: ибо егда звѣря кто прежде изъ вертепа его изгнати можетъ, тогда и уловленъ уже есть; такожде егда и сіе страшливые зайцы изъ пещеръ, изъ вертеповъ и ямъ гладомъ и жаждою изгнати возможемъ, тогда же наши будутъ. Тѣмъже вы сотники, Мелехъ да Мосолломъ, идите абіе и поставите крѣпкіе стражи ко всѣмъ кладезямъ, сущимъ близь стѣны градскіе, имянно ко всякому кладезю по 100 человѣкъ; въ день же и нощію перемѣна да будетъ въ ихъ мѣсто.

МЕЛЕХЪ.

Зѣло добро, милостивый воеводо; тотчасъ сія исполнена будутъ.

ОЛОФЕРНЪ:

Ты же, Сисера, поиди со мною; азъ бо самъ днесь еще округъ града обыду и вся розыщу, аще ли промыслъ нѣкой об-

рѣсти не возмогу, какъ бы имъ переднюю стражу, на каменныхъ горахъ стоящую, отняти.

СИСЕРА.

Зѣло добро.

(*Здѣ отходятъ.*)

IУ ДѢЙСТВА.

СѢНЬ ?.

ІЮДИѲЬ, АБРА.

ІЮДИѲЬ.

Ей, Боже мой! ничтоже убо окояннѣйшаго нѣсть, яко человѣкъ, и паки ничтоже человѣку нѣсть обычнѣйшаго, яко болѣзнь: жизнь наша ничѣмъ инымъ есть, токмо опасеніемъ, смерть такожде всегдашнимъ страхомъ намъ является; обаче ничтоже намъ благополучнѣйшаго быти можетъ, яко точію добрая кончина смерти. Предъ тремя лѣты и 6 мѣсяцей нещевахъ азъ, яко окаяннѣйшая есмь и прескорбнѣйшая жена на семъ свѣтѣ, зане Богъ ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрезъ скорую смерть отъ міра сего взя; нынѣ же, благодаряще Господу Богу, возрадуюся о отшествіи во вѣчную жизнь мужа моего, яко не сподобися съ нами дожити сію окаянную бѣду и напасть, яже намъ всѣмъ горшайшею смертію стращаетъ. Плакала есмь въ то время, проводяще его къ погребенію, горько; нынѣ же еще вельми горчае плачю, что не возмогу у него въ гробѣ положена быти.

АБРА.

Госпожа моя премилостивѣйшая! како нынѣ сице зѣло скорбна еси? зане иногда во всяческихъ скорбѣхъ и злоключеніяхъ терпѣливно пребывати и иныхъ изрядно утѣшати можеши.

ІЮДИѲЬ [1]).

И нынѣ ми возможно благоволеніе божіе и достойную казнь претерпѣти. Обаче же было быти каменное, а не человѣчье сердце, иже бы не соболѣзновало о сицевой презѣльной нуждѣ, сего утѣсненнаго града: судія и старѣйшина со всѣми гражданцы шедше, ищутъ воды, идѣже никоея обрѣсти нѣсть мочно; отрочата и младенцы возопіютъ день и нощь отъ жажды, матеремъ же ихъ изчезаетъ млеко въ грудяхъ, понеже самымъ имъ нечѣмъ душу прохлаждати; животное стоитъ такожде и лижетъ стѣны отъ презѣльной жажды, и колико уже отъ стадъ моихъ овецъ помроша!

АБРА.

Ей, госпожа моя прелюбимая! Вчерашняго дни самой ми сердце во утробѣ болѣло, егда увидѣхъ овцу во оградѣ нашей, дву мертвыхъ агнецъ родящую, яже языки изъ устъ своихъ испусти, знаменующе, яко въ чревѣ матернемъ отъ жажды умроша; овца такожде абіе духъ испусти.

ІЮДИѲЬ.

Се нынѣ соболѣзнуешь сице о безразумномъ животнѣ якоже мнѣ вельми множае не болѣзновати о толь многихъ разумныхъ душахъ, иже такожде, яко и скоти, отъ жажды, умирати принуждены, ащели Господь Богъ чудесно не подастъ помощи?

АБРА.

Ей, веліе сіе есть скорбленіе, еже и днесь еще многихъ человѣкъ къ смерти приведетъ.

ІЮДИѲЬ.

Нѣсть ли уже больши воды въ кладязѣхъ?

[1]) Въ рукописи почти всегда: *Іудиѳъ*.

АБРА.

О госпожа мо! видѣхъ азъ сего дни поутріи очима моима, яко матерь едина младенца своего въ третьемъ году отъ рожденія положи въ кладязь единой, да токмо прилипающія капли ото дна полижетъ и утруждшій изсохлый язычекъ свой тѣмъ хотя мало овлаждитъ.

ІЮДИѲЬ.

О всемилосердый Боже! низсошли отъ высоты небесной намъ нынѣ помощь свою: ибо нужда нынѣ толь зѣльна, яко никомужъ иному, развѣ единому токмо всесильному Богу, оную отвратити есть мощно. Вѣмъ бо, и сердце ми провѣщеваетъ, яко Господь Богъ намъ вскорѣ чюдотворную преподастъ помощь. Ты же, Абра, иди на торжище прилежно, да слушаеши, о чемъ старѣйшіе и судьи наши совѣтуютъ, что помышляютъ, како разумѣютъ граду присовѣтовати и какую о непріятелѣхъ имѣютъ вѣдомость. Азъ паки пойду въ домъ свой, въ камарѣ моей своя си исполняти, ты же скоро паки возвратися и отвѣтъ ми явственной принеси.

АБРА.

Зѣло добро, госпожа моя! Азъ не долго замедлюся.

Ѵ ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1.

АВДІЯ, ФИНЕЕСЪ, ІОСІЯ, ГОѲОНІИЛЪ, АБРА.

АВДІЯ.

Увы! о горе нашимъ убогимъ женамъ и дѣтемъ!

ФИНЕЕСЪ.

О горе, горе старѣйшимъ и судьямъ нашимъ града сего, иже насъ сице окаянно въ пребѣднѣйшую смерть жажды преподаютъ!

АВДІЯ.

О коль лучше тѣмъ уже нынѣ, ихъже Олофернова быстрая сабля въокомгновеннымъ и яко нечувственнымъ усѣкновеніемъ сицевую злосчастную жизнь укротила и оныхъ въ траву къ преопочиванію положила есть!

ФИНЕЕСЪ.

О какъ радостно восхотѣлъ быхъ убогихъ пять отрочатъ моихъ, яже, въ дому лежаще, въ послѣдней жаждѣ метаются, предъ Олоферновъ обоюдуизостренной мечь убивающей жертвѣ изринути и жадную душу мою хотя едино кровію ихъ напоити и удоволити.

АВДІЯ.

Азъ же привѣтствую еще днесь умрети, да утріе моихъ сродниковъ и домашнихъ окаянную бѣду больши не увижу.

(*Здѣсь приходитъ Іосія и Гооніилъ.*)

ІОСІЯ.

Ей, почтенный Гооніилъ! Аще ли правда, доброе даешь утѣшеніе, что Олофернъ со всею силою своею ничто же стѣнамъ нашимъ сотворити не возможетъ; обаче чѣмъ же имамъ убогихъ гражданцовъ со женами и дѣтьми ихъ утѣшати, ихъже азъ, да едино студеные воды напіются, отъ смерти ни на единъ день больши избавити могу? О жажда вельми лютѣйшая, паче самого Олоферна!

АВДІЯ.

О старѣйшіе вы!

ФИНЕЕСЪ.

О немилостивые судьи!

ГОѲОНІИЛЪ.

Что за шумъ? Каковъ вопль сей?

ФИНЕЕСЪ.

Богъ да будетъ судія между вами и нами, что къ таковой насъ приводите нуждѣ, яко не допущаете, да со Ассиріяны миръ сотворимъ, имъже насъ однако Богъ въ руцѣ предалъ есть.

ІОСІЯ.

Братья возлюбленная! чада возлюбимая! не сотворитежъ сице зло, ожидайте си помощи божія.

АВДІЯ.

Не имамы вящшіе помощи, но токмо намъ въ очахъ вражіихъ отъ жажды умрети бѣдно и погибнути.

ГОѲОНІИЛЪ.

Какъ же намъ сотворити, возлюбленная вы? Что же намъ промышляти, когда Богъ еще не благоизволяетъ помощь намъ подавати? Возможно ли намъ есть хляби небесныя отверсти и тако воду и дождь низпустити?

АВДІЯ.

Нѣсть потребно на небеса взыти, но мощно вамъ есть здѣ низу на земли промыслъ и помощь обрѣсти.

ІОСІЯ.

Како же, скажите; дайтежъ способы, да услышимъ.

АВДІЯ.

Созовите народъ, да свободно Олоферну предамыся: лучши бо есть, да поддамыся и живы пребудемъ, и тако Бога славимъ, нежели да погибнемъ и предъ всѣмъ міромъ въ поношеніи будемъ, зряще, яко женамъ и дѣтемъ нашимъ сице страшно предъ очима нашима умрети.

ГОѲОНІИЛЪ.

О друзья возлюбимая! не добрый то совѣтъ; помышляйте убо, яко на сей градъ нашъ порубежный вся іюдейская земля обнадежна: аще мы погибли, то и весь Исраиль погибнетъ Хощемъ ли того ради предательми быти всего исраильского народа? Ни! Не буди же то, братія возлюбленная, да сице сотворимъ.

ІОСІЯ.

Воспоминайте же, яко вѣрной архіерей Іоакимъ насъ увѣщеваше, да весь народъ божій постоянно брань творимъ; а намъ нынѣ лютому тому непріятелю поддатися, тогда убо мы, Веѳуліяне, и во вѣки у всѣхъ Исраильтянъ въ поношеніи будемъ; ей, они тогда насъ изъ Авраамова рода и отъ похожденія его вычтутъ и насъ со наслѣдники нашими языкомъ приподобляти учнутъ.

ФИНЕЕСЪ.

О! нынѣ во свидѣтельство пріемлемъ небо, и землю, и Бога отецъ нашихъ, иже мстится намъ по грѣхомъ нашимъ, яко молихомъ васъ, да предадите уже градъ въ руку воемъ Олоферновымъ, да будетъ конецъ нашъ кратокъ во устахъ меча, и отъ жажды не погибнемъ. У, у, у!

(*Здѣсь онъ плачетъ; вси возопіютъ, рыдающе.*)

ФИНЕЕСЪ.

Согрѣшихомъ, согрѣшихомъ со отцы нашими, не право дѣяхомъ и беззаконноваxомъ!

АВДІЯ.

Ты же, о Господи, иже милосердъ еси, помилуй насъ и въ твоемъ наказаніи мсти беззаконія наша и не предай насъ, исповѣдающихъ Тя, языкомъ, иже не знаютъ Тя, да не рекутъ и похвалятся: гдѣ есть нынѣ Богъ ихъ?

(Здѣ паки вси плачутъ и рыдаютъ.)

ІОСІЯ.

Молчите же, братія возлюбленная! Послушайте мя: нужда велика есть и жажда неистерпима, обаче же уже двадесятъ дней истерпѣли есьмы любви ради и вѣрности къ братьи нашей всего Исраиля, а еще малое время намъ не претерпѣть сію нужду? О братія возлюбленная! терпѣливи будите, да еще токмо пять дней ждемъ отъ Господа Бога милосердія, да ярость свою отсѣчетъ и дастъ славу имени своему; аще ли же по пяти днехъ не пріидетъ намъ помощь, тогда уже сотворимъ по упрошенію вашему и предадимся Олоферну.

ФИНЕЕСЪ.

О! рады сіе, яко послушливые граждане, сотворити есмы: яже о насъ мужевъ, можемъ еще пять дней жажду ту претерпѣти; но како намъ убогихъ женъ нашихъ и дѣтей пропитати, то воистинно не вѣмы.

ІОСІЯ.

Послушайте же мя, друзья возлюбленная! На торжищѣ еще единъ есть кладязь, водою исполненной, егоже по се время въ послѣдней нуждѣ въ заключеніи сохранихъ; нынѣ же его

*

отключити велю и ежедневно всякому дому по числу лицъ подлинную мѣру тое воды раздѣляти, да хотя мало возмогутъ прохлаждатися.

ГОѲОНІИЛЪ.

Азъ же велю вылазку учинити къ единому источнику близь рыбныхъ вратъ, аще ли возмогу отъ непріятеля воду, или поне кровь отбити.

АВДІЯ.

Но мы же еще глаголемъ, яко больши намъ претерпѣти нѣсть возможно: минувшу бо пять дней, или свободнымъ намъ быти, или непріятелю въ неволю ся предати.

ІОСІЯ.

Богъ насъ да избавитъ! Идите токмо и утѣшайте сожителей вашихъ, женъ и дѣтей; молитеся и призывайте Господа Бога, да подастъ намъ помощи.

ФИНЕЕСЪ.

Уже мы то исполнимъ. Богъ же насъ да услышитъ!

(Здѣ отходятъ.)

АБРА.

Такимъ обычаемъ по пяти дняхъ здѣ чудесныя дѣйства проявятся. Опасаюся тогда, яко къ намъ, отроковицамъ, ассирійскіе тѣ гости сватагися учнутъ. Мене же ради да собудется, яко намѣряютъ: нѣкогда и азъ сицевымъ случаемъ честно мужа сподоблюся. Между же симъ азъ вся сія госпожи моей объявлю, присовѣтовая оной, да заранѣе злато, серебро, жемчугъ и драгіе каменья закоплетъ и въ землѣ сокрыетъ, да воемъ ассирійскимъ въ корысть не достанутся. Аще же доброй какой воинъ пріидетъ и истинною со мною сочетатися помыслитъ,

то азъ возмогу ему сокровище то проявити и тако съ нимъ и себя убогатити, и въ благополучіи пожити: госпожа бо моя ни едино дѣтища и наслѣдія не имѣетъ, тѣмже возможно оной сіе ми за вѣрныя службы мои поступитися.

V ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ОРИВЪ, СЕЛУМЪ, СОМНАСЪ, САЛМАНЪ ДА СУСАКИМЪ *(піютъ веселящеся у единою кладязя на стражи сущи; Вачея же пріиде на нихъ со шши человѣкъ солдаты внезапу и отби ихъ отъ кладязя.)*

ОРИВЪ (*поетъ.*)

О братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь.
Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?
Смѣло дерзайте,
Пока живете.
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,
До коихъ мѣстъ сердце въ тѣлѣ живетъ.

СЕЛУМЪ.

Братья любимая!
Испійте вина:
Силу бо даетъ,
Внутрь укрѣпляетъ,
Что и смерти не убоятися.
Вино же творитъ,

Да ся веселитъ
Человѣкъ во житіи
Также при смерти,
Тѣмже исполнено храбростію.

СОМНАСЪ.

Любима братья!
Прохлаждайтеся,
Сонъ отженяйте,
Ружьежь готовьте.
О! здравствуй, Олофернъ! здравствуй! здравствуй!
Азъ веселюся,
Возрадуюся
И пію къ тебѣ,
Брате, за здравіе
Прекрасныхъ дѣвицъ во Вефуліи.

(Здѣ витечка или вылоска чинится.)

ВАНЕЯ.

Наступайте на нихъ, вои! Наступайте, наступайте!

СУСАКИМЪ.

Кто идетъ? Кто идетъ? Кто идетъ?

ВАНЕЯ.

Наступайте на псовъ тѣхъ, на нихъ, на нихъ!

САЛМАНЪ.

Сполохъ, дворяне! Сполохъ, сполохъ!

ВАНЕЯ.

На нихъ, на нихъ смѣло дерзайте! Возьмите въ полонъ того пса!

СУСАКИМЪ.

Пощадите, господа мои! Пощадите мя, даруйте ми животъ, азъ бо отъ роду моего ни единого жида убилъ есмь.

ВАНЕЯ.

О ты, собако! почто же имаши саблю и ружье?

СУСАКИМЪ.

Ружьемъ тѣмъ азъ токмо свиней убивалъ, а (саблею) мясо въ колбасы сѣклъ есмь, но никогда же имъ человѣка прикоснулся.

ВАНЕЯ.

Чтобъ тебѣ и всѣмъ товарыщемъ твоимъ вси свиньи наши съ кожею и съ шерстію въ чревахъ вашихъ торчали, намъ же отъ васъ псовъ токмо покой имѣти! Скажи ми, собако: что Олофернъ вашъ помышляетъ? Что онъ дѣлаетъ?

СУСАКИМЪ.

Онъ то дѣлаетъ, что и мы: ѣстъ и піетъ по вся дни, веселящеся и прохлаждаяся.

ВАНЕЯ.

Есть ли окрестъ его крѣпкая стража?

СУСАКИМЪ.

Есть; округъ бо его всегда 1000 человѣкъ тѣло его стрегутъ, обаче доброе вино ваше еще крѣпчайшее, зане ночію не допущаетъ стражи той бодрствовати.

ВАНЕЯ.

Чтожъ Олофернъ думаетъ? Не хощетъ ли едино ко граду нашему къ приступу припустити?

СУСАКИМЪ.

Ни; къ сему войско наше не имѣетъ охоту, Олофернъ же начается, что вы сами къ нему изъ града изыдете и милосердія молити станете, якоже и иныя земли сотворяху.

ВАНЕЯ.

Такъ, такъ! Выдемъ мы къ нему со сѣрою и пеклою, со желѣзомъ и булатомъ. Солдаты! возьмите того пса и, связавъ, воведите его съ собою во градъ, яко тамо да прочее его испытуемъ; между симъ граждане да изыдутъ и начерпнутъ здѣ нѣсколько воды,

---

Ѵ ДѢЙСТВА

СѢНЬ 3.

ІОСІЯ, ІЮДИѲЬ, АБРА, ХАБРИ [1]) ХАРМИ [2]), ГОѲОНІИЛЪ.

ІОСІЯ.

Сіе воистинно не вотще то дѣлается, что сія благородная жена Іюдиѳь къ намъ посылаше, желающе, да сѣмо соберемся и ожидаемъ здѣ пришествія ея, нуждного ради разговариванія.

ХАБРИ.

Ей, сице она мене и Хармія молила есть, да васъ въ мѣсто созовемъ, и сама абіе восхотѣ сѣмо къ вамъ пріити и нѣчто

---

[1]) Въ рукой Хари. [2]) Хами.

граду полезное вамъ предложити. Се убо тамо она уже къ вамъ и грядетъ.

ІЮДИѲЬ.

Что, Абра, искусно ли слышала еси, яко Іосія и Гоѳоніилъ по пяти дняхъ помышляютъ градъ непріятелю предати?

АБРА.

Ей, честная госпожа! Азъ бо никогда же ослышивалась. Какъ же ми и того не дослышати? Се бо тамо старѣйшіе уже въ собраніи суть, сама да изволиши ихъ о семъ вопрошати.

ІЮДИѲЬ.

Богъ да благословитъ вы, благіе отцы града сего!

ІОСІЯ.

Богъ тя да благословитъ и возлюбитъ, добродѣтельная и благоговѣнная жено! По словеси твоему здѣ въ собраніи есмя, да услышимъ, что твое премудрое присовѣтованіе намъ благое удѣлитъ.

ІЮДИѲЬ.

Гдѣ же ми починати? Что же ми въ началѣ глаголати и вопрошати, естьли поизволили предати градъ Ассиріомъ, аще ли между пяти дней не пріидетъ намъ помощь?

ІОСІЯ.

Презѣльная нужда и гражданъ нетерпѣливость къ тому насъ принуждаетъ.

ІЮДИѲЬ.

Увы мнѣ! Кто бо есте вы, иже искушаете Господа Бога? Нѣсть сіе слово, иже милость призоветъ, но наипаче ярость возбудитъ. Хощете ли вы къ воли вашей милости господней время и день положити, когда ему намъ помощи дать?

ІОСІЯ.

Препочтенная госпожа! никако не восхотѣхомъ симъ милости господней время положити, токмо смятеніе людское тѣмъ и нетерпѣніе хотѣли есми утолити и мало воздержати, истинножъ уповающе, яко Господь Богъ между симъ неложную намъ преподастъ помощь.

ІЮДИѲЬ.

Но терпѣливъ же есть Богъ, чего ради покаемся тому и отпущенія со слезами взыщемъ: не гнѣвается бо Богъ, яко человѣкъ, дабы не пощадилъ; тѣмъ же сердцемъ да смиримся предъ нимъ и постоянно ему да служимъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Всегда есмы, благочестивая госпожа, храброе имѣли сердце непріятелю даже до самыя послѣднія капли крови супротивитися и паче умрети, нежели варваромъ тѣмъ предатися; но внутренняя скорбь и нужда сего толь долго во осадѣ сущаго града такъ велика, что и прехрабрѣйшаго приведетъ въ зѣльное воина сомнѣніе.

ІЮДИѲЬ.

Что приведетъ въ сомнѣніе? Паче намъ достоитъ, да въ благодушіи являемся, яко по скорби сей паки возрадуемся, зане не послѣдовали есми грѣхомъ отецъ нашихъ, иже оставиша Бога своего и поклонишася богомъ чуждымъ, ихъже грѣхъ ради предани суть на погубленіе и на поруганіе врагомъ своимъ. Мы же инаго Бога не знаемъ, кромѣ того, отъ негоже помощи ждемъ. Онъ же кровь нашу взыщетъ на врагахъ нашихъ и смиритъ вся языки, востающая на насъ, и сотворитъ ихъ безъ чести Господь Богъ нашъ.

ХАРМИ.

Истинно же, о семъ не сомнѣваемся; но како между симъ намъ, убогимъ людемъ, помощи дати, иже нетерпѣнія ради отъ тое неистерпимыя бѣды едва не во отчаяніе приходятъ? Ей, како намъ убогихъ женъ и дѣтей впредь утѣшати, яже уже отъ жажды умираютъ и прочее никакого пріяти могутъ утѣшенія?

ХАБРИ.

Нынѣ, правда, во градѣ отчасти утихло рыданіе и плачь убогихъ гражданъ, понеже уложенной пятодневной срокъ конецъ нужды ихъ и скорбленія оныхъ лучшое совершеніе прообразуетъ. Между же симъ воутріе подставляютъ они отверстыя уста подъ низъспадающую студеную росу, засохлые языки своя еще охлаждати; во вечеръ же изчитаютъ и смѣчаютъ они, колико еще часовъ остается или ко избавленію ихъ, или къ желательной погибели. Егда убо уложеные тѣ пять дній пройдутъ, о Боже мой! кая тоска между граждани, плачь и рыданіе востанетъ!—или сами отчаянія ради межъ собою погубятся, или насъ чрезъ стѣны измечутъ и недругу сами врата отвержутъ.

ІЮДИѲЬ.

О возлюбленныя вы! не глаголитежъ тако. Яко бо старѣйшіе есте, достоитъ вамъ людей научати и премудростію вашею ихъ увѣщевати, да воспоминаютъ, яко и отцы наши искушени быша, аще ли исправляютъ служеніе Господу Богу своему. Не искушенъ ли всячески есть Авраамъ и по многихъ искушеніяхъ другъ божій наречеся? Такожде и Исаакъ, и Іяковъ, и Моисей, и вси любящіи Господа Бога не многія ли скорби постоянно претерпѣша? Но елицы же во Израили, въ нуждѣ суще, со нетерпѣніемъ на Господа Бога ропташа, отъ губителя истреблени суть и отъ зміи погибоша. Сего ради въ семъ страданіи да не нетерпѣливи явимся, но и паче да исповѣмы, яко

казнь сія божія малѣйшая есть грѣхъ нашихъ, вѣрующе, яко пріемлемъ наказаніе аки раби ко исправленію, а не къ погибели.

ІОСІЯ.

О! кая святая еси и благочестивая жена! Како истинно и безпохульно рекла еси! Твои сердецъ воздвижныя словеса не точію насъ утѣшаютъ, но и грѣхи наши намъ представляютъ! О! моли за насъ Господа Бога, мы же премудрому совѣту твоему послѣдствовати будемъ: вѣмы бо, яко отъ Бога есть.

ІЮДИѲЬ.

Благо же. Понеже видите, яко отъ Бога суть, яже рекохъ вамъ; то буди же вамъ сіе во искусство, что, еже азъ помышляю сотворити на пользу отчины нашея, и то отъ Бога есть. Не хощу же, да увѣдаете дѣянія моего, еже помыслихъ сотворити, но токмо молитвы творите за мя ко Господу Богу, да подастъ къ сему помощь свою.

ГОѲОНІИЛЪ.

О избраніе всѣхъ премудрыхъ и Богомъ дарованныхъ женъ! Девора нѣкогда исраилевыхъ людей отъ мучительства кананитейского воеводы Сисоры избавила есть: даждь Боже, да и ты Деворою нашею будеши и насъ отъ мучительства Олоферънова да избавиши!

ІЮДИѲЬ.

Тихо, тихо! Не шумите: азъ бо не вѣмъ, еже Богъ сотворити хощетъ; но Богу, яже азъ сотворити помышляю, вѣстно есть. Къ нему да молитеся, да въ сихъ пяти дняхъ, яко рекли есте, люди своя посѣтитъ.

ХАРМИ.

Тогда однакожде намъ надежду чинишь на пять дней.

ІЮДИѲЬ.

О! терпите же и не испытуйте мя многими словесы, но, нощи сея собрався, ожидайте мене у врать: азъ же изыду со отроковицею моею и противо вражіихъ становъ помолюся ко Господу Богу, между же симъ и вы молитеся ко Господу Богу нашему, да прочее возмогу вамъ сказати дѣла ваша.

ІОСІЯ.

Иди же тогда, утѣшительницо пресладчайшая скорби нашея! Иди въ мирѣ, сотвори по твоему помышленію, и Господь да будетъ съ тобою во отмщеніе врагомъ нашимъ!

ІЮДИѲЬ.

Азъ нынѣ иду въ камару мою, да къ служенію Богу уготовлюся, къ сему что Богъ ми на мысль подастъ. Простите же, друзья возлюбленная!

ІОСІЯ.

Прости, честная пріятельницо! Мы такожде до тѣхъ мѣстъ молитися учнемъ, въ молчаніи и упованіи пребывающе.

V ДѢЙСТВА

СѢНЬ 4.

АХІОРЪ, ВАНЕЯ, СУСАКИМЪ.

АХІОРЪ.

Аще и мало воды было, кую ты, прехрабрый Ванея, у непріятеля отбилъ еси; то однакожде великое хотя малымъ отрочатемъ охлажденіе было: воистинно изрядное дѣло ты всѣмъ сотворилъ еси.

ВАНЕЯ.

О когда бы вси ассирійскіе воины таковые боязливые псн были, яко тѣ пси, ихъже азъ отъ кладязя отбилъ есмь, тогда быхъ поднялся у нихъ всѣ кладези отняти! Ей истинно, Олоферновы люди подлинные пьяницы суть и боязливые бездѣльники. Зри токмо, милостивый князю Ахіоре, каковъ сей есть небылица, егожь, поимавъ, сюда привели есмы.

АХІОРЪ.

Се смотри ты, еще не повѣшенной тате: како еще отъ висилицы еси убѣжалъ, а сюда пришолъ?

СУСАКИМЪ.

Азъ есмь отъ природы моей доброй ковалеръ и господина поручика Ванея отъ кладязевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но во Веѳуліи градѣ весьма грубогордые люди обрѣтаются, которые ковалера въ малой чести имѣютъ, понеже нихто мя не хочетъ нынѣ паки назадъ на станъ мой проводити.

ВАНЕЯ.

На висялницу ты, собако! Тамо тебѣ майстеръ Никель,—се есть палачь,—въ провожатыхъ постановленъ есть.

АХІОРЪ.

Но ты, генеральной воевода всѣхъ измѣнниковъ, можеши еще тако пересмѣхати? Знаеши ли еще меня?

СУСАКИМЪ.

Что мнѣ тя знати, милостивый господине, понеже сихъ ради шутокъ и самъ себя не знаю?

АХІОРЪ.

Имянуешь нынѣ мя милостивымъ господиномъ; како же мя въ то время имяновалъ, егда мя къ дереву привязалъ еси?

СУСАКИМЪ (*здѣ тайно къ себѣ говоритъ.*)

О! когда быхъ его въ то время удавилъ, то бы нынѣ не возмоглъ такъ возношатись.

АХІОРЪ.

Что ворчишь ты, собако? Что ропщешь? Како сице молчиши, ты скотина, ты осля? Говори ты, лютой ворище!

СУСАКИМЪ.

Азъ нѣсмь воръ, ни осля, ниже скотъ, и не есмь ни собака, и никакой человѣкъ.

АХІОРЪ.

Что же тогда еси?

СУСАКИМЪ.

Азъ есмь вещь, кая деревенскимъ мужикомъ досаждаетъ пущи тараканов, но имяни мнѣ нѣтъ.

АХІОРЪ.

О висяльнику! Не знаю ли тя азъ? Не зовутъ ли тя Сусакимомъ?

СУСАКИМЪ.

Ни, милостивый господине! То имя азъ въ то время въ кладязь уронилъ, какъ меня Ванея въ полонъ взялъ.

АХІОРЪ.

О игрущій шуте!

ВАНЕЯ.

Милостивый княже Ахіоре! се тамо приходитъ градскій господинъ, воевода нашъ Гоѳоніилъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Господине мой Ахіоръ! возрадуюся, яко тя здѣ обрѣлъ есмь; молю тя прилежно, да пойдеши со мною въ домъ мой пользы ради града сего и о непріятельскихъ промыслѣхъ нѣчто тайно межъ собою поговорити.

АХІОРЪ.

Зѣло добро, честный господине мой Гоѳоніилъ; но молю тя, да ми присовѣтуеши, что мнѣ съ симъ висельникомъ дѣлати.

ГОѲОНІИЛЪ.

Съ которымъ? Съ тѣмъ полоняникомъ?

АХІОРЪ.

Съ тѣмъ, той бо палачникъ мя къ дереву привязалъ, у котораго мене господинъ поручикъ висящаго обрѣлъ есть.

ГОѲОНІИЛЪ.

О ты проклятой человѣче! како дерзнулъ еси сицево надъ таковымъ княземъ содѣвати?

СУСАКИМЪ.

Что Олофернъ повелѣ, не праведно ли то и благо сотвориша?

АХІОРЪ.

Но Олофернъ не повелѣлъ мя къ дереву привязати, токмо не связана, но свободна въ Веѳулію вручити.

СУСАКИМЪ.

И мене Ванея связа и связана сѣмо приведе.

ГОѲОНІИЛЪ.

О изрядное соравненіе между тобою, небылицою, и сицевымъ велеможемъ, господиномъ, каковъ Ахіоръ есть!

СУСАКИМЪ.

Когда бы ты, прегрознѣйшій господине, градскій воевода, полнымъ гетманомъ Олоферномъ былъ, а страшный полной гетманъ Олофернъ былъ Гоѳоніиломъ; тогда быхъ на твое повелѣніе Олоферна, иже Гоѳоніиломъ бысть, въ животномъ возрастѣ повѣсилъ: не было ли бы то праведно?

ГОѲОНІИЛЪ.

Добро, добро! Шутки тѣ вскорѣ кончину пріимутъ. Что тебѣ мнится, милостивый господине мой Ахіоре: повѣсимъ сію часть воровской плоти Олоферну къ позорищу на стѣну, вопрошая тогда, аще то праведно чинится?

СУСАКИМЪ.

Ни, господа мои! Прошу васъ, обходите мимо мя съ таковыми шутками, шея бо моя висѣти не привыкла: лучше бы ми такимъ обычаемъ шею не имѣти.

АХІОРЪ.

Но буди же тако, изреченіе твое на тебѣ самомъ да и збудется, яко впредь безъ шеи будешь. Господине мой Гоѳоніилъ! молю тя, аще прошеніе мое ти годно есть, да велиши главу сняти и безъ шеи отпустити, и тогда не потребно будетъ ему висѣти.

ГОѲОНІИЛЪ.

Господине мой Ахіоръ! Вся, о нихъже просиши, не имать быти ти отказано. Солдаты! Возьмитежъ тогда его и поведите его къ спекулатору къ Доеху, къ утрію глава ему да усѣчена будетъ. Тебѣ же, измѣнниче, краткое дѣйство учинится.

СУСАКИМЪ.

Ей, истинно краткое дѣйство, когда пядь длины моей убудетъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Поведите пса того прочь, прочь.

(*Здѣ солдаты, взявъ Сусакима, отводятъ его прочь.*)

АХІОРЪ.

Честный господине мой Гоѳоніилъ! смѣлъ есмь сталъ твоими вѣжливыми словесы, егда обнадежилъ мя еси, о чемъ ни есть молыти учну, яко ми отказано не будетъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Ей, милостивый княже! азъ усугубствую изреченную рѣчь мою со всякимъ усердіемъ.

АХІОРЪ.

Молю тогда, да казнь надъ тѣмъ убогимъ человѣкомъ не вершится, зане, яко зримо самому ти есть, не полного обрѣтается разума, точію страха ради изведенъ будетъ и, егда подъ мечемъ на колѣна преклонится, да прощеніе получитъ: иногда тѣмъ отъ язычества отвращенъ будетъ и тогда мы виною спасенію души его будемъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Воистинно премудро реклъ еси, милостивый княже! Господине поручикъ Ванѣя! прикажи, да по утру страха ради подъ

врата его къ смерти приведутъ и, когда на колѣна припадетъ, вели спекулатору тогда, да вмѣсто меча лисей хвостъ употребитъ; потомъ же извѣщай ему, яко заступленіемъ князя Ахіора дарованіе живота своего восприялъ.

ВАНЕЯ.

Зѣло добро, господине мой и воевода! Сіе дѣйство и всѣхъ нѣсколько утѣшитъ во скорбѣхъ своихъ.

ГОѲОНІИЛЪ.

Пречестный княже Ахіоре! помилуй мя, да благоизволиши ко мнѣ въ домъ мой облегчитися: имамъ еще малую кружку вина, кое ни съ кѣмъ любезнѣе, яко съ твоимъ благородіемъ, подѣлитися желаю; при семъ хощу радостно вразумитися о Олоферновомъ стану и воинскихъ обычаѣхъ.

АХІОРЪ.

Зѣло добро, господине мой Гоѳоніилъ! Никое таинство ти отъ мене имать сокрытно быти, елико о Олоферновыхъ обыкновенныхъ воинскихъ промыслѣхъ ми вѣстно есть. Могу же къ сему и нѣкоторые способы, какъ надъ войскомъ его промыслъ чинити, давати.

ГОѲОНІИЛЪ.

Господине порутчику! ты же между симъ иди на стѣны градскія и всю стражу крѣпко устрой, азъ въ два часа паки къ вамъ пріиду.

ВАНЕЯ.

Должность мою азъ уже исполню и ничто же оставлю. Простите!

(*Здѣ отходятъ*).

УДѢЙСТВА

СѢНЬ 5.

ІЮДИѲЬ (*въ молитвенникѣ своемъ.*)

Аще ли же нужда есть велика, то однакожде упованіе ко Господу Богу превеличайшее имать быти. Аще всѣ человѣческія помощи погибоша, обаче всемогутство божіе не погибе: аще надежда слаба, но молитва имать быти той сильнѣйша. Азъ тогда преклоню колѣна мои и воздѣну руцѣ мои ко Господу Богу, слезы же мои излію къ благодатнымъ ногамъ его, воздвигая воздыханіемъ моимъ милосердое отческое сердце его; вѣмъ убо, яко сице про себя совѣтъ и укрѣпленіе, людемъ же моимъ помощь истяжу.

(*Здѣ преклонивъ Іюдиѳь колѣни свои, молится сице:*)

Господи Боже отца моего Симеона, иже далъ еси ему мечь во отмщеніе иноплеменниковъ, иже растлители быша въ скверности своей и обнажиша плоть дѣвы въ студъ, и далъ еси жены ихъ въ плѣненіе, и дщери ихъ въ поиманіе, и весь плѣнъ на раздѣленіе рабомъ твоимъ, иже ревновали ревность твою! помози ми, молю тя, Господи Боже мой, мнѣ вдовицѣ! Ты бо сотворилъ еси прежняя и ина по тѣхъ помыслилъ еси, и бысть сіе, еже реклъ еси, вси бо путіе твои уготовани суть, и твои судьбы въ твоемъ провѣдѣніи поставилъ еси. Узри на станы ассирійскіе нынѣ, якоже нѣкогда призрѣлъ еси на полки египетскіе, егда за рабы твоими оружніи течаху, надѣющеся въ колесѣхъ, и въ конницѣхъ своихъ и во множествѣ бранителей; но призрѣлъ еси на воя ихъ, и тьмы утомиша ихъ, и потопи ихъ бездна, и воды покрыша ихъ; тако да будутъ и тіи, Господи Боже, иже надѣются на множество свое, и въ колесѣхъ своихъ, и всадницѣхъ, и въ стрѣлахъ своихъ, и въ копіехъ [1]) славятся и не вѣдятъ, яко ты еси Богъ нашъ, иже

---

[1]) Это слово написано съ боку, въ текстѣ: *сулицахъ.*

сокрушиши брани отъ начала, и Господь убо имя есть тебѣ. Воздвигни мышцу твою, яко отъ начала, и сокруши силу ихъ въ силѣ твоей, да падетъ крѣпость ихъ во гнѣвѣ твоемъ, иже обѣщаются осквернити святая твоя и погубити завѣты имене твоего, и отъяти мечемъ своимъ рогъ престола твоего. Сотвори, Господи, да мечемъ истовымъ его гордыня отсѣчется и да уловится очима своима на мя, да уязвиши его лѣпыми глаголми устъ моихъ; дай же ми въ сердцы дерзновеніе, да уничижу того силу и обращу его. Будетъ бо сіе въ память имени твоему, егда рука женска убіетъ его; нѣсть бо во множествѣ сила твоя, Господи, ни въ конѣхъ сильныхъ воля твоя, ниже гордіи отъ начала угодиша тебѣ, но смиренніи и кротцыи всегда тебѣ угодиша моленіемъ. Боже небесъ, и творче водъ и Господи всего сотворенія! Услыши мя бѣдную, молящуюся и твоея сильныя милости чающую; воспомяни, Господи, на завѣтъ твой и дай слово во уста моя, и въ сердцы моемъ совѣтъ укрѣпи, да домъ твой во святыни пребываетъ, и вси языцы познаютъ, яко ты еси Богъ единъ, и нѣсть иного развѣ тебе.

VI ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1.

ІОСІЯ, ХАБРИ, ХАРМИ, ІЮДИѲЬ, АБРА, ГОѲОНІИЛЪ.

ІОСІЯ.

Что глаголеши, Хабри? Тако ли Іюдиѳь украшается лѣпо и хощетъ къ Олоферну въ станы его изыти?

ХАБРИ.

Ей, нынѣ бо отъ нея пріидохъ и видѣхъ самъ ее облечену во одѣяніе благостыни своей, истинно сообразну нѣкоему ан-

гелу; повелѣ же и отроковицѣ своей, да лагвицу вина, и сосудъ елея, и крупъ, и смокви, и хлѣбъ, и сыръ съ собою въ путь возьметъ. Мене же моляше, яко да васъ господъ подъ врата созову, и сама восхотѣ, не медля, сѣмо пріити.

ХАРМИ.

Зрите же: се тамо уже грядетъ.

ІОСІЯ.

О Боже! Каковъ сей есть ангельскій образъ! Нѐ видѣхъ ю никогда же въ сицевой красотѣ, и мнится ми, яко Господь Богъ самъ оной сіе благозрачіе во очеса вложилъ есть.

ІЮДИѲЬ.

Богъ вамъ на помощь да будетъ, возлюбленная вы! Отворите ми малыя двери вратъ сихъ и пустите мя, да изыду.

ГОѲОНІИЛЪ.

Но, пречестнѣйшая госпожа, не приведешь ли сама себе въ зѣльное опаство чести и живота своего, наипаче же несравненные красоты ради твоея?

ІЮДИѲЬ.

Не отъ похоти коея плотскія украсихся, но Господу Богу на славу и честь; онъ же убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнится, въ ловитву претворитъ... Но не воздержите мене вящши.

ІОСІЯ.

Благо же тогда: ничто же по словеси твоему вопрошаемъ тя вящши, ниже помышленія твоего увѣдати желаемъ. Иди во мирѣ! Богъ отецъ нашихъ да дастъ тебѣ благодать и весь совѣтъ твой силою своею да укрѣпитъ, яко да славится о тебѣ

Израиль, и да будетъ имя твое въ числѣ святыхъ и преподобныхъ!

Вси рекутъ:

Аминь! буди то, буди!

ІЮДИѲЬ.

Абра! иди во слѣдъ мене.

АБРА.

Охъ, милостивая госпожа, страхъ таковъ на мя пришолъ что чють сердце мое изъ утробы не выскочитъ.

ІЮДИѲЬ.

Чего для ты сице страшишься, безумная?

АБРА.

Скажи мнѣ, госпожа моя: каковы ассиріяне; таковы ли, что люди?

ІЮДИѲЬ.

А хотя бы были что тельцы, что тебѣ въ томъ?

АБРА.

Тельцовъ азъ не боюся, ниже людей; но что Ассиріяне за скоты, того вѣдати не могу.

ІЮДИѲЬ.

Но когда азъ не боюся, что же тебѣ боятися?

АБРА.

О! животъ мой ми такожде любезенъ, матери бо моей много стало, до коихъ мѣстъ меня на сей свѣтъ принесла. Егда же мя Ассиріяне убіютъ, то воистинну таковъ прекрасной животъ не возмогу въ торгу и за пять алтынъ купити.

ІЮДИѲЬ.

Молчи же, велерѣчивая, съ такими басни, молися паче да иди за мною.

VI ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ И МОССОЛОМЪ (*сидя въ шатрѣ, піютъ*).

ОЛОФЕРНЪ.

Въ три дни граду тому или въ рукахъ нашихъ конечно быти, или мнѣ, Олоферну, сію главу на плечахъ не носити.

СИСЕРА.

Милостивый воеводо! что же долго ждати? Изволь утре къ нимъ посылати барабанщика, извѣщая имъ, да вскорѣ еще во время надежды милосердія получити здадутся; аще ли ни, то къ приступу вели войску итти. Чаю убо, яко когда въ то время градскіе тѣ мыши узрятъ въ правду, инако учнутъ пищати.

ОЛОФЕРНЪ.

Что еще ми псомъ тѣмъ честь сію приложити, да къ нимъ пошлю? Ни, воистинну, клянуся при Навуходоносоровѣ несравненномъ вѣнцѣ: аще ли они между тремя днями добровольно не предадутся, тогда весь градъ велю сице сокрушити, яко и частемъ его къ Ниневу граду летѣти [1]), крови же жителей даже во Ефратъ рѣку плавати.

---

[1]) Въ рукоп.: летѣли.

МЕЛЕХЪ.

Когда ко граду учнемъ крѣпко приступати, тогда тѣ боязливые пси усмирятся и поддаватися восхотятъ; но уже поздно будетъ.

СИСЕРА.

Ни, мой товарыще! Они еще не само боязливи; ибо вчерашняго дни еще вылазку учинили, стражу нашу отъ кладезя отбили и единого отъ нашихъ воиновъ, изрядного человѣка взяли.

ОЛОФЕРНЪ.

Смѣютъ ли тѣ боязливые зайцы еще то чинити?

СИСЕРА.

Для того что не смѣютъ изыти; зане велія къ сему приводитъ ихъ нужда.

ОЛОФЕРНЪ.

Но что же несмысленной той Ахіоръ у нихъ творитъ?

СИСЕРА.

Мню, яко въ богомоліи и въ пощеніи пребываетъ, пророчествуя имъ, яко бурмистру веѳулійскому царемъ ниневитскимъ быти, но ему же его гетманомъ быти.

ОЛОФЕРНЪ.

О! ни, сего новаго пророка азъ новому тому царю въ знамя напишу стояща, мечемъ сквозѣ сердце его прободена, ради воспоминанія прореченія своего. Но радъ быхъ полонянина изъ города того имѣти.

МЕЛЕХЪ.

О! не удобь то сотворити, аще паки вылазки не будетъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Добро же; обсылайте же округъ града воинскихъ людей, да нѣкоихъ изъ града, языка ради, изтяжати могутъ; между же симъ простите мя, иду бо ко опочиванію.

ВСИ.

Прости, прости, Олофернъ! Опочивай во здравіи! Мы же при твоей милости.

VI ДѢЙСТВА.

СѢНЬ 3.

СЕЛУМЪ, СОМНАСЪ, САЛМАНЪ *стоятъ на стражи*; ЮДИѲЬ И АБРА *выходятъ*.

СЕЛУМЪ.

Како ли нынѣ съ братомъ нашимъ Сусакимомъ содѣвается?

СОМНАСЪ.

Уже едва больши ходити, или стояти учнетъ, но токмо изрядною длиною своею на висѣлицѣ висѣти.

САЛМАНЪ.

О! како ему то станетъ около шеи лоскотати?

СЕЛУМЪ.

Онъ таковъ былъ добрый братъ испивати, шея бо у него пространная была; къ семужъ изрядно пѣлъ есть.

САЛМАНЪ.

О! аще бы безумной той тако моглъ бѣжати, яко пѣти, то бы давно убѣжалъ есть, якоже и мы.

СОМНАСЪ.

Ей, когда бы ему ноги на висѣлицѣ не околѣли, то бы и нынѣ возмоглъ бы убѣжати. Но что же здѣ въ вертепѣ шумитъ?

СЕЛУМЪ.

Кто идетъ?

САЛМАНЪ.

Кто идетъ?

ІЮДИѲЬ.

Добрый, ей, добрый другъ.

СЕЛУМЪ.

Кто еси ты? Откуду и камо грядеши?

(*Здѣ Абра, ужасаяся, сокрывается за Іюдиѳь.*)

ІЮДИѲЬ.

Азъ есмь жена еврейская.

АБРА *тутъ же говоритъ.*

Азъ же еврейское бреніе.

ІЮДИѲЬ.

И нынѣ изъ Веѳуліи избѣгла есмь.

АБРА.

Но азъ бы рада паки тамо была.

ІЮДИѲЬ.

Вѣмъ убо, яко въ руцѣхъ вашихъ будутъ, зане васъ презрѣли и не восхотѣли у воеводы вашего милосердія вопрошати и добровольно здатися.

СЕЛУМЪ.

Мощно ли ти намъ въ томъ вѣрити?

АБРА.

Ей, господа мои, и азъ въ томъ свидѣтельствую.

ІЮДИѲЬ.

Сами увѣдаете, егда мя ко князю вашему Олоферну приведете: хощу бо вся сокровища ему, яже вѣмъ, открыти, како удобь возможетъ ихъ одолѣти, и тамо не погибнетъ и единъ отъ воевъ его.

СЕЛУМЪ.

То сохранитъ животъ твой сего ради, яко сицевъ обрѣла еси совѣтъ. Да идеши ко господину нашему, и сіе вѣждь, яко егда предстанеши предъ нимъ, благо тебѣ будетъ и будеши любезнѣйша въ сердцѣ его.

ІЮДИѲЬ.

Господь подай милость, егда вниду предъ лице его!

АБРА.

То же и мнѣ.

СЕЛУМЪ.

Что мниши, брате: не отверзетъ ли очи Олофернъ, яко увидитъ такую красную жену?

СОМНАСЪ.

Аще ли бы она собою не похотѣла итти къ нашему воеводѣ, и азъ вѣдалъ бы, что съ нею сотворити.

СЕЛУМЪ.

Что же?

СОМНАСЪ.

Снялъ бы съ нея красную одежду, яже бы добра добыча была женѣ моей привести въ поминкахъ, а тое красную жену отвелъ бы въ подаркахъ къ воеводѣ нашему, какъ я ему прежде сего обѣщалъ есмь, якоже и вѣдаю, что онъ мене за то дарилъ бы довольно.

САЛМАНЪ.

Стой, брате! Чаю и мнѣ изъ того жеребей будетъ.

СОМНАСЪ.

О! мочно тебе удоволити симъ краснымъ родомъ, которой за нею стоитъ.

САЛМАНЪ.

Сицевого непригожего стерва воронья не хотѣлъ бы, хотябъ вся была въ красномъ аравитцкомъ златѣ.

АБРА.

О милые господа! не уничижайте мя; чаю, же тѣло и порода моя не вельми похулена, вы же мене въ темной нощи добрѣ разсмотрѣти не можете.

ІЮДИѲЬ.

Молчи и не глаголи, многорѣчивая! Васъ же, господа мои, молю, да мене и рабыню мою не уничижайте, инако бо жалобу на васъ князю донесу, за что онъ вамъ крѣпкое наказаніе учинити укажетъ.

СОМНАСЪ.

Прекрасная жена! не вельми свою рабыню заступай; азъ вѣдаю, что человѣкъ честной къ ней не коснется, а о тебѣ не глаголю.

СЕЛУМЪ.

Ни, бози наши насъ сохранятъ отъ сицеваго злоключенія, и тебѣ красная жена и малое уничиженіе отъ насъ не учинится, но мы тебѣ всякую честь воздадимъ. Дай мнѣ прекрасную свою руку, а я тебе проведу къ нашему воеводѣ.

ІЮДИѲЬ.

Азъ не малая отроковица, чтобъ мене за руку весть; слава Богу, и сама дойти къ нему могу.

СЕЛУМЪ.

Обаче же мы тебе отпровадимъ.

ІЮДИѲЬ.

Что провожать? О томъ васъ токмо прошу, да путь мнѣ укажете къ вашему воеводѣ Олоферну. Что долго медлите? Не хощете ли ожидать, покамѣсть вои изъ Веѳуліи пріидутъ, мене достигнутъ и васъ поплѣнятъ, или побіютъ, какъ учинили вашему товарыщу, котораго въ плѣнъ взяли?

САЛМАНЪ.

О небо и земля! подлинно то брата нашего честного Сусакима поимали. Здѣ намъ, брате, не ожидати, поспѣшимъ скоро.

АБРА.

И я съ вами, мои господа! И я съ вами.

VI ДѢЙСТВА

СѢНЬ 4.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, ІЮДИѲЬ, МОССОЛОМЪ, МЕЛЕХЪ, ОДИДЪ, АВРА.

ОЛОФЕРНЪ.

Что слышалъ есмь? Наши вои сеѣ нощи благородную еврейскую жену плѣнили?

СИСЕРА.

Зѣло предивную красную жену; азъ еѣ равной вѣкъ не видалъ есмь. Мосолломъ абіе къ твоей милости приведетъ ее.

ОДИДЪ.

Велеможнѣйшій воевода! тамо приходитъ Мосолломъ и ведетъ съ собою узники.

ОЛОФЕРНЪ.

Кая тамо сіяетъ небесная красота? О дивно! Кто изъ васъ храбрыхъ повѣрилъ бы, что у смердящихъ Евреовъ обрѣтаются сицевыя красныя жены?

СИСЕРА.

Кто уничижитъ людей еврейскихъ, иже сицевыя красныя жены у нихъ обрѣтаются? Да како не возможемъ ополчитись противо ихъ?

ІЮДИѲЬ.

Велеможнѣйшій и милостивѣйшій княже! къ ногамъ твоимъ уклонилася покорная рабыня еврейского колѣна, кая пришла въ той надежди, яко храбрость твоя не токмо непокорныхъ покорити можетъ, но сверьхъ того и непротивнымъ милость оказывать готова.

ОЛОФЕРНЪ.

Сисера и Мосолломъ! воздвигнете ее. Возбудися, красная жена, и радостна буди душею, и не ужаснися въ сердцы твоемъ, яко азъ никогда же побихъ мужа, иже хотяше служити Навуходоносору царю; аще не быша людіе твои уничижили [1]) мене, не воздвигнулъ бы копія моего на нихъ. И нынѣ рцы ми, коея ради вины отошла отъ нихъ и пришла еси къ намъ.

ІЮДИѲЬ.

Милостивый княже! пріими словеса рабыни твоея, господине мой! Яко аще сотвориши по словеси семъ рабыни твоея, и Господь Богъ сотворитъ совершенно дѣло съ тобою.

ОЛОФЕРНЪ.

Кто не радъ слышати такую благославную рѣчь? Глаголи безопасно, красная жена.

ІЮДИѲЬ.

Господь Богъ подай благосчастіе великому царю многихъ государствъ Навуходоносору, которой послалъ тебе ко отмщенію всѣмъ людемъ лукавымъ, якоже не токмо человѣцы послужатъ ему тебе ради, но и звѣріе польные послушаютъ его: извѣсти бо ся твоя мудрость всѣмъ языкомъ и прославися по всей вселеннѣй, яко ты единъ во всемъ царствѣ его, и наказаніе твое всѣмъ властемъ проповѣдуется.

ОЛОФЕРНЪ.

Полно, красная жена, мою славу хвалити; рцы намъ, что къ дѣлу служитъ.

---

[1]) Въ рук.: *не уничижили.*

ІЮДИѲЬ.

Не утаилося, что глаголалъ Ахіоръ предъ тобою, и извѣстилося намъ, что ему повелѣлъ еси сотворить за то. А что Ахіоръ глаголалъ, то истинно; вѣсть бо Господь Богъ нашъ, яко прогнѣвахомъ его грѣхами нашими, иже глаголаша пророки своими къ людемъ, да предастъ ихъ въ руки врагомъ за грѣхи ихъ, и яко да знаютъ сынове израилевы, иже нынѣ прогнѣваша Господа Бога своего; сего ради страхъ твой на нихъ есть.

ОЛОФЕРНЪ.

Уже начинаютъ боятися мя и силы моей опасаются!

ІЮДИѲЬ.

Наипаче паки гладъ терпятъ и за оскудѣніе водное, ради жажды, съ мертвыми сочетаются; паки и сія совѣтуютъ, да убіютъ скоты своя и піютъ кровь ихъ и святая Господа Бога своего, иже заповѣда не осязати, ѣдятъ жертвы; сего ради подлинно погибнутъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Аще же такъ, тогда Ахіоръ истинно глаголалъ.

ІЮДИѲЬ.

Подлинно такъ, и я сего ради збѣгохъ отъ нихъ животъ свой сохранити, и посла мя Господь Богъ мой сія тебѣ возвѣстити.

ОЛОФЕРНЪ.

Ну, благородная жена, тогда по то время въ достойной чести будемъ тебе блюсти.

ІЮДИѲЬ.

Азъ раба твоя такъ въ своемъ совѣтѣ утвердила: хотя пріидохъ къ тебѣ, молитися Господу Богу своему учну, и нынѣ, сущи предъ тобою, да изыдетъ раба твоя и молится Господу Богу своему, и речетъ мнѣ, егда воздастъ имъ за грѣхи ихъ, и, пришедши, возвѣщу тебѣ. Тако да азъ приведу тебе посредѣ Іерусалима, и имаши вся люди израилевы, яко овцы, имъже нѣсть пастыря, и не возлаетъ ни единъ песъ противу тебе.

ОЛОФЕРНЪ.

Благо сотворили есте, бози мои! Кто изъ васъ прислалъ такую красную жену путь ми показати?

ІЮДИѲЬ.

Богъ мой открылъ ми то, для того что гнѣвъ на нихъ, и посла мя о томъ обвѣстить.

ОЛОФЕРНЪ.

Что мните вы, господа благородные и храбрые, о сицевомъ намѣреніи?

СИСЕРА.

Истинно здѣ красота и цѣломудріе обще во единомъ тѣлѣ обитаютъ.

МЕЛЕХЪ.

Азъ исповѣдаю, что сицевой женѣ равности по всей землѣ не обрѣтается въ красотѣ и мудрости.

МОСОЛЛОМЪ.

Азъ удивляюся тому, иже при сицевой мудрости обрѣтается молчаніе; потому что азъ въ крѣпкомъ роспросѣ и единаго слова отъ нее не доступилъ есмь.

ОЛОФЕРНЪ.

Твой Богъ, благосотворенная жена, то благо сотворилъ, иже посла тебе преже, тотъ людъ да даси въ руцѣ мои. Аще сотворитъ сіе Богъ твой, что рекла еси, то будетъ и мнѣ Богъ, а ты въ дому Навуходоносоровѣ будеши велика, и имя твое прославится по всей землѣ.

ІЮДИѲЬ.

Господи Боже нашъ послалъ еси то паче, какъ я желала и рекла есмя.

ОЛОФЕРНЪ.

Мосолломъ! проведите ее въ хранилище сокровища моево и повелите ей тамо жить и уставите давати ясти отъ стола моего.

ІЮДИѲЬ.

Господине милостивый! покорно молю тебе, чтобы ты поволилъ сицевую высокую честь отринуть, того ради, что не смѣю ясти отъ стола твоего, чтобъ не проступилась есмя; но то, что съ собою принесохъ, да ямъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Аще оскудѣетъ тебѣ сія, яже принесена суть съ тобою, что сотворимъ тебѣ?

ІЮДИѲЬ.

Жива душа твоя, господине мой, яко не снѣмъ вся сія раба твоя, дондеже сотворитъ то Господь Богъ рукою моею сія, яже помыслихъ; и прошу покорно, чтобъ дать мнѣ свободу въ ночи прежде свѣтлости исходить вонъ на молитву и помолится Господу Богу.

ОЛОФЕРНЪ.

Благо же. Мосолломъ! сотвори все по ея велѣнію и никому изобидить ее не дай. И то повелѣваю, чтобъ ясти ей то, что съ собою принесла есть, и чтобъ ей по сихъ трехъ дней свободно ходить молитися Господу Богу. Да вы, начальники воевъ, совокупитесь по полудни ко мнѣ для совѣту сихъ дѣлъ.

VI ДѢЙСТВА

СѢНЬ 5.

СУСАКИМЪ, ВАНЕЯ, ДООХЪ СЪ ПРОТАЗАНЩИКИ.

СУСАКИМЪ.

Первое Сусакима повѣсить, второе вопросить по достоинству, третье главу ему отсѣщи... О! зѣло изрядныя потѣхи. Азъ же то все въ шутку почитаю.

ВАНЕЯ.

Скоро то провѣдаешь, что не шутка есть, какъ сей мастеръ большимъ мечемъ своимъ главу твою отсѣчетъ, что на двѣ сажени отъ тѣлеси слетитъ.

СУСАКИМЪ.

Глава моя съ шеи слетитъ? Можетъ ли мастеръ сотворити что главамъ летающимъ быти, и я прошу, чтобъ онъ крылѣ моему тѣлеси притворилъ, и я главу и тѣло на тысящу верстъ отрину.

ВАНЕЯ.

Ну, ну! И то учинитися можетъ, что воронъ твое воровское тѣло и дале пронесетъ.

СУСАКИМЪ.

Слышу! Тогда я для уподобанія ворону свое тѣло жареною свининою выкормилъ есмь.

ВАНЕЯ.

О свиной стомахъ и воронье снѣденіе! Довольно: не могу съ тобою день цѣлой разговаривати; перестань, бо у мене иное дѣло есть.

СУСАКИМЪ.

Милый мой Ванея! Прошу тя, изволь погулять и съ Доохомъ къ жилищу своему и дѣла свои исполните, а я здѣ и самъ главою своею утѣшуся.

ВАНЕЯ.

О! ни, главу прежде отсѣщи.

СУСАКИМЪ.

Что? Главу отсѣщи? О пріятелю мой и друже! Тогда я зѣло въ благородномъ житіи пребуду, потому что шапки никогда же въ руцѣхъ не держати: когда главы не будетъ, гдѣ же ее надѣть?

ВАНЕЯ.

О ты непригожіе облезьяновы нороды! Еще ты хочешь шутити въ такомъ времени, гдѣ смерть свою предъ очами видишь? Скоро, скоро, приклонися на колѣна!

СУСАКИМЪ.

Господине мой! Указъ о мнѣ такъ содержитъ, чтобъ мене на пядь укратить; а когда на колѣна припаду, тогда своего возрасту 4 пяди прекращуся; а егда глава отсѣчена будетъ,

то и пяти пядей возраста моего не будетъ, и то не учинится мнѣ по указу.

ВАНЕЯ.

Просишь и молишь, что указу противно, аще почитаеши въ длину и поперегъ; однакожде счетъ мой у мене уже совершился, той же нынѣ тебѣ вкратцѣ мечемъ совершу.

(*Здѣ Доохъ и протазанщики возмутъ ево и хотятъ повалить.*)

СУСАКИМЪ.

О милостивый господине спекулаторъ! Увы, увы! О горе мнѣ! Милостивый же ты господине, Ванея! Выслушайтежъ у мене хотя единаго слова.

ВАНЕЯ.

Глаголи же, что же требуешь, а рцы вкратцѣ.

СУСАКИМЪ.

Ни, ни! Буде въ правду, что и мнѣ шутками отъ того не избавиться, а по смѣтѣ моей главу ми отсѣчь хощете, и я молю васъ, даруйте ми время, да со свѣтомъ еще прощуся, котораго я впредь не увижу.

ВАНЕЯ.

Чюдныя висѣльничьи рѣчи говориши; дѣлай скоро и, какое твое мудрое нрощеніе, извѣщай намъ.

СУСАКИМЪ.

Прости, чюдный и изрядный свѣтъ честной! Азъ желаю, чтобъ при житіи своемъ былъ и азъ не грѣшенъ; а понеже злодѣйской спекулаторъ мнѣ жить больши не допущаетъ, и я молю у тебе, благородный свѣте, — ибо впредь тя не обрящу —: не вельми печальтеся о моемъ скоромъ умерщвленіи, останутся еще многіе воры и злодѣи по смерти моей къ покоренію. Про-

стите мя, пять мои братія, иже въ Ниневѣ обитаете! Аще же нынѣ и не творите мнѣ провожденія, однако жь и вы вскорѣ сицевымъ путемъ пойдете! Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ имѣеши сѣрными трески, веревками, сапожными колодками и вшаною отравою! Ялъ есмь у тебе часто блины пряженые, а здѣшніе же кишки сотворили то, что все въ забвеніи учинилось; ты же по смерти моей товары и блины свои да употребляеши! Простите вы, благородные сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярыжки, чуры, трубочистники, бренія возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаютца! Аще ли же бы и азъ учихся такова же художества, и на пути сицевые горькіе смерти не наступилъ бы!

ВАНЕЯ.

О! Правду глаголати, зѣло ты благіе породы еси. Азъ плюну на тя. Нѣсть ли сему твоему прощенію еще конца?

СУСАКИМЪ.

Ни, ни! Еще единое реченіе осталося.

ВАНЕЯ.

Глаголи же скоро, да и Доохъ рѣчь свою исполнитъ.

СУСАКИМЪ.

Простятежъ мя вы, девять художествъ, яже плоти моей угождасте: піянство, блудодѣяніе, убивство, костарничество, оболганіе, обманство, крадежство, разбойничество и мошенничество!

ВАНЕЯ.

О ты злоокаянной воръ! Всѣхъ ли тѣхъ художествъ наученъ еси?

СУСАКИМЪ.

Былъ бы есмь малодушной и нужной служилой, какъ бы тѣхъ художествъ не учонъ былъ.

ВАНЕЯ.

Въ правду подобаетъ тебѣ быть дохторомъ въ наукѣ сихъ художествъ. Доохъ! постигни и приряди ево во изрядное и красное одѣяніе и кроваваго цвѣту въ въ камку.

(*Доохъ паки принимается за нево.*)

СУСАКИМЪ.

О господа! Еще едино изреченіе изглаголю.

ВАНЕЯ.

Когда же то скончится?

СУСАКИМЪ.

Абіе, абіе исполнитца. Простите седмь вы веселія годовые времена: младые цыплятка, ягнятка, яица свѣжія вешнія, кормленные каплуны и телята жареныя, къ пасцѣ молоко, сметана, колачи крупичатые съ масломъ и молодые голуби жареные, лѣтніе скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы молодые осенніе, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье въ пирогахъ, шуба и рукавицы да шапка теплая, зимніе кишки жареные свиные, окараки и головы свиньежъ, студени, ребра свиные, и желудки во всѣхъ корчмахъ! Простите, простите!

ВАНЕЯ.

Колико же много твоего прощенія будетъ и многоль тысящь рѣчей глаголати хощеши? Доохъ! сотвори съ нимъ послѣднее реченіе ево, отсѣки ему главу.

СУСАКИМЪ.

О ни! о ни! Еще едино изреченіе да изглаголю, а больше не будетъ; аще паки изреку что, тогда мнѣ тысящею главу отсѣки.

ВАНЕЯ.

Не надобно тысящею, полно и единова. Дѣлай абіе кончаніе.

СУСАКИМЪ.

Прости сто тысящею и сто еще сто тысящею, глава моя, яже отъ тѣлеси моего отлучающаяся! Какъ бреніе изъ утробы коровьи, поѣзжай благо! Будеши бо изрядная потѣха къ дѣтцкому игранію, гдѣ пси тѣшитися учнутъ въ ямахъ палыхъ скотовъ. А ты, благородное тѣло, будешь пища великимъ господамъ, которые твои судіи будутъ, иже всѣмъ ворамъ и злодѣямъ кончаніе творятъ и мясо и кровь междо собою, какъ отчину, раздѣляютъ. О вы благородные вороны! Простите и во благодарство поимите мое тѣло, которое вы ясти будете.

ВАНЕЯ.

Ну, уже ты своихъ гостей зазвалъ еси, время скатерть стлати. Доохъ! абіе твори свое.

(*Здѣ Сусакима о землю ударятъ, и бьютъ по ногамъ, и лисьимъ хвостомъ по шеѣ ево вмѣсто меча ударя, дондеже отъ того падетъ и будто мертвецъ лежитъ на землѣ. Ванея съ товарыщи отступятъ со смѣхомъ. Тогда приподымется Сусакимъ и со страху паки, вставъ, речетъ.*)

СУСАКИМЪ.

Якоже надо мною нынѣ творитца, не вѣдаю. Живъ ли я или мертвъ? Право впрямъ того знать не могу, подлинно ли умеръ есмь. Азъ подлинно слышу, что отъ мене животъ отступилъ изъ нутреннихъ потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань, и правымъ ухомъ вышла душа; токмо еще мнится

ми, яко нѣсколько свѣта помню: здѣ мои чулки и башмаки: тамо лежитъ моя шляпа, здѣ мой кафтанъ и штаны; токмо того не знаю, гдѣ глава моя.

(*Онъ вездѣ ищетъ главы своея.*)

СУСАКИМЪ.

О вы, господа! Аще ли хто отъ васъ изъ любви и пріятства мою главу скрылъ, и того покорно безъ шляпы прошу и молю, чтобъ мнѣ онъ возвратилъ. Или воръ Доохъ съ собою въ жилище свое взялъ? Азъ же по сей смерти инако не буду, токмо аки привидѣніемъ, или мечтаніемъ: нощію войду въ чертогъ Дооховъ и его такъ устрашу, что онъ главу мою мнѣ возвратитъ

(*По семъ выдетъ изъ строенія.*)

VII ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, МОСОЛЛОМЪ, ОДИДЪ, ВАГАВЪ, ІЮДИѲЬ, АБРА.

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, воистинно днесь да возрадуемся, воины мои прехрабрые! Нынѣ васъ учреждаю въ шатрѣ, но во время скорое, именно же въ суткахъ, надѣюсь во Веѳуліи градѣ въ лучшихъ полатахъ васъ употчивати.

СИСЕРА.

Тогда же твоей милости и того великого пророка и новаго владѣтеля Ахіора ко обѣду позвати.

ОЛОФЕРНЪ.

О! истинно, глава его конечно на столѣ предо мною быти иматъ. Но что же вамъ мнится, господа: не позвать ли ми ту

еврейскую прекрасную жену, прежде нежели къ столу сядемъ, не токмо вящшую вѣсть о градѣ томъ и о Ахіорѣ возпріяти, но и съ нею красоты ея ради утѣшитися?

МЕЛЕХЪ.

Ей такъ. Что же учрежденіе безъ вина? Вино же, аще и лучшее, что безо всякіе усердные радости? А что же и вся сицевая радость безъ доброзрачные и утѣшительные жены?

МОСОЛЛОМЪ.

Правда, яко достойна есть, да между всѣми Евреи она едина честь ту воспріиметъ тебѣ, превеликому воеводѣ, у стола послужити. Но чего же ради вельми множае, яко въ плѣну сущей, не повелѣваеши, но паче о ней въ печали пребываеши?

ОЛОФЕРНЪ.

Истинно реклъ еси ты, Вагавъ! Иди и моли Евреяныню, да изволитъ къ намъ приходити; поносно бо есть предъ Ассиріяны, аще жена посмѣется: бывъ у мене, отъидетъ безъ порока.

ВАГАВЪ.

Добро, милостивый господине; но сомнѣваюсь, яко пріити похощетъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Чесо ради?

ВАГАВЪ.

Жена та только радостей и во всемъ тѣлеси своемъ не имѣетъ, колико азъ денегъ въ пирѣ своей, ихъже токмо два алтына есть; ничто же бо иного не творитъ, развѣ день и нощь плачетъ, молится, поститъ и рыдаетъ. Азъ бы лучше три дни за карауломъ сидѣлъ, нежели у нее часъ одинъ.

СИСЕРА.

То она творитъ воединѣ сущи; кто бо вѣсть, о чемъ она рыдаетъ? Егда убо въ люди пріидетъ и милость къ себѣ Олофернову узритъ, тогда печаль та и въ радость ей претворится.

ОЛОФЕРНЪ.

Вагавъ! иди, да сотвори повелѣніе мое; но со всякимъ вѣжствомъ оную да молиши, яко ко мнѣ на вечерю мою пріидетъ, со обнадеженіемъ постоянныя моея къ ней милости.

ВАГАВЪ.

Прилежаніе мое азъ уже сотворю; но, милостивый воевода, егда азъ ту прекрасную жену къ сему приклоню, да къ тебѣ пріидетъ, кая же ми мзда за то будетъ?

ОЛОФЕРНЪ.

Новые сапоги тебѣ куплю.

ВАГАВЪ.

О! То ми къ бѣжанію готовитися: того быхъ не радъ.

ОЛОФЕРНЪ.

То тя саблею моею подарю.

ВАГАВЪ.

О! боюся, дабы глава не слетѣла.

ОЛОФЕРНЪ.

Иди же скоро; нынѣ ми не есть время много разговаривати, уже ти за то воздамъ по достоинству. Между же симъ, господа, мало да прохладимся, дондеже вечеря поспѣетъ; ты же, Одидъ, приготовь къ столу.

(Здѣ отходятъ.)

ОДИДЪ *(Здѣ онъ піетъ).*

Азъ радъ твоей милости послужить, гдѣ ѣдятъ да піютъ. Буди же здравъ!

VII ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2.

ІЮДИѲЬ, АБРА, ВАГАВЪ.

ІЮДИѲЬ.

Уже азъ то слышала, Абра, отъ Мосоллома, воеводского тайного слуги, о чемъ ты мнѣ нынѣ вѣщаешь: яко Олофернъ меня на вечерю къ себѣ звати хощетъ; и того ради азъ сице украсихся.

АБРА.

Но пойдешь ли, госпожа моя, къ нему?,

ІЮДИѲЬ.

Почто ми нейти, когда отъ таковаго позвана буду господина?

АБРА.

И азъ украсихся; возьмешь ли мя съ собою?

ІЮДИѲЬ.

Ей, и тебѣ тамо быти; ибо ѣству мою за мною понесешь. Но кто же тамо грядетъ?

ВАГАВЪ.

Изобраніе всѣхъ добродѣтелей, украса всѣхъ красотъ и преизрядная красавица! пріими въ честь предложеніе мое, зане

сицевой князь, предъ нимъже всѣ человѣцы вострепещутъ, и иже всю вселенную ни во что же почитати можетъ, се есть Олофернъ великій, желаніе имѣетъ тя у вечери своей видѣти, чего ради и мя къ тебѣ послалъ есть, моляще, да къ нему облегчишься.

IЮДИѲЬ.

О! я убогая жена тоея убо чести нѣсть достойна.

ВАГАВЪ.

Господинъ мой тя вящи всѣхъ почитаетъ, тѣмъже, прекрасная госпожа, не возбраняйся къ столу господина моего пріити, да яси, піеши и возвеселишися: красота бо твоя и милость Олофернова васъ обоихъ благополучными сотворити можетъ.

IЮДИѲЬ.

Како ми сицевому великому господину отказати? Вся, яже благоволитъ сотворити, усердствую даже до скончанія живота моего.

ВАГАВЪ.

О! како нынѣ счастливъ есмь! Идеши ли абіе со мною?

IЮДИѲЬ.

Ей, азъ уже совсѣмъ уготовихся.

АБРА.

О! что же ми говорити нынѣ. Вся вода вверьхъ поднимется, вси же горы и холми въ глубину морскую воверж утся, вся вселенная перемѣнится, когда госпожа моя едино за мужъ хощетъ итти. Аще же она за великого Олоферна пойдетъ, и азъ же тогда возмогу за какова воина ассирійского, иже таковъ же доброзрачный, якоже и азъ сама есть, пойти.

VII ДѢЙСТВА

СѢНЬ з.

ОЛОФЕРНЪ, СИСЕРА, МЕЛЕХЪ, МОСОЛЛОМЪ, ОДИДЪ, ОРИВЪ, ВАГАВЪ, ІЮДИѲЬ, АВРА.

ОЛОФЕРНЪ (*держитъ кубокъ въ руцѣ и говоритъ.*)

Честные начальники мои! пію же азъ про здравіе всѣхъ тѣхъ, иже кровь за великого Навуходоносора хотятъ излити: не доброй то воинъ, иже на постели помышляетъ умрети.

(*Здѣ трубятъ. Здѣ вси піютъ.*)

Здравствуй, Навуходоносоръ! Здравствуй, монархъ великій

ОДИДЪ.

Вельможный Олофернъ! зри, какая сѣмо приходитъ пресвѣтлая звѣзда.

ОЛОФЕРНЪ.

Истинно богиня нѣкая еврейская та нарещися можетъ.

ВАГАВЪ.

Милостивый господине! дайте же ми сапоги, или саблю сво ю хотя ми бѣжати, или главы лишитися.

ОЛОФЕРНЪ.

Что глаголеши, глупче?

ВАГАВЪ.

Азъ мню тому достойно быти, да глава ему отсѣчена будетъ, яже отъ таковы прекрасавицы бѣжалъ или устрашился ея.

ОЛОФЕРНЪ.

Кому бѣжати, или устрашитися? Никако, но спріятствую, да сея нощи главу свою на лонѣ ея держу.

ІЮДИѲЬ.

Милостивый господине! Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ.

ОЛОФЕРНЪ.

О! садися, побѣдительницо храбрости моея, обладательницо сердца моего! Садися возлѣ мене, да яси и піеши со мною, веселящеся; ибо, яко ты едина мое непобѣдимое великодушіе обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрезъ кого же иного совершенно употребляти.

ІЮДИѲЬ.

Ей, господине мой! азъ возвеселюся усердственно: никогда же еще такой чести воспріяхъ.

(Здѣ она оглядывается и говоритъ.)

Абра! дай ми ѣству, юже про мене уготовила еси.

(Здѣ тихо говоритъ.)

Да не отходи же прочь ни пяди; слышишь ли?

АБРА.

(Даетъ ей ѣству и молвитъ.)

Гдѣ мнѣ отходити? Собаки бы мя заѣли.

ОЛОФЕРНЪ.

О вы, мои воины! пію же къ вамъ про здравіе сея красавицы, яже впредь еще Ассиріемъ заступленіе быти имать.

СИСЕРА.

Ей, истинно Навуходоносоръ великій нарицается богъ Юпитеръ, ты же Олофернъ еси Марсъ. Чѣмъ же ассирійское небо возможетъ лучше украшено быти, яко сицевымъ прекраснымъ солнцемъ?

ВАГАВЪ.

Тогда же азъ Меркуріемъ буду, понеже сію богиню Венусъ къ Марсу привелъ есмь.

АБРА (*говоритъ отай*).

Азъ же хотя малою планетою буду у печи.

ОЛОФЕРНЪ.

Будите здравы вы, воины мои, про [1]) здравіе сей красавицы!

ВСИ.

Благо да живетъ Олофернъ съ прекрасною своею!

ІЮДИѲЬ.

Молю васъ, господъ моихъ, да мя сицевымъ именованіемъ обходите, зане азъ раба есмь Олофернова, онъ же ми есть милостивымъ господиномъ и повелителемъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, какъ еще была еси въ Веѳуліи градѣ, тогда правда былъ есмь повелителемъ твоимъ, нынѣ же, какъ того гнѣзда отступилась, то паче моею повелительницею сталась: ибо прехрабрѣйше Олоферна учинилась: онъ бо еще ни единожды приступалъ къ Веѳулію, ты же, преизрядная гражданко, уже Олоферново сердце, еже паче всеа вселенныя почитается [2]), обладала еси.

ІЮДИѲЬ.

Ей, воистинну, когда бы милости твоея сердце во владѣніи своемъ имѣла, то бы почитала, яко весь свѣтъ себѣ въ свойство получихъ.

[1]) Въ рук.: *при*.

[2]) Въ рукописи: *потается*.

ОЛОФЕРНЪ.

Къ сицевому полученію бози тя сея нощи сподобятъ.

ІЮДИѲЪ.

Благоволеніе божіе съ надеждою моею да исполнится.

ОЛОФЕРНЪ.

Не зриши ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолѣваетъ? Смотрю на тя, но уже и видѣти не могу; хощу же говорити, но языкомъ (*здѣ онъ говоритъ, яко пьяный*) больши прорещи не могу; хощу, хощу, но не могу же; не тако отъ вина, яко отъ силы красоты твоея азъ низпадаю.

МОСОЛЛОМЪ.

Почто же, твоя милость, не упокоишися? Мы тя убо отъ утѣшенія и удовольствія не воздержимъ.

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, правда; не вдругъ весьма днесь возрадуемся, но нѣчто воздержимся, дондеже въ Веѳулію пріидемъ. Но къ благополучной нощи едино еще да напіемся.

ВАГАВЪ.

Господине мой! не припѣвати ли ми къ сему?

ОЛОФЕРНЪ.

Ей, пой, Вагавъ, нѣчто же о любви моей.

ВАГАВЪ.

Прехрабрый Олофернъ уже преодолѣнъ есть, самъ убо дается въ плѣнъ такожде и во узы: еже мечь и сабля вражія не возмогла, то женская красота сотворити успѣла изъ града Веѳуліи,

тѣмъже слава будетъ написана въ книги памятныя во вѣки, что чуднымъ образомъ прежде взятья того града жена въ свойство получила храбраго Олоферна.

ОЛОФЕРНЪ.

Что? Убила?

ВАГАВЪ.

Ни, въ свойство получила.

ОЛОФЕРНЪ.

То правда, прекрасная Іюдиѳь, яко ти азъ въ свойство предался есмь.

ІЮДИѲЬ.

Тогда азъ счастлива нарекуся, когда возмогу съ сицевымъ, егоже въ свойство себѣ получила есмь, то сотворити, еже сама похощу.

ОЛОФЕРНЪ.

Добро, прекрасная! Не отходи же отъ мене; азъ мало упокоюсь.
(*Здѣ онъ припадетъ на одръ свой, иные же тихо отходятъ.*)

ІЮДИѲЬ.

Абра!

АБРА.

Что желаеши, госпожа моя возлюбленная? Или хощеши одежду свою низъ сложити?

ІЮДИѲЬ.

О! молчи же такими рѣчьми! Останься здѣ за дверьми, а не отходи же.

АБРА.

Благо же то; и никого внити пущу, исполни токмо, еже хощеши.

ІЮДИѲЬ (*приступивъ къ постели молится Богу!*)

Господи Боже исраилевъ! укрѣпи мя и призри въ сей часъ на дѣло рукъ моихъ, якоже обѣщалъ еси Іерусалиму граду твоему возвеличити его, да совершу сія, яже умыслихъ, уповающе на тя.

(Здѣ Іюдиѳь, приступивъ къ постели и взявъ мечь Олоферновъ, извлече его и отсѣче, ему главу, глаголюще:)

Господи Боже мой! укрѣпи мя въ сей часъ! Слава тебѣ, Господи, яко добро собысться, и возсылаю ти веліе благодареніе! Абра! се возьми главу сію мучительскую, предъ неюже вся Іюдея страшилася. Слава же Богу, что нынѣ ни единой дѣвѣ уже больши не боятися!

АБРА.

О милостивая госпожа! азъ же однако еще боюся.

ІЮДИѲЬ.

Тихо вложи ю въ пиру свою; пойди да убѣжимъ.

АБРА.

Не Олофернова ли то глава?

ІЮДИѲЬ.

Что вопрошаеши? Что же осматриваешь? Спѣшно иди, да убѣжимъ.

АБРА.

О! никогда бы азъ тако дерзостна была! Охъ! таковому храброму воину главу отсѣкла! Бѣсъ таковымъ обычаемъ

госпожу мою да возлюбитъ. Что же тотъ убогій человѣкъ скажетъ, егда пробудится, а Іюдиѳь съ главою его ушла?

VII ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПОСЛѢДНЯЯ ЖЪ

ІЮДИѲЬ, ВАНЕЯ, ІОСІЯ, ГОѲОНІИЛЪ, ХАБРИ, АХІОРЪ.

ІЮДИѲЬ.

Стража! отверзайте врата! Слышитежъ, стражіе! Отчинитежь глаголю вамъ, врата!

ВАНЕЯ.

Кто тамо? Кто возопіетъ? Кто же тамо шумитъ? Дворяне за ружье!

ІЮДИѲЬ.

Азъ здѣ пришла есмь, Іюдиѳь.

АБРА.

И азъ, Абра, здѣ.

ІЮДИѲЬ.

Богъ же съ нами, яко побѣду намъ далъ есть.

ІОСІЯ.

О Іюдиѳь! Іюдиѳь! паки къ намъ приходиши. Ожидахомъ тя со великимъ желаніемъ, отчасти же и отчаяхомъ твоего назадъ возврату. Что же намъ приносиши благое? Имаши ли про насъ доброй совѣтъ? Аще ли же ни, то утрешняго дни приходитъ срокъ пагубы нашея.

ІЮДИѲЬ.

Что же ми лучше приносити, кромѣ желаемаго вамъ?

ІОСІЯ.

Мы желаемъ, да Олофернъ насъ вящше не мучитъ.

ІЮДИѲЬ.

Абра! дай сѣмо главу мучителя того ... ь нейже отъ удара слабой жены очеса завратились.

АБРА (*даетъ Іюдиѳь главу и лобзаетъ ю.*)

О преизрядная главо! Азъ никогда бы вѣрила, да воспріиму такову честь тебе, честнаго воина, лобзати.

ІОСІЯ.

Что? То ли глава Олофернова?

ІЮДИѲЬ.

Ей, то. Славите Господа Бога нашего, яко не оставляетъ надѣющихся на него и показалъ намѣ есть милость свою мною, рабою его, и даде въ сію нощь врага людей своихъ умертвити рукою слабой жены. Се убо и завѣса, и покровъ, подъ нейже лежалъ есть. Смотрите на ассирійскаго мучителя Олофернову главу, кая пьяна на постели лежала, сія же мышца отсѣче ему главу ту. Истинно жь живъ Господь Богъ нашъ, иже мя въ томъ моемъ дѣлѣ укрѣпилъ есть, да не осквернихся по вся тѣ времена бытія моего тамо, и безъ грѣха мя сѣмо паки приведе со великою радостію и побѣдою! Воздайтежь ему славу, и вси его за то возвеличайте.

ГОѲОНІИЛЪ.

Но истая ли то, и самого ли Олоферна глава?

АВРА.

Мене токмо вопросите, господа мои! Азъ его добрѣ знаю, смотрѣхъ бо на него больши трехъ часовъ: овогда уста отверже, воздыхающе, овогда же очеса свои перемѣни, роздежену сущу на мою госпожу, равнымъ обычаемъ, яко и нынѣ его видите.

ІЮДИѲЬ.

Что же тебѣ о томъ глаголати? Господа мои! аще въ томъ дѣлѣ сомнительны есте, то призовите Ахіора, онъ бо, чаю узнаетъ главу Олофернову.

ВАНЕЯ.

Смотрите, тамо Ахіоръ и самъ къ намъ грядетъ.

ХАВРИ.

О! слава тебѣ, Госпόди, яко тобою врагъ нашихъ посрами!

ІОСІЯ.

Блаженна еси ты, дщи, Господемъ Богомъ вышнимъ паче всѣхъ женъ на земли! Благословенъ Господь Богъ, иже сотвори небо и землю, иже исправи тебе во отсѣченіе главы начальника врагъ нашихъ и иже днесь имя твое возвеличилъ, да не отъидетъ хвала твоя отъ устъ человѣческихъ, иже дѣла господня почитаютъ, яко не пощадила еси живота твоего печали ради и скорбей роду твоего, но воспомогла еси паденію предъ лицемъ Господа Бога нашего.

ВСИ *глаголютъ:*

Аминь, буди то, буди то!

ІЮДИѲЬ.

Господине мой Ахіоре! знаеши ли сію мучителеву главу?

АХІОРЪ.

О бози! Но вельми паче, о Боже ты всѣхъ боговъ!

ІОСІЯ.

Княже Ахіоре! не ужаснися. Что ти дѣется? Пріиди въ себе и разбудися.

ІЮДИѲЬ.

Ахіоръ утѣшися, зане Господь исраилевъ, емуже свидѣтельствовалъ еси, яко отомститъ врагамъ своимъ,—сей бо есть иже отсѣклъ главу невѣрнаго сего въ сію нощь рукою моею. Возстани же, Ахіоре, и пріиди въ себе; смотри: не то ли глава Олофернова, иже противленіемъ гордыни своея уничижи Бога исраилева и тебѣ смертію претяше, глаголя: «егда плѣнени будутъ люди исраилевы, тогда повелю мечемъ пробости ребра твоя?

ГОѲОНІИЛЪ.

Возбуди же ся, княже Ахіоре! Како сице безсловесенъ еси и смятеся душа твоя? Скажи же намъ истинну, аще ли то есть глава Олофернова.

АХІОРЪ.

О! ей, истинно, лицо то того пса и мучителя! Благословенна ты Господомъ Богомъ твоимъ еси во всемъ жилищи Іаковли, яко во всѣхъ языцѣхъ, иже услышатъ имя твое, возвеличится ими Господь Богъ исраилевъ тебе ради! А понеже явно нынѣ очима моима вижу, яко Богъ исраилевъ сице чудесно помощи дати можетъ, тогда желаю отъ невѣрія того весьма отстати и во единого токмо его вѣровати; тѣмъже, братіе любимая, не возбраните ми вмѣстѣ съ вами вѣру вашу приняти: азъ бо

радъ обрѣзаніе приняти, примите мя, токмо и сочтите мя съ вашими во израилевъ родъ.

ІОСІЯ.

О! сердечно рады: какое бо вящшее благодареніе можемъ Богу воздавати, яко когда толь много невѣрныхъ душъ къ нему приведемъ? Братомъ нашимъ да будеши ты и все наслѣдіе твое во вѣчныя времена.

ІЮДИѲЬ.

Услышите же мя, братіе! Возвѣсите главу сію на стѣнахъ нашихъ градскихъ и, егда взыдетъ солнце, возьмите кождо васъ оружіе свое и изыдите внезапу со силою и воплемъ: тогда стражіе понуждени будутъ бѣжати къ начальнику своему возбудити его на ополченіе; егда же воеводы притекутъ къ ложницѣ Олоферновѣ и обрящутъ его безглавна, повита въ крови его, нападетъ на нихъ страхъ. Егда же познаете бѣжащихъ ихъ, идите на нихъ дерзновенно, яко Господь Богъ сокрушитъ подъ ноги ваша.

ГОѲОНІИЛЪ.

Ей, истинно благоразумный совѣтъ. Уже и день разсвѣтаетъ Ванея! возвѣси главу ту на стѣнахъ, пойди съ пятьюдесятъ человѣки воинскими людьми да осади опаснѣйшая мѣста сопротиву вражіихъ становъ накрѣпко; азъ же абіе со всѣми гражданы изыду и дерзостно на непріятеля наступлю. Господь Богъ да подастъ намъ помощь свою!

ІОСІЯ.

Господь Богъ да подастъ намъ счастіе! Тогда Ему воздамы за то вѣчную славу и благодареніе.

(Здѣ сполохъ чинится со трубы и тимпаны, главу вывѣшиваютъ на стѣну, а Ванея тутъ кличь чинитъ.)

ВАНЕЯ.

Здѣ виситъ яростная глава того мучителя, знамянующе, яко Господь Богъ гордымъ противляется, смиреннымъ же даетъ благодать.

(Паки сполохъ межъ собою чинится и вопль, потомъ на радость трубятъ и послѣдственную пѣснь поютъ.)

I.

Воспойте Богу въ тимпанѣхъ,
Пойтежъ ему пѣснь нову,
Радуйтеся во кимвалѣхъ,
Благодаряще выну
О свободѣ и побѣдѣ,
Юже намъ сподобилъ есть,
Сокрушивъ вражію гордость,
Господь Богъ нашъ! Тѣмъ же нынѣ,
Что еси миръ получилъ,
Радуйся, о Исраиль!

II.

Ассуръ нѣкогда [1]) отъ сѣвера
Насъ зѣло бѣ устрашилъ,
Егда войскомъ силы своея
Землю и рѣки покрылъ,
Стращая насъ люто смертью,
Мечемъ, огнемъ, поносомъ,
А женъ и дѣтей плѣномъ,
Всякоюжъ укоризною.
Тѣмъ же радуйся, Исраиль!

III.

Такихъ гордыхъ самъ Богъ казнитъ
Мышцею же женскою,

[1]) Въ текстѣ: *нецли*; слово *нѣкогда* приписано съ боку.

Е҆гда ихъ мертвыхъ положитъ
Безо̀ всякого бою;
Здѣ бо никакой гигантъ былъ,
Егоже одолѣти,
Жена же его уби
Іюдиѳь тамо, гдѣ онъ жилъ,
Тамо его погуби.
Радуйтесь въ Веѳуліи!

I .

Доброзрачье и красота
Уязви душу его,
Добротоюжъ словесъ ея
Сердце си уловлено,
И тако ему отсѣче
Главу его и хвалу,
Войскожъ устрашись тому,
Намъ же ихъ гонить въ дерзости
Мощно, корысть взимая.
Радуйся, Веѳулія!

V.

Восхвалимъ же имя твое,
По бывшей зѣльной скорби,
Яже жажды ради бяше,
Радуясь, о Господи!
Зане насъ утѣшилъ еси,
Благимъ дарствуя крѣпость,
Гордымъ же отнявъ смѣлость;
Тѣмъже тожь и по всей земли
Явны твои чудеса.
Радуйсяжъ, о отчина!

III.

БАЯЗЕТЪ И ТАМЕРЛАНЪ.

ПРОЛОГЪ [1].

. . . .

благому приставать, а что во в. . . . . . . творится кромѣ радости и печали? Едина пѐрсона радостно играетъ, а другая печально играетъ и скоро благосчастіе превратятся. Во многихъ ѳилосоѳскихъ книгахъ чтутъ и въ письмахъ ихъ обрящутъ, что можетъ вмѣсто комедіи почитать. Въ землѣ таѳельской всѣ городы и села не огорожены, а однакожъ ихъ честное житіе потому не узнать. А во всей вселенней обрящутъ, что старые люди времянемъ недогадливы, такъ что и молодые. И такъ на свѣтѣ и повелося жити. . . . . . . падаемъ до земли къ ногамъ вашего царскаго величества и милосердія просимъ, чтобы насъ въ той комедіи про Темиръ-Аксака не осудили, есть ли мы въ чемъ прибавимъ или убавимъ, и просимъ милосердно выслушать.

(И, выговоря, всѣ падутъ на землю и поклонятца его царскому величеству.)

---

[1]) Начало *Пролога* и первой сѣни перваго акта утрачено.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ 1-я.

. . . . *на передъ*
. . . . *рече яростию.*
. . . . *пушечной нарядъ, грядъ и стреляніе*
. . . . *наты и рекети огненные, молнія)*
. . . . разорваное всѣ ли опочиваете
. . . . земли съ большою яростію
. . . . покоѣ и тишинѣ пребывати
. . . . моей молитися не хощеть
. . . . храбрые и богатыри, выступи-
. . . . нѣ и утѣшися на добрыхъ зимо
. . . . .поизвольте огнь съ неба на землю спустить
. . . . свѣщѣ паки свое блисканіе восприняти
и укрѣпить ее, чтобъ вновь кроворазлитіе, пожаръ и разбой во всѣхъ улицахъ слышить затрубить въ трубы, на тревогу затрубить, на новую войну! Тревога, тревога большая.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

2-я СѢНЬ.

(ТЕМИРЪ-АКСАКЪ *почиваетъ и вопитъ въ спальней комнатѣ.)*

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Измѣна! измѣна! *(Стремянной полкъ прибѣжитъ на скоро)* Е. . . . меня хощетъ убити.

КОМНАТНАЯ СТОРОЖА И ДВА ПРОТАЗАНЩИКА.

Вельможнѣйшій кесарю, государь нашъ! Твои подданные слуги не вѣдають никакіе измѣны: и не слышимъ, и не видимъ никово.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Побѣжи наскоро и призови моихъ думныхъ бояръ и комнатныхъ безъ мотчанія.

АРСАЛА.

Мой всемилостивѣйшій кесарю и государь! по твоему милостивому указу пришли есмы.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Благой мой вѣрный и честной думной Арсала! Твое благоуміе и вѣрность, съ которою ты намъ изстари донынѣ же служилъ еси, и во всемъ государствѣ надъ тобою не маю, потому что я за помощію божіею чрезъ тебя многія царства и земли подъ себя подвелъ и побѣдилъ. И нынѣ мы желаемъ васъ въ совѣтѣ спросить по тому: что̀ теперь недавно намъ во снѣ видѣлось, такъ зѣло устрашило, что я инако не могу разумѣть, что то учинилося отъ мечты, или духа, которой мнѣ впредь лукавство и несчастіе объявлялъ. И занеже всегда духи, которые надъ звѣздами, любительство имѣютъ всѣ скрытности объявлять, а особно отъ премудраго Соломона выразумѣть можемъ, что достоитъ царю дѣло провѣдать: того ради я у васъ, ближнихъ бояръ, прошу совѣту на тотъ страшной сонъ, который мнѣ видѣлся. А видѣлъ во снѣ я то, будто многіе честные храбрые люди, которые мнѣ обще руку дали и помочи просили, чтобъ я ихъ отъ нѣкоторыхъ варваръ . . . . [1]), которые ихъ многимъ мученіемъ отягчаютъ, а я исповѣдаю вамъ такъ, что я никогда такихъ дородныхъ и честныхъ людей не видалъ есмь. А тѣ всѣ стали при моей правой руцѣ; послѣ сего пришлижъ таковыжъ дородные и честные люди и въ такихъ платіахъ, что прежніе въ золотѣ были, такъ же послѣдніе въ шолковомъ платьѣ были, а ихъ прихожденіе все такъ, что и первые: про-

[1]) Пропущено слово.

сили помочи противъ варваръ. Послѣ прибѣжитъ наскоро къ намъ посредѣ мужъ сильной во всемъ оружіѣ и очи ево, что свѣщи горятъ, а въ рукахъ у него большая свѣща и наступилъ на меня крѣпко и билъ меня сильно. И такъ я вельми устрашился и отъ того страху пробудился; того ради мнѣ объявите: что мнѣ съ неба такъ показалось во снѣ страшно, къ счастію или несчастію?

АКСАЛА.

Велеможнѣйшій монархъ! Ничего человѣка такъ устрашитъ, но какъ ожиданіе предбудущее дѣла, про которыя онъ зѣло опасенъ и кручиненъ. Зане женамъ съ породы скрытныя дѣла объявити не мочно, и не можемъ знать къ добру или ко упадку, развѣ что съ природы кому или съ наученія такое дѣло узнати можетъ. Однакожь я чаю, что по природѣ тотъ сонъ объявити могу въ правдѣ, что тѣ храбрые и честные люди, которые въ золотомъ платьѣ ты видѣлъ и руку тебѣ дали, то тѣ сильніе враги твои, которыхъ ты уже побѣдилъ, а нынѣ подъ тобою въ знатномъ миру пребываютъ въ твоемъ подданствѣ; также и послѣдніе, которые ты въ шолковыхъ платіахъ видѣлъ, таковы же, что всѣ тебѣ покорны и пребываютъ въ миру подъ твоимъ подданствомъ. А что ты видѣлъ сильного и крѣпкого мужа въ оружію и на тебя наступилъ, то есть новой непріятель, который съ большою силою на тебя наступитъ и тебя остращитъ, а однакожь не одолѣетъ тебя того ради, что ты, великой Темиръ-Аксакъ, всегда любительство и смиреніе, также праведность и побѣжденіе въ сердцѣ имѣешь.

Теперь придетъ почта съ листами.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

А что то за почта?

КАЛИБЕСЪ.

Грамота велеможнѣйшему кесарю Темиръ-Аксаку.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Прочитайте скоро.

КАЛИБЕСЪ *четъ:*

Велеможнѣйшій Темиръ-Аксакъ!

Палеологусъ, великой кесарь греческой, велѣлъ свой поклонъ объявить вамъ, вельможнѣйшему Темиръ-Аксаку. Занеже мы подлинно провѣдали, что Байцетъ, пашей владѣтель, и кесарь царегородцкой безъ всякіе дани причины въ наше кесарство и государство вступилъ, и не токмо вступилъ, но и многую долю отъ нашего государства подъ свою власть взялъ и хощетъ нашу коруну осплить и подъ свое владѣніе привести; а мы имѣемъ [1]) нашу надежду и большую вѣрность къ вамъ, велеможнѣйшему Темиръ-Аксаку, нашему брату и союзнику, что вы намъ по сосѣдственной дружбѣ помочь учините противъ такого сильного варварскаго врага. Писанъ въ нашемъ градѣ Царѣгородѣ.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Какъ! Байцетъ? Толи выложеніе моего сноваго грязенія? И мнѣ предъ Байцетомъ опасаться? Нойди скоро, мой вѣрной думной, и объяви Байцетови и речи ему такъ: «Естьли онъ не вѣдаетъ про великого Темиръ-Аксаково побѣжденіе и великую славу, которая всему свѣту явна, а онъ единъ ее ни во что почитаетъ?» Также и ему про то говори: «ради какіе причины онъ кесаря греческаго Палеологоса [2]) воинскимъ наступленіемъ навѣстилъ? Есть ли онъ того не видаетъ, что онъ великого Темиръ-Аксака братъ и союзникъ, и чтобъ онъ опасался впредь за то наказанія». Поспѣшай и соверши то посольство, и возьми съ собою сто человѣкъ да исполни мой указъ. А вы, мои вѣр-

[1]) Въ рукописи: *именемъ*.
[2]) Въ рук.: *Палеологома*.

ные совѣтники и храбрые, учините такъ, чтобъ все къ войнѣ готово было.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

БАЙЦЕТЪ.

О небо, небо! Какъ благоузнало еси свое солнце? И что вы, мои храбрые, думаете: не будетъ ли Байцетъ мастеръ всего свѣта? Занеже все благощасливо идетъ и что отъ страху и дрождѣ къ ногамъ моимъ припадаетъ. А сверхъ того сколько покорства объявится, какъ я свой голой мечь на нихъ воздвигну и въ кровь ихъ утоплю? Присягаю на то, что я кроворазлитіе и забойство не престану, покамѣстъ весь человѣческой народъ скажутъ, что Байцетъ богъ земленой.

БАССА.

О великой монархъ! Что единожды небо обѣщало и ежедневно еще показываетъ, то свое совершеніе воспріиметъ: и въ томъ дѣлѣ, которому ты воспріялъ началъ своею сильною рукою, тому противности николи невозможно учинити; и того ради верши то дѣло такъ, чтобъ никакому человѣку во всей вселеннѣй обитати, которые бъ Байцетовы ноги персть не лизали, потому что нѣтъ большего, окромѣ Бога и Байцета.

ДИНАРДЕ.

О великое величество, про которое и бози противность не хотятъ учинить и которые уже Байцету началъ дать поволили! И знатно съ началу, что въ его намѣреніи благое совершеніе учинится: верши и посылай въ Царьградъ для вѣстей, чтобы провѣдать у нихъ, есть ли еще не хотятъ Байцета почитать и до ногъ его припадать.

Присяга объявляетъ пословъ:

Пресвѣтлѣйшее величество! чюжеземскіе послы при вашемъ дворѣ объявилися.

БАЙЦЕТЪ.

Добасъ! посмотри, есть ли не самъ Палеологусъ пріѣхалъ и мой скипетръ лобзать хощетъ?

ДОБАСЪ.

Милостивѣйшій государь! есть ли имъ тотчасъ увидѣть вашего величества очи?

БАЙЦЕТЪ.

Такъ, тотчасъ поставь ихъ предъ мною. О небо! какъ ты все благо творишь намъ! И естьли Палеологусъ, гречéской кесарь, самъ не будетъ, тогда его послы намъ обвязати его подданство.

ДОБАСЪ.

Велеможнѣйшій кесарю! я самъ не вѣдаю, естьли предъ чюжими смѣю рещи.

БАЙЦЕТЪ.

Что, Добасъ? Говори смѣло.

ДОБАСЪ.

Не токмо Палеологусъ самъ, но и Темиръ-Аксакъ хощетъ къ твоимъ ногамъ припадать и, для подлинной покори объявить, съ большаго опасства уже своихъ пословъ напередъ прислалъ.

БАЙЦЕТЪ.

Богъ самъ повелѣваетъ Байцетово намѣреніе совершить и такъ дивно свое хотѣніе исполняетъ. Добасъ! еще тебѣ говорю: вели ихъ посольство намъ скоро объявить. А вы, мои ближ-

ніе совѣтники, приготовьте имъ довольные кормы и подарки, чтобъ ихъ скоро отпустить.

ДОБАСЪ.

Великой Байцетъ! идутъ.

БАЙЦЕТЪ.

Что ваше желаніе объявить? И для чего вы такъ гордо стоите прикрытыми главами и до моихъ ногъ не припадаете?

ПОСЛЫ ѲУЕРО И ГИРГАСЪ.

Какъ нашу грамоту прочтутъ, тогда Байцету наше послованіе все явно будетъ.

БАЙЦЕТЪ.

Артебанусъ! чти грамоту.

АРТЕБАНУСЪ *четъ*:

Мы, Темиръ-Аксакъ великой, божіею милостію и прочее. Байцатъ, ты, который поднялся на нашего сосѣдняго брата и союзника въ его государство и земли вступить! И тебѣ надежно будетъ знать отъ нашей коруны, что мы тебе со всею нашею великою силою навѣстимъ, и единъ Богъ съ небесъ тебѣ помочи можетъ, и мы тебя со всѣми твоими помочниками зѣло злою смертію, которою мы вымыслить можемъ, умертвимъ и помочниковъ твоихъ; какъ навѣстимъ, то [1]) мы все отоманское государство, которое намъ дѣдично врагъ, всею нашею силою подъ себя подведемъ сильно.

БАЙЦАТЪ.

О псе! Есть ли еще единъ во всемъ свѣтѣ, такіе проклятые словеса смѣлъ дерзнуть говорить и противъ такого монар-

---

[1]) Въ рукоп.: *что*.

ха велеможнаго писати? Однакожь поѣзжайте назадъ и, возвратясь, Темиръ-Аксаку объявите, что Байцетъ ему велѣлъ говорить, чтобъ онъ далъ своимъ подданнымъ такую заповѣдь и предъ Байцетомъ берегся, потому что Байцетъ народился, чтобъ ему у кого въ подданствѣ не быть. Отведи ихъ съ очей моихъ и учинить постановленіе, чтобъ изъ Иудомеи и изъ Вавилоніи людей къ войнѣ приготовить скоро, чтобъ вся вселеная отъ моей силы прикрыта была. И велите ту войну во всемъ нашемъ королевствѣ и земляхъ трубами явно объявить.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Помози, Господь! Какіе страшніи вѣсти приходятъ изъ греческой земли! Я не токмо печаленъ о своемъ братѣ и союзникѣ Палеологосѣ, но и паче простыхъ невинныхъ душъ, которые побиты отъ того варварскаго Байцета. Мнѣ вельми дивно, что онъ мнѣ за отповѣдь учинитъ чрезъ моихъ пословъ. А теперь азъ увидѣлъ есмь, что они пріѣхали.

ѲУЕРО.

Велеможнѣйшій кесарю Темиръ-Аксакъ! нашъ животъ въ твоихъ руцѣхъ. Намъ нельзя дерзнуть ту гордую и безчестную отповѣдь Байцетову и объявити предъ твоимъ величествомъ изъ устъ нашихъ.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Рци мнѣ, Ѳуеро, потому что мой гнѣвъ падетъ на Байцета а не на тебя.

ѲУЕРО.

Говорилъ тотъ великой варваръ и кровопитецъ, чтобъ ты, великой Темиръ-Аксакъ, своимъ подданнымъ уставилъ заповѣдь и берегся [1]) отъ него вельми, потому что онъ къ тому народился, чтобъ онъ кому подлегъ въ подданство.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

О псе! такъ еси говорилъ? Добро! Теперь я выму свой мечь на голо, на ново, которой издавна желалъ, чтобъ ему въ турской кровѣ ополоскатися. А вы, мои храбрые воя! Темиръ-Аксакова рука вамъ къ тому началъ учинитъ, въ кровѣ отоманскихъ псовъ купатися; а не вѣдаю, есть ли и вы такъ будете за мною паступати?

ПАЛІЕСЪ.

Великой Темиръ-Аксакъ! твоего вѣрнаго слуги мечь теперь положу подъ твои ноги, которой желаетъ до послѣдняго живота своего при тебѣ стояти и радъ мечь въ крови отоманской ополоскать, и всегда Темиръ-Аксаку вѣрной будетъ.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Азъ не вѣдаю, какъ за такого сильного непріятеля приняться, потому что я не сумнѣваю, что его сила отоманска вельми велика въ собраніи будетъ, что гади.

ѲУЕРО.

Вельможнѣйшій Темиръ Аксакъ! что я очима своима видѣлъ, что войско отоманское зѣло велико и неизреченно есть; а сверхъ того Байцетъ указалъ собрать большое войско изъ Юдомеи и изъ Вавилоніи.

---

[1]) Въ рукоп.: *берегися.*

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Добро, мой вѣрный совѣтникъ Аксала! Поскорѣй напиши во весь Сахейтай, чтобы всѣ до послѣдняго вышли и скоро къ смотру пріѣхали подъ Очера [1]). А вы, Калибесъ [2]) и Паліесъ, какъ вѣрные гетманы, скажите мнѣ, сколько сильна наша конница и пѣхота будетъ?

КАЛИБЕСЪ.

У меня нынѣ выборныхъ и храбрыхъ рейтаръ, которые войну издавна видаютъ, восемьдесятъ тысячь, а старыхъ вѣрныхъ Татаръ сто тысячь окромѣ тѣхъ, которыхъ недавно выбрали на стремянной полкъ; дворовые полки такихъ храбрыхъ богатырей, которыхъ будетъ числомъ семь тысячь, которые на конь съ копьемъ садятца.

ПАЛІЕСЪ.

Вся пѣхота, которая подъ моимъ началомъ, вельми храбрые старые солдаты, воинской обычай въ конецъ знаютъ; а будетъ ихъ всѣхъ четыре ста тысячей.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ.

Вельми изрядное войско, и будетъ довольно ими Палеолога оборонить. Велите утрѣ тотчасъ вытрубить, что Темиръ-Аксакъ самъ генеральной смотръ конскому и пѣшому войску учинить, и послѣ того въ походъ чтобы готовы были скоро.

---

[1]) *Царьградъ*? [2]) Это слово въ рукописи пропущено.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЯТАЯ.

ДВА СОЛДАТЫ, И МУЖИКЪ, И ПИКЕЛЬГЕРИНГЪ.

СОЛДАТЫ ЛЕОНАРДЪ, ВАЛЕРЬО.

Мужикъ! камо идеши?

МУЖИКЪ.

Милостивые господа! до Царягорода.

ЛЕОНАРДЪ.

А что у тебя въ сумкахъ.

МУЖИКЪ.

Хлѣба шматъ и мяса, а здѣ склянка вина.

ЛЕОНАРДЪ.

А что тебѣ дѣлати въ Царѣгородѣ?

МУЖИКЪ.

Ничево, ничево.

ЛЕОНАРДЪ.

Не лазутчикъ ли ты, мужикъ?

МУЖИКЪ.

О милостивый господине!

ВАЛЕРІО.

Посмотри, нѣтъ ли у нево какихъ листовъ,

ЛЕОНАРДЪ.

Стой, мужикъ, и объяви (*ищетъ у мужика и найдетъ жарену, и хлѣбъ и склянку вина).*

МУЖИКЪ.

Милостивой господинъ! здѣ и соль.

ЛЕОНАРДУСЪ.

Стой, братъ! Тутъ соль; смотри, какая то соль бѣлая и хорошая и будетъ намъ, близко на весь годъ, тое соли. (*Еще осматриваютъ.*) Есть ли у тебя тое соли побольше? Здѣ больше соли; но та соль жолта, а не бѣла. А что тебѣ въ Царѣгородѣ тою солью дѣлати?

МУЖИКЪ.

О милостивые господа! подарите мнѣ мой животъ.

ЛЕОНАРДУСЪ.

Такъ, такъ, мужикъ! Признай добротою: что̀ тебѣ тѣмъ золотомъ и сереброзъ въ Царѣгородѣ чинить?

МУЖИКЪ.

О господа! вы меня убьете до смерти.

ВАЛЕРІО.

Не страшися: я порука, что не убьютъ.

МУЖИКЪ.

И ты ручаешься?

ЛЕОНГАРДЪ.

Я, я ручаюся.

МУЖИКЪ.

А что то за сабли у васъ при боку припасены?

ЛЕОНАРДЪ.

Не потачь саблямъ нашимъ да скажи: чтò ты въ Царѣгородѣ тѣми деньгами чинить хощешь?

МУЖИКЪ.

О милые господа! объявите мнѣ, кто вы такіе.

ЛЕОНАРДЪ.

Ты глупой! что ты про то спрашиваешь?

МУЖИКЪ.

Али вы сами дураки?

ЛЕОНАРДЪ.

Такъ правду говорятъ: я дуракъ.

МУЖИКЪ.

Отдайте мои деньги, и я вамъ объявлю, что мнѣ приказано.

ЛЕОНАРДЪ.

На; возьми назадъ.

МУЖИКЪ.

Въ правдѣ мнѣ говори: ты ли державецъ въ Царѣгородѣ?

ЛЕОНАРДЪ.

Подлинно, что такъ.

МУЖИКЪ.

Теперь я тебѣ скажу всю правду. Турской кесарь послалъ меня къ тебѣ и велѣлъ тебѣ поклониться втай, и то мнѣ мило, что я тебя засталъ самого здѣ. И послалъ къ тебѣ тѣ деньги и грамоту.

ЛЕОНАРДЪ.

А гдѣ та грамотка?

МУЖИКЪ.

Здѣ она есть.

(*А въ листу написано:*)

ЛЕОНАРДЪ.

«Байцатумъ велитъ тебѣ поклонъ свой объявить Ѳинею, державцу царегородцкому, которой листья къ тебѣ послалъ прежь сего чрезъ нашего лазутчика Маноса. А тепере для обнадежности посылаемъ вамъ съ нимъ договорные деньги по тому договору, чтобъ ты Палеолога [1]) убилъ въ три дни и намъ Царьгородъ сдалъ». А воръ! Таковъ ты лазутчикъ! Товарищу! учини ему наказаніе прямое за служеніе. *(Онъ ему голову отсѣчетъ).* Ну, братъ, тотъ ловъ удался намъ: добыча добрая и вѣсть благая; и теперь мы тою добычею подѣлимся.

ВАЛЕРІО.

Но, братъ, на такую добрую добычу подобаетъ сперва, что ѣсть и пить. *(Здѣ Пикельгерингъ у нихъ деньги украдетъ).*

ЛЕОНАРДЪ.

Добре хорошо! Дай мнѣ прежде испити, потому что я утомился съ тѣмъ мужикомъ. *(Здѣ Пикельгерингъ вино украдетъ отъ нихъ и выпьетъ).*

---

[1]) В рукописи: *Палеоголема.*

ПИКЕЛЬГЕРИНГЪ.

Я! я!

ЛЕОНАРДЪ.

Какъ братъ? Ты ли все вино выпилъ?

ВАЛЕРІО.

Нѣтъ! Воръ мужикъ развѣ выпилъ? *(Здѣ Пикельгерингъ у нихъ украдетъ жаренки).*

ПИКЕЛЬГЕРИНГЪ.

Прямо такъ.

ЛЕОНАРДЪ.

Подай жаренину и будемъ кушати, чтобъ намъ великому Темиръ-Аксаку вѣсть донести.

ВАЛЕРІО.

Братъ! Ты ли жаренину взялъ?

ЛЕОНАРДЪ.

Здѣ прямо бѣсъ тѣшится надъ нами. Деньги и листъ пропали. Знатно, что тотъ мужикъ былъ волхвунъ.

ВАЛЕРІО.

Тамо нѣкто бѣжитъ скоро; не онъ ли у насъ укралъ? Пошлемъ за нимъ.

(Здѣ падутъ на землю обои, бьютъ и вопятъ).

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Нынѣ, Аксалле, повелѣнію моему довольство учинилъ, что ратные люди изъ Шахатая къ смотру во Царьгородъ пріити имѣютъ.

АКСАЛЛА.

Велеможнѣйшій монархъ! Сколько войска въ Шахатійской области собратися можетъ, нынѣ на пути къ смотру обрѣтается въ число 150,000 человѣкъ, и въ скорыхъ числѣхъ сѣмо прибудутъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Сто пятьдесятъ тысячь. А къ тому тесть мой, великой ханъ, егда вчерашняго дни съ нимъ и съ женою моею прощался, войско 100,000 человѣкъ пѣшихъ, да 50,000 конныхъ подарилъ есть.

КАЛИБЕСЪ.

Еще приходитъ вѣдомость изъ хинѣйского государства, яко царевичь Наутееъ зъ 20,000 человѣкъ изрядныхъ конницъ приходитъ, великого Тамерлана да проводитъ.

ТЕМИРЪ АКСАКЪ.

Вы мои храбрые воины, Калипѣй и Палѣй! двигнитеся тогда въ утрешній день, идите въ добромъ строю со всѣмъ симъ осмотрѣннымъ войскомъ къ Кабалѣ; но однакожь дабы Калибъ всегда въ передней, а князь танайской въ задней стражѣ были. Возьмите съ собою сей бунчукъ мой зеленой, егоже передъ собою велите носити, дондеже азъ самъ къ вамъ прибуду. Ты же, мой вѣрный слуга Аксалле, добывай всякіе воин-

скіе и иные запасы, такъ же и денегъ, дабы воинскіе люди не были принуждены нѣкакую въ пути сосѣдомъ учинити убытку. Идите въ мирѣ; азъ же вамъ въ трехъ дняхъ послѣдствую вмѣстѣ, купно съ Аксалломъ *(Здѣ Тамерланъ отходитъ)*.

КАЛИБЕСЪ.

О вы, храбрые воины мои! возрадуйтеся; занеже надѣюсь, что бусурманъ тѣхъ, иже насъ ищутъ погубити, по благополучію Бога, еще нынѣшняго года до основанія искоренимъ, что не токмо турскіе земли отъ самыхъ грузинскихъ предѣлъ, но и городы, села и поля бусурманскою кровію закраснѣютъ. А ты, товарыщъ мой Палые, потщися, да царское повелѣніе исполнено будетъ. Уже ѣздные мои люди рушились. Клятва, немилосердіе, кровь, убійство, огнь и смерть христіянскимъ гонителямъ воздаяніемъ имать быти. Азъ же между симъ пошлю для провѣданія непріятелей, сколько ихъ въ собраніи, гдѣ стоятъ и въ какомъ строѣ пребываютъ. Пойдемъ.

ПАЛІЕСЪ.

Ей! ей! Съ радостію къ нимъ, къ нимъ! Богъ убо вѣсть, къ чему онъ насъ паки призвалъ есть. Уже ми давно о войнѣ и кроворазлитію привидѣлось; нынѣ же бози даютъ, что послѣ злопогодія солнце возсіяетъ. Что убо, возлюбленный мой Калибе, повоинскому человѣку, когда онаго къ бою не употребляютъ? Чаю, яко на семъ мѣстѣ нашихъ подъ собою имѣющихъ людей въ довольномъ держали учиненіи. Нынѣ же узримъ, аще Турки научены, или мы ихъ научати учнемъ. Иди, маеоръ, вели войско собирати и абіе выходити; азъ же еще мало съ Калибемъ нѣчто побесѣдую.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

ТРИ ЧЕЛОВѢКА СОЛДАТЪ ДА ЕДИНЪ ЧЕЛОВѢКЪ СЕЛЯНИНЪ.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ МАНЕЦЪ.

Братья! возрадуемся и да веселимся; учнемъ ясти и пити, понеже намъ нынѣ платежъ данъ будетъ на двѣнадцать мѣсяцовъ.

ВТОРОЙ СИБЛА.

О на двѣнадцать мѣсяцей! Но всякъ мѣсяцъ по 12 недѣль считанъ будетъ; или воспріимемъ на всякой мѣсяцъ по 30 дней, и тѣмъ довольни да будемъ.

ТРЕТІЙ КАЛИСТА.

Ей, чаю, яко первоначальники наши часть свою вѣдаютъ воспріяти.

МАНЕСЪ.

Не слышалъ ли еси, яко утрешняго дни намъ изыти?

СИБЛА.

Дай то, Боже!

КАЛИСТА.

Ащели правда?

МАНЕСЪ.

Что правда? Провѣдаешь то въ вечеръ при собраніи нашемъ: подлинные деньги и столъ, кто чего ясти имѣетъ, и той да беретъ съ собою.

БАРАБАНЩИКЪ.

Слушайте, слушайте, всѣ полковники, капитаны и всѣ воины, великого Тамерлана повелѣнія! Во утрошный день о первомъ часу да всякъ съ готовымъ ружьемъ передъ великого князя подъ знамя его ставится и тотчасъ къ рушенію да готовятся! Имѣютъ напередъ на двѣнадцать мѣсяцевъ платежъ достать. Весело, весело слушайте великого Тамерлана повелѣнія!

МАНЕСЪ.

Такъ, такъ; барабанщикъ! Какъ деньги добудемъ, тогда и повелѣнія того послушаемъ и тебе воздаяніемъ не забудемъ. Нынѣже, братья, что вы къ тому говорите?

СИБЛА.

Ей! доброе то намѣреніе, за которымъ возмоглибъ напитися. Но гдѣ же намъ что добыти?

КАЛИСТА [1].

Азъ бы вѣдалъ, гдѣ добыти, аще бы токмо въ истиннѣ платежъ данъ былъ. Уже господина моя много ми вина, пива, табаку въ домъ давала, но и то на счётъ тойже почтено будетъ Но что же намъ лучшего испити?

МАНЕСЪ.

Ты, безумный кощунъ! Ничто же ино, развѣ вина намъ! Потщися и скоро возвратися. Но, брате мой Сибла, сказываютъ яко на турское намъ двигнутися государство?

СИБЛА.

Для меня хотя къ бѣсу, гдѣ бы только больше казны и корысти добыти! Или чаешь, что въ турской землѣ малая обрѣ-

[1]) Въ рукописи: *Кастиа*.

тается добычь? Преславнѣйшое аравицкое злато вѣдь лучшее, идѣже преизлишно обрѣтается жемчюгъ, вся селянинъ изобильно и во величіи имѣетъ, яко и вси пугвицы у своихъ одѣяніяхъ въ большой обрѣтаются величины.

МАНЕСЪ.

И азъ правда слышалъ есмь о жемчюгахъ, токмо не о такъ великихъ, какъ ихъ мнѣ преобразуешь. Не алмазы ли ты мнишь? Говорятъ убо, что тамо всѣ начальники у войскъ всякъ по порохвинцы, изъ единаго маргарита сдѣланную, имѣютъ.

СИБЛА.

О брате! и тѣ добры, занеже можемъ женамъ своимъ заушницы и перстни сдѣлати. Нынѣ же тотъ недоброй человѣкъ, кто дома останется.

(Здѣ приходитъ Камиста [1]*), скачючи, имѣя въ рукахъ двѣ крушки вина и поетъ:)*

Братья! да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся.
Богъ убо вѣсть, сколь намъ жити;
Нынѣ идемъ купно въ поле:
Убитымъ быть или въ здравьѣ,
Съ корыстью быть, а не убити?
Тѣмъ же да будемъ въ началѣ!
Веселись радостью ныне!
Богъ убо вѣсть, кто да живетъ!
Въ годъ испити того вина.
Cá cá cá cá cá cá cá cá.

ТЕЛПЕЛЪ.

Однакожде и азъ почтивый человѣкъ; но прошу васъ, юнныхъ васъ людей: возможно ли ми также въ служивыхъ людехъ быти?

---

[1]) Въ рукописи: *Каста.*

МАНЕСЪ.

Се, брате, нынѣ паки добудемъ новаго товарыща. Слушай Телпелъ: можешь ли гораздо клянутися?

ТЕЛПЕЛЪ.

О кровь! Ей, гораздо!

МАНЕСЪ.

О то бы добро было! Но умѣешь ли добре ясти и пити?

ТЕЛПЕЛЪ.

Ей, умѣю, когда что имѣю.

МАНЕСЪ.

И то добро. Но имѣеши ли сердце въ тѣлѣ своемъ?

ТЕЛПЕЛЪ.

Того не вѣдаю, занеже никогда видѣлъ есмь, дабы кто утробу свою велѣлъ разрѣзати и далъ бы сердце свое осмотрѣти.

МАНЕСЪ.

Безумниче! Азъ дерзость быти разумѣю.

ТЕЛПЕЛЪ.

То азъ не разумѣю, что то есть.

МАНЕСЪ.

Ты глупче! То есть, когда тебе кто ударитъ, да безъ спуску боронишися отъ него.

ТЕЛПЕЛЪ.

Ни, таковъ глупъ не есмь. Лучше его упрошу, да меня не бьетъ.

МАНЕСЪ.

Но когда тя кто ударитъ безвѣстно, что тебѣ зубы отъ земли збирати?

ТЕЛПЕЛЪ.

То недостойно и безчинно чинилъ бы.

МАНЕСЪ.

Но когда азъ тя по уху ударю?

ТЕЛПЕЛЪ.

(*Здѣсь ударитъ Манеса.*)

Возьми тя бѣсъ за то! Азъ пришолъ есмь испити, а не побоища воспріяти.

МАНЕСЪ.

Стой! Азъ токмо издѣваюсь.

КАЛИСТА [1]).

Стой!

СИБЛА.

Стой!

МАНЕСЪ.

Азъ тя научю кощунствовати.

(*Здѣ бьются обои.*)

[1]) Въ рукописи: *Kacтiа*.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ 3.

ТАМЕРЛАНЪ.

Тако вы храбрые воины мои! Нынѣ аще васъ вижу еще въ полѣ нужныхъ, въ дыму пребывающихъ, но въ мѣсяцъ время узрю васъ: яко бози живутъ въ турской землѣ, въ преизрядныхъ палатахъ ходящихъ, идѣже на золотыхъ тканными шолковыми ковры учнете ходити: ибо рожденъ есмь тоея ради вины, да на семъ свѣтѣ честь и счастіе про меня самого, мирского же добра наказаніемъ гордыхъ мучителей взыщу. Ты же, Калибе, нѣси ли послалъ провѣдыванія ради непріятелей и гдѣ нынѣ войско Баязетово стоитъ?

КАЛИБЪ.

Велеможнѣйшій государь! Ей, истинно многихъ имамъ въ плѣну, иже сами много исповѣдаютъ разоренія, яко да весь міръ вострепещетъ передъ страшною силою Баязетовою, наипаче которые добромъ поддатися не хотятъ. И къ Костянтину граду подъѣздъ послалъ, гдѣ и со всѣмъ войскомъ идетъ, да оный самъ осадитъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Аксалле! Скоро посылай къ Палеологѣ [1]), къ греческому царю, обнадеживая его, да въ скорыхъ числѣхъ самъ къ нему на помощь прибуду. Вы же, храбрые мои воины, Аксалла, Калибѣй, Паліе! завтрешняго дни приступайте къ сильному граду Самарканду. Тебѣ же, возлюбленный совѣтниче мой Аксалле, понеже тамо родился еси, тогда по взятіи во свойство ти градъ тотъ дарствую. Но азъ съ своимъ войскомъ каескую, тре-

---

[1]) Въ рукописи: *Палеоголѣ*.

бисунтскую и георговскую земли пройду, и что невозможно будетъ сухимъ, то однако водянымъ путемъ вывозити.

КАЛИБЕСЪ.

Велеможнѣйшій Тамерланъ! Здѣ послы изъ черкаскіе и изъ георговское земель пришли, извѣщая страшную силу Баязетовую, яко всовитыйскую и веускую украину овладѣлъ, чесо ради поддаются они въ свойственную оборону и помощь великаго Тамерлана.

ТАМЕРЛАНЪ.

Идите жь тогда со тщаніемъ. А какъ скоро градъ возьмете, возвратитесь вскорѣ ко мнѣ въ Бахинской городъ, гдѣ смотръ учинити и изнова платежь войску дати велю; но берегитеся, да на пути жителемъ никакова разоренія не учинится. Идите жь благо.

КАЛИБЪ ДА ПАЛІЕСЪ.

Великій Тамерланъ да благо живетъ!

ТАМЕРЛАНЪ.

Вѣрные мои да благо пребудутъ!

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ 4.

БАЯЗЕТЪ.

Нынѣ же возрадуйтеся вы, мои храбрые воины. Нынѣ, глаголю, время пріиде, во еже уповаю въ суткахъ въ Костянтинѣ градѣ на престолѣ Палеолога[1]) сидѣть, онъ же Палеологъ взаимно имѣетъ у ногъ моихъ лежати. Приготовитесь къ приступу,

---

[1]) Въ рукописи: *Палеогола, Палеоголъ*.

чтобъ намъ возможно было, коль скоро вечеръ приспѣетъ, къ граду приступимъ и оной овладѣемъ. Динардъ! останься на сей сторонѣ; азъ же съ пашею на другую сторону совратимся и въ Костянтинополѣ вечерю сего дни держати помышляю.

ТАНКРЕДЪ *(приходитъ).*

Велеможнѣйшій господарь! Нынѣ пришолъ есть подъѣздъ свой, объявляя, яко Тамерланъ токмо полмили отселя стоитъ: изрядное поле къ бою изобралъ есть.

БАЯЗЕТЪ.

Что Тамерланъ? Тому ли хромому псу искати меня смутити? Вопрошай подлинно, понеже тому вѣрити не могу.

ТАНКРЕДЪ.

О великій Баязете! Ей, правда, понеже уже 200 человѣкъ храбрыхъ стрѣльцовъ нашихъ и многіе раненые возвратилися.

БАЯЗЕТЪ.

О проклятое педородство! Такое величество имѣетъ ли ступени твоея ради чинити? Велите вѣрному пашѣ моему, да скоро съ войскомъ своимъ, егоже въ числѣ 100,000 обрѣтается, изыти и абіе бой сотворити. Но, Динардъ, что же ты чаешь? Можетъ ли таковъ хромой скотина дерзость имѣти сицевому велеможнѣйшему монархѣ наступати?

ДИНАРДЪ.

Велеможнѣйшій Баязете! Тому не удивлятися, что такіе измѣнники многихъ земель и людей побѣждаютъ и, въ конецъ приступивъ къ великому царству, егда скоро добрымъ совѣтомъ не упреждено, то внезапу въ область свою получили.

БАЯЗЕТЪ.

Тогда и никой скипетръ, точію сабля сія имѣетъ владѣти и прежде удовольною не быти, дондеже тотъ измѣнникъ Тамерланъ умерщвленъ будетъ и во сто частей передъ ногама моима разсѣчены лягутъ.

АРТАБАНЪ.

Великій Баязете! здѣ приходитъ вѣсть, яко непріятельскіе подъѣзды подъ нашими таборами со Анатолійскимъ пашею тоея страны Еѳраты рѣки бой учинили (самогожъ пашу, брата велеможнѣйшаго Баязета, въ полонъ взяли) [1]).

БАЯЗЕТЪ.

Скоро (отступите отъ града) да потщитеся, да ни песъ единъ изъ войска Тамерланова изъ сего государства уйдетъ. А чтобы никто не ушелъ изъ предѣлъ нашихъ, раздѣлите того ради войско на четыре части, пославъ напередъ подъѣздъ провѣдыванія ради: есть ли въ Севасѣ градѣ не установился (не ли взявъ брата моего) побѣжалъ и въ Севасѣ градѣ установился, обойдите градъ. Азъ и самъ въ добромъ прибуду строѣ войска моего.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЯТАЯ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Се вы, мои вѣрные совѣтники! Ужели начало учинилось капитаномъ нашимъ Хіансономъ, который по достоинству получити имать лавровой вѣнецъ? Но промышляйте нынѣ, какъ бы

---

[1]) Поставленное въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуто.

присовѣтовать, да безъ разсужденія не попадемъ въ гортань такъ сильнаго непріятеля.

АКСАЛЛА.

Велеможнѣйшій Тамерлане! Присовѣтую: понеже войско наше не единой земли люди, да оныхъ и въ разные роты раздѣлити, чтобъ въ помѣшеніе не пришло.

ТАМЕРЛАНЪ.

То добрый совѣтъ. Но что разумѣете: есть ли столько поля, да возможемъ бой поставити?

КАЛИБЪ.

Довольно поля. Только Севастіа (Севасъ) градъ помѣшкою будетъ. Тѣмъже, велеможнѣйшій Тамерлане, изволь указати, какъ скоро утре къ бою установимся, чтобъ Севасъ градъ зажечь, отчего непріятелю большой страхъ будетъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Да буди же тако. Но не добро бы было, да полоненнаго пашу велимъ предъ себя привести, провѣдывая о непріятельскихъ промыслѣхъ?

КАЛИБЪ.

Страже! иди скоро и приведи полоненнаго пашу. Но, велеможнѣйшій Тамерлане, по моему, мало что провѣдаемъ, зане онъ зѣло упорливъ. Се тамо его и приводятъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Скажи, великій паша, коея ради вины братъ твой Баязетъ меня чрезъ послы мои тако дерзнулъ обесчестити и умаляти? Нынѣ онъ узритъ, кто надъ нимъ большій.

ПАША.

Господарь мой, иже солнцемъ всего міра есть, никоего терпѣти можетъ себѣ товарыща. Но удивляюся безумію твоему, что такъ отъ далекихъ мѣстъ пришелъ еси господарю моему помѣшку чинити во благополучію его, еже самое небо ему не возбраняетъ. Тебѣ же невозможно есть силѣ его супротивлятися, понеже вся вселенная ему повинуется; токмо ты единъ хощешь супротивникъ быти, о безумниче!

ТАМЕРЛАНЪ.

Азъ же изъ неба посланъ, да дерзость его усмирю и научю, яко Господь Богъ гордыхъ казнитъ, егоже сила есть гордыхъ низлагати, смиренныхъ же возвышати. Уже мене ради принужденъ Константинополя отступитися, и ты самъ узналъ, что подъѣздные рейтаровя мои надъ тобою учинили. Или еще надѣешися, что государь возможетъ ми бой на полѣ поставити?

ПАША.

Ей, истинно. Но молю васъ, да мя паки къ государю моему отпустите, яко да увижу ваши великія дѣла.

ТАМЕРЛАНЪ.

Добро; позволяю на то. Иди къ государю своему, извѣщая ему, яко мене видѣлъ еси; а во утрешній день и самъ мене на бою увидишь на томъ мѣстѣ, гдѣ великое зеленое знамя мое поставлено имать быти. Отпустите его, давъ ему коня добраго. Вы же, мои вѣрные совѣтники и воеводы, прикажите, да всякъ человѣкъ въ таборахъ нашихъ о полунощи, когда въ трубы затрубятъ, на колѣна припадетъ и Господа Бога о помощи проситъ надъ непріятели нашими... [1]) получити; и велите двой-

---

[1]) Одно слово пропущено въ рукописи.

ные сторожи разставити, да въ богомоліи нашемъ безопасны пребудемъ. По семъ же, егда заря выйдетъ, устройте все войско въ добромъ строѣ, ожидаясь непріятельскаго пришествія съ радостію. Даждь, Боже, намъ счастія!

АКСАЛЛА.

Даждь, Боже, намъ счастія!

КАЛИБЕСЪ.

Даждь намъ, Боже!

ПАЛІЕСЪ.

Даждь намъ, Боже, счастія!

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЪ 1-я.

БАЯЗЕТЪ.

Что чаете, храбрые мои воины: не можетъ мой баша[1]) Анатолинскій нынѣ вскорѣ поле очистить? Разумѣваюсь, что онъ храбростію сердце нынѣ кровію непріятельскою удовольствуетъ. Но яко нынѣ Костянтинопольцы уготовлены къ приступу имѣютъ запасы?

ДИНАРДО.

Ей, милостивѣйшій царю! Все готово на всякое прясло къ приступу урядно; но ожидаемъ велеможнѣйшаго твоего указу.

БАЯЗЕТЪ.

Не могу самъ собою управити преже, но съ радостію принимаю, яко храбро противити непріятелю; сего ради непре-

---

[1]) Въ рукоп.: *молбаша.*

станно скорыхъ гонцовъ посылайте: дайте мнѣ вѣдомость, что тамо чините.

ТАНКРЕДО.

Обвѣщиваютъ, что отводной караулъ предъ двѣмя часы великой слышали стонъ отъ коней и отъ людей.

БАЯЗЕТЪ.

Се подлинно вѣдаю, что великая рѣка Еѳрата сице наполнена Татарами, что хромой песъ, братъ мой, не утечетъ.

ДОБАСЪ.

Вельможнѣйшій царю! сказываютъ, что и огень зѣло великъ видѣли.

БАЯЗЕТЪ.

Само же то есть, что сполнилось; то есть, что тотъ хромой звѣрь на желѣзной своей ногѣ дале бѣжать не можетъ, развѣ до Севаса града и тамъ его братъ мой поимаетъ и убіетъ, и градъ огнемъ сожжетъ.

АПАЛЕСТРА.

О великій Байазетъ! великая есть сила твоя и благополучіе, что бози тебѣ желаютъ: егда мы въ сей день Константинополь возьмемъ, какое тогда повелѣніе подадимъ своимъ воинамъ?

БАЯЗЕТЪ.

Что за повелѣніе? Что войску подобаетъ грабить, убивать, такожде и младенца во чревѣ матери его жива да не оставятъ, зане азъ непотребну челядь греческую ищу известь, да и песъ во всей греческой землѣ не останется. Тогда къ великому хану обратимся, которой равно сего смутника здѣ къ безчестію приманити прислалъ. Азъ надѣюсь, что мы тогда большую часть восточнаго міра преодолѣли есми.

АПАЛЕСТРА.

Зри: гонецъ гонитъ.

ГОНЕЦЪ.

Сполохъ! сполохъ! Непріятель уже предъ обозомъ и роты впадаютъ.

БАЯЗЕТЪ.

Громъ! маланья! смерть! Гдѣ братъ мой, паша?

ГОНЕЦЪ.

Уже братъ твой паша пойманъ.

БАЯЗЕТЪ *(вскочивъ учалъ клясть).*

(О нечестивый!) О псе! О хромый волче! имѣетъ ли такъ проклятое злородіе изъ царской, изъ прирожденной вольности храброе сердце въ своихъ безчестныхъ рукахъ имѣти? Или, аще бози пособствовать не хотятъ, тогда вы, храбрые меди и янычаня, помозите. Иди впередъ, Динардоса, со 100,000 выбранною конницею, да не дай зрити на свое храбрство, дондеже самъ прибуду; но обойди прежь люди его, дабы могъ тамъ съ стороны на него наступить азъ своими янычени посредѣ ихъ, яко во градъ во слѣдъ тебѣ пойду, а то знаме пріодолѣніемъ нашемъ будетъ. Азъ обнаженную руку простру, голую мою саблю не опущу, доколѣ ни едина отъ нихъ человѣка жива увижу. А ты, Артабане, иди прямо съ малымъ подъѣздомъ провѣдать, гдѣ и на которомъ мѣстѣ брата моего пашу непріятели держатъ.

АРТАБАНЕСЪ.

Вельможнѣйшій Байазетъ! сколь скоро азъ учиню вѣдомость, и на то мѣсто азъ дерзновенно укажу.

БАЯЗЕТЪ.

Ни, объяви сіе скоро, Динардо: которого азъ повелю, дабы не былъ убіенъ отъ той непотребной челяди, впасти и его насильно взяти.

ДОБАСЪ.

Се и великій паша идетъ отъ Натоли самъ.

БАЯЗЕТЪ.

Азъ вижу, что бози Баязета не могутъ оставити (яко.... брате мой! повѣждь ми скоро, како ся збыло).

ПАША.

О вельможный Байазетъ! та престрашная сила и храбрые люди, которые [1]) при себѣ Тамерланъ имѣлъ, и боговъ устрашили; сверхъ того зѣло постоянное имѣетъ стройство воинственными ротами, которыми днесь тебѣ встрѣтить обѣщаетъ.

БАЯЗЕТЪ.

Что меня? Самъ ли ты его очима своима видѣлъ?

ПАША.

Азъ сейчасъ въ рукахъ его былъ взятымъ, а для объявленія своего храбрства меня нарочно отпустилъ къ тебѣ и о бою извѣстить; и желаетъ самъ съ тобою мужественно битися, а знамя имѣетъ быти зеленое, предъ которымъ самъ стояти будетъ. Для удовольствованія на повелѣніе его къ великому Беазету [2]) досужего мнѣ дарилъ коня.

---

[1]) Въ рук.: *которой.*

[2]) Такъ въ рукописи.

БАЯЗЕТЪ.

И тако онъ умыслилъ со мною бой поставити?

ПАША.

То съ желаніемъ ожидаетъ.

БАЯЗЕТЪ.

Скоро оставите все, уготовляйтесь къ бою всякъ на свой караулъ и ступайте, не мѣшкавъ, добрымъ ополченіемъ, чтобъ намъ предъ полуднемъ ихъ напасть или на сонныхъ наступити.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ 2-я.

ТАМЕРЛАНЪ *(сидя на колѣнехъ молящеся).*

О Боже, отецъ нашихъ Богъ! Даждь намъ милость свою и укрѣпи мышцы наши и научи руцѣ наши ратовать, дабы убогое христіянство отъ шатостныхъ мучителей стѣсненны и посмѣянны не были. Сего ради, возлюбленныя чада, возьмите мужественное сердцо: начало бо благо; такоже насъ Богъ и до конца не отринетъ.

ОБВОДНОЙ КАРАУЛЪ.

Кто идетъ? Кто идетъ?

ТАМЕРЛАНЪ.

Всполохъ! Всполохъ! Поставьте людей въ ополченіе.

КАРАУЛЪ.

Непріятель! Непріятель!

ПРОМЕЖЬ ИХЪ.

На нихъ! На нихъ! На нихъ! На нихъ! На тѣхъ псовъ! Сполохъ! Сполохъ! На нихъ! Пощадите, господа! Пощадите! На нихъ! На тѣхъ псовъ! На нихъ! Пощади! пощади! Даруй ми животъ! Имайте тѣхъ псовъ въ полонъ! Сбейте весело! Весело! На нихъ! На нихъ!

АКСАЛЛА.

Вельможнѣйшій, великій Тамерлане! Се самого веду великого Баиазета.

ТАМЕРЛАНЪ.

Такъ! Ты, упрямой гордостью надутое сердце! Нынѣ гордое сердце въ рукахъ моихъ отмѣнится, въ которыхъ животъ твой и смерть стоитъ.

БАИАЗЕТЪ.

Великому Баиазету все равно кажется; егда въ песьихъ рукахъ умреть, въ томъ его счастье.

ТАМЕРЛАНЪ.

Ты, надутой духъ! Какова звѣзда тобою владѣла, что ты предъ себе взялъ такова великаго царя греческого Палеолога, моего союзника, твоими вои наступить?

БАИАЗЕТЪ.

Великое мое множество, которое азъ за собою оставилъ, ищетъ впередъ времяни надъ тобою быть побѣдителемъ, и то я сотворилъ, дабы весь свѣтъ дрожалъ предо мною.

ТАМЕРЛАНЪ.

Нынѣ убо ты, со всѣмъ своимъ государствомъ въ равенствѣ, возмездіе получишь. Но слушай ты, безмочный Баиазетъ, скажи

ты мнѣ: егда бы я въ рукахъ твоихъ былъ, какую бы ты мнѣ честь сотворилъ?

БАИАЗЕТЪ.

Занеже ты хромъ и ходить не можешь, тогдабъ я тебѣ къ чести повелѣлъ издѣлать желѣзную клѣтку и въ тое бы тебя всадить велѣлъ и чрезъ всѣ государства предъ собою везти, а пропитаніе твое бы ты имѣлъ съ стола моего равно псомъ— укрухи хлѣбные. И егда бы азъ куды выѣхать похотѣлъ, и тогда бы ты имѣлъ быть подножіе мое.

ТАМЕРЛАНЪ.

Нынѣ ты самъ себѣ судилъ, и надутость [1]) и высокомысліа гордость твоя правдою моею препровожена будетъ. Можетель вы, мои храбрые, нынѣ утомленные воины, да воздадимъ за тую побѣду благодареніе Господу Богу? Заутре убо, егда услышите гласъ трубный, тогда всѣ ко столу моему придите: о поеденію начальства нашего нѣчто болѣ говорити учнемъ. Отходите съ скотомъ симъ, а иные во узищахъ чрезъ ночь да пребудутъ.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ꙅ.

Се грядетъ ТАМЕРЛАНЪ *на конь, а* АКСАЛЛА *пріимаетъ стаканъ, глаголя:*

Благо да живетъ Тамерланъ и Баиазетъ! Цѣлое сродство подъ ногами его лежати имѣетъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

А гдѣ Баязетова [2]) прекрасная супруга? Да получитъ нѣчто отъ радости нашей!

---

[1]) Въ рук.: *надусть.*

[2]) Въ рук.: *Беазотова.*

АКСАЛЛА.

Скоро позовите ю; здѣ ведутъ ее.

ТАМЕРЛАНЪ.

Яко, великая царица, полюбилась тебѣ палата сія царя твоего?

КАЛИБЕСЪ.

Ей, она умѣетъ изрядно пѣти; угоднабъ она и въ клѣткѣ сей.

БАЯЗЕТЪ.

О проклятое счастіе! Проклятый день, въ которой матка Баязета родила! Каковъ стыдъ и поношеніе имѣю видѣти на возлюбленной моей супругѣ!

ПАЛІЕСЪ.

Сіе изрядная пѣснь! Пой еще далѣ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Ни, ни! Птицы, которыя сперва въ клѣтку всаженны бываютъ, покажетъ: аще бы и наимильнѣйши пѣли, тогда въ три дни гласу своего не окажутъ. Азъ надѣюсь, что въ тые дни лутчую пѣснь о смиренствѣ пѣти будутъ.

БАЯЗЕТЪ.

Учинилось о мнѣ, никое счастіе ко мнѣ прилучить можетъ но ненависть, терпѣніе.

ТАМЕРЛАНЪ.

Назри полъ лутче. Дайте ему, что ясти.

БАЯЗЕТЪ.

Нѣсть ли ядъ какой въ свѣтѣ семъ и не живетъ ли язва какая въ мірѣ семъ, дабы взяла животъ мой! О бози! спустите огненный дождь съ небесъ, да терпѣніе мое снѣдаетъ.

ТАМЕРЛАНЪ.

Жри, песъ, и подумай о лучшія слова.

БАЯЗЕТЪ.

Нѣтъ ли иного средствія меня умертвити, тогда имѣетъ сіе желѣзо главу мою сокрушить.

ТАМЕРЛАНЪ.

Лучше бы повѣсить.

МИЛКА, ГОСПОЖА.

Увы! Ужь умре! Увы! Увы!

ТАМЕРЛАНЪ.

Отведите жену безумную; а самъ тотъ ся бѣсъ убилъ.

АКСАЛЛА.

Ей, голову всю сокрушилъ и мозгъ видѣть.

ТАМЕРЛАНЪ.

Такъ, такъ имѣетъ быть всѣмъ, которые гордостью непрестанно, мучительствомъ непостижимымъ.... и всѣмъ, которые неправедное х казнѣ имѣютъ желаніе. Повелите его кинуть вранамъ на снѣденіе. Вы убо, вы, мои вѣрные! сіе еще идетъ на доброе повожденіе; что вы чаете: можемъ ли все турецкое государство преодолѣти?

АКСАЛЛА.

Такъ, великій велможи монархо! И какъ бы такъ быть не смѣло, тогда можешь иного вмѣсто Баязета, сего ради нужно подобаетъ наискорѣе за утѣшками послать въ погоню.

ТАМЕРЛАНЪ.

Повели днесь воинамъ нашимъ и заутре дуванить съ добычи и возвеселятся, тогда далѣ пойдемъ.

ВСѢ ВОПІЮТЪ:

Дай, Боже, царю счастіе! Дай же царю счастіе!

Пресильнѣйшиі великиі государь, царь и великиі князь Алексѣй Михайловичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ! Яко древле тамо всѣ снопы передъ единымъ снопомъ Иосиѳа кланяхуся, тако и мы, оставивъ Тамерлановъ престолъ купно съ Баязетовымъ венцомъ, кланяемся должно и, падъ ницъ на землю, усмиряемся предъ вашимъ царскимъ величествомъ. Но кая служба, о великиі государь, симъ простотнымъ поклономъ нашимъ передъ величествомъ вашимъ и милосердию быти можетъ? Никая ниже наменшой солнечной градъ. Однакожь, яко нѣкогда великій Александръ, царь македонскій, сосудъ студеные воды отъ единаго отъ рабъ своихъ предъ иными златыми жертвы въ даръ пріятно воспріялъ есть; тако и мы, уповая на превысокую милость вашего царскаго величества, припадаемъ паки смиренно къ подножію престола величествія вашего, уничиженно моляще, да ваше царское величество благоизволили сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискусныхъ и несмышленныхъ отрочатъ, всемилостиво воспріяти, иже до изгону живота нашего пребываемъ вашего царского величества смиренныя вѣрныя рабы.

IV.

ЖАЛОСТНАЯ КОМЕДІЯ

ОБЪ АДАМѢ И ЕВВѢ.

ЛИЦА, КЪ ТОЙ КОМЕДІИ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ:

1) *Прологъ, то есть предисловецъ.*
2) *Адамъ.*
3) *Евва.*

Добрые ангелы:

1) *Уріилъ.* 2) *Гавріилъ.*
3) *Рафаилъ.* 4) *Михаилъ.*

---

1) *Истинна.* 2) *Правда.*
3) *Милосердіе.* 4) *Миръ.*

Змія.

Нѣкоторые еще ангелы, которые поютъ.

Богъ Отецъ.
Богъ Сынъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всевельможнѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ подъ милостивымъ защищеніемъ вашего царскаго величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ, — во ономъ такожде всѣ [1]) прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ миру, но чтоже обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей, воистинно егда мы, простые человѣцы, таковыми отягченьми въ зерцалѣ разсмотримся, тогда на насъ с коротой ево [2]) въ помышленіе надходитъ:—якоже мпогіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мыже носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а имянно древняго Адама, то есть истую плоть и кровь нашу. Ей, врагъ [3]), иже тую бѣду скоро при созданіи нанесе, той оную между нами, человѣческія отроки, и разсади, непрестая до скончанія міра ю всегда распространити;—чтобъ тогда намъ нынѣ, при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ, и едину малую жалобную комедію примѣшать. Чего ради смиренно молю вашего царскаго величества о милосердомъ прощеніи, да мы ю яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его нѣчто въ малой жалобной комедіи, то есть о Адамѣ и Еввѣ, представимъ; ащели же что прегрѣшится, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ.

---

[1]) Въ рукописи: *вее.*

[2]) Въ рук. не разборчиво: *скоротоиево.*

[3]) Въ рук.: *прахъ.*

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

АДАМЪ (*единъ глаголетъ*).

О како усердно возрадуюся, како возвеселюся о Бозѣ моемъ, иже превышнимъ добромъ моимъ, свѣтъ сердца моего, радость и веселіе мое, ей! начало и конецъ мой есть! Божественное могутство, честь и силы его превосходитъ небо и землю. Ей, велеможенъ еси ты и велія сила твоя никогда не оскудѣетъ. Имя твое и власть твоя зѣльной чести достойна, тѣмъ же достойную ти славу и честь да воздаемъ! Отъ персти земля преобразилъ мя, ей, славнымъ и великимъ сотворилъ мя еси; паче всѣхъ звѣрей земныхъ превышилъ мя еси, и вси птицы небесныя, рыбы морскія, имъже нѣсть числа, и вся, яже на земли, подъ ноги поддалъ еси, о велій Боже Саваоѳъ! О Господи и творче мой! како лѣпо и благо здѣ быть и обитать! Идѣже бо очеса моя вождену, тамо возрадуется весьма сердце мое. Но что же ти за то воздамъ, что мя создалъ еси? Не точію бо чудесно сотворенъ есмь, но и премудрымъ совѣтомъ твоимъ Евва ми прознаменена бысть: да въ единствѣ не пребуду, отъ ребра моего тобою изображена есть, егда уснухъ; тѣмъ же ничтоже во всемъ мірѣ любезнѣйше кромѣ ея не имѣю, понеже она ближайшая часть сердца моего, отъ меня взята есть, убо матерью всѣхъ на свѣтѣ родящихъ человѣкъ наречется.

О Боже, Боже мой! азъ паки возвѣщаю, яко милости твоея нѣсть мѣры, ниже числа, юже надо мною сотворилъ еси: чѣмъ ми тя благодарити, или что ти [1]) за то воздати имамъ? Праведенъ и благъ еси ты, и всѣ дѣла твои благи. Даждь, яко да азъ и весь человѣческій родъ за то тя во вѣки хвалити [2]),

---

[1]) Въ рук.: *мы*.

[2]) Въ рукописи: *хвалитъ*.

славити [1]) и великое имя твое превозносить достойни будемъ. Но когоже тамо вижу, сѣмо грядуща?

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

УРІИЛЪ ДА АДАМЪ.

УРІИЛЪ.

Адаме! радуйся. Адаме, глаголю ти, радуйся! О како усердно возвеселюся, видящи тя въ сицевой великой чести! Вѣчно же вси съ тобою [2]) да радуемся и возвеселимся. Но слышиже, брате мой, Адаме: знаеши ли древо сіе [3])? Вѣмъ бо, яко Богъ ти заповѣда, да подъ лишеніемъ живота своего отъ него не яси, ниже ко овощамъ его да не прикоснешися. Тѣмъ же и не сомнѣваюсь,—зане Богъ мною тя паки увѣщеваетъ,—что, яко послушливое отроча, отца своего съ радостію послушаешь, ибо Веліалъ и Луциперъ со иными многими ангелы гордости ихъ ради изъ неба извержены: тѣмъ же стережися, яко Веліалъ тя къ паденію не приведетъ, понеже злый промыслъ надъ тобою измышляетъ.

АДАМЪ.

Охъ! ужели сіе на семъ свѣтѣ содѣяся? О! ни! азъ въ томъ не опасаюся, однакоже ти, возлюбленный ми ангеле, за твое благое увѣщеваніе благодареніе воздаю. Но радъ быхъ, да [4]) о томъ, како то учинилось, извѣщены были; обаче же до иного времени пущаю, нынѣ бо вожделѣю [5]) съ Еввою моею повидатися.

---

[1]) Въ рукоп.: *славати.*

[2]) Въ рук.: *еси съ собою.*

[3]) Въ рук.: *сія.*

[4]) Въ рукописи это слово пропущено.

[5]) Въ рук.: *вождѣю.*

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

АДАМЪ ДА ЕВВА.

АДАМЪ.

О Евва, возлюбленная моя Евва! о какихъ чудесныхъ слышалъ есмь вещехъ! Нынѣ бо ангелъ Урiилъ у меня бяше, иже ми нѣчто извѣсти.

ЕВВА.

Что же ти извѣстилъ есть?

АДАМЪ.

Сказалъ ми онъ, яко великiй ангелъ Луциперъ отпаде, а Велiалъ купно съ нимъ и со многочисленными ангелы изъ неба изверженны суть, зане гордостiю своею на Бога возносилися; нынѣ же жилище ихъ въ нѣкоемъ пустомъ мѣстѣ обрѣтается. Тѣмъ же увѣщева мя, яко да отъ прелестныхъ промысловъ ихъ остерегателенъ буду, понеже прилѣжанiе имѣютъ нѣчто [1]) злобное намъ наносити.

ЕВВА.

Не скорби о семъ Адаме, ибо прельстити имъ азъ не поддамся.

АДАМЪ.

И азъ ихъ къ тому не допущу; иди же со мною, да любовiю время во вертоградѣ упразднимъ.

ЕВВА.

Благоволенiе твое да будетъ; азъ съ радостiю послушати готова тебя, чесоже ради да придемъ.

(Здѣ Адамъ да Евва идутъ и хранятся за древа. Но ангелы поютъ).

---

[1]) Въ рук.: *ничто.*

АНГЕЛЫ.

Бога тя мы хвалимъ,
Богу благодаримъ.

1-й АНГЕЛЪ.

Святый есть Богъ Господь, Богъ Саваоѳъ!

2-й АНГЕЛЪ.

Святый есть Богъ Господь Саваоѳъ!

ВСѢ ТРИ АНГЕЛИ.

Святъ есть Господь Богъ нашъ!
Святъ есть Господь Богъ нашъ!
Святъ есть Господь Богъ нашъ,
Господь Богъ Саваоѳъ!

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

ЗМІЯ, АДАМЪ, ЕВВА.

ЗМІЯ.

Мати моя Евва! я змѣй естемъ [1]). Благоли живете? Како мужу твоему Адаму поводится? Гдѣ онъ нынѣ есть? зане онаго при тебѣ не обрѣлъ есть.

ЕВВА.

Адамъ не далече. Богъ всегда съ нимъ.

---

[1]) Въ рукописи эти два слова были скопированы переписчикомъ безсознательно: *ȷмнетесъ*.

ЗМІЯ.

О коль блаженъ мужъ Адамъ, егоже Богъ сице почтилъ есть! Гдѣ бо множая таковаго рая обрѣсти, въ немъже нынѣ Адамъ и Евва обитаютъ? То бо жилище и лучшимъ прохлажденіемъ нашимъ есть. Имяннóжъ видите и слышите лѣпотныхъ струевъ шумы, видите и слышите красныхъ птицъ пѣніе, имѣете также прохлажденіе ваше и радость въ звѣряхъ и рыбѣ въ водахъ; возможно вамъ утѣшитися въ прекрасныхъ злакахъ, и древесахъ и въ различныхъ цвѣтахъ. Азъ днесь, во утріи [1]) зѣло рано предъ солнечнымъ всходомъ стояще, зе возмогъ доволи утѣшитися отъ умильного пѣнія птицъ во вертоградѣ, очеса мои удоволны бяху прекрасныхъ овощахъ на древесѣхъ. По семъ, егда пресвѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуши, пошелъ есть нѣчто [2]) прогулятися и обрѣтохъ различные красовитые овощи. Но между иныхъ—овощъ, евоже ровни никогда лутше обрѣсти не возможно: какъ скоро бо оного вкусихъ, восприяхъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ вѣдѣніемъ въ себѣ самымъ. И вѣдати не могу, какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже однако [3]) все отъ васъ приходитъ, зане вамъ къ пользѣ Господь Богъ созда, и мы ради вашея даровъ такихъ причащаемся. Нынѣже имамъ [4]) отходити, да недолго тя задержу.

ЕВВА.

Ни, нимало; но слышиже: возможно ли то древо еще познати?

ЗМІЯ.

Что познати? Охъ! его? Никогда же ми лѣпота древа того и сладость овощъ его въ забвеніи не будетъ. Дасть, Боже, да

[1]) Въ рукописи: *поутріи.*
[2]) Въ рук.: *ничто.*
[3]) Въ рук.: *оддано.*
[4]) Въ рук.: *жемъ.*

и вы отъ него вкусите! Ей, истинно тогдабъ мя похвалили есте, рекуще, яко вамъ неложныя предложилъ вещи.

ЕВВА.

Змія любимая! идиже тогда со мною, зане зѣло желаю то прекрасное древо видѣти и возьми змію твою съ собою.

ЗМІЯ.

Азъ то радъ учинити, ащели желаеши: тебе бо ради пошелъ быхъ и изъ свѣта сего. (*Здѣ они идутъ къ древу.*) Тое то красное древо и сладкія овощи! Утѣшайся ими и вкуси ихъ: ей, благодареніе ми воздаси.

ЕВВА.

Никогда же то учину. Азъ начаяхся, иному древу быти; но нынѣ вижу, вижу, яко тое есть, къ немуже прикоснутися Богъ намъ крѣпко заповѣдалъ есть; но отъ иныхъ всѣхъ даровъ божіихъ, яже на семъ свѣтѣ, вольно намъ есть вкусити.

ЗМІЯ.

Какъ велія польза вамъ есть, что вся вашея ради создано пользы; такъ великое было бы вредство, когдабъ сицевой преизрядной овощъ древа того завѣдѣнъ. Но знаете ли его воистинно? Тое ли то истое, о немъже глаголете?

ЕВВА.

Ей, истинно то есть, понеже имянно его знаю: нарицаетъ бо ся древо вѣдѣнія добра и зла.

ЗМІЯ.

Азъ тому вѣрую, яко возможно тако быти, понеже имянно согласуется съ самомъ дѣломъ, и азъ на самомъ себѣ искусно провѣдалъ есть. Но паки тому вѣрити не могу, чтобъ Богъ

такъ крѣпко и весьма овощу древа того вкусити имѣлъ запрещеніе. Не смущайтеся, того ради, и образумитеся.

ЕВВА.

Что глаголеши: образумитеся?

ЗМІЯ.

Тако и есть; не смѣть ли ми къ древу тому прикоснутися?

ЕВВА.

Азъ паки глаголю, яко Богъ намъ жестоко заповѣда при клятвѣ: овощу того вкусимъ, вѣчною смертію умирать намъ будетъ.

ЗМІЯ.

О любимая мати моя! *не* устрашайся [1]): овощъ бо сей сицеваго въ себѣ не имѣетъ яду, инако бы уже давно умершевленъ былъ; прими токмо да вкушай.

ЕВВА.

Хотя бы невѣдомо, каковъ овощъ былъ; однакожде не учину для него, и не хощу милость божію погубити.

ЗМІЯ.

О какіе вы чюдные люди! Того ли бъ ради Богъ имѣлъ таковое древо, еже сицевые преизрядныи овощиі родитъ, создати, имиже смерть родитиси имѣла, егоже ровенство во всемъ вертоградѣ не обрѣтается кромѣ того единого, и вамъ токмо къ пользѣ создано есть, а отъ него никій ангелъ вкусить не смѣетъ? Къ чему же бы таковые овощи потребни были? Тѣмъ пріими, зане вся наша суть; и вкушай и даждь такожде мужу твоему Адаму вкусити: вѣмъ убо, яко тогда и очеса ваша от-

---

[1]) Въ рукописи слово *не* пропущено.

версти будутъ и познаете вся, яже блага и зла на сей земли; ей,—ащели ми вѣрите хощете,—самому уподобитесь Богу.

ЕВВА.

Истинно, когда бы иный овощъ былъ; но въ семъ смерти опасство сокровенно есть.

ЗМІЯ.

Кое смерти опасство? Не начаяхся, яко вы, новосозданные человѣцы, такъ боязливи будете. Самаже сказала еси, яко Богъ повелѣ отъ всѣхъ древесъ ясти, кромѣ сего единаго, и те мню я, яко неистинно вразумѣла еси. Нѣсть ни единаго опасства, а когда бы тако было, како глаголеши, то бы Богъ къ вамъ не былъ милостивъ. Нынѣ же Богъ, яко сами вѣсте, любовію самъ нарицается: тѣмъ же Богу никакую вражду приписати недостоитъ, инако бо не можетъ, токмо да васъ возлюбитъ, понеже изображеніе и дѣло рукъ его есте. Почтожь убо сицевымъ является дивимъ? Осязайте токмо вся и ядите, что хощете: ничтоже вамъ вредить имать.

ЕВВА.

Скоро быхъ дерзнула принимать.

ЗМІЯ.

Ей, ей! ево ягоды точію! Можешь бо сама разумѣти: когда бы нѣкоторой [1]) овощъ въ вертоградѣ былъ, которой бы смерть родилъ, то бы и нѣкакую разнь отъ иныхъ овощей имѣлъ. Смотри токмо, сестрицо, какой преизрядной сей овощъ есть; но тысящу преизряднѣе и сладше укусъ его.

(*Змія отходитъ тихо*).

---

[1]) Въ рук.: *никоторой*.

ЕВВА (*послѣ она ѣстъ*).

Преизрядной цвѣтъ сего овоща! Нужда ми его вкушати. Охъ! когда бы и Адамъ здѣ былъ! О Адаме, Адаме! когда бы и ты здѣ былъ!

АДАМЪ.

Здѣ азъ есми, Евва! Что хощеши?

ЕВВА.

О Адаме! возлюбленный мой Адаме! воззри токмо на сей прекрасный овощь, егоже намъ Богъ запрети вкушати. Нынѣ же въ разумъ прiиде, яко не тако Богъ мыслитъ: азъ бо уже отъ него вкусихъ, а еще въ живыхъ обрѣтаюся, взаимно аки осязаю въ себѣ небесную мудрость. Дасть, Боже, да и ты отъ овощу того преизрядного яси!

АДАМЪ.

Тако ли есть, яко глаголеши? И иный никто бы ми не возмоглъ наговорити.

ЕВВА.

Возлюбленное сокровище мое, Адаме! что глаголеши сицевыя чюдныя рѣчи? Когдажъ предъ тобою солгахъ или какъ ми тебя прельстить? Самъ бо видиши мя очевидно безопасну и еще живу. Уже [1]) еще тогожъ овощу ясти буду. Молю тя, яко ты со мною вкусиши. *(Здѣ она ѣстъ).*

АДАМЪ.

Даждь сѣмо, возлюбленная Евва моя! Не хощу ти сiе отрещи: понеже сице дерзнула и жива осталась еси, тѣмъ же и азъ увижу, кая въ немъ добродѣтель сокровенна. *(Здѣ онъ*

---

[1]) Въ рук.: *иже*.

пѣтъ, потомъ глаголетъ): О горе, горе! Что мнѣ учинилося? О Евва что! ты сотворила еси? Увы, увы! Не вѣмъ, отъ тоски гдѣ имамъ пойти.

(Здѣ отходятъ).

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

АДАМЪ *(стоитъ на колѣняхъ во иномъ одѣяніи).*

Охъ! куды же мнѣ пойти? Чювство и естество мое весьма превратилось. Ей, истинно злый мой конецъ будетъ и въ подлиннѣ таковому доброй конецъ быти не можетъ, иже очи и сердце отъ слова божія отвратитъ: таковому вся злоключенія скоро во слѣдъ [1]) идутъ. Азъ прежде имѣлъ превышнюю мудрость и благоразуміе, къ тому жъ и все вѣдалъ, но нынѣ разумъ мой весьма помраченъ; во мнѣ пребысть истинная правда, нынѣ же весьма со мною премѣнилося; азъ бѣхъ святъ и безъ порока, но нынѣ есть головня преисподней гіенны; пресвѣтлые драгоцѣнные каменія, аспидъ и яхантъ сіянію палаты моей уступали, нынѣже и то отъ меня отъиде, еже прежде того примѣчати не возмоглъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу бяше упованіе мое; не бояхся [2]) никогоже; но нынѣ трепещу и страшуся, нищетная земля, и предъ листвіемъ деревовымъ; прежде обыдоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгаютъ; солнце, луна и звездѣ воззираютъ на мя зѣло печальными образы, и земля не хощетъ мя вящше носити. Ничтоже того ради оставаетъ, точію во отчаянія ми пріити. О Евво, Евво! что сотворила еси? Тая ли овощу того сила? Не

---

[1]) Въ рук.: *последъ.*

[2]) Въ рук.: *небояся.*

на божіемъ ли хотѣли есмы сѣдалищѣ сидѣти? Нынѣже принуждени есми въ кромѣшной адовой лужи купатися. Восхотѣли самому Богу сравниться; но нынѣ преобразны есми діаволу самому, вѣдая, яко добро на зло премѣнили. О страсть, о боязнь, о трепетъ! О како сердце мое въ тяжести пребываетъ! О тоска, о отчаяніе, о страсти, яже мя попираютъ! Охъ, охъ! Принужденъ есмь сокрытися.

Здѣ поютъ пѣснь:

Чрезъ адамово паденіе
Вси роды погублены,
Зане тотъ ядъ на насъ пріиде;
И уже не можемъ жити
Безъ божіей руки сильней,
Яже насъ выручила:
Егда змія Евву звела,
Казнь на насъ всѣхъ навела.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

ГАВРІИЛЪ, УРІИЛЪ, РАФАИЛЪ.

ГАВРІИЛЪ.

Извѣстно вамъ есть, возлюбленніе сопутешественницы мои, чесо ради Богъ насъ послалъ есть: имянно, чтобъ намъ мѣсто на семъ свѣтѣ устроить, идѣже Богу дѣло то, еже,—о горе!—нынѣ учинилось, судити. Тѣмъ же азъ нынѣ пойду повелѣнное ми исправити, то есть Адама и Евву къ суду поставити; выже междо симъ уготовите мѣсто.

УРІИЛЪ.

Той нынѣ тамо идетъ; но, увы! желалъ быхъ, чтобъ тѣ убогіе человѣцы во инемъ благополучнемъ поведеніи . . . .

РАФАИЛЪ.

И азъ желалъ бых҃ъ, чтобъ имъ предъ жестокое судилище не становитися, ибо того дѣла ради зѣло печаленъ есмь. О! что же нынѣ они сами помышляютъ? Увы, увы бѣдному созданію тому!

УРІИЛЪ.

Ей, истинно! Кто бы о таковомъ плачевномъ паденіи не печаленъ былъ? Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семъ и никакой радости уж҃ъ больше нѣсть, также и вся во всей вселеннѣй стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никая бо птица больши не поетъ, никій звѣрь больши не ищетъ про себя пищи, никій цвѣтокъ не обрѣтается въ прежней бывшей красотѣ, древеса низсроняютъ отъ печали листы своя и трава увядаетъ.

РАФАИЛЪ.

Уже время ко уготовленію суднаго дѣла.

ЗМІЯ.

Человѣческій родъ нынѣ мой, а Богу уже нѣсть права больши къ нему: понеже бо они слово его отринули, тогда власть азъ надъ ними получихъ и хощу ихъ держати. Увижу, кто ихъ отъ меня отъиметъ.

МИХАИЛЪ.

Молчи, діаволе! Слушай, что азъ ти повѣмъ: нынѣшняго дня Богъ судъ творити учнетъ надъ плачевнымъ паденіемъ человѣка, тѣмъ же повелѣваю вамъ, яко ничтоже человѣкомъ да судите, донелѣже судное изреченіе отъ Господа Бога не примутъ. Однакоже толико вамъ повелѣно быти имѣетъ купно же съ ними предъ судилищемъ становитися, предлагая жалобы ваши. *(Михаилъ отходитъ).*

ЗМІЯ.

Удивлятися ми приходитъ о сицевомъ дѣлѣ, еже [1]) намъ о человѣцѣхъ судится. Чаю, чаю, что въ сегоднишнемъ числѣ нѣчто намъ противное учинится.

ЗМІЯЖЪ.

Азъ же надъ тѣми богохульники, то есть надъ женою и мужемъ: горе, горе! возопію. Посемъ же да увидимъ, аще возмогутъ отъ насъ убѣжати.

ЗМІЯЖЪ.

Довольно. Всякъ лутче промыслъ свой да исполнитъ; азъ же уповаю, яко родъ человѣческій въ свойство получити си [2]) сподобимся.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

ГАВРІИЛЪ, АДАМЪ, ЕВВА.

ГАВРІИЛЪ.

Взыскую, ничтоже обрѣтаю. Адаме! Адаме! гдѣ еси ты? Посланъ есмь отъ Господа Бога, да ищу тя. Адаме! Адаме! Вѣмъ истинно, яко съ женою своею нѣгдѣ сохранился есть страха и боязни ради, тѣмъ же и молчишь. Адаме! Адаме! Повелѣніемъ божіимъ посланъ есмь тебя взыскати и волю божію ти извѣстити. Не слышишь ли, Адаме! Изыди! Гдѣ еси ты?

---

[1]) Въ р.: *еще*.

[2]) Въ рукоп.: *ся*.

АДАМЪ *(отъ страху трепещетъ.)*

Увы! здѣ азъ лежу въ великомъ страху и, какъ гласъ божій слышалъ есмь, устрашихся и сокрыхся, зане увидѣхъ, яко нагъ есмь.

ГАВРІИЛЪ.

Кто ти о томъ сказалъ, яко нагъ еси, занеже и преже сего, какъ тя Богъ сотвори, нагъ былъ еси и не боялся? Истинно нѣчто иное въ томъ сокрыто есть. Почто трепещеши тако? Не ялъ ли еси овощу, егоже ти Богъ подъ смертною казнею вкусити запрети?... Тако ли заповѣдь божію сохранилъ еси? Такое ли воздаеши благодареніе за великую милость, яко тя создалъ есть?

ЕВВА.

Увы, увы! Когда бъ сіе николиже учинилось было! Нынѣ убо погибли есмы.

ГАВРІИЛЪ.

О! нынѣ хощете во согрѣшеніи каятися, но всуе. Послушайте убо божіе къ вамъ извѣщеніе: яко милосердый и купно ревнительный Богъ возмогъ бы васъ праведнаго ради гнѣву своего абіе вѣчною смертію казнити; но милосердіе его велико есть и гнѣвъ его долготерпѣливъ, яко беззаконіе и неправедное дѣло ваше еще милостиво предъ праведнымъ судилищемъ слушати хощетъ. Тѣмъ же готови будьте купно со дьяволы связаны предъ судилищемъ превышняго Бога ставитися.

АДАМЪ.

О! аще быхъ крыла имѣлъ, яко голубь, дабы въ дивіихъ пустыняхъ и лѣсахъ сокрытися могъ, да отъ гнѣву Его убѣжу! Кто убо предъ страшнымъ лицомъ Его состоятися можетъ?

ЕВВА.

О горе, горе намъ, яко и демони вязати насъ имѣютъ! Охъ! охъ! Когда бъ такъ безопасна была, да въ каменной разсѣлинѣ въ пустомъ мѣстѣ сохранитися могла! Ей, лутше, да земля разступится меня поглотити, нежели чтобъ ми надъ демонскія лица зрѣти! Еще въ помышленіи вижу вострепещущей страшной ликъ его, которой въ то время имѣлъ; а нынѣ ми паки въ рукахъ его быти! Увы, увы! Смертію опасною насъ убьетъ!

ГАВРІИЛЪ.

Упокоитеся и не отчаевайте; зане трепетъ вашъ и боязнь вамъ ничтоже помощи не дастъ; ибо врагъ той лукавой ни мало, кромѣ допущенія божія, вамъ сотворити не можетъ. Мнѣ же нынѣ нужда есть паки отходити; междо симъ готовитеся къ суду.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

МИХАИЛЪ, АДАМЪ, ЕВВА, ЗМІЯ.

МИХАИЛЪ *(съ мечемъ)*.

Послушайте всѣ, служащіе къ Богу, и вси лики небесные внимайте о страшномъ судѣ, егоже Богъ надъ Адамомъ и надъ Еввою уложи! Премудрость вѣчная въ совѣтѣ Святыя Троицы сіе въ совершеніе приведе: понеже Богъ всю вселенную со всѣмъ, яже на ней, созда и по семъ человѣка сего по образу своему и по подобію сотвори надо всю тварь, подъ владѣніе ничего себѣ не оставляя, кромѣ единаго древа, да отъ него не вкушаютъ, отъ того благодаренія токмо произвѣдати; но когда подъ смертною казнію изданную заповѣдь преступивъ, божій на

себя гнѣвъ навели и похотемъ своимъ послушали[1]): тогда превѣчный Богъ благоизволи предъ страшный судъ ихъ поставити и дѣла оныхъ слушати. Тѣмъ же кто какую жалобу имѣетъ предложити, той безъ мѣшкоты сотвори, прежде нежели предъ превышнимъ престоломъ ставится.

ЗМІЯ.

Азъ прихожу передъ судъ сей, имѣя полную мочь въ томъ дѣлѣ отъ первоначальника своего Луцыпера. Вопрошаю тогда со изволеніемъ, не время ли тѣхъ презрителевъ, Адама и Евву, къ суду поставити.

МИХАИЛЪ.

Такъ, время; но судъ божій надъ ними вящи ти не позволяетъ токмо, да связанныхъ къ суду поставишь.

ЗМІЯ *(Адама и Евву приводитъ).*

Приходите, послушливые чада мои! Нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу: здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти. Идите, идите. Помози ихъ держати, нынѣ ихъ лѣпотою устрою, въ чемъ имъ у суду явитися. Помози держати, да не убѣгутъ.

АДАМЪ.

О горе! Никогда, никогда не чаялъ, яко насъ проклятые враги имутъ вязати. Охъ! къ чему есмы приведены! О горе, того безчестія ради и мученія!

ЕВВА.

Увы, увы! Прихожу во отчаяніе. Нынѣ ли намъ въ демонскія руки впасть, яко да въ посмѣхъ духомъ адовомъ подани будемъ?

---

[1]) Въ рук.: *послушати.*

ЗМІЯ.

Азъ впервые вопію: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

ЕВВА.

О горе! еще наругаешися съ нашего безумія, а самъ прельстилъ насъ еси.

ЗМІЯ.

Такъ, такъ! Аще ли бъ ти кто рекъ: иди въ воду и утопися; не чаю, чтобъ сіе сотворила бы; но нынѣ бѣдный бѣсъ виноватъ твоея свободныя воли. Азъ втретие вопію: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

МИХАИЛЪ.

Всякъ тогда да молчитъ, яко да возможно жалобу съ единой страны и отвѣтъ на то съ другія страны слышати и потомъ судебную расправу учинити.

ЗМІЯ.

Азъ еще предлагаю жалобу передъ судомъ божіимъ, тяжкаго паденія и безчестія ради Адама и Еввы. Аще сіе всѣмъ довольно вѣдомо есть, обачежъ вкратцѣ паки воспомяну: тѣмъ бо престолъ божій презрѣли, аки бы Богъ во лжи востанетъ и словеса своя не содержитъ, когда отъ овощу того не вкушаютъ; къ сему было въ нихъ зломнительство, яко имъ отъ овощу того завидуеши, имъже тебѣ равными быти помышляху. Тѣмъ же зри, великій судія: какими послушливыми чады [1]) являются, иже, презрѣвъ заповѣдь твою, единой подъ смертію

[1]) Въ рукописи: *суды*.

запрещенной овощъ на досаду тебѣ вкусили, отъ чего же не что иное разсудити мочно, развѣ что они жестокую заповѣдь твою въ ложь ставятъ и тобою токмо наругаются. Того же ради предлагаю на мужа сего и жену, на тѣло и животъ ихъ, жалобу, уповающе съ товарищами моими, яко по божественному суду своему даси ихъ къ смерти преподати; а что больши въ семъ судномъ дѣлѣ еще принадлежитъ, то нынѣ себѣ предпоставляю.

МИХАИЛЪ.

Адаме! чреда къ отвѣту нынѣ къ тебѣ приходитъ, да ти потрѣбное извѣщаешь.

АДАМЪ.

Увы! лживити не могу, что преступихъ заповѣдь божію; но не дерзостнымъ предложеніемъ, токмо по ласкательнымъ словамъ жены, еюже Богъ ми далъ есть, вкусихъ малую часть.

МИХАИЛЪ.

Вы ли послушливые чада божіи? Евва! скажи: чесо ради сіе сотворила еси.

ЕВВА.

Увы! врагъ лукавый со зміею своею тако мя извелъ естъ сладостными прелестными словами, и азъ вкусихъ и Адаму дала; нынѣ же на насъ еще жалобу творитъ, толкуя сіе всякою злобою. Азъ истинно въ то время не начаяхся [1]), чтобъ по такихъ словахъ сицева горесть надходити имѣла.

ЗМІЯ.

Смотрите: нынѣ Евва смѣетъ еще говорити, яко бѣсъ [2]) ее извелъ есть! Не возмогла ли въ то время слова божія дер-

[1]) Въ рук.: *ночаяся.*

[2]) Въ рук.: *без.*

жатися, а мнѣ супротивлятися? Не возмоглъ быхъ ти силою принудити, егда воспѣла бысть изрядную пѣснь; но гордость, невѣріе, ненависть и зависть принуждали тя со мною къ древу итти, начая, яко Богъ овощу того тебѣ завидуетъ. Но когда бы мнѣніе твое и сбылось, о како супротиволь бысть Богу! Ни мало меньши хотѣла бысть[1]) еси быти Бога. Тѣмъ же сицевое великое поношеніе и безчиніе не изволь, о праведный Боже, терпѣти, ниже правду свою разорити: не могутъ бо очищатися, зане слово твое ихъ осудитъ, еже вѣчную имъ смерть обѣщало, аще заповѣдь твою преступятъ. Содержи же тогда то, яко Богъ истины, и даждь ихъ во владѣніе мое, яко инаго Господа имѣютъ, нежели ты еси.

МИХАИЛЪ.

Истче да отвѣтчику! отступите всѣ, ожидаясь изреченія великаго судіи.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

БОГЪ ОТЕЦЪ, БОГЪ СЫНЪ, ПРАВДА, ИСТИНА, МИЛОСЕРДІЕ, МИРЪ.

БОГЪ ОТЕЦЪ

Зѣло ми Правда и усердно болѣзнуетъ о бѣдномъ паденіи еловѣческомъ Адама и Еввы, въ кое прелестею бѣсовскою впали, яко же и вамъ о семъ вѣдомо добре есть, чего ради достоитъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семъ на нихъ праведный судъ издати.

ПРАВДА, *держаще жезлъ въ рукахъ.*

О Господи и праведный Боже, любивый правду и вся во святомъ свѣтѣ твоемъ правдою исправляяй! покажи и въ симъ:

---

1) Въ р.: *бы.*

Богъ еси ты, возненавидяй беззаконія. Не произвѣдали ли предобрыи ангелы, иже изъ небесъ въ кромѣшную гегенну повержены? Тѣмъ же и множае человѣкъ согрѣши, и того ради въ равномъ ему быти осужденіи [1]). Аще и правда, отъ демона прельщены, но почто нечистому духу больши, нежели тебя слушали? И почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а не къ благимъ наклонили? По чесому малое является прощеніе, но паче муку вѣчную получити, яже праведная мзда за ихъ злодѣяніе; тѣмъ же праведному чину твоему лѣпо есть [2]) надъ ними жезлъ сей крушити.

(*Здѣ Отецъ емлетъ жезлъ и хочетъ его разломити*).

СЫНЪ.

Отче возлюбленный! потерпи, молю тя, въ праведномъ гнѣвѣ твоемъ до тѣхъ мѣстъ, до коихъ они сами отвѣтъ предъ превышнимъ престоломъ твоимъ учинятъ.

ИСТИНА.

Боже истинный, егоже истина пребываетъ во вѣки! яко же самымъ дѣломъ обѣщанное исполняешь, а понеже тогда изреклъ еси и человѣку вѣчно ему жити, аще сохранитъ заповѣдь твою; противно же, аще отъ запрещеннаго овощу вкуситъ, вѣчно ему умерети смертію: соверши же того ради то, да будетъ истинное слово твое сильно ихъ до основанія погубити, и не допусти никоей помощи Истину твою затушити; что бо глаголеши, никому то перемѣнити. Тѣмъ же исполни судъ твой надъ тѣми злодѣйствующими.

СЫНЪ.

Еще мало да потерпишь, молю, Отче, зане и Милосердіе причастіе имѣетъ къ божественному престолу твоему. Потерпи и услыши, каковъ оно приговоръ учинитъ.

---

[1]) Въ рук.: *осужденіе*.

[2]) Въ рук.: *лѣпость*.

МИЛОСЕРДІЕ.

О горе! сердце мое хощетъ ми сокрушитися въ лишеніи надежды помощи ради! Тому ли адову врагу предобрѣйшимъ созданіемъ, еже на всей земли, сице удобно владѣти, и ему наругатися, ей, и надъ Богомъ самимъ [1]) возгордійся, рекуще: то ли преизрядное созданіе, во образъ божій и подобіе его сотворенное, еже ангеломъ въ ровенствѣ во вѣки имѣло пребыти? Тому ли нечистому демону вящшую честь получити, нежели преизрядному созданію божію? Правда есть, яко человѣкъ не достоинъ милости твоей получити, зане въ то же пріиде паденіе, что и дьяволы; однакожде междо человѣкъ и дьяволъ великая обрѣтается разность: аще и возмоглъ діаволъ со всѣмъ адовымъ собраніемъ удобь единаго человѣка прельстити, къ сему человѣкъ кается паденія своего; но дьяволъ не кается, что божій престолъ обезчестилъ, но паче кается въ томъ, что невозможно ему злѣйше нѣчто сотворити. О милосердый Боже! умилостивися и отъими у нечистаго духа восхищенное: что бо ти поможетъ кровь ихъ и что ти пользуетъ смерть ихъ? Помяни, Господи, яко самымъ нареченъ бываеши милосердіемъ. Кто убо въ мертвыхъ ти воздаяніе подастъ и кто тя въ преисподнихъ восхвалитъ?

ПРАВДА.

Единому токмо Милосердію быти, гдѣ же мнѣ пребыти? Убо праведенъ Богъ и Правда его состоятися должна; аще и весь свѣтъ преставится, однако же Богъ ничто же супротиво Правды не учинитъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

О окаянный и отъ потѣшенія лишенный человѣче! камо тя уподоблятти? Всѣ волны злочастія тя открываютъ, никтоже сіе не внимаютъ! Зѣльная язва твоя и неизцѣльная рана твоя! Увы!

---

[1]) Въ р.: *самъ*.

скорблю зѣло о страшномъ паденіи твоемъ. Но Господи, Господи, въ совѣтѣ сильный, долготерпѣливый и многомилостивый! даждь ми услышати, яко ты, Боже, пророчеши и рабу твоему, и рабыни твоей миръ и помощь дати обѣщаеши. О Господи, Господи, сотворивый небо и землю и вся, яже на ней! на что хощеши всему всуе быти сотворенну и человѣку сице вскорѣ погубленну? О сотвори надъ ними милость, реклъ бо еси въ началѣ, яко возрадуешься и возвеселишися въ нихъ; нынѣ же то демону хощетъ поступитися. О Господи! часъ пріиде, да помилуеши ихъ; прости имъ согрѣшенія ихъ: милосердіе бо твое велико, яко и ты самъ великъ еси.

СЫНЪ.

Охъ ты согласный Мире! чего ради молчиши? Возможно ли ти есть на сіе безслезными очми смотрѣти?

МИРЪ.

О Господи соединенія и Боже примиренія! понеже мы вси имена наши отъ божественнаго бытія твоего пріяхомъ, тѣмъ же, миротворивый Господи, услыши ны: милосердіе бо твое превзыдетъ яже на небеси и на земли. Якоже [1]) и Богъ примиренія отъ вѣка еси ты, того ради, дабы на жестокомъ судѣ твоемъ единая часть другую не услабѣла, молю тя, повели ми, да любимыхъ сестръ моихъ къ соединенію приведу и потомъ твой божественный судъ исполню.

СЫНЪ.

О Мире! сотвори радѣтельное тщаніе, дабы дѣло въ соединеніе привести и доброе учинилось совершеніе.

[1]) Въ рук.: *яже.*

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

МИРЪ, МИЛОСЕРДІЕ, ПРАВДА, ИСТИНА.

МИРЪ.

Возлюбленныя сестры! не скорбите ли о страшномъ согрѣшеніи человѣческомъ, то однакожде сожалѣйте сицеваго преизряднаго созданія, о немъже небо скорбитъ. Молю вы, да въ соединеніи будемъ. Ты же, Правда, воспоминай и на Милосердіе не буди сице жестока и ты, Правдо, возможешь сице въ мирѣ пребывати, аще Господь Богъ по жестокому суду своему человѣческій родъ не погубитъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

О Правдо! не буди такова жестока, но припусти моленію моему у себе мѣсто получити.

ПРАВДА.

Но яко же то быти можетъ, хотябъ и рада хотѣла? Разсудите сами: Правдѣ достоитъ во всѣхъ судьбахъ сіятися яко утреннія зари, но такимъ противнымъ обычаемъ помрачена бъ была.

ИСТИНА.

Аще же азъ къ вашему совѣту присовокупилась бы, тогда Богъ никогда [1]) истинный былъ, тѣмъ же въ симъ никакова совѣта не имѣю; но если вы вѣдаете, и азъ пособити рада.

МИРЪ.

О Боже! помози. Нынѣ паки пріиду въ чувство въ надеждѣ сушей, яко все еще добро будетъ. Возлюбленныи сестры мои! аще ми послушати хощете въ томъ, что никая отвряжденой

[1]) Въ рук.: *нѣкогда*.

будетъ, а однакоже человѣкъ отъ діявольскія силы свободенъ быть можетъ, тогда идите во слѣдъ меня. Азъ вѣмъ единого мужа, той намъ въ дѣлѣ томъ лучшій совѣтъ подастъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

О! со усердіемъ азъ съ вами иду.

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

БОГЪ СЫНЪ, МИРЪ, ПРАВДА, ИСТИНА, МИЛОСЕРДІЕ.

МИРЪ.

О вѣчный Сынъ божій, со Отцемъ во равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ: есть ли бъ возможно было, яко да никто отъ насъ поврежденіе пріиметъ, Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину [1]) съ Миромъ соединити, чтобъ человѣка изъ гортани дьявольской исторгнути. Но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія; тѣмъ же приходимъ къ Тебѣ, къ вѣчной премудрости Отца, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, инако бо человѣку во вѣчномъ пребыть осужденіи.

МИЛОСЕРДІЕ.

О премудрость божія! утѣшеніе даждь намъ, совѣтъ свой и помощь свою, дабы безъ ущербленія нашего бѣдный человѣкъ свободу одержати моглъ.

ПРАВДА.

О пребогатый Боже! аще возможно, да Правда устоится купно съ Милосердіемъ тогда твоимъ, яко да премудрость Твоя насъ проводитъ и человѣка бѣднаго освободитъ!

[1]) Въ рук.: *истинно.*

ИСТИНА.

Ѳ премудре Сыне божій! дабы такожде въ семъ дѣлѣ Истина божія состоялася, то соединеніе наше изволи проводить вѣчнымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдной человѣкъ отъ узъ дьявольскихъ избавленъ былъ.

СЫНЪ БОЖІЙ.

По вашему согласному прошенію хощу вамъ и совѣтъ преподати; но никакое иное средствіе изобрѣтено быти можетъ, развѣ единый за то да терпитъ; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете, и бѣдный человѣкъ освободится Любви ради къ человѣкомъ скорблю о семъ и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были. . . .

(Конца недостаетъ).

V.

ІОСИФЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пресильнѣйшій великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержце! Егда кто въ восточныхъ земляхъ скорпіе обрящетъ, тогда той зміокъ сокрывается и въ тишинѣ пребываетъ; но когда къ нему кто прикасается и ногами попирати учнетъ, абіе ядъ свой смертоносной испущаетъ: таковымъ-же образомъ и человѣкъ, аще добротливъ и благодатенъ, или лукавъ и злонравенъ есть, познанъ бываетъ: ибо какъ скоро злобный человѣкъ отъ кого точію прикосненъ будетъ и малымъ чѣмъ докученъ, скоро воздвигнется и аки скорпія отъ ярости гнѣву своего возмутится; противнымъ паки обычаемъ благосердный и добронравный любитъ и недруги своя и добро творитъ гонящимъ его. Мы же предаемъ клятвѣ смертоносный ядъ и желчь всѣхъ скорпій и злонравныхъ человѣкъ, припадаемъ же къ самой добродѣтели, се есть къ престолу вашего царскаго величества. Понеже паки малую прохладную о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ о Іосифѣ въ пречестныя очи предпоставити умыслили есмы, тѣмъ-же не отчаемъ, яко превысокая вашего царскаго величества обыклая милость во всемилосердомъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводити оное благоволите.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

ИСРАИЛЬ ДА ІОСИФЪ СЪ БРАТІЕЮ.

ИСРАИЛЬ.

Іосифе, возлюбленное чадо мое! естество, еже тя во великой старости моей отъ мене и матери твоея родитися допустило, тое купно и любовь въ насъ сице насадило, яко ми нѣсть возможно довольно изрещи, какъ безъ мѣры и усердно тя азъ люблю. Благословенъ убо да будеши.... всѣхъ братій твоихъ! Благословенно да будетъ зачало твое и конецъ твой! Ибо седмьнадесять лѣтъ въ любви моей пребылъ и никогда же непослушливъ показался еси. Всегда тя отецъ твой и матерь твоя возлюбила, зане намъ ничто же затаилъ, но всегда злобу, отъ братій твоихъ творимую, объявилъ и доброе не замолчалъ еси. Тѣмъ же за вѣрность твою и за любви велѣлъ ти красную сдѣлати ризу. Но понеже братія твоя идутъ въ Сихемъ пасти овецъ своихъ, того же ради буди послушливъ отцу твоему, яко да купно съ ними пасеши овца. Вѣмъ бо, яко тобою отъ Бога ублаженъ буду и чадомъ твоимъ со внучатами хлѣба изобильно подати благоизволитъ.

ІОСИФЪ.

Возлюбленный отче! Ей, естество, еже мя подъ сердцемъ твоимъ держало и пѣстовало, абіе, абіе ми въ чревѣ матернѣмъ сицевое должное послушаніе вкорени, яко да во вся времена житія моего во всемъ радостно послушливъ буду. Кому бо ми долженствуетъ по Бозѣ паче послушливымъ быти, яко естественнымъ родителемъ моимъ? И съ кимъ возмогли бъ любимые родители мои послати мя, яко съ братіею моею любимою? Азъ иду; съ вами да пребудетъ Богъ отецъ нашихъ!

ИСРАИЛЬ.

Той да благословитъ не точію тебя и предложеніе твое, но и весь великъ и малъ скотъ твой, и да возрастешь и великъ будешь во братіи твоей! Но вы же, возлюбленныя чада моя, прилежайте, да ничто же зло сему отрочати приключится, любви ради отца вашего, зане сердце мое къ нему приставаетъ.

РУВИМЪ.

Который новыя умѣетъ вѣсти приносити и братій своихъ оклеветати, той всегда любезнѣйшій всѣхъ иныхъ есть.

ІОСИФЪ.

Богъ отецъ моихъ! не даждь ми, да когда во лжи обрященъ буду! Вѣмъ бо, яко вся благая ми вѣствуетъ и днесь еще наложи два сна, разумъ же ихъ Богъ во времена своя же объявитъ.

СИМЕОНЪ.

Но, любимый сновидче, скажи же намъ сонъ твой, егоже видѣлъ еси.

ІОСИФЪ.

Видѣхъ, яко будечи азъ з братіею моею посредѣ поля, вязахомъ снопы, и снопъ мой ста простъ, ваши же снопы стояху окрестъ, кланяхуся моему снопу.

ЛЕВІЙ.

Такъ, такъ! Еда царствовати будеши надъ нами? Изрядное сновидѣніе!

ИСРАИЛЬ.

Чадо, чадо! сновидѣніе человѣческихъ есть, но толкованіе Богу принадлежитъ, того убо ради не негодуйте на брата ваше-

го, зане плоть и кровь ваша есть. Но, Іосифъ, скажи ми иное сновидѣніе.

ІОСИФЪ.

Егда разбудихся и паки воздремахъ, видѣхъ и другой сонъ: аки солнце и мѣсяцъ и единъ надесять звѣздъ поклоняху ми ся.

ИСРАИЛЬ.

О, о Іосифе! аще и великую имашь любовь, обаче сія твои неизлечимые сны великое ми сотворяютъ зломнительство. Егда ли, пришедъ, азъ и мати твоя съ братіею твоею поклонимся тебѣ до земли? О! ни! да не будетъ то! Не поразумѣвай сицевыми снами сія.

ІУДА.

Угоденъ намъ будетъ для сокращенія времени, дабы намъ сны сказывалъ. Но мы же идемъ въ путь съ миромъ.

ИСРАИЛЬ.

Ангелъ господень да проведетъ вы! Іосифъ же во утрѣ за вами поидетъ. Но Іосифе, Іосифе, не скажи ми вящши сицевыхъ сновъ: аще ти Богъ что открылъ есть, держи жъ оное въ сердцѣ своемъ. Во утріи же иди къ братіи твоей въ Сихемъ, смотряще прилежно, что дѣлаютъ и яже о стадѣ овецъ, да ми паки о всемъ искусный отвѣтъ дати возможешь. Вѣмъ бо: никая ложь ко Израилю не принесеши.

ІОСИФЪ.

Идуже тогда въ путь. Ангелъ господень да сохранитъ вы!

ИСРАИЛЬ.

Иди съ миромъ! Ангелъ мира да проводитъ тя!

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

ЕЛИѲАСЪ ДА ІОСИФЪ.

ІОСИФЪ.

Увы! гдѣ нынѣ обрѣтаюся? Нѣсть ли кого въ сей пустыни, иже мя на истинный путь наведетъ? Охъ! медвѣди мя растерзаютъ, лютые звѣри снѣдятъ мя!

ЕЛИѲАСЪ.

Что возопиши, что сѣтуеши и кто еси ты?

ІОСИФЪ.

Охъ! муже возлюбленне! кто тя по меня въ пустыню сію прислалъ есть?

ЕЛИѲАСЪ.

Не бойся мене, скажи ми смѣло, о чемъ печалишися, кого ищеши и кто еси ты.

ІОСИФЪ.

Азъ есмь Іосифъ, единъ возлюбленный междо 12 братіею отца моего во Израилѣ, и обитаемъ въ удолѣ хевронстѣй. Но братія моя изыдоша въ Сихемъ, да пасутъ стада, азъ же уже три дни ихъ ищу и не могу даже понынѣ обрѣсти ихъ. Молю тя, брате возлюбленне, скажи ми, не видалъ ли еси ихъ.

ЕЛИѲАСЪ.

О чадо любимое! зѣло далече отъ нихъ въ заблужденіи еси, и еще въ три дни братій твоихъ не обрящеши, слышахъ бо о нихъ глаголюща, яко хотѣша отъ Сихема двигнутися и до

Фаимъ поити, тамо убо ихъ обрящеши. Иди же того ради съ миромъ! Господь да будетъ съ тобою!

ІОСИФЪ.

Благодарю тя, брате возлюбленне, и Господь да воздастъ ти, яко мя отъ гортани медвѣдей и отъ зубѣ лютыхъ звѣрей свободилъ еси! Живи благо да прости, прости!

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

ІОСИФЪ ЗДѢ ПРИХОДИТЪ, БРАТІЯ ЖЕ ЗЛѢ УМЫШЛЯЕТЪ.

ІУДА.

Мнится ми, яко сновидецъ нашъ уже къ намъ грядетъ. Яко чаете, братія: егда не помолимся ему и припадемъ?

ИСАХАРЪ.

Азъ отъ своея страны научу его сице кланятися, яко ему главу свою на земли искати.

ЗАВУЛОНЪ.

Ей, истинно лучшего той измѣнникъ недостоинъ, кромя да ему главу отсѣчь, чтобъ не возмоглъ больши сонія видѣти.

ДАНЪ.

И азъ на то произволяю, да ему главу отсѣкутъ: тогда ему, злодѣю, больши насъ не оклеветати мощно.

НЕФАЛИМЪ.

Истинно такъ; и азъ не присовѣтую его жива оставити, зане однакожде обыкновеніе свое всегда исполнити потщится и о

*

житіи нашемъ, и о дѣлѣхъ нашихъ предъ отцемъ нашимъ паки объявити не оставитъ.

ГАДЪ.

Когда бы еще истинную сказалъ, но больши лжи нежели правду.

АСИРЪ.

Почто долго живити? Растерзавъ, въ ровъ его ввержемъ: всякъ тогда помыслитъ, яко звѣрь лютой его растерза, мы же узримъ, како сны его исполняются.

РУВИМЪ.

О! ни, братіе! помыслъ той злый: никако его да не убіемъ и невинную кровь да не проліемъ. Аще ли хощете изъ очей его избыти, то руки ваша къ нему да не прикасаются, но поверржите его въ ровъ, иже въ пустыни: тамо убо звѣріе лютые вскорѣ его растерзаютъ.

Здѣ Іосифъ приходитъ.

СИМЕОНЪ.

Смотрите сего, предъ нимъже отецъ его и мати его з братіею его, падше, кланятися ему имѣютъ! Имайте его, яко да отъ живота его избавимъ.

ЛЕВІЙ.

Се, сновидче, даждь сѣмо красную ризу: уже больши ти носити недостоитъ. Со тщаніемъ возьмите онаго и ввержите его въ ровъ.

ІОСИФЪ.

Нѣсть ли коего у братіи моей милосердія?

ІУДА.

Прочь, прочь съ нимъ!

ІОСИФЪ.

О горе! Не могли ли лютые звѣри мя на пути растерзати?

ІУДА.

Извлечите съ него ризу.

ІОСИФЪ.

Охъ! бѣда! Или перемѣнились братія моя въ хищные волки?

ІУДА.

Ни! Сіе токмо чрезъ сонъ видиши.

ІОСИФЪ.

Братіемъ ли моимъ мя убивати?

ІУДА.

Ни! токмо во снѣ видиши.

ІОСИФЪ.

Слышно ли сіе когда было на свѣтѣ?

ІУДА.

Во снѣ токмо видиши.

ІОСИФЪ.

Нѣсть ли никоей пощады?

ІУДА.

Прочь, прочь!

ІОСИФЪ.

Никое милосердіе?

ІУДА.

Прочь, прочь!

(*Здѣ его въ ровъ впущаютъ*).

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСАХАРЪ.

Нынѣ же, братія возлюбленная, съ миромъ столы да держимъ, ибо предателя нашего уже нѣтъ, и больши на насъ никакихъ рѣчей учнетъ возводити предъ отцемъ нашимъ.

ЗАВУЛОНЪ.

Нынѣ, во рвѣ будучи, станетъ сонія измышляти.

ДАНЪ.

Тамо ему и лучшее время сонія разсуждати.

НЕѲАЛИМЪ.

Но аще до утрія тамо пребудетъ, тогда сонія ему прочь отойдутъ.

РУВИМЪ.

Охъ! охъ! Злѣ сотворили есте и невозможно вамъ будетъ предъ старымъ отцемъ отвѣщати.

ІУДА.

Лучше единожды отвѣщати, нежели всегда; однакожде никогда не престалъ бы на насъ предъ отцемъ смущати, тѣмъ же лучше, яко да его лишаемся.

ГАДЪ.

Но, братія возлюбленная, кого азъ вижу сѣмо грядуща?

АСИРЪ.

Кто есте вы и камо грядете?

АМАЛЕКЪ.

Есмя Измаильтяне, идемъ отъ Галада съ ѳиміамомъ и смолою и стакти во Египетъ.

ІУДА.

Братія возлюбленная! что потребно, аще истова брата нашего убіемъ и лютымъ звѣремъ на снѣдь подадимъ? Пойдемъ и отдадимъ его Измаильтяномъ симъ во вѣчное подданство въ цѣну, яко въ живыхъ пребудетъ, намъ же возможно доброю совѣстію паки къ старому отцу нашему приступити.

РУВИМЪ.

Ей, истинно, ибо плоть наша и кровь есть, тѣмъ же рукъ нашихъ да не возложимъ нань или крови его не скрыемъ. Азъ убо не причащуся къ совѣту вашему.

(Здѣ онъ отходитъ).

ЛЕВІЙ.

Рувимъ хощетъ надъ тѣмъ сновидцемъ милосердіе свое показати, но да исполнится промыслъ нашъ! Ты, Іуда, иди и говори о томъ съ ними.

ІУДА *(говоритъ Измаильтяномъ).*

Послушайте, братія возлюбленная! Мы вси есмы раби единаго господина, а имамы единаго токмо междо нами, иже невѣренъ намъ есть, того ради больши оного терпѣти не хотимъ. Чтоже

тогда хощете намъ зань дати, яко его вамъ во вѣчную службу да отдадимъ.

АМАЛЕКЪ.

Мы идемъ во Египетъ; аще ли отрокъ сей послушливъ быти не похощетъ, тогда возможно намъ будетъ иному его паки продати.

ІУДА.

Ей, истинно такъ но меньши дванадесяти златниковъ не можемъ продати его.

АМАЛЕКЪ.

Буди же тако.

(*Здѣ по рукамъ бьютъ*).

АМАЛЕКЪ (*говоритъ.*)

Дайте его сюды, да разсмотримъ куплю нашу.

(*Здѣ Іосифа извлекаютъ отъ рова*).

ІОСИФЪ.

О дабы житію моему конецъ былъ и земля бы мя проглотила! О братія! возлюбленная моя братія! нѣсть ли уже больши милосердія?

АМАЛЕКЪ.

По чемъ тужитъ и о чемъ плачетъ?

ІУДА.

Не хощется ему отсела отстати, стережите его прилежно, яко да паки отъ васъ не убѣжитъ.

(*Здѣ вяжутъ его*).

ІОСИФЪ.

О горе! Братская любовь како перемѣнилась еси въ лютое немилосердіе?

АМАЛЕКЪ.

Считайте деньги.

(Здѣ считають).

ІОСИФЪ.

О Израиле! Отче мой Израиле! когдабъ ти возможно было возлюбленнаго сына твоего Іосифа нынѣ увидѣти! Охъ! немилосердіе!

АМАЛЕКЪ.

Пойди токмо, пойди.

ІОСИФЪ.

Живите благо, братія моя, безъ Іосифа!

ІУДА.

Пойди, Іосифе, да больши сонія увидиши.

ІОСИФЪ.

Живи благо, отче мой Израиле, безъ Іосифа!

ІУДА.

Иди лутче ты, измѣнниче, безъ Іосифа.

ІОСИФЪ.

Простите жъ, простите!

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЯТАЯ.

РУВИМЪ *(приходитъ и смотритъ въ ровъ, растерзаетъ ризы своя, глаголюще):*

Увы! скорбь и бѣда! Кровь брата моего Іосифа на главу вашу пріидетъ! Гдѣ подѣнуся? Отрока уже неимамы въ лицахъ.

ІУДА.

Слыши, Рувиме: ты же съ нами во единомъ пребываеши осужденіи, зане исперва ты самъ, да убитъ будетъ, желалъ еси; нынѣ же мы его не убили, но Измаильтяномъ... да въ миру живемъ и старый отецъ нашъ всуе больши на насъ да не негодуетъ.

РУВИМЪ.

Но никогда же предъ отцемъ нашимъ отвѣщати невозможно, что его сице продали есмя.

ІУДА.

То уже не тако предложимъ: веемше убо ризу Іосифову, заколимъ козлище и помажемъ кровію, рекуще, яко лютой звѣрь его растерзалъ есть.

РУВИМЪ.

О злое дѣло! О злая совѣсть!

(Здѣ приходитъ Израиль).

ИЗРАИЛЬ.

Чада моя возлюбленная! здорово ли живете со стадомъ, и гдѣ есть любезнѣйшій сынъ мой Іосифъ?

СИМЕОНЪ.

Возлюбимый отче! у насъ онъ никако не бывалъ.

ЛЕВІЙ.

И азъ его въ очи не видѣлъ есмь.

ИЗРАИЛЬ.

О Боже! Боже! помози!

ІУДА.

Егда отъ Ѳаима къ Сихему возвратихомся, обрѣтохомъ сію ризу; познавай убо, аще ли риза сына твоего есть или ни.

ИЗРАИЛЬ.

Увы, увы! О горе! Риза сына моего есть, и звѣрь лютъ извелъ есть его, звѣрь восхити его! О Іосифе, возлюбленнѣйшій сыне мой, Іосифе! далъ бы Богъ, яко да въ твое мѣсто мертвъ быхъ былъ!

ИСАХАРЪ.

Кто вѣсть, не ушелъ ли и еще въ живыхъ есть.

ИЗРАИЛЬ.

Увы! никто же меня утѣшити можетъ. Сыне мой ты! Сыне мой Іосифе! Іосифе, сыне мой!

(Здѣ старый отецъ обомираетъ).

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЕРВАЯ.

ПЕНТЕФРІЯ *(сидитъ).*

Какіе люди есте вы, и что за дѣло вамъ есть до царя нашего, великаго Ѳараона?

АМАЛЕКЪ.

Великій господине! раби твои Исмаильтяне, идемъ отъ Галада и накладены верблюды наша θиміамомъ съ смолою и стактами[1]) по избитку, прибыли ради нашей.

ПЕНТЕФРІЯ.

Будь вамъ повольно, однакожде тѣмъ намѣреніемъ, да никакой запрещенной товаръ съ вами будетъ и не попадетъ въ прегрѣшеніе Фараоново.

АМАЛЕКЪ.

Уже частократно были есмы, раби твои, въ Египтѣ, никогда же порочны въ чемъ обрящены.

ПЕНТЕФРІЯ.

Каковъ сей есть отрокъ съ вами?

АМАЛЕКЪ.

Еврейское дѣтище, егоже послушанія ради къ родителемъ своимъ братія его намъ продали въ цѣну дванадесять златниковъ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Мало денегъ за такую душу, и мнѣ бы таковая купля пристала.

АМАЛЕКЪ.

Аще Пентефрію отрокъ сей присталъ, можеши его къ себѣ взяти.

ПЕНТЕФРІЯ.

Отроча! хощеши ли мой быти?

---

[1]) Въ рук.: *стантами.*

ІОСИФЪ.

Еже Богъ и Пентефріа благоизволяетъ, то и моя воля: здравіе мое въ твоихъ рукахъ; азъ пребываю вѣчный рабъ твой.

ПЕНТЕФРІЯ.

Господь тогда съ тобою, яко да благополученъ мужъ будеши въ службахъ моихъ и Господь да благословитъ вся дѣла твоя!

ІОСИФЪ.

Господь да благословитъ Пентефрію, и весь домъ его благословенъ да будетъ во вѣки!

ПЕНТЕФРІЯ.

Возьмите жъ отрока сего и положите нань новое одѣяніе, приберегая его, да ни отъ кого обиженъ будетъ, зане странникъ есть и сиръ во Египтѣ.

(Здѣ Іосифа ведутъ прочь).

ПЕНТЕФРІЯ.

Но вы же продавайте товары ваши; аще ли что требуете, дано вамъ будетъ.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ВТОРАЯ.

ПЕНТЕФРІЯ ДА ІОСИФЪ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Смотрите на вѣрного Іосифа моего: есть ли кто междо вами, иже бы когда сицевые вѣрные службы Пентефрію сотворилъ есть? Но далѣче, ей, кто Богу служить можетъ и Пентефріевы

службы добрѣ исполняти. Того же ради, богобоязливый юноше, всчинай такожде и мой домъ благоговѣніемъ правити, нынѣ бо вся въ рукахъ твоихъ да будетъ, въ сердцу же Пентефріевомъ никой промыселъ сокровенъ будетъ, егоже Іосифу не открыю. Тѣмъ же вси вы, мои приказные люди, и писцы и служимые! вся, яже Іосифъ именемъ Пентефріевымъ вамъ повелитъ, аки бы отъ меня самаго слышали, исполняйте. Господь же буди съ Іосифомъ!

ІОСИФЪ.

Господь Богъ отецъ нашихъ буди съ Пентефріемъ, со всѣмъ домомъ его, иже убогаго запроданнаго невольника своего нынѣ возвысилъ есть! Господь даждь, яко вся подъ рукою моею возцвѣтетъ и умножится!

ПЕНТЕФРІЯ.

Благословеніе, еже Господь Богъ дому Пентефріеву по се число даде, все то молитвою Іосифовою содѣяся. Поступай проче молитвою къ Богу отецъ твоихъ, и се дамъ ти ключи отъ цѣлаго дому Пентефріева и отъ всего имѣнія его.

НАГАТЪ *(кланяется)*.

Пентефрія благо да живетъ и Господь благослови замыслы Іосифовы!

АММА *(кланяется)*.

Господь благослови Пентефріевъ домъ, Іосифа ради!

МИСА *(кланяется)*.

Господь благослови Іосифомъ всѣхъ рабъ Пентефріевыхъ!

ІОСИФЪ.

Господь благослови Пентефрія и сѣмена его до вѣка!

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

ВИЛЬГА, ПЕНТЕФРІЕВА ЖЕНА, И ІОСИФЪ.

ВИЛЬГА.

Іосифе! Мой возлюбленный Іосифе! никому иному, кромѣ мнѣ благодарити можеши: ибо что тя господинъ мой Пентефрія тако высоко и надъ вся имѣнія своя подставилъ, то азъ прилежнымъ ходатайствомъ моимъ у него доступила. И кто вѣсть, что еще множае добру Іосифу содѣлатися можетъ? Египтянинъ бо мой Пентефрія сице Бога прогнѣвилъ, яко ни едино чадо съ нимъ получити не могу; нынѣ же вижу, яко ты прекрасенъ еси и возлюбятъ тя очеса моя, тѣмъ же абіе прилежахъ любовь твою получити, но и паче нынѣ, когда мужъ мой Пентефрія тебѣ все правити приказалъ есть, чесо ради множайшее и лучшее пришествіе денно и нощно предъ всѣми иными ко мнѣ имѣти будешь. Моглъ, и сыномъ моимъ тя воспріиму . . . .

ІОСИФЪ.

О безуміе! О слѣпая любовь! О безъестественная помышленія! Ей, истинно то есть, что Пентефрія вся подъ правленія рукъ моихъ далъ, но то едино, въ чемъ жена ему еси, запрещено ми есть; тѣмъ же молю Бога о тя, чтобъ отъ тебя тую злую похоть отженити и лутчимъ помышленіемъ обдарити благоизволилъ.

ВИЛЬГА.

Слушай, Іосифе! Вижу добре, яко стыдливъ еси, хотяще, дабы тя много молила. Не убойся ничесогоже: кто бо увѣсть, когда ты дѣла твои у меня исполниши, что мы съ собою сотворили есмы? Или боишися и опасаеши нѣкоего зломнительства, егоже египетскій мужъ мой твоея ради вины воспріиметъ? Тогда ти

на то и сіе отвѣщаю, что въ тріехъ днехъ азъ его умерщвлю, и тогда мой свойственный имаши быти. Токмо прошу, да отъ меня любви взыщеши и взаимно своя.

ІОСИФЪ.

О Іосифова смерть! О убійство! Не стыдиши ся ли, о жено, такихъ проклятыхъ словъ предъ чистыми и непорочными ушесми изрещи? О! покайся и перемѣни проклятое намѣреніе твое, иное бо отъ мене тебѣ ничтоже ожидати, только теплую молитву о тебѣ къ Господу Богу, дабы твое злое помышленіе усмирити благоизволилъ.

ВИЛЬГА.

О Іосифе, Іосифе! все то токмо кощуйственніе рѣчи, ихъже юные люди для сокращенія времени нѣкогда аще и потребляютъ, обаче же буди обнадеженъ, яко люблю тя.

(Здѣ она отходитъ).

ІОСИФЪ.

О проклятая любовь! Но, Боже израилевъ, сохрани мя отъ горящаго пламяни тоея египетскія жены!

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕНТЕФРІЯ, НАГАТЪ, САММА, МИСА.

ПЕНТЕФРІЯ.

Чтожъ глаголете? Іосифъ не добро ли творитъ? Ей, истинно и десять египетскихъ рабъ нашихъ сицевую вѣрность Пентефрію не содѣлаютъ, яко сей единый еврейскій отрокъ.

НАГАТЪ.

Ей, Пентефріе! его же Богъ благословитъ, той благословенъ и до вѣка, той бо отрокъ боюся Бога, день и нощь, аще же и вся въ руцѣхъ его, обаче поститсся всегда три дни, вкушая четвертаго дни токмо единожды.

ПЕНТЕФРІЯ.

Како то мочно можетъ быти? зане постъ человѣка изснѣдаетъ или поне отчасти мало образъ его перемѣняетъ, но Іосифъ ежедневно во плоти удобряется.

САММА.

Милостивый Пентефрія! самъ азъ самыми очесми моими видѣхъ, яко той еврейскій юноша часть тридневныя пищи своея всегда нищимъ въ милостыню раздаетъ, самъ на всякихъ мѣстѣхъ и углахъ Бога своего взываетъ, или его великая печаль и нужда обстоитъ, и Богъ тя Іосифовымъ благомоленіемъ ублажитъ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Поститися и молитися благое дѣло есть, но въ три дни ничесоже вкусити, нужда есть въ конецъ перемѣненіе естеству сотворити; тѣмъ же скажите ему, яко да радостенъ и веселъ будетъ, ибо милость Пентефріева никогда же отъ него не отступится.

МИСА.

Ей, истинно Богъ самъ Пентефрію сицеваго вѣрнаго слугу посылати благоизволи, вся бо подъ руками его идетъ къ благому возвеленѣнію и цвѣту, и ко всякому Іосифову зачалу Богъ свое дастъ счастіе.

ПЕНТЕФРІЯ.

Буди же Іосифъ вторымъ сердцемъ моимъ! Но кійждо отъ васъ даждь ему, яко страннику, честь, зане можетъ такожде сицеваго добраго рода быти, яко же и мы.

N. N. [1]).

Великаго Өараона скорѣйшій указъ есть, да Пентефрія безъ мѣшкоты къ нему пріидетъ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Исполняй же тогда всякъ дѣло свое, азъ же отъиду.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ПЯТАЯ.

ВИЛЬГА, ІОСИФЪ.

ВИЛЬГА.

Возлюбленный Іосифе! хощеши ли нынѣ щастіе твое сице суетно изъ очесъ выпустити? Самъ же видиши, яко мужъ мой Египтянинъ и чистотѣ твоей довольно сице обнадеженъ есть, что онъ, когда бъ нѣкто (еже однакожде никогда быти не можетъ) о насъ что открыти и хотѣлъ, тому никоими образы не повѣритъ.

ІОСИФЪ.

О Боже! освободи же мя отъ сея египетскія жены.

ВИЛЬГА.

О Іосифе! боишися Бога своего? Се азъ всѣхъ боговъ нашихъ отвергуся, къ сему же и мужа моего къ тому приведу, да

---

[1]) Кто произноситъ эти слова, въ рукоп. не указано.

и онъ Богу твоему служитъ, токмо уклони произволеніе свое къ взаимной любви.

ІОСИФЪ.

О нестыдливое жено! Богъ не благоволитъ въ тѣхъ, иже, въ скверномъ житіи пребывая, его величаютъ и всѣхъ прелюбодѣйственныхъ отъ лица своего вѣчно отметаетъ.

ВИЛЬГА.

Доброжъ, Іосифе! Понеже не хощешь супружества разрушити, тогда азъ мужа моего убію и по семъ тебя по закону твоему за мужа пріиму.

ІОСИФЪ.

О жено! молю тя, стыдися того предъ Господемъ и бойся Бога, и не твори окаянное таковое дѣло, подая діаволу въ жертву самую себя. Аще же въ томъ прочее поступати учнешь, то азъ помышленія твоего нечестіе мужу твоему объявлю.

ВИЛЬГА.

Вѣрую тому добрѣ, занеже вчера изрядную пищу, юже ти послала бѣ, не восхотѣлъ еси вкушати, азъ же желала быхъ съ тобою и осужденна быти. Но еще время, Іосифе: се половина богатства моего, ей, больши половины, еже въ Пентефріевомъ дому есть, твое будетъ и во знамя вѣрной любви моей прими сіе въ закладъ.

(Здѣ ему помки даетъ).

ІОСИФЪ.

Пентефріево еси ты лучшее сокровище: вся ми подручна суть, но ты же ни. А еже о пищи, юже ми прислала еси, вѣрь, яко не служу идоломъ, точію истинному Богу Евреянъ; тѣмъ же узнай, что Богъ и злобу твою ми изъявилъ, пищу того ради къ казнѣ твоей содержахъ, аще ли узриши, и покаешися и на-

чишися, яко иже Бога въ чистотѣ почитаютъ, тѣмъ злоба нечестивыхъ вредити ничтоже неможетъ, и се (*здѣ добываетъ изъ пира пищу*) нынѣ предъ очима твоима хощу ясти; но Богъ отецъ моихъ, ангелъ Авраама со мною будетъ.

ВИЛЬГА.

О Іосифе! Прекрасный Іосифе! не сотворижe сіе, да грѣха никаково на себя не наведу; азъ уже то покину и больши тя къ тому привлещи не стану. Прости.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ ШЕСТАЯ.

ПЕНТЕФРІЯ, ІОСИФЪ, ВИЛЬГА И ПРОЧІЕ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Нынѣ же, возлюбленный и вѣрный Іосифе, садися со мною и яждь, да и азъ отъ предоброй бесѣды твоей нѣчто ослаждаюсь. Но, Вильга, любимая жено моя, яко сице печальна сидиши?

ВИЛЬГА

Охъ! рана сердца моего болѣзнуетъ ми и въ зѣльной пребываю печали.

ПЕНТЕФРІЯ.

Что, жена возлюбленная? Нынѣ ли печаль имать быти нашимъ треимъ товарищамъ, егда Богъ въ сицевую честь насъ постави и толиками сокровищи обдари? Не вѣдаю, что бъ еще намъ лишитися могло, ибо сверхъ сего имамы по Бозѣ пріятеля въ мірѣ семъ, егоже вѣрность ни съ коего иного человѣка вѣрностію соравнятися не можетъ. Того ради ни о чемъ печаленъ есмь, точію да богамъ моимъ служу, и ямъ и пію хлѣбъ и вино мое,

а остальное возлагаю на попеченіе Іосифово. Ты же всю радость сію со измышленною твоею печалью совокупити хощеши, будиже радостна и веселися со мною и со Іосифомъ.

ВИЛЬГА.

О Пентефріе! о любви твоей довольно обнадежена есмь, но...

ПЕНТЕФРІЯ.

Что же но...? Или нѣкого иного вящше любиши, нежели меня?

ВИЛЬГА.

Но никого больши не люблю, яко Пентефрія и Іосифа.

ПЕНТЕФРІЯ.

Тогда любиши и Іосифа?

ВИЛЬГА.

Кому бы Іосифа не любити? Ты жь сердцу моему больши еще приумножаеши болѣзней. Кто бо не вѣсть чрезъестественную кротость, чистоту и вѣрность Іосифову похвалити, а ты хощеши моими словесы еще чуждые мителства изчерпнути!

ПЕНТЕФРІЯ.

Ей, Іосифова чистота и вѣрность еще очи мои заверзутъ, тѣми жъ добродѣтельми онъ многое время все Фараоново царство въ Пентефріево имя правилъ есть.

ІОСИФЪ.

О Пентефріе! Богъ отецъ нашихъ да наставитъ сердце твое къ проповѣданію всего того, о чемъ жена твоя сѣтуетъ.

ПЕНТЕФРІЯ.

Истинно вижу, яко лицомъ перемѣнилась, тогда опасно, яко въ великую впадетъ плоти болѣзнь или ея нѣкая нужда предстоитъ, о нейже никому явно чинити не хощетъ. Однакожде, любезнѣйшая Вильга моя, повѣждь же скорбь твою менѣ токмо да Іосифу.

О Іосифе со тщаніемъ прилежай, да можешь вспоможеніе получити, азъ между жъ симъ порадую въ постель ю тако мало на опочиваніе привести. Возстани, возлюбленная душа моя!

(Здѣ онъ ее ведетъ прочь.)

ВТОРАГО ДѢЙСТВА

СѢНЬ СЕДЬМАЯ.

ВИЛЬГА, ІОСИФЪ.

ВИЛЬГА.

О Іосифе! ты сущее исцѣленіе души моей. Нынѣ господинъ мой тебѣ приказалъ, чтобъ ты радѣніемъ своимъ мнѣ помощь получилъ въ скорбѣ моемъ, и прошлаго дня въ трапезѣ самъ слышалъ еси, какъ я вѣрность твою похваляла и отъ всякаго сумнѣванія тя очистила, сего ради взаемно сотвори свою любовь и сотвори мое желаніе.

ІОСИФЪ.

О окаянная! чего ради ослѣпла еси въ грѣху и такъ въ великой печали и предаешься подъ владѣніе нечистаго духа? Отстани отъ сего грѣха и стыдися.

ВИЛЬГА.

Узри, Іосифе: аще нынѣ волю мою не исполниши, и азъ въ колодязѣ и съ высоки горы умерщвлюся.

ІОСИФЪ.

Азу прочь иду.

ВИЛЬГА.

А я задержу тя.

ІОСИФЪ.

О! пусть мя!

ВИЛЬГА.

Стой и остановися еще!

ІОСИФЪ.

Что насильствомъ?

(Здѣ прибѣгутъ слуги Пентефрія).

Что за насильство? Что за насильство?

ВИЛЬГА.

Увы! Горе! домовое насильство, и уже погибну абіе.

(Конца въ рукописи не достаетъ).

VI.

КОМИДІЯ

ПРИТЧИ О БЛУДНѢМЪ СЫНѢ.

ПРОЛОГЪ.

Благородніи, благочестивіи,
  Государіе премилостивіи!
Не тако слово въ памяти держится,
  Яко же аще что дѣломъ явится.
Христову притчю дѣйствомъ проявити
  Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
  Аки вещь живу, узритъ милость ваша.
Всю на шесть частей притчю раздѣлихомъ,
  По всяцей оныхъ нѣчто примѣсихомъ
Утѣхи ради, ибо все стужаетъ,
  Еже едино безъ премѣнъ бываетъ.
Извольте убо милость си явити,
  Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити:
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна,
  Не токмо сердцамъ, но душамъ спасенна.
Велію пользу можетъ притча дати,
  Токмо извольте прилѣжно внимати.

ЧАСТЬ I.

ИЗЫДЕТЪ ОТЕЦЬ СО ДВОМА СЫНОМА И СО МНОГИМИ СЛУГИ, И НАЧНЕТЪ ГЛАГОЛАТИ.

ОТЕЦЪ *глаголеть къ сынома:*

Благословенъ Богъ отнынѣ и до вѣка,
Иже отъ земля созда человѣка!
Ему честь, слава во вся вѣки буди,
Яко преблаго своя правитъ люди!
Всѣхъ есть промыслникъ, ихъже есть Создатель,
Во благо время всѣхъ живыхъ питатель.
Кто несумнѣнно въ Него уповаетъ,
Того никако Господь оставляетъ.
Самъ искусихъ се во всяцей потребѣ,
Егда уповахъ на живуща въ небѣ:
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
На животъ честный въ мірѣ мя наставилъ;
Онъ ми науку далъ и разумъ благій;
Даде богатства Господь мой предрагій.
Къ тому изволилъ зъ своей благодати,
Васъ на утѣху сыновъ мнѣ подати.
Имъже богатства въ наслѣдства премнога
Суть ми врученна отъ всещедра Бога.
Всѣхъ благъ довольно: отчинъ, сребра, злата,
Мнози раби суть и красна полата.
Токмо есть требѣ Бога вамъ хвалити,
Въ любви и правдѣ Ему послужити.
Благодарствіе въ сердцахъ вашихъ буди,
Милость храните на нищыя люди;
Миръ, смиреніе, кротость сохраняйте;
Всякія злобы отъ васъ отрѣвайте;
Мудрость стяжите, правда будетъ съ вами,
Лжа не изыди вашими устами.

Съ честными людьми дружество держите,
Прелюбытворцевъ далече бѣжите.
Бѣжите всѣхъ злыхъ, яко люта змія,
Вся заповѣди сохраните сія.
Тако изволитъ Богъ благословити
Васъ и дастъ многа въ мірѣ лѣта жити.
Азъ уже старъ есмь, смерти ожидаю,
Помощи отъ васъ при кончинѣ чаю.
Все вамъ вручаю, токмо мене чтите,
Между собою миръ, любовь храните.

СЫНЪ СТАРШІЙ *глаголетъ къ отцу.*

Отче мой драгій! отче любезнѣйшій!
Азъ есмь по вся дни рабъ ти смиреннѣйшій;
Не смерти скоро азъ желаю тебѣ,
Но лѣтъ премногихъ, яко самому себѣ.
Честніи руцѣ твои лобызаю,
Честь воздаяти должну обѣщаю.
Устъ твоихъ слово въ сердци моемъ выну
Сохраню, яко подобаетъ сыну.
На твое лице хощу выну зрѣти,
Всю мою радость о тебѣ имѣти.
Во ничто злато и сребро вмѣняю,
Паче сокровищъ тебе почитаю.
Съ тобою самымъ изволяю жити,
Неже всѣмъ златомъ обогащенъ быти.
Ты моя радость, ты ми совѣтъ благій,
Ты моя слава, отче мой предрагій!
Вижду азъ свѣтло, како насъ любиши,
Егда твоихъ благъ общники твориши.
Нѣсмь азъ достоинъ тоя благодати,
За твой трудъ и намъ Богъ то волитъ дати.
Благодарствіе убо возсылаю
Богу, а твои руцѣ лобызаю.

Любо пріемля благословеніе,
  Обѣщая ти повиновеніе,
Желаю вину азъ съ тобою быти,
  Въ обоемъ щасти съ отцемъ моимъ жити.
Всякія труды готовъ подъимати,
  Отчія воли прилѣжно слушати.
Весь азъ твой рабъ есмь, радъ вину служити,
  Въ послушаніи животъ мой кончити.

ОТЕЦЪ *(къ сыну старшѣйшему).*

Буди на тебѣ благословеніе
  Бога всесильна за то смиреніе!
Ты обѣщался съ нами пребывати,
  Богъ имать на тя милость изліяти.

СЫНЪ ЮНѢЙШІЙ *(къ отцу).*

Радости наша, сыновъ твоихъ славо,
  Между пречестныхъ честнѣйшая главо,
Отче любезный, намъ данный отъ Бога!
  Живи въ радости здравъ на лѣта многа!
Благодарствіе тебѣ возсылаемъ
  За милость, юже днесь отъ тебе знаемъ.
Мудрость словесъ ти любезно пріяхомъ,
  Въ скрижалѣхъ сердецъ нашихъ написахомъ.
Еже велиши, того мы желаемъ;
  А Богъ поможетъ, тако уповаемъ.
Поучаеши насъ благо пожити
  И славу рода нашего множити,—
Вседушно того азъ, сынъ твой, желаю,
  Попеченіе о томъ полагаю.
Братъ мой любезный избра въ дому жити,
  Славу въ предѣлѣхъ малыхъ заключити.
Богъ ему въ помощъ при твоей старости

Изжити лѣта красныя юности!
Вящшая мой умъ въ пользу промышляетъ,
Славу ти въ міръ весь простерти желаетъ.
Идѣже востокъ и гдѣ западъ солнца,
Славенъ явлюся во вся міра конца.
Отъ мене дому расширится слава,
И радость приметъ отчая ти глава.
Точію изволь милость си явити,
Уму моему помощь сотворити.
Вся намъ даеши, нѣсть требѣ толико,
Часть мнѣ достойну отдаждь, мой владыко,
Еюже имамъ много пристяжати,
Всякая страна имать насъ познати.
Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми ся быти, —
Въ отчинной странѣ юность погубити.
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь міръ посѣщати.
Твоя-то слава, и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ.
И егда дастъ Богъ вездѣ посѣтити,
Воскорѣ имамъ въ домъ ся возвратити:
Въ славѣ и чести тогда радость тебѣ
Будетъ на земли и ангеломъ въ небѣ.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
Благословенство свое изліяти:
Путь бо мой близъ есть, мысль моя готова,
Токмо отъ тебе жду отческа слова.
Даждь ми десницу твою цѣловати,
Абіе хощу путь мой начинати.

ОТЕЦЪ *(къ сыну юнѣйшему).*

Добро есть славы, сыне мой, искати,
  Чуждыя страны съ умомъ посѣщати.
За славу люди главу полагаютъ,
  Морскія волны съ бѣдствомъ преплаваютъ;
Но то удобно таковымъ творити,
  Иже начаша славно въ дому жити.
Не хощу тебѣ азъ воли отъяти,
  Юже всякому Богъ изволилъ дати;
Точію въ дому вящше пріучися,
  Странству удобенъ предъ нами явися.

СЫНЪ ЮНѢЙШІЙ *(къ отцу).*

Отче любезный! время мнѣ губиши,
  Аще единъ день мене удержиши.
Пусти мя, егда охотно желаю:
  Славно ти будетъ, вѣрно обѣщаю.
Что стяжу въ дому? Чему изучуся?
  Лучше въ странствіи умомъ сбогачуся.
Юньшихъ отъ мене отци посылаютъ
  Въ чюждыя страны, потомъ ся не каютъ.
Не держи, отче, молю со слезами!
  Се предъ твоими падаю ногами.

ОТЕЦЪ *(къ юнѣйшему сыну).*

Печаль ми, чадо, велику твориши,
  Егда у мене отпуста молиши.
Вижду тя не у добрѣ изученна,
  Юности воля сія нѣсть спасенна.
Но да увѣси, коль добро слушати,
  Шествуй съ Богомъ, не хощу держати.
Часть ти достойну всѣхъ добръ отлагаю,
  Храни опасно, тощно увѣщаю.

ОТЕЦЪ ЖЕ *(къ рабомъ).*

Раби вѣрніи! злато здѣ несите,
Многоцѣнныя одежды дадите,
Много колесницъ сребромъ наполняйте,
Турскіе кони уборно сѣдлайте.

СЛУГА *(къ отцу).*

Государю нашъ! се на твоя слова
Злато, одежды и вся суть готова.

ОТЕЦЪ *(къ сыну блудному).*

Пріемли, чадо, то благословеніе,
Точію твори доброе строеніе.

СЫНЪ БЛУДНЫЙ *(къ отцу).*

Цѣлую руцѣ твоѣ, родителю!
Любо пріемлю вся, благодѣтелю!

ОТЕЦЪ *(къ рабомъ).*

Возы и кони на дворѣ ставляйте,
Вся потребная въ путь уготовляйте.

РАБЪ *(къ отцу).*

Вся совершенна, ни мало медлихомъ,
По твоей воли дѣло совершихомъ.

ОТЕЦЪ *(къ сыну блудному).*

Се, чадо мое, тя обогащаю,
По твоей воли тебе отпущаю
И подаю ти благословеніе:
Имѣй о себѣ самъ попеченіе.

СЫНЪ БЛУДНЫЙ *(къ отцу).*

Отче любезный! се ти челомъ бію,
Подъ твоѣ нозѣ преклоняю выю.
Благодаря тя за вся благодати,
Яже ми еси изволилъ подати.
Любо цѣлую благословеніе,
Съ нимъ радъ пріемлю путетвореніе.

СЫНЪ БЛУДНЫЙ *(ко брату).*

И тебе, брате любезный, лобзаю,
Милости вашей самъ ся поручаю.
Въ молитвахъ вашихъ мене поминайте,
Крове своея не пренебрегайте.
Азъ уже иду, вы мя проводите,
Съ благословенствомъ въ путь мя отпустите.

СЫНЪ СТАРѢЙ *(ко брату).*

Щастливый путь ти отъ Господа буди!
Вездѣ мя, молю, брате, не забуди.
Азъ хощу вину любовь сохранити,
Се иду со отцемъ тебе проводити.
(И пойдутъ вси за завѣсу. Пѣвцы поютъ, и будетъ intermedium) [1]).

ЧАСТЬ II.

ИЗЫДЕТЪ БЛУДНЫЙ СЫНЪ СЪ НЕМНОГИ СЛУГАМИ И ГЛАГОЛЕТЪ:

Хвалю имя господне, свѣтло прославляю,
Яко свободна себе нынѣ созерцаю.
Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плѣненный,
Во предѣлѣхъ домовыхъ, якъ въ турмѣ замкненный.

---

[1]) Это слово приписано собственною рукою Полоцкаго.

Ничто бяше свободно по воли творити:
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красная лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же.
Ахъ! колика неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ—слава Богови!—отъ узъ свободихся,
Егда въ чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ изпущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный.
Богатство имамъ много и довольно хлѣба,
Нѣсть кому его ясти, слугъ больши потреба.
Аще ся кто обрящетъ охотникъ служити,
Имамъ сладцѣ питати и цѣнно платити.

СЛУГА БЛУДНАГО.

Милостивый государю! азъ хощу искати
Таковыхъ, иже тебѣ будутъ работати.

БЛУДНЫЙ.

Другъ ми будеши, не рабъ, егда со слугами
Многими немедленно станеши предъ нами.
Возьми на путь сто рублевъ, за труды другое;
Егда возвратишися, дамъ ти еще втрое.

СЛУГА.

Азъ иду; ты, государь, изволь ожидати,
Имамъ ти со слугами абіе предстати.

Слуга за завѣсу, а БЛУДНЫЙ *сядетъ на стольцѣ и къ слугамъ глаголетъ:*

Не добро богатому мало слугъ имѣти:
Съ кимъ имамъ ясти, пити? Кто манѣ будетъ пѣти?

Прискорбно ми есть безъ слугъ. Вина чашу дайте,
Сами по десяти чашъ полныхъ испивайте.

Онъ будетъ пити, и слуги, наполнивши, держатъ въ рукахъ, и единъ отъ нихъ глаголетъ:

Тѣ чаши испиваемъ мы за тебе свѣта.
Буди, государь нашъ, здравъ на многа лѣта!

Здѣ, пивше, запоютъ: «на многа лѣта!» Въ то время пріидетъ слуга, искавый новыхъ слугъ, съ многими слугами и речетъ:

Радуйся, государю! Свѣтло веселися:
Се рабъ твой со многими слуги возвратися.

БЛУДНЫЙ.

Добрѣ, о благій рабе! Прими себѣ за то,
Яко же обѣщахъ ти, сребро или злато.
Но повѣждь ми, что сіи искусни творити.
Азъ готовъ комуждо сто рублевъ платити.

СЛУГА, ИСКАВЫЙ СЛУГЪ, *глаголетъ.*

За мзды возданіе ручку ти цѣлую,
О сихъ людѣхъ искусныхъ вѣрно извѣствую,
Яко вси суть потребни въ пути, въ людѣхъ, въ дому:
Пити, ясти, шутити обычай всякому.

БЛУДНЫЙ.

Ха! ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добріи люди!
Слышъ! Даждь имъ по сту рублевъ; дай же, не забуди.

СЛУГА НОВЫЙ *глаголетъ.*

Преблагій государю! за то ся кланяемъ,
А во услугахъ нашихъ вѣрность обѣщаемъ.

БЛУДНЫЙ.

Добрѣ, слузи вѣрніи! Ну жъ возвеселимся:
Общая днесь намъ радость, виномъ прохладимся.

Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
А за наше здравіе до дна испивайте
Кто изъ васъ въ зерни умѣетъ, той сяди со мною,
Прочіи въ карти, въ тавлѣи играйте съ собою;
Аще кто проиграется, та на мнѣ утрата;
А кто добре выйграетъ, за трудъ гривна злата.

СЛУГА ЗЕРНЩИКЪ.

Азъ бывахъ искусенъ зернію играти,
Съ тобою, государь, не хощу дерзати.

БЛУДНЫЙ.

Сяди, брате, со мною; дерзай, якъ у брата;
Аще обыграеши, сто рублевъ заплата.
А вы, прочіи друзи, весело играйте,
Мои богатства вземше, смѣло пройгравайте.

И тако сядутъ играти, будутъ похищати добро Блуднаго и проигравати;

а БЛУДНЫЙ *речетъ къ зернщику.*

Добрѣ играеши, се сто рублевъ тебѣ;
Но щастія ради напіймыся себѣ.

(*И напіются.*)

ЗЕРНЩИКЪ.

Еще ли, государь, изволишь играти?

БЛУДНЫЙ.

Подвеселилъ есмъ себе, лучше пойду спати.

ЗЕРНЩИКЪ (*къ прочіимъ играющимъ*).

Возстаните, братіе, добрѣ послужите,
Государя своего на постель ведите.

ЕДИНЪ ОТЪ ИГРАВШИХЪ *речетъ*:

Встанимъ, друзи, и пойдемъ: время почивати,
Уже благодѣтель нашъ изволилъ престати.

И тако Блудный сынъ пойдетъ, сланяяся, а за нимъ вси.
(Пѣвцы поютъ и буди intermedium.)

ЧАСТЬ III.

ИЗЫДЕТЪ БЛУДНЫЙ СЫНЪ ПОХМѢЛЕНЪ, СЛУГИ РАЗЛИЧНО УТѢШАЮТЪ; ОНЪ ОБНИЩАЕТЪ.

БЛУДНЫЙ.

Чюждуся зѣло, вскую болитъ глава.
Постель бѣ мягка, не твердая лава.
Къ тому не помню, како положихся.
Негли та вина, яко утрудихся,
Вчера играя? А крѣпко стужаетъ
Болѣзнь, даже міръ весь ся обращаетъ.
Пилъ есмь опасно, а вѣмъ что причина,
Прилѣжный промыслъ, о чести кручина.
Но, дастъ Богъ, будетъ все по мысли нашей,
Вземшу искусъ благъ мнѣ о службѣ вашей.

СЛУГА ПЕРВОЙ.

Государю нашъ! тому не чюдися:
Младый нравъ, пити не научися.
Азъ есмь искусенъ, вѣмъ, како лѣчити:
Изволь скляницу днесь вина испити.
О чести всуе трудиши ти главу,
Нашъ ликъ разширитъ вездѣ твою славу.

БЛУДНЫЙ.

Здравый совѣтъ твой! Вина мнѣ дадите,
Себѣ по чашѣ того жъ наполните.

(Піетъ, глаголя:)

Будите здрави, любезніи друзи!

ВТОРОЙ СЛУГА *отвѣщаетъ.*

Пій на много лѣтъ! Мы ти вѣрни слузи.

(Пѣти: «на многа лѣта».)

БЛУДНЫЙ.

Богъ ти заплати за твой совѣтъ здравый!
Вѣмъ у лѣкарство отъ болѣзни главы.
Еще на печаль кто врачество знаетъ?
Молю, мнѣ службу въ томъ да изъявляетъ.

СЛУГА ТРЕТІЙ.

Утѣхою печаль обычно лѣчити,
Сладкоигрателемъ вели приходити.

БЛУДНЫЙ.

Самъ пригласи ихъ скоро, да играютъ,
И пѣвцы купно сладцѣ воспѣваютъ.

Здѣ будутъ играти и пѣти, потомъ глаголетъ

БЛУДНЫЙ.

Правда, утѣшно и сладцѣ играютъ,
И гласы пѣвцовъ зѣло украшаютъ.
Достойны мзды суть, даждь имъ, слуго, злата,
Да утѣшитъ ихъ многая заплата.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА, КАЗНАЧЕЙ.

Государю мой! злато расточися,
Все сокровище уже истощися;
Не на свирѣли денегъ есть потреба,
Было бы за что утро купить хлѣба.

БЛУДНЫЙ.

Не буди скорбенъ, сіи мои слузи
Дадутъ намъ взаимъ, якъ добріи друзи;
А мусикіемъ отдаждь ту одежду.
Имамъ азъ въ друзѣхъ извѣстну надежду.

Отдавъ одежду верхнюю, останетъ въ единой, что видя,
ПЯТЫЙ СЛУГА *глаголетъ:*

Государю нашъ! хлѣбъ твой понуждаетъ,
Да гортань моя правду ти вѣщаетъ.
Господь и мѣшокъ—то пріятель правы,
Людская пріязнь токмо для забавы.
Не дамъ ти въ заимъ, не хощу служити,
Не имаши бо, чимъ намъ заплатити.

СЛУГА ШЕСТЫЙ *глаголетъ:*

И азъ не мыщлю больше работати,
Не можеши мя безъ злата наяти.
И за сей мѣсяцъ изволь ми платити,
Не хощу къ тому азъ съ тобою быти.

СЛУГА СЕДЬМОЙ.

Радъ быхъ азъ служилъ вѣрно твоей славѣ,
Аще бы еси имѣлъ разумъ въ главѣ.
Злато и разумъ слуги собираетъ;
Кто буй, то трое купно погубляетъ.

Довольно служихъ, заплаты не чаю,
Тѣмъ же отъ тебѣ днесь ся отдаляю;
А что заслужихъ, изволь ми отдати.
Аще не даси, буду награждати.

СЛУГА ОСЬМОЙ.

Не надѣяхомся мы того по тебѣ,
Егда призвалъ еси насъ служити себѣ.
Много обѣщався, ни мало платиши,
Тѣмъ насъ на услугахъ своихъ не узриши.

СЛУГА ДЕВЯТЫЙ.

Кто сладко ястъ, піетъ, вскорѣ обнищаетъ,
То намъ священное письмо извѣщаетъ.
Кто отцу преслушникъ, не послушенъ Богу.
За то тя обыдутъ скорби по премногу.
Не слузи мы тебѣ, самъ будешь служити,
Токмо бы кто хлѣбомъ изволилъ кормити.

СЛУГА ДЕСЯТЫЙ.

Государю нашъ! челомъ біемъ тебѣ
За хлѣбъ и за соль, а слугъ ищи себѣ;
Мы прочь отходимъ, пьяницу лишаемъ,
За свои труды сами мзду воздаемъ.

ОНЪ ЖЕ *глаголетъ ко клевретомъ.*

Чего, братія, у него намъ ждати?
Что потомъ за трудъ возможемъ пріяти?
Емлимъ останки, самъ да погибаетъ,
Како впредь жити, юноша да знаетъ.

Здѣ вси крикнутъ: «емлимъ, емлимъ, емлимъ!» и расхитятъ останки. Единъ же отъ нихъ, сирѣчь слуга десятый, глаголетъ:

Еще тебѣ милость сію сотворяемъ,
Яко тя безумна въ живыхъ оставляемъ.

Моли Бога за насъ, не являй никому,
Возвратися скоро къ отцу до дому.

(И отходятъ вси.)

БЛУДНЫЙ.

Увы мнѣ! увы мнѣ! Что се сотвориша?
Вся вземше, едва мя жива оставиша.
Что сотворю? Пойду, велю ихъ имати,
Еда что сокровищъ возмогу сыскати?

(И отходитъ, плача.)

(Пѣніе, емуже послѣдуетъ intermedium.)

ЧАСТЬ IV.

ИЗЫДЕТЪ БЛУДНЫЙ ГЛАДЕНЪ, ПРОДАЕТЪ ПОСЛѢДНЮЮ ОДЕЖДУ, ОБЛЕКАЕТСЯ ВЪ РУБИЩЕ, СЛУЖБЫ ИЩЕТЪ, ПРИСТАЕТЪ КЪ ГОСПОДИНУ ПОСЫЛАЕТСЯ СВИНІЯ ПАСТИ, ПАСЕТЪ, ЯСТЪ СО СВИНІЯМИ, СВИНІЮ ПОГУБИЛЪ, БІЕНЪ; ИЩЕТЪ И, ПЛАЧА, ГЛАГОЛЕТЪ: «КОЛЬ МНОГО ХЛѢБА У ОТЦА МОЕГО» И ПРОЧ.

БЛУДНЫЙ.

Горе мнѣ бѣдну! Горе окаянну,
Сущу безкровну, безпомощну, странну!
Людіе злыи вси ми расхитиша,
Ниже на пищу мало оставиша.
Гладъ стражду велій, кто мя напитаетъ?
Во странѣ чюждѣй никто мя не знаетъ.
Едина токмо оста ми одежда,
На ту о хлѣбѣ послѣдня надежда.

Изыде КУПЧИНЪ, *имѣя свиту и хлѣбъ, и глаголетъ.*

Что ти, юноше? Кая печаль тебѣ?
Не сумнивъ буди, а мужайся себѣ.

БЛУДНЫЙ.

Добрый человѣче! кая ми отрада?
Вчера богатъ бѣхъ, днесь гибну отъ глада.

КУПЧИНЪ.

Гладъ мощно хлѣбомъ скоро утолити,
Азъ продамъ хлѣба, изволи купити;
За ту одежду хлѣбъ ти продаваю,
И мою ризу свыше прилагаю.

БЛУДНЫЙ.

Богъ тя даде ми, человѣче благій!
Гладну ми сущу, хлѣбъ зѣло не драгій.
На моя риза, изволь свою дати,
Нужда ми зѣльна урокъ чреву дати.

Ту замѣнять ризы и, хлѣбъ отдая, КУПЧИНЪ *глаголетъ:*

Яждь во здравіе, хлѣбомъ насытися,
А чрева ради трудомъ приложися.
Аще хощеши вѣрно послужити,
Имамъ тя добрымъ людемъ предъявити.
Вѣмъ человѣка богатаго зѣло,
Тому на службу предадися смѣло.

БЛУДНЫЙ.

Ангелъ ми еси, свято твое слово:
Се мое сердце служити готово.

Ту изыдетъ человѣкъ богатый и глаголетъ къ купчину и Блудному.

Откуду людіе и что дѣло ваше,
Яко въ срѣтеніе случистеся наше?

КУПЧИНЪ.

Азъ куплю дѣю и тѣмъ ся питаю,
Аще въ товарѣхъ прибыль обрѣтаю;
Сей же клевретъ мой хощетъ работати,
Аще изволитъ кто ево наяти.

ГОСПОДИНЪ.

Аще есть вѣренъ, не долженъ никому,
Приму служити до моего дому.
(И обращся къ Блудному, и речетъ):
Слышъ, человѣче! Хощешъ ли служити
И во всемъ вѣренъ господину быти?

БЛУДНЫЙ.

Радъ, государю, тебѣ работати
И во всемъ вѣрность мою сохраняти.

ГОСПОДИНЪ.

Даждь же ми руку на праведномъ словѣ,
Да будешъ крѣпокъ намъ по сей умовѣ.

БЛУДНЫЙ.

И обѣ руцѣ радъ ти простираю,
Яко охочо тебѣ работаю.

ГОСПОДИНЪ.

Се уже крѣпокъ рабъ ми сотворися.
Въ домъ мой на труды абіе потщися;
Но вѣждь обычай, яко азъ никому
Въ началѣ службы честны не дамъ въ дому.
Иди на село, что велятъ, трудися,
На честну службу прежде заслужися.

Покажи руцѣ, да могу познати,
Въ кую тя службу подобаетъ дати.

Посмотрѣвъ на руцѣ и пощупавъ, паки глаголетъ

ГОСПОДИНЪ.

О! нѣсть мозолей, зѣло мягки длани,
Бодрствуй отселѣ, лѣности престани.
Слышишь, прикажчикъ! На село возьмите,
А свини пасти ему прикажите.

ПРИКАЖЧИКЪ.

Добро, государь мой! Творю велѣніе,
Прикажу ему свиней пасеніе.

(Господинъ идетъ за завѣсу, а прикажчикъ глаголетъ:)

Ходи къ свинаремъ, паси купно съ ними,
Сія сапожки изъ ногъ твоихъ сними.
Премѣни кафтанъ, въ хуждшій облецыся,
Свиней погубити опасно блюдися.

Здѣ инъ свинопасъ изыдетъ, гоня прасята, къ немуже глаголетъ.

ПРИКАЖЧИКЪ.

Слыши ты, мальче! Се товаришъ тебѣ,
Свиней сгубити блюдитеся себѣ;
Азъ имамъ вскорѣ къ вамъ ся возвратити
И по заслугамъ обѣма платити.

ПАСТУХЪ *(къ Блудному)*.

Ну, друже милый! корито съ рожцами
Принеси сѣмо, поставъ предъ свиньями.

А БЛУДНЫЙ *принесетъ и речетъ:*

И азъ есми гладенъ, а нѣсть ми что ясти,
Рожцы ми будутъ за всякія сласти.

(Тогда ястъ, а пастухъ свинія присадитъ до корита; онъ же разгнѣвася, ударитъ свинія, да разбѣгутся).

ПАСТУХЪ.

Что дѣлаеши? Свини отгоняешъ?
Всуе отъ рожцевъ оны отбиваешъ?
Се побѣгоша, аще погубиши,
Язвами хребта бѣднѣ заплатиши.

Ту приходитъ ПРИКАЖЧИКЪ.

Мальци! что у васъ добраго ся дѣетъ?
Трудъ вашъ о стадѣ еда добрѣ спѣетъ?

ПАСТУХЪ.

Государю мой! винни предъ тобою,
Врагъ се, а не другъ у свиній со мною:
Самъ рожци ялъ есть, и свини разгнаше,
Азъ не вѣмъ, стадо гдѣ поутекаше.

ПРИКАЖЧИКЪ.

Возьмите врага, плетьми разсѣчите,
А потомъ свиней прилѣжно ищите.

Поведутъ за завѣсу Блуднаго, и біютъ плетьми, онъ кричитъ: «Государь! пощади»;

а ПРИКАЖЧИКЪ *глаголетъ*:

Бій врага добрѣ, да вѣсть свое дѣло,
Да пасетъ бодро, хранитъ стадо цѣло.

И крикнетъ: «полно бити, часъ пустити», Ту приведутъ Блуднаго убита, къ немуже речетъ ПРИКАЖЧИКЪ:

Ищи свиней, враже! Блюдись погубити,
Ибо до смерти велю тя убити.

И отходитъ прикажчикъ, а БЛУДНЫЙ *глаголетъ:*

Увы мнѣ! увы! Что имамъ творити?
Свиңи погубихъ, хотятъ мя убити.
Гладомъ и хладомъ весьма помираю
И бичьми лютѣ посѣченъ бываю.
О коль бѣ благо въ дому отчимъ быти,
Нежели въ страны чюждыя ходити!
Хлѣбъ у наемникъ тамо избываетъ,
А мое чрево гладомъ погибаетъ.
Пойду ко отцу, до ногъ поклонюся,
Глаголя сице, предъ нимъ умилюся:
«Отче! согрѣшихъ на небо и къ тебѣ,
Пріими мя поне въ наемника себѣ;
Нѣсмь бо достоинъ сынъ твой нарещися.»
О даждь ми, Боже, къ отцу довлещися!

(И пойдетъ за завѣсу. Ту пѣніе, и intermedium, *по немъ пѣніе паки).*

ЧАСТЬ V.

ИЗЫДЕТЪ ОТЕЦЪ БЛУДНАГО СЫНА; ПЕЧАЛЯСЯ О СЫНѢ; СЫНЪ ВОЗВРАЩАЕТСЯ И ПРОЧ.

ОТЕЦЪ БЛУДНАГО.

Туга велика сердце ми смущаетъ,
Лютая печаль душу исполняетъ.
Не вѣмъ, гдѣ сынъ мой юншій обратися,
Иже отъ мене древле удалися.
Живъ, или умре, никто же вѣщаетъ,
Отчее сердце толма умираетъ.
Сыне мой драгій! сыне возлюбленный!
Коль ты отъ мене еси удаленный!

Кая тя страна, сыне мой, питаетъ?
Кто тя на разумъ правый наставляетъ?
Кто тя утѣшитъ, во печали суща,
Никого сродна въ тыхъ странахъ имуща?
Кто бы ми далъ то сына созерцати,
Хотя бы нага въ домъ мой воспріяти?

ВѢСТНИКЪ.

Радуйся, государь нашъ, и возвеселися:
Сынъ твой, иже погиблъ бѣ, къ тебѣ приближися.
По благодати божей возвратися цѣло,
Токмо не скорбенъ буди, что обнища зѣло.

ОТЕЦЪ.

Нага отъ Бога пріяхъ того сына;
Аще и днесь нагъ, то мнѣ не кручина.
Кто его видѣ, идѣте, срѣтайте,
Мнѣ о приходѣ абіе вѣщайте,

(*Пойдутъ тщіи слузи, и абіе другій вѣстникъ*).

ВѢСТНИКЪ ДРУГІЙ *глаголетъ:*

Во вратѣхъ сынъ твой идетъ со слезами,
Встыдится лютѣ худыми ризами.

Ту покажется Блудный отъ завѣсь, а ВѢСТНИКЪ *речетъ:*

Се идетъ въ двери,
Что не дашъ вѣры?

ОТЕЦЪ *двигнется далече и, нападъ на выю сыновню, цѣлуетъ и глаголетъ:*

Сыне мой милы, отнюдь нечаянный,
Днесь паки Богомъ ты ми дарованный!

БЛУДНЫЙ.

Согрѣшихъ, отче, на небо и къ тебѣ,
Прими мя поне въ наемника себѣ.
Нѣсть у достоинъ сынъ твой нарещися,
Ты яко отецъ умилостивися.

ОТЕЦЪ (*къ рабомъ*).

Одежду перву сыну изнесите,
Честно на плеща его возложите.

(*И одѣютъ его*).

ОТЕЦЪ.

Дадите перстень, на руку взлагайте,
Первую почесть ему сотворяйте.

(*Взложатъ перстенъ и поклонятся*).

ОТЕЦЪ.

Сапоги дайте и взуйте на нозѣ,
Вижду и, яко бяше въ скорби мнозѣ.

(*Обуютъ и поклонятся*).

ОТЕЦЪ.

Идите, тельца тучна заколите,
Со мною ядше, вси ся веселите,
Яко сынъ мой сей, иже мертвъ вмѣнися,
Се,—слава Богу!—живъ къ намъ возвратися;
Иже погиблъ бѣ, обрѣтеся нынѣ.
Возвеселися всякъ о моемъ сынѣ!

(*Пойдутъ за завѣсу, и тогда играютъ органы и прочая, и поютъ мало, токмо единъ слуга на театрѣ останетъ, котораго, пришедъ, сынъ старшій вопрошаетъ*).

СЫНЪ СТАРѢЙ *(къ слузѣ).*

Слушай, отроче! Кія въ дому лики?
Кая пѣнія и пиръ превеликій?

ОТРОКЪ.

Братъ твой пріиде, а отецъ заклати
Повелѣ тельца и всимъ ликовати,
Яко живъ и здравъ къ нему возвратися,
Аще всѣхъ благихъ въ конецъ отщетися.

СЫНЪ СТАРѢЙ.

Аще братъ въ дому, азъ не хощу внити,
При немъ и съ отцемъ мнѣ отнюдь не жити.

ОТРОКЪ.

Государю нашъ! изволь здѣ пождати,
Азъ отцу тайно имамъ вѣсть подати.

Поидетъ отрокъ за завѣсу. ОТЕЦЪ, *изшедъ къ сыну старшему, молитъ.*

Сыне мой прелюбезный! гнѣвенъ ми не буди,
Вниди въ домъ, обрадуй мя, и брата и люди.

СЫНЪ СТАРѢЙ *(къ отцу).*

Отче мой драгій! азъ ти работаю
Толика лѣта и не преступаю
Воли твоея, а ты мнѣ заклати
Никогда даде и мала козляти,
Дабы со други мнѣ пиръ сотворити,
По трудѣхъ мало ся возвеселити;
А егда сей въ домъ сынъ твой возвратися,
Иже имѣній даныхъ отщетися,

Ядый съ блудницы, ты велѣлъ заклати
Тельца питанна и пиръ совершати.

ОТЕЦЪ *(къ сыну старѣйшу)*.

Сладкое чадо! ты всегда со мною
Не отлученно, и азъ есмь съ тобою;
Моя твоя суть, вся свободна тебѣ,
Вели заклати, что изволишъ себѣ,
Токмо радуйся и возвеселися,
Яко сей братъ твой къ нама возвратися,
Иже мертвъ бяше, а живъ соблюдеся;
Уже изгиблъ бѣ, и днесь обрѣтеся.
Вниди въ радости въ веселу полату,
Прояви любовь обрѣтенну брату.

СЫНЪ СТАРѢЙ *(къ отцу)*.

Не хощу ти, отче, преслушникомъ быти,
Иду азъ съ тобою любовь сотворити.
(И поидутъ за завѣсу. Ту пѣніе и лики, по семъ intermedium, паки пѣніе.)

ЧАСТЬ VI.

ИЗЫДЕТЪ БЛУДНЫЙ ОДѢЯНЪ И ЧЕСТЕНЪ, ХВАЛИТЪ БОГА, ЯКО ВОЗВРАТИСЯ.

Боже превѣчный! буди слава тебѣ,
Егоже хвалятъ ангели на небѣ!
Вся тварь да поетъ имени твоему,
Да творитъ почесть Господу своему.
Яко премудрѣ вся устроилъ еси,
Яже на земли и что на небеси:
Мѣриломъ правымъ вся суть размѣренна,
Вся по естеству въ чинѣ положенна.

Горѣ прекрасно свѣтила сіяють,
    Землю пространну плоды украшають;
Рибами море зѣло исполнися,
    Воздухъ птицами красно удобрися.
Но изряднѣе родъ нашъ украшенны,
    Образомъ Твоимъ зѣло удобренны,
Егоже кто вѣсть добрѣ почитати,
    Удобенъ въ небѣ вѣнецъ воспріяти.
Азъ же сынъ блудный здѣ обезчестихся,
    Образу тому позорникъ явихся,
Егда, не слушавъ отчя велѣнія,
    Низвергохъ иго его правленія.
Идохъ въ чюждыя далекія страны,
    Погубихъ блудно мнѣ пожитокъ даны,
Обнищахъ въ конецъ; пасохъ свиней стада,
    И рожцы ядохъ свиныя отъ глада.
А что пострадахъ, стыждуся являти:
    То поминая, долженъ есмь плакати.
Найпаче долгъ мой есть Бога хвалити,
    Что мя изволилъ на путь наставити,
Да, раскаявся, къ отцу возвращуся,
    Горькими слезы предъ нимъ умилюся:
То ми сотворшу, отецъ мой преблагій
    Не устыдися, яко придохъ нагій:
Пріяхъ любезно, надъ мою надежду,
    Въ древнюю мене облече одежду,
Паки изволилъ мя обогатити,
    Во преждней чести въ дому своемъ быти.
О коль велика, отче, любовь твоя!
    Не достойна бѣ тоя грубость моя.
О что воздамъ ти, отче мой сладчайшій,
    Надъ всяку цѣну отче мой дражайшій?
Ты мя воспріятъ въ гноище верженна,
    Ты мя оживи, бывша умерщвленна.

Что убо благо могу ти творити
И како имамъ тя благодарити
За толикія твоя благодати,
Яже изволи на мя изліяти?
Отецъ небесный самъ ти воздаруетъ,
Иже всѣмъ милость за милость готуетъ.
Азъ же отселѣ хощу пребывати
Въ послушаніи, себе подчиняти;
Познахъ бо нынѣ, юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.
Каюся о злыхъ, содѣянныхъ мною,
О мой любезный отче, предъ тобою.
Буду во притчю азъ всѣмъ человѣкомъ,
Найпаче младымъ во вся вѣки вѣкомъ [1].
Но и отецъ мой не внѣ притчи будетъ:
Кто его милость толику забудетъ?
Божія милость имъ вообразися.
Кто Богу виненъ, къ Богу возвратися!
Любезнѣ руцѣ и Онъ простираетъ,
Удобнѣ злобы грѣшникомъ прощаетъ,
За что азъ его выну прославляю,
Вашемъ милостемъ сицевъ поклонъ даю.

Пѣніе будетъ, а по немъ

ЕПИЛОГЪ.

Благородніи, благочестивіи,
Государіе премилостивіи!
Видѣсте притчю, Христомъ изреченну,
По силѣ дѣломъ днесь воображенну,
Даби христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже писаннымъ, чтобы не забыти.

---

[1]) Въ рукоп.: *вѣковъ.*

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати,
Старимъ, да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ,
Найпаче образъ милости явися,
Въ немъже божая милость вобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете.
Мы въ сей притчи аще согрѣшихомъ,
Ей, огорчити никого мыслйхомъ;
Обаче, молимъ, извольте простити,
А насъ въ милости господстей хранити,
За что хранени будете отъ Бога
Въ милости Его на лѣта премнога.

(*Ту вси, изшедше, поклонятся, а мусикія запоетъ, и тако разыдутся гости.*)

VII.

О НАВХОДОНОСОРѢ, ЦАРѢ,

О ТѢЛѢ ЗЛАТѢ И О ТРІЁХЪ ОТРОЦѢХЪ, ВЪ ПЕЩИ НЕ СОЖЖЕННЫХЪ.

ПРЕДИСЛОВЕЦЪ.

Благовѣрнѣйшій пресвѣтлѣйшій царю,
Многихъ царствъ и княствъ правый государю,
Пречестнымъ вѣнцемъ благоувѣнчанный,
Всѣмъ православнымъ яко солнце данный,
Да намъ свѣтиши яснѣ добротами,
Яко же солнце свѣтлыми лучами!
Велій есть свѣтъ твой, тьмѣ одолѣваетъ,
Мракъ безвѣрія весьма отгоняетъ.
Адамантъ въ златѣ нѣсть толико красенъ,
Яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
Бога во Троицѣ ты едина чтиши,
И должный поклонъ любезно твориши
Подъ нозѣ Его главу ти смиряя,
Со смиреніемъ кротость соблюдая.
Что либо сану царску приличствуетъ,
То святая ти душа державствуетъ,
Доброты гнѣздо положиша въ тебѣ,
Во сердцѣ твоемъ живутъ, яко въ небѣ.

Навходоносоръ не тако живяше,
  Аще и скипетръ въ десницѣ держаше:
Тьмою невѣрства бѣ онъ помраченны,
  Велiимъ чудомъ едва просвѣщенны.
Къ тому гордости въ сердци исполнися,
  Всѣхъ боговъ паче самъ быти возмнися.
Образъ свой людемъ повелѣлъ бѣ чтити,
  Не послушавшыхъ во пещи спалити.
Трiе отроцы во огнь воверженi,
  Но отъ ангела цѣло сохранени,
Имъже царь чюдомъ къ вѣрѣ приведеся,
  Честь же отрокомъ велика дадеся.
То комидiйно мы хощемъ явити
  И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящымъ,
  Княземъ, болядромъ, вѣрно ти служащымъ,
Во утѣху сердецъ. Здрави убо зрите,
  А насъ въ милости своей сохраните.

(По семъ да играютъ).

ИЗЫДЕТЪ НАВХОДОНОСОРЪ СЪ БОЛЯРЫ И СЛУГАМИ ШЕСТIЮ ЧЕЛОВѢКЪ, А ВООРУЖЕННЫХЪ ВОЙ ЗА НИМИ СТАНЕТЪ ШЕСТЬ ЖЕ ЧЕЛОВѢКЪ. ЦАРЬ УБО, СѢДЪ НА МѢСТѢ УГОТОВАННОМЪ, НАЧНЕТЪ ГЛАГОЛАТИ:

Вѣрнiи раби, боляре, дворяне
  И вси царствъ нашихъ славнiи земляне!
Видите крѣпость десницы моея:
  Вся побѣжденни суть страны отъ нея;
Никто противу возможе ми стати,
  Весь мiръ единъ азъ имамъ одержати,
Всякихъ странъ бози съ нами не дерзаютъ.
  Насъ Бога боговъ отднесь вси да знаютъ!
Тѣмъ же умыслихъ образъ сотворити
  Лица нашего и всѣмъ представити

На полѣ Деирѣ, да вси почитаютъ
Образъ нашъ и насъ бога нарицаютъ.
Слыши, казночей! Се велимъ мы тебѣ:
Даждь чиста злата, елико есть требѣ,
Абіе вели образъ нашъ творити,
На превысоцѣ столпѣ поставити.

КАЗНАЧЕЙ.

Что богъ вѣщаетъ, страшно есть то слово,
По твоей воли все будетъ готово.

Отъидетъ казначей дѣлати образъ, а НАВХОДОНОСОРЪ *глаголетъ:*

Егда нашъ образъ златый созерцаемъ,
Тогда всѣхъ вѣрность, яже къ намъ, познаемъ.
Любяй насъ вѣрно будетъ препочтенны,
Не любяй паки будетъ осужденны.
Слыши, Зардане! Вели готовати
Пещъ, смолу, наѳу и огнь розжизати
Близу образа, да всякъ вовержется,
Иижъже нашъ образъ честный не почтется.

ЗАРДАНЪ.

Веселымъ сердцемъ твое велѣніе
Приведу вскорѣ во исполненіе.

И отходитъ Зарданъ, и начнетъ глаголати бояринъ

НАВУСАРЪ.

Свѣтлый нашъ царю и пресильный боже!
Никто ти въ бранѣхъ силенъ быти може:
Нынѣ ли убо можетъ кто дерзати,
Еже противу воли твоей стати?
И слово твое огню подобится,
Того и пещи кто не убоится?

Добрѣ велиши огнемъ сожигати
Образу чести не хотящихъ дати.

НАВХОДОНОСОРЪ.

Добро все, еже богъ повелѣваетъ,
Аще и весь міръ въ конецъ погибаетъ.
Мы тако хощемъ: кто дерзнетъ судити,
Въ единъ часъ велимъ живота лишити.
Вы днесь печалей намъ не поминайте,
О мусикіи сладдѣй промышляйте.

Пріидутъ мусикіи, и речетъ къ нимъ НАВУСАРЪ.

Елика вѣсть утѣшная быти,
Та потщитеся предъ царемъ творити.
(Здѣ будутъ ликовствованія).

Приходитъ КАЗНАЧЕЙ *и глаголетъ:*

Царю пресвѣтлый! живи ты во вѣки,
Вся превозшедый міра человѣки!
Се уже слово твое совершися,
Образъ твой честный лѣпо поставися.
(И отложше завѣсу, покажется образъ стояй).

НАВХОДОНОСОРЪ *глаголетъ:*

Вѣрныи мои раби! блажимъ труды ваша,
Отселѣ будетъ милость на васъ наша.

Приходитъ ЗАРДАНЪ *и глаголетъ:*

Царю надъ цари! царствуй многи лѣта
Надъ всѣми страны до кончины свѣта!
Се твоя воля мною исполненна,
Веліимъ зѣло пещь огнемъ разженна.
(И покажется пещь).

НАВХОДОНОСОРЪ.

Добрѣ трудился, но не угашайте,
Изгребій, смолы, нафы прилагайте,
Да, то видяще, вси ся поклоняютъ
Образу злату, насъ съ нимъ почитаютъ.

ЗАРДАНЪ.

Радъ то творити, еже ты велиши,
Самъ свѣтлымъ окомъ работу узриши!

НАВХОДОНОСОРЪ *(ко Амирѣ, болярину).*

Амире вѣрный! въ томъ прилѣженъ буди,
Да всякихъ сановъ днесь предстанутъ люди
Почтити образъ; а вели играти
Въ трубы, органы и свирѣльствовати,
Во еже бы гласомъ небесъ доходити,
И въ то бы время всѣмъ поклонъ творити;
Аще же чести кто не схощетъ дати,
Въ пещъ таковаго вели повергати,
Яже въ седмеро буди распаленна,
Изгребей, смолы, нафы исполненна.

АМИРЪ *(къ царю).*

Непобѣдиме царю! здравъ ты буди!
На полѣ Дейрѣ вси предстоятъ люди,
И вся готова: изволь соглядати,
Како вси будутъ образъ почитати.

НАВХОДОНОСОРЪ.

Убо есть время, повели трубити,
И златый образъ нашъ поклономъ чтити.

Тогда помаает АМИРЪ, *глаголя:*

Слышите, гудци! Гласно вы свиряйте.
Вы же, людіе, образу честь дайте!

ГУДЕЦЪ *речетъ:*

Повелѣнія токмо ожидахомъ,
Ко писканію вся уготовахомъ.

И начнутъ трубити и пискати, народи же поклонятся, а тріе отроцы не поклонятся, что видя, АМИРЪ *велитъ ихъ поимати, глаголя сице:*

Поймите, поймите людей беззаконныхъ,
Образу царскому ни мало поклонныхъ!

Тогда ихъ поймутъ и приведутъ предъ царя. И речетъ АМИРЪ:

Пречестный царю! се людіе зліи,
Не преклониша образу ти выи.
Повелѣніе твое укоряютъ,
На честный образъ хулы испущаютъ.

НАВХОДОНОСОРЪ *съ гнѣвомъ глаголетъ къ отрокомъ:*

Седрахъ и Мисахъ, Авденаго и ты!
Бысте вы у насъ зѣло нарочиты,
Что слышимъ о васъ? Вы ли обругасте
Насъ, и образу поклона не дасте?
Самъ хощу зрѣти, вы правду явите,
Со гласомъ трубнымъ главы поклоните;
Аще поклона не хощете дати,
Лютѣ имате въ пещи пострадати.
Кто богъ есть, могущъ васъ мукъ свободити,
Отъ рукъ пресильныхъ нашихъ исхитити?

СЕДРАХЪ *глаголетъ:*

Нѣсть требѣ, царю, намъ ти отвѣщати.
Богъ всемогущій силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею
И свободити отъ руку твоею.

МИСАХЪ.

Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ насъ во прельщеніе;
Аще же огню Богъ хощетъ ны дати,
Мы за честь Его готови страдати.

АВДЕНАГО.

Живаго Бога небеснаго знаемъ,
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати:
Творецъ есть Богъ нашъ, Того хощемъ знати.

НАВХОДОНОСОРЪ, *разъярився, крикнетъ:*

Оле злыхъ враговъ! Како суть прельщени!
Скоро будутъ во огнь воверженя.
Крѣпціи вои! скоро похитите,
Посредѣ пещи враги воверзите.

Тогда ВОИ *похитятъ и, вяжуще я, глаголютъ:*

1.

Благо вамъ бяше царя послушати,
Въ сицеву бѣду себе не врѣвати.

2.

Золъ родъ еврейскій; крѣпко ихъ вяжите,
Непокоривыхъ ни мало щадите.

3.

Кто врага царска хощетъ пощадити,
  Самъ есть достоинъ смертно казнимъ быти.

4.

Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати
  Съ едного хребта, а самъ не страдати.

5.

Мнѣ Евреина толь сладко убити,
  Яко же меда сладка чашу пити.

6.

Вержите во пещь, мало глаголите;
  Еже велятъ вамъ, то скоро творите.

И вергнутъ въ пещь, абіе же да снидетъ къ нимъ Ангелъ, и тако да глаголетъ къ отрокомъ

АНГЕЛЪ:

Вѣрніи слузи истиннаго Бога!
  Да не смущаетъ васъ печалъ премнога!
Не оставитъ васъ Господь всемогущій,
  Не повредитъ вы пламень, все ядущый.
Яко росою тѣмъ ся охлаждайте,
  Богу вашему честь и славу дайте!

Тогда Азарія, или Мисахъ начнетъ глаголати умиленно:

«Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хвально и прославленно имя Твое во вѣки, яко праведенъ еси о всяческихъ, яже сотворилъ еси намъ» и проч., якоже есть у Даніила въ главѣ 3.

Здѣ огнь изъ пещи Халдей опалитъ и единъ отъ нихъ возопіетъ:

Увы намъ! лютѣ огнь насъ пожигаетъ,
Иже изъ пещи чюднѣ избѣгаетъ.

И падутъ они; ЦАРЬ, *увидѣвъ, возопіетъ сице:*

Кое то чюдо? Пламень утекаетъ
Изъ пещи и рабъ моихъ опаляетъ.
Возьмите трупы, земли предадите,
Сами ся огня лютаго блюдите.

Таже вси тріе отроци умиленными гласы да поютъ:

«Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хваленъ и превозносимъ во вѣки» и проч., яко тамождe у Даніила

АМИРЪ *глаголетъ:*

Оле чюдесе! Врази не сгораютъ,
Нѣкія пѣсни сладцѣ поспѣваютъ.

ЦАРЬ *глаголетъ:*

Видѣніе паче слуха увѣряетъ,
Хощу, да око мое соглядаетъ.

И, возставъ, воззритъ въ пещь и, яко узрѣти ему четырехъ въ ней сущихъ, речетъ къ боляромъ:

Что есть, вельможи? Не три ли ввержени
Отроцы во огнь, да будутъ сожжени?

АМИРЪ *глаголетъ:*

Ей, тріе, царю, казнь сію пріяша,
Яко образу поклона не даша,

ЦАРЬ.

Что убо вижду, въ пламени огненни
Четыре мужи ходятъ разрѣшенни?
Вси суть безъ вреда, четвертый блистаетъ,
Яко Сынъ Божій. О! чюдо бываетъ.

Увы мнѣ, увы! Азъ грѣшный прельстихся,
  На рабы Бога живаго ярихся.
Они суть святи, азъ же грѣшенъ зѣло;
  Невинныхъ и огнь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити?
  О прощеніе хощу ихъ молити.

И приступль ЦАРЬ *къ пещи, глаголетъ:*

Седрахъ и Мисахъ, Авденаго честный!
О раби Бога, иже есть не лестный!
Тощно изъ пещи сея изыдите,
  Къ намъ согрѣшившимъ въ пользу пріидите.
Прощеніе ми изволъте дарити,
  Богу вашему азъ хощу служити.

Ту изыдутъ отроцы невреждении, ихъже зряще, вельможи воскликнутъ:

1.

Оле чудесе! како не сгорѣша
  Отроцы сіи и огнь одолѣша?

2.

И то есть дивно, что власы суть цѣлы,
  Аще великимъ пламенемъ горѣлы,

3.

Зрите одежды, како нерастлѣнны,
  Бывше великимъ пламенемъ паленны.

4.

Ей, чюдо есть се, но кто оно дѣетъ,
  Умъ неискусный мой недоумѣетъ.

ЦАРЬ.

Вижду, боларе, кая чюдо сила
  Въ очесѣхъ нашихъ нынѣ сотворила.
Благословенъ Богъ, сотворивый тако,
  Егоже Седрахъ, Мисахъ, Авденаго
Намъ просвѣщаютъ! Онъ царь и владыка,
  Его есть крѣпость всѣхъ паче велика.
Его ангеломъ сіи избавлени,
  Изъ люты пещи здрави сохранени,
Иже на муки плоти си предаша,
  Чуждему богу почести не даша,
Царское наше слово преслушаша,
  Яко на Бога жива уповаша.
О блаженніи раби Бога права,
  Емуже поклонъ даетъ моя глава!
Предъ лицемъ вашимъ того отднесь знаю,
  Его истинна Бога всѣмъ вѣщаю.
Аще же дерзнетъ его кто хулити,
  Убіенъ буди, а домъ расхитити
Повелѣваемъ; нѣсть бо тако силенъ
  Богъ, яко Богъ вашъ, иже зѣло дивенъ.
Вы же, честніи слузи жива Бога,
  Примѣте отъ насъ владѣтельства многа,
Паче всѣхъ князей будите почтени,
  За други наша отселѣ вмѣнени.

СЕДРАХЪ.

Богу честь, слава, сіе чюдо явльшу,
  Насъ сохранившу, а тебе взыскавшу!
Тебѣ за почесть главы преклоняемъ,
  Должную вѣрность тебѣ обѣщаемъ.

МИСАХЪ.

Не сія токмо Богъ нашъ совершаетъ,
Но ина многа дѣла содѣваетъ,
Яже временно твоей благодати,
Да вѣруеши, имамы сказати.

АВДЕНАГО.

Точію вѣруй, царю превеликій!
Вѣрный рабъ буди небесна Владыки.
Смиренъ явися: Онъ будетъ съ тобою,
И укрѣпитъ тя своею рукою.

ЦАРЬ.

Благодарю вы, любиміи друзи,
Бога живаго истинніи слузи,
Яко обиду хощете забыти,
А намъ божію славу изъявити.
Любезнѣ слухъ мой на ту преклоняю.
И сокровище сердца предлагаю.
Но днесь въ полату вы съ нами грядите,
Вашимъ приходомъ домъ возвеселите.

(И отъидутъ за завѣсы).

По сихъ эпилогъ.

ЭПИЛОГЪ.

Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый!
Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволи дѣйства послушати.
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣйство наше,

Имъже ти негли не угодни быхомъ,
Яко искуства должна не явихомъ.
Разума скудость выну погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ,
Тѣмъ же смиренно къ ногамъ припадаемъ:
Еже простити намъ, сіе желаемъ.
Мы же имамы Господа молити,
Да во всемъ тебе изволитъ простити,
Къ тому да подастъ мирно царствовати,
А противники вскорѣ побѣждати,
И приложитъ ти многа лѣта жити,
Потомъ небесный вѣнецъ наслѣдити.
Многа лѣта!

(Играніе.)

II.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

КОЦНА XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

I.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА.

АНТИПРОЛОГЪ.

НАТУРА ЛЮДСКАЯ.

Натура людска, въ образъ Бога есмь созданна:
Разумъ, память и воля суть мнѣ дарованна,
Не дарованна, паче данна, не отъята
Отъ преслушавшой Бога чрезъ зміа треклята,
Занеже ми есть отъята мудрость и святыня,
Безсмертіе, нетлѣнность, житіа простыня.
Разумѣю разумомъ, яко зломъ объяхся;
Знаетъ и память, яже въ раѣ наслаждахся;
Воля ми безвольная оковася узомъ,
Съ нею разумъ и память единымъ союзомъ:
Дерзнетъ воля на радость, память памятаетъ,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаетъ.
Егда хощетъ простерти въ самовольство руки,
Разумъ речетъ: «памятай діавола штуки,
Како тя безсмертную въ раи уловиша
За дерзость сѣтьми смерти и тѣми сокрыша».
Тымъ ся ми разумъ, память, воля упражняетъ,
Вѣсти же ни отъ кого отмѣнныя чаетъ.

ОМЫЛНАЯ НАДЕЖДА [1]).

Что, Натуро людская, сѣтуешь созданна,
Надъ все вданіе лучій Богу подобанна?
Имущой образъ Бога что ти не довлѣетъ,
Красота и лѣпота егда ти свѣтлѣетъ?
Имашъ ты покоренна вся, яже суть въ мірѣ:
Лѣтвующіи, ходящіи [2]) и пловущіи звѣри,
Вся сія покоренна суть подъ твоя нозѣ.
Убо не сѣтуй, паче радуйся по Бозѣ.

НАТУРА.

Вся ми суть покоренна, но и азъ подданна:
Смерти, егда согрѣшихъ въ раи, первозданна!

НАДЕЖДА.

Не отчайся, Натуро, имѣй мя, Надежду;
Возведъ очи, посмотри: зостаешъ между
Коими вѣщми? Се ти вѣкъ златый послужитъ,
Миръ въ брань не претворится, луна не натужитъ,
Любовь, кротость нездобна съ тобою пребудутъ,
Фортуна, вѣчна радость неотступны будутъ.

НАТУРА.

Аще тако есть, добрѣ; се скорбь отлагаю.
Радостна веселюся, скачу и играю.
Златъ вѣкъ, миръ, счастье, радость мене окружаютъ,
Убо сердцу моему скорби не стужаютъ.

ВѢКЪ ЗЛАТЫЙ.

Счисляй, о Натуро людска, внѣ златыя часы:
Златый ти вѣкъ вѣщаю не хитрыми гласы.

---

[1]) Въ рукописи: *омыанная*.
[2]) Въ рукописи: *хотящіи*.

ПОКОЙ.

Смотри, Натуро людска, на сію маслину;
О ней мира, не вбрани чрезъ мене чай выну.

ЛЮБОВЬ.

Азъ, Любовь, симъ союзомъ къ тебѣ привязанна:
Понеже мя имѣешь, вся тебѣ суть данна.

КРОТОСТЬ.

Всегда въ Кротости сердце ти да веселится,
Тому злобная язва никогда случится.

НЕЗЛОБІЕ.

Чрезъ Незлобіе на тя гнѣвъ никто воздвигнетъ,
Радуйся: злоба бо тя никогда постигнетъ.

РАДОСТЬ.

Внимай сладкогласному сему инструменту;
Сего слыша, никогда дознавай ляменту.

ФОРТУНА.

Дотоль, Натуро людска, пребывай весёло,
Донележе фортунно не станетъ ми коло.

НАТУРА.

Благополучныи нынѣ приспѣша ми часы,
Егда радостотворны слышу отъ васъ гласы.
Такъ есть, яко-сь Надеждо прежде возвѣщала—
Съ златымъ мнѣ вѣкомъ радость истѣ обѣщала,
Радость на златомъ вѣцѣ и въ нѣдрѣхъ фортуны.
Радости! весели мя, исправь своя струны.

Строитъ, и Разсужденіе приходитъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Такось ся уловила чрезъ вѣсть неистову!
Се радости измѣну имаши готову.
Смотри, како измѣна вещи преплетаетъ,
И благополучіе бѣды сообщаетъ.
Уловила Надежда тебе нечаянно,
Егда Разсужденіе бѣхъ отъ тя попранно!
Гдѣ Надежда омылна, яже тя прельстила,
Яже ти словесъ сѣтьми лестнѣ уловила?
Слыши, что Вѣкъ желѣзный будетъ глаголати.
Егда златый Вѣкъ можетъ ему постояти?
Зри и что противная противнымъ сотворятъ:
Увидишь, яко радость на плачь ти претворятъ.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ВѢКЪ.

Что при Натурѣ людской себе водворяешь?
Или мене крѣпчайша надъ себе не знаешь?
Удержиши ли прелесть, въ десницы ти сущу,
Егда мою желѣзну кулю испущу?
Зри: злато и желѣзо катится еднако,
Не можешь быти лучшимъ надъ мя, вѣруй всяко.
Златыми си часами людей уловляешь
Въ своя сѣти, а моихъ желѣзныхъ не знаешь!
Азъ убо совокуплю со желѣзомъ злато,
Да вѣсть Натуро, яко есть не злато, блато.
Не будешь отъ союза сего расплетенный,
Но во вѣкъ со мною будеши слученный.

БРАНЬ.

Ты чрезъ увядаему льстиши ю маслину?
Зри: мечь брани ту сѣчетъ и такъ будетъ вину.
Да не речеши: «миренъ въ вѣкъ Миръ пребываю»,
Въ самый корень маслины мечь свой угружаю.

НЕНАВИСТЬ *къ Любви зубы.*

Ты, Любве, что вѣщаешь пожити сугубы
Симъ союзомъ, сія вся претрутъ мои зубы.

ЯРОСТЬ *стрѣла къ Кротости.*

Ты речешь, яко Кротость язвы не достигнетъ;
Се чрезъ стрѣлу Ярости язва ту постигнетъ.

ЗЛОБА:

Ты, Незлобіе, знакомъ что натуру взводишь?
Рцы, како ту отъ уза Злобы освободишь?
Се жало въ неповинномъ агнцѣ углебаетъ,
Ниже съ него изыти когда помышляетъ.

Къ Радости Плачь; ПЛАЧЬ.

Радости! своя струны ты устроеваешь,
А змоченну слезами плату не внимаешь.
Радость! сладость Плачь платомъ тебѣ воспящаю,
Омоченнымъ слезами струны отягчаю.

ЗАВИСТЬ *къ Фортунѣ, сирѣчь Коло.*

Престани, Коло, точитися всуе,
Въ котромъ Натура заводится буе
Прежде ти въ адъ: не стерся крюкъ мой, препинаетъ,
Да Натура Фортуну, какова есть, знаетъ;
Въ точащойся фортунѣ силы не познаетъ,
Неудержанно Коло зря, да разсуждаетъ.

НАТУРА.

О люто оказнство въ суетномъ семъ міри!
Почто лестной Надеждѣ азъ бѣдна яхъ вѣры?

Веселыми помыслы впредь мя исполнила,
  Нынѣ туюжде радость на плачь претворила.
Егда злата желѣзный Вѣка побѣждаетъ,
  Брань Покоя маслину мечемъ посѣкаетъ,
Во всемъ полно измѣны и непостоянства,—
  Горе!—въ житіи моемъ всего окаянства:
Ничто истинѣйшаго, паче смерти, чаю,
  Жду гроба, а красоты вѣнецъ мой слагаю,
Иду окруженная печальми и бѣды.

ВСѢ.

  Мы твоими, Натуро, купно пойдемъ слѣды.

СМЕРТЬ.

Го! го! го! радуюся Смерти, отъ Адама
  Царствующая даже и до Авраама,
По Авраамѣ дотоль свободна царствую,
  Человѣческимъ родомъ сильна властенствую:
Царей и князей подъ моя покоряю нози,
  Сильны вои падаютъ предо мною мнози.
Всѣ боятся, всѣхъ бо азъ отъ сею косою
  Препинаю, якъ цвѣты польныя зъ росою.
Едина сильна, славна есмь Смерть во вся вѣки,
  Безъ останка потреблю азъ всѣ человѣки.
Сама Натура людска добрѣ то познала:
  Прозрѣвши мою силу, съ ѳрону сего встала,
Вѣнецъ красоты съ главы своея сложила,
  Мя боящися, власти та моей вручила.
Сяду на престолъ, возьму и вѣнецъ на главу,
  Да всѣ видятъ у Смерти безсмертную славу.

ЖИЗНЬ.

Стой и не прикасайся ѳрону человѣка,
  Иже ти не подлежитъ во вся вѣки вѣка.

Азъ есмъ Жизнь, яже придохъ того оживити,
Живота безконечна въ вѣки сподобити;
Ты же властелинствовать не дерзай безъ суда,
Изыйди оттоль скоро, иди полна студа:
Азъ власть имамъ живити, азъ и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.

ПРОЛОГЪ.

Маловременна лестна міра сего слава
Ищущимъ себѣ въ сладкихъ смертна есть отрава.
Яко бо въ себѣ жало медъ утаеваетъ
И, уста наслаждающъ, внутрность уязвляетъ:
Сице и сего міра сладость въ себѣ маетъ,
Сладкую жизнь множае желчію кончаетъ.
Образъ сего въ Иродѣ есть треокаянномъ,
Зѣло въ суетныхъ міра сластѣхъ окованномъ:
Уже за временную, гиблющую славу
Противъ самого Бога гордую си главу
Вознесъ, Того чрезъ зависть искаше убити,
Дабы маловременной чести не згубити.
Ищуще же, невинныхъ множество отроковъ
Изби за агнцевъ, агнцевъ, сущихъ безъ пороковъ,
За что и самъ воскорѣ, истымъ судомъ Бога,
Претерпѣ; днесь во адѣ терпитъ зла премнога.
Се не токмо словомъ и дѣломъ изъявимъ,
Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославимъ.
Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь!

КОМЕДІЯ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ЗЕМЛЯ.

Аще не отъ естества есть Земли стенати,
Яко вещи бездушной, слезы проливати,
За сладко пловущія водныя потоки,
Шумящія зъ внутрности твердѣйшой опоки;
Обаче слезъ не держу, повторяя: горе!
Точу слезъ прегорчайшихъ пространное море,
Увы, увы! проклята за грѣхъ есмь Адама
И Еввы, яже яблко урве си рукама,
Въ раи заповѣданно. Азъ за красныи цвѣты
Волчецъ родити буду мерскій по вся лѣты.
Красна бѣхъ, доброплодна, раждахъ не оранна;
Нынѣ тща, аще и есмь пѡтомъ поліанна.
Никогда же на перво буду возвращенна,
Ниже по проклятіи паки освященна.

НЕБО.

Не сѣтуй, Земле скорбна, паче веселися:
Честь ти болша прежднія нынѣ устроися,
Не клятіе, но большу улучишь святыню,
Чрезъ Бога воплощенна вѣчну благостыню.
Той мя, Небо, преклонивъ, на тя, Земле, сниде:
Человѣкъ бысть, человѣкъ да на небо взыйде.
Отъ твоея созданный трости сообщися
Божеству; убо тебѣ не лѣтъ есть пещися:
Будешь мнѣ, неклятому Небу, пріобщенна;
Азъ земля, ты же небомъ будешь нареченна,
Яко же Богъ нареченъ и есть человѣкомъ,
Смертенъ человѣкъ Богомъ живымъ въ вѣки вѣкомъ.

ЗЕМЛЯ.

Небо! роса словесъ ти мя не орошаетъ,
Но паче вздыханіемъ тяжкимъ изсушаетъ:
То глаголешь, емуже быти не возможно.
Азъ же божія знаю словеса неложна,
Имиже есмь проклята; ты же мя случаешь
Со собой: бо съ водою огнь то сообщаешь.
Можетъ ли тьма тамъ быти, гдѣ свѣтлость сіяетъ?
Гонитъ отъ себя тьму свѣтъ, а не сообщаетъ.

НЕБО.

Земле! не печалися; скоро ся утѣшишь.
Миръ на тебѣ вѣщающъ скоро гласъ услышишь:
Миръ мірови даруяй прійде къ тебѣ миренъ,
Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, агнецъ кротокъ, смиренъ.
Той тя милосердіемъ на перво претворитъ,
Той тя быти другиню мнѣ, Небу, сотворитъ.

ЗЕМЛЯ.

Прійдетъ? Аще и прійдетъ, огнь вовращи прійдетъ:
Не благословеніе, мечь зъ устъ его зыйдетъ.

НЕБО.

Ни, Земле! Рече: «азъ есмь на землю пришедый,
Да жизнь имать и лишенъ всякъ зъ земли прошедый».

ЗЕМЛЯ.

Побѣдихся, о Небо, для твоей порады;
Жду отъ Бога реченной чрезъ тебе отрады.

Пѣніе: «Христосъ раждается, славите!» и прочая.

МИЛОСТЬ БОЖІЯ.

Неизреченна Милость Бога, необъята,
За преступство Адама мірови отъята,
Егда тотъ запрещенну прикоснуся плоду,
Наведе проклятіе общему си роду,
Заключи дверь златую небеснаго града,
Отверзе тьму кромѣшну лютѣйшаго ада.
Но не прогнѣваяйся въ вѣкъ Богъ, ни враждуяй,
Прійде подъ лѣты, милость мірови дарствуяй,
Человѣкомъ бываетъ чрезъ милость премногу,
Да бренна человѣка уподобитъ Богу!
Нынѣ небо земля бысть, земля небомъ убо.
Земля, небу причтена! радуйся сугубо!
Ликуй, небо! Мѣсто бо ангела гордыни
Человѣкомъ наполнитъ Бога благостыни.
Да сорадуются ти ангельскіе лики,
Егда сожительствуютъ има человѣки!
Земле, за змія вражду иногда проклята!
Радуйся, яко богомъ нынѣ есть свята!
Уже не къ тому волчецъ имаши родити,
Но будешь украшенна различными цвѣты.
Первый Адамъ сподоби клятвы тя руками,
Вторый Адамъ, ходящи по тебѣ ногами
Пресвятыми, освятитъ тя въ вѣчныя роды
И вожделѣнными тя ублажитъ плоды.

ЗЕМЛЯ.

О Милости божія неизглаголанна!
Азъ, Земля, грѣхомъ Еввы весьма окаянна,
Подъ твои пречистыя скланяюся нозѣ,
Чту тя, славлю и хвалю во вѣки о Бозѣ,
Понеже мя грѣшную дотоль сохраняла,
Нынѣ же красотою неба увѣнчала.

Сама облакомъ легкимъ съ небеси низходишь,
Тягость же мою бренну на небо возводишь.
Буди благословенный во вѣкъ вѣковъ, Боже,
Яко твоя милость мнѣ грѣшной поможе!

НЕБО.

О Милости всещедра! подъ прекрасныи нозѣ
Преклоняюся Небо волею по Бозѣ.
Молю: идѣже еси, да буду съ тобою!
Совокупи мя Землею во вѣкъ со собою!

МИЛОСЕРДІЕ.

Земле! чрезъ Милость Бога Небу приближися.
Небо! чрезъ Милость Бога Земли примирися.
Се васъ союзомъ златымъ на вѣки спрягаю,
Миръ, единство и любовь на васъ полагаю.

НЕБО.

Слава во вышнихъ Богу днесь о семъ да буди!

ЗЕМЛЯ.

Миръ земли благовольны да воспоютъ люди!
Пѣніе: «Слава въ вышнихъ Богу!» и прочая.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ВРАЖДА, ИЛИ ЗАВИСТЬ.

Горе, ахъ! Люциперу и цѣлому аду!
Такъ то намъ Милость божа сотвори отраду!
За единъ токмо помыслъ всѣхъ съ неба свергаетъ
Человѣка за дѣло въ небо исправляетъ.

Лучше ли есть бреніе, нежели духъ чистый?
  Ахъ! человѣкъ сталъ Богомъ, азъ же духъ нечистый
Отъ всѣхъ есмь нареченна,—азъ, прежде созданна,
  Азъ архіерейскимъ ликомъ вѣнцомъ увѣнчанна;
А человѣкъ—прахъ, пепелъ, персть едина бренна,
  Мнѣ на поруганіе тако вознесенна!
Егда Люцеперъ мнѣлся равенъ Богу быти,
  А человѣкъ врагъ дерзнулъ дѣломъ совершити,—
На время намъ сообщенъ, имѣетъ отраду,
  Мы же на вѣки вѣковъ вдадохомся аду.
Горе! горе! Снѣдаетъ ядъ мою утробу:
  Персть, вѣчному имуща предатися гробу,
Въ нашихъ прежнихъ жилищахъ себе водворяетъ!
  Горе! горе! Сердце ми зависть растерзаетъ:
Зри горести, услаждаю снѣденіемъ сердца;
  Горькій въ міра сладостяхъ буди ти мордерца!
Дондеже Богъ есть Богомъ, адъ безсмертный адомъ,
  Смертнымъ ада сѣяти буду на тя ядомъ.
Процвѣтутъ мои плоды, убійство и вражда,
  Тымъ плодомъ утолится кровавымъ ми жажда.
Вулкане, а Вулкане! тя молю усильнѣ:
  Остра ми оружія надобно есть зѣльнѣ.
Поспѣшите на помощь, охотны Цыкліопы!
  Возжигайте огнь, Бронты! Бійте въ млатъ, Стеропы!
Мечи, копія, узы, остры куйте стрѣлы:
  Сія въ іудейскіе разсѣю предѣлы,
Сотворю пролитіе крове, аки море, *(ярится)*
  Не единому сотворитъ мечь горькое горе,
Упіется копіе не въ едну утробу,
  Поплыветъ крове токомъ не единъ ко гробу.
Будетъ здѣ и невинный мечемъ погибати,
  Будетъ себе самого мечемъ побивати,
Тако чрезъ сѣть смертную пойдетъ въ ада узы,
  Исцѣлитъ растерзанну утробу Медузы.

ЦЫКЛІОПЫ *всѣ вмѣстѣ говорятъ:*

Се огнь возжигаемъ,
Въ млаты ударяемъ,
Копіа и узы
Для тебе, Медузы,
И мечи и стрѣлы
Въ іудейски предѣлы,
Готуемъ, гортуемъ
Тебѣ, подметуемъ.
Примайся, Цыкліопе!
Бій крѣпко, Стеропе!
Бронте! не лѣнися,
Враждѣ прислужися.

ПАСТЫРІЕ.

(Два будто пошли въ городъ для покупки, а третій при овцахъ быхъ; наступившой же нощи, пошолъ тѣхъ искати и прочее).

ПАСТЫРЬ 1, БОРИСЪ.

Судари мои свѣты! здорово ль живете?
Вы въ семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдете:
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Афоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранити.
Замѣшкали; а уже нощь темна приходитъ,
А на мене едного страхъ великъ находитъ.
Я, бросивъ и овечки, пошолъ ихъ искати.
Въ городъ далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати.

(Сядетъ).

Ой, Аврамъ, Аврамъ! тойже зайшолъ на кружало?
Когда бъ ему какое тамъ лихо не стало!

ПАСТЫРЬ 2, АВРАМЪ.

Борисе! чего ты здѣ, а овци покинулъ?

БОРИСЪ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
Пришолъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду,
А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

АВРАМЪ.

Не покручинься, братецъ: зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

БОРИСЪ.

Отъ вѣдь я догадался! А мнѣ то не купивъ?

АВРАМЪ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣть не купить?
Малецъ, вынь ми съ кошеля. На, зволишь ли испить?

БОРИСЪ.

Нутко сядьте жъ и сами поразу напьемся.
Хлѣба купили ль?

АФОНЯ (*говоритъ*).

Есть.

БОРИСЪ.

Гораздо подкрѣпѣмся.

АФОНЯ.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Купай, старичокъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.

АВРАМЪ.

Да кушаймо жъ поскоряя, пора итти къ стаду,
Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

(Запоютъ ангели, а они забудутся, кусы въ ротахъ. Думаютъ долго, одинъ на одного смотритъ, не скоро въ небо).

АВРАМЪ.

Што, братъ? Гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошонько?
Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

АФОНЯ.

Я вже слышу и вижду, ей, птички высоко.
Смотрѣте. Едбакъ ваше не досмотрить око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите!

. . . .

БОРИСЪ И АВРАМЪ.

Е! е! е! видимъ, видимъ.

АФОНЯ.

А што правда птички?

АВРАМЪ.

Братъ! кажется, робятка стоятъ не велички?

АФОНЯ.

Судари! ихто видалъ ребята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошонько робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

БОРИСЪ

Летѣте жъ здоровеньки, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

АВРАМЪ.

Когда бъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли,
То бъ мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Афоня! ты учися на дудки играти,
Штобы мы не хотѣли да и ты дремати.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

АНГЕЛЪ (*къ пастыремъ*).

(*Убоятся*).

Радость, о пастыріе, отъ меня пріимѣте
И не ужасайтеся, но словамъ внемлѣте.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду родися
Отъ пренепорочныя Маріи, дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы.
Близь града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами ввитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый.
Тамъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

БОРИСЪ.

Осударь! кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода.

АНГЕЛЪ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую,
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ Его посланный:
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

АВРАМЪ.

Чаю, тебе, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ: гето ты заблудилъ,
Или не вслухалъ. Вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ.

АНГЕЛЪ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти въ стайнѣ положенный,
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, чаетъ.

БОРИСЪ.

Осударь! надобно ли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

АНГЕЛЪ.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
Не хощетъ себѣ даровъ, но Онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце за дары тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идѣте.

БОРИСЪ.

Штоже такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдіомъ, приберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися; пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
«Христосъ ся вамъ днесь родилъ

Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
От дѣвы Маріи».
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Отроча въ яслѣхъ знашли,
Матерь съ Іосифомъ.
То дивное рождество
Не изречетъ вѣтѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ПАСТЫРІЕ ПРИШЛИ КЪ ВЕРТЕПУ.

БОРИСЪ.

Постойте же вы здѣся, я посмотрю, пойду,
Есть ли въ яслѣхъ реченный, и знова къ вамъ приду.—
Есть, братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангелы поютъ, и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: «здравствуй»; ты рцы: «милость пошли;»
А ты скажи: «прости намъ, что ни съ чимъ здѣсь пришли».

АВРАМЪ.

Тихонько жо отопри. Не спитъ ли рожденный?
Не замай спитъ, чтобъ не былъ нами возбужденный.

ПѢНІЕ ВЪ ВЕРТЕПѢ.

Нынѣ весь міръ да играетъ:
Дѣва Христа раждаетъ,

Младенца первенца,
Небеснаго облюбенца;
Во вертепѣ днесь рождаетъ
И во яслѣхъ полагаетъ
Исусъ Христа, Бога иста,
Повиваетъ Дѣва чиста.

БОРИСЪ (*поклоняется*).

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самовольно во яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебѣ нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, в тебе полатъ много;
А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи скоты,
Нища себе сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ, деревенскимъ, здѣ лежать прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.
Но, понеже извольнѣ такъ себе смиряешь,
Царь царемъ сый, нищету толику примаешь,
Буди благословенный, Боже, въ вѣки вѣковъ,
Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
И паки реку: буди Богъ благословенный,
На спасеніе міру всему нарожденный!
И ты, того рождьшая, будь благословенна,
Мати Бога и Дѣва во вѣкъ прославленна!
Ты, кормилецъ старенькій, буди же хвалимый,
Отъ негоже отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшое привѣтство на насъ не дивѣте,
Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

АВРАМЪ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!

Плачеши, здѣ лежащій за грѣхи Адама;
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама!
Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ, стадо!
Спаси домы наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
Помилуй и насъ, нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
Мы тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
Да хвалятъ, тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
И тебѣ, Бога мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святый Осипе, чоломъ ударяю:
Помолитеся за насъ къ воплощенну Богу,
Да подастъ намъ въ свояси щасливу дорогу.

АѲОНЯ.

Напослѣдокъ и я нищъ къ Тебѣ припадаю,
Боже намъ нарожденный, и Тя величаю:
Буди благословенный, Боже нашъ, во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя полаты,
Изволилъ еси пожить здѣ между быдляты.
На одномъ сѣнцы лежишь, якъ какой сирота;
Всѣхъ одѣваешь, а Тя окрываетъ нагота.
Подобало бъ, дабы мы чимъ Тя подарили,
Постлали бъ что мяконько или чимъ покрыли;
Но прости: нищи есмы, имамы ничтоже.
Прости ны, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо во свояси; насъ благословѣте!

ВСѢ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте!

ПАСТЫРІЕ (*людемъ возвъщають*)

Радуйтеся, людіе! Родися Спаситель,
Истинный всего міра Богъ и откупитель.
Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
При градѣ Виѳлеемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
Лежитъ въ яслѣхъ на сѣнѣ отрочокъ маленькій,
Тамъ и матушка его и Осипъ старенькій.
Мы имъ поклонилися да домой ступаемъ;
А, что̀ тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

ЛЮБОПЫТСТВО ЗВѢЗДОЧЕТСКОЕ.

Что въ теченіи круговъ вышнихъ ся являетъ
Новаго, яко умъ мой недоумѣваетъ?
Вѣмъ о моемъ искусствѣ, имъже не хвалюся:
Мѣсто зодій, звѣздъ рещи ни мало сумнюся,
Полудня кругъ на мѣстѣ зовомъ анстаритосъ,
Блюдетъ своего мѣста полунощный вритосъ;
Овенъ станетъ на востокъ, солнце вонь вселится
И теченіе начнетъ, Юнецъ умалится.
Близнята, Ракъ, Левъ, Дѣва полудне обыймутъ;
Вѣсы, Скорпій, Стрѣлецъ, Козлищъ полунощь пріймутъ,
Скудель, воду ліющи, къ симъ же прилучится;
Двойство Рыбъ водолюбныхъ при немъ ся явится.
Поллюксъ стоитъ, Кастору свѣтла отдѣляющъ;
Блещитъ отъ него Касторъ свѣтло заимающъ,
Звѣзда морска, навклѣромъ являющи пути,

Цѣнозура не можетъ съ мѣста ся двигнути.
Вижду, же въ своемъ чину дождевныи пады,
Являющіи сушу такожде плеады.
Сихъ быти неразличныхъ азъ да созерцаю,
Имена ихъ подробну сице нарицаю:
Сія полъ седми на два раздѣленныи чины,
Являющіи сушу и дожда пучины:
Пасиѳо, Пиѳо, Тихе, Еѵдоръ, Амвросія,
Коронисъ и Плексаврисъ—дождевны суть сія;
Електра, Алкіона, Мая, Астеропе,
Келена танесета, Инеиста, Меропе,—
Сія вторы седмица сушу изъявляетъ.
Въ семъ звѣздъ мой умъ теченіи чинъ и силу знаетъ.
Но не вѣмъ, что за звѣзду нынѣ вижду нову
Не на обычномъ мѣстѣ. Мню ю не истову:
Всяка звѣзда на твердѣ небесномъ сіяетъ,
Сія между облаки себе водворяетъ,
Блещитъ несоравненно надъ всѣхъ звѣздъ свѣтила;
Не можетъ умъ пояти, что есть въ ней за сила:
Что болѣе въ полунощъ всѣ звѣзды змѣряетъ,
Ея луча къ полудне себе исправляетъ.
О кто бы ми повѣдалъ, что есть въ ней за сила?
Иду, гдѣ Валаама мудраго могила.
Воспрени, Валааме! Гробъ ти открываю.
Что се звѣзда нова, повѣждь ми, желаю.
Ты аще тѣломъ сложенъ въ гробѣ почиваешь,
Но между звѣздочетцы искусствомъ сіяешь.

ВАЛААМЪ.

Что умъ свой любопытствомъ всуе утруждаешь,
Валаама же словесъ не воспоминаешь?
Не вѣси, яко, еще во Арави сущій,
Пророкохъ о сей звѣздѣ, сице глаголющій:

«Егда всѣхъ послѣднѣйшо вѣковъ время прійдетъ,
Тогда отъ Іакова нова звѣзда взыйдетъ.»

ЛЮБОПЫТСТВО.

Что же есть въ ней за сила? Нѣтъ въ ней звѣздна чина,
Ниже когда явится звѣзда такъ единa—
Ближае всѣхъ отъ земли, найвишь облакъ ходитъ
И не къ западу себе, но къ югу приводитъ.

ВАЛААМЪ.

Создатель всѣхъ звѣздъ, луны и свѣтлаго Ѳеба,
Строитель всемощнѣйшій пространнаго неба,
Иже прежде денница изъ Отца родися,
Въ часѣ здѣ рожденъ, сею звѣздою явися.
На полуденну страну звѣзда та простуетъ;
Хотящъ правду увѣдать, ей да послѣдуетъ:
Обрящетъ Іакова сѣмя тамъ блаженно,
Отъ негоже родися Слово воплощенно.
Той будетъ мѣти область надъ всю подсолнечну,
Распростретъ свою славу во вѣкъ безконечну.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Вѣрую, Валааме, словесамъ ти истымъ;
Но хощу еще окомъ зрѣть ми прозорчистымъ:
Сице мене мнѣніе увѣщаетъ духа,
Яко зрѣніе лучше вѣритъ паче слуха.
Иду; волхвовъ за тою звѣздою исправлю,
Да увѣдятъ истинну, тамо ихъ поставлю.
Тебѣ же за искусство азъ честь воздаваю.
Почивай съ миромъ! Гробъ ти честно затворяю.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ИРОДЪ СЪ ВЕЛЬМОЖИ.

ИРОДЪ, *на престолѣ сѣдяй, глаголетъ:*

Непреодолѣнныи мужіе и мудри,
Въ бранѣхъ, совѣтѣхъ, словѣхъ вашихъ богомудри,
Державы моей столпы непоколебимы,
Дражайшіе бисеры моей діадимы!
Четверовластный скипетръ подъ солнцемъ сіяетъ,
Егоже ваша храбрость въ міръ распространяетъ.
Десница ваша мою умножаетъ славу,
Яко никогда кому преклоняю главу;
Сердца ваша моему сердцу спряженныи
Такъ въ мирѣ, яко егда на брань вьоруженныи.
Сего ради сердце ми радуется зѣло,
Яко васъ еднодушныхъ себѣ пріобрѣло.
Но яко любвѣ вашой возблагодарствую?
Кіимъ васъ саномъ и мздою за то ударствую?
На коемъ кедрѣ вашу начертаю славу?
Коимъ дафномъ премудру вѣнчаю вамъ главу?
Кто сановъ, кто богатства отъ мене желаетъ,
Обогащу и почту, токмо да вѣщаетъ.

СЕНАТОРЪ 1.

Четверовластный земли юдской господине!
Свѣтило очесъ нашихъ ты еси едине;
Мзда наша и богатство, наша то и слава,
Егда благополучна видимъ тя и здрава.
Довлѣетъ намъ любовь ти, иже насъ нижайшихъ
Насыщаешь монаршихъ словесъ ти сладчайшихъ.

СЕНАТОРЪ 2.

Добрѣ нѣкто отъ мудрцовъ сице повѣдаетъ,
Яко кротость то творитъ, что сила не знаетъ.

Взлагаешь на насъ узы сладкіа, монархо!
Владѣй убо, здравствуй, крѣпчайшій тетрархо!
Торжествуй надъ врагами! Мы же неотступно
Вѣрно пособствовати будемъ тебѣ купно.

СЕНАТОРЪ 3.

Радуйся, о преславный царю, во вся роды!
Прославляйся во вѣки вѣковъ и вся годы!
Не подаждь дреманія мечу изощренну,
Да имѣешь вселенну тебѣ покоренну.

СЕНАТОРЪ 4.

Спрягль еси любовію намъ сердца къ твоему.
Златымъ узомъ фортуна престола твоему
Да припряжется! Буди ты побѣдоносный!
Долголѣтно носиши вѣнецъ свѣтоносный!

ИРОДЪ.

Благодаренъ привѣтства и любви вашой;
Не отпадутъ отъ мысли долго сія нашой.
Радость нынѣ къ радости моей приложися.
Веселися, Ироде, нынѣ, веселися!
Пѣвцы! сладкіа гласы въ устахъ растворѣте,
Господина своего пѣсньми веселите!
Вели, да медоточнѣ поютъ немедленно.

ОТРОКЪ 1.

Воскорѣ господина творю повелѣнно.

ПѢНІЕ.

Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшѣте,
Сладкіа пѣсни съ нами воскликнѣте!

Да веселится велегласный Иродъ,
Да торжествуетъ отселѣ въ родъ и родъ!

ИРОДЪ.

Гряди, вели что ино воспѣти любезно.

ОТРОКЪ 2.

Вскорѣ ушесамъ вашимъ воспоютъ полезно.

ПѢНІЕ.

Іо! Іо! восклицайте,
Ирода увеселяйте!
Воскликнѣте сладки гласы,
Златые бо иматѣ часы.
Аіоне! бій у струны!
Направо коло фортуны,
Направо точится пилно
И будетъ такъ неомылно.

ПОСЛАННИКЪ ОТЪ ТРІЕХЪ ЦАРЕЙ.

Поклоненна восточна тебѣ далъ трое царъ:
Мелхіоръ, втара Гаспаръ, третьяя Валтасаръ.
Волилъ царъ новый Юды въ земля твой родити;
Они схотѣли ему дары поносити:
Ливанъ одна, друга смирнъ, а третяя злато.
Просимъ тебе: ты не зволь оскорбити за то,—
Твою землю Вифлеемъ пошолъ поклонился
Нову царю юдейску да домъ воротился.
То моя господина у тебе желае,
Да твоя путешество имъ вольно дае.

ИРОДЪ.

Что новаго посланникъ сей наю приноситъ?
Мира ли, или брани, или чего проситъ?

СЕНАТОРЪ 1.

Сего послаша сѣмо восточны три цары,
Дабы мѣли путь вольный, со драгими дары,
Чрезъ землю ти идуще со многими труды
Поклонъ дати, коему не вѣмъ, царю Юды.

ИРОДЪ.

Икто есть царь юдейскій, еще мнѣ живущу?
Икто скипетръ обыйметъ, ту въ десницѣ сущу?
Азъ есмь царь и властелинъ, кромѣ мя никтоже.
Кто ми треокаянный соцарствовать може?
Ты же, глупче, приносишь вѣсть о царю Іюды
Кую? Се тя, извлекъ мечь, разсѣку на уды.

ПОСЛАННИКЪ.

Воля твой, царю Юда, голова рубати.
Я невинна; мой царъ здѣсь хотѣлъ мя послати.

СЕНАТОРЪ 2.

Не изволь умертвити, монархо, посланна,
Не отъ его бо воли сія содѣянна.
Господіе послаша того къ твоей власти,
Да имъ бы путь былъ миренъ и кромѣ напасти.

ИРОДЪ.

Како путь миренъ дамъ имъ? Не будутъ безъ борбы,
Иже ми нанесоша нечаянной скорби.

СЕНАТОРЪ 2.

Скорбь сія кая есть скорбь? Пусти его въ мири,
Да и тыхъ увѣщаешъ въ истой къ тебѣ вѣры.
Рцы, да царя новаго честно привитаютъ,
Привитствовавшы, тебѣ о немъ возвѣщаютъ,

Или, тамо идуще, здѣ изволятъ быти:
Вѣмъ, яко и самъ схощешъ отъ нихъ вопросити,
Гдѣ рождейся, потомъ самъ схощешь привитати;
О привѣтствіи же не лѣть теперь глаголати.

ИРОДЪ.

Встань [1]) и гряди къ господамъ, глаголи же тако:
Яко о ихъ шествіи радуюся всяко;
Да изволятъ идуще мене посѣтити,
Молю: радъ ичто отъ нихъ вопросити;
Гдѣ узнали рожденна, и азъ хощу знати,—
Яко они, подобный тому поклонъ дати.

ПОСЛАННИКЪ.

Добро. Моя рада, что здорово ходила,
Больше того не буду кому говорила.

ИРОДЪ.

Вѣрные ми вельможи! предлежитъ намъ дѣло,
Еже ми нынѣ радость на скорбь претворѣло.
Подобаетъ увѣдать, кій то нарожденный
Новый царь на престолъ мой будетъ посажденный,—
Отъ моея ли крове или прежде бывшихъ
Монаршихъ наслѣдниковъ, себе утаившихъ.
Но ближайшій наслѣдникъ Ирканъ ѳрону бывый
Не встанетъ, мечемъ моимъ главу положивый.
Такожде Аристовулъ, внукъ его любимый,
Не возстанетъ, на престолъ праотцемъ садимый.
Икто оста. . . . . . ѳронъ мой наслѣдствуя,
Усмотрѣте разсуднѣ, всякъ гадательствуя.

СЕНАТОРЪ 1.

Превеликій монархо! всуе умъ смущати
Не требѣ, ниже пословъ въ страны посылати:

[1]) Въ рукописи: *Въ санъ*.

О немъ ти восточные принесутъ вѣсть цары,
   Гды обрящутъ и дадутъ нову царю дары.

СЕНАТОРЪ 2.

О семъ дѣло настоитъ: егда волсви пріидутъ,
   Безъ согласія отъ тя всѣ да не изыйдутъ.
Рцы, да тебѣ возвѣстятъ о царѣ рожденномъ,
   Отъ нихъ привѣтствованномъ и дарми почтенномъ,
Таже и ты обѣщай ему дары дати,
   А въ тайнѣ оружія вели готовати.
Поклонимъ ти подъ нозѣ его выю горду:
   Вели быти готову мечу и оскорду.

ИРОДЪ.

Аще не восхощутъ о немъ дати вѣсти,
   Кто намъ можетъ о цари рожденномъ повѣсти?

СЕНАТОРЪ 3.

Икакъ не изволятъ, въ рукахъ твоихъ суще?
   Не могутъ тя минути, вѣсти не несуще.

СЕНАТОРЪ 4.

Да мысль ти, о монархо, свободна пребудетъ,
   Вели, да на ихъ пути крѣпкая стражь будетъ:
Аще къ царю тещи имутъ, вели удержати;
   Аще же воспять пойдутъ, вели здѣ предстати.

ИРОДЪ.

Добри вои! на стражи будите не спящи,
   Всѣхъ путемъ шествующихъ опасно хранящи.
Найпаче егда цари пойдутъ отъ востока
   Рожденного на царство почтити отрока,

Тымъ безъ сумнѣнія ихъ скоро удержѣте
И къ престолу моему сѣмо приведѣте.
Мы же на мало время въ свояси отъидемъ,
Таже въ время обычно паки сѣмо придемъ.

ВОИ.

Съ охотою, монархо, творимъ повелѣнна.
На время та завѣса буди закровенна!
Стоймо жь и сохраняймо намъ заповѣданна:
Не хотѣмъ царя нашего быти поруганна.

ЯВЛЕНІЕ 7.

(Царей, идущихъ по срединѣ, стражи удержатъ).

СТРАЖЪ 1.

Господіе! молимъ васъ, звольте мало стати,
Царю Ироду о васъ требѣ докладати:
Въ нынѣшнее бо время Юдея смутися,
Аки бо царь си новый нѣкій народися.

ЦАРЬ 1.

Творимъ царя вашего наю повелѣнно.
Извольте доложити, молимъ, немедленно.

СТРАЖЪ 2.

Се иду и возвѣщу монарсѣ воскорѣ;
Извольте помедлити мало при семъ дворѣ.

СЕНАТОРЪ 1.

Господинъ нашъ, царь Иродъ любезно желаетъ,
У престола своего васъ да созерцаетъ,

СЕНАТОРЪ 2.

Гости вожделѣнные! Звольте посѣтити
Монарху лицемъ вашимъ и увеселити;
Зъ охотою чекаетъ и радостно прійметъ,
Яко друговъ любезныхъ любовно обыйметъ.

ЦАРЬ 1.

Зъ охотою на дворъ царскъ рады поступаемъ,
Лицо его пресвѣтло узрѣти желаемъ.

ЦАРЬ 1 *(къ Ироду глаголетъ).*

Преславнѣйшій монархъ іюдейскія страны,
Саномъ царства почтенный надъ всѣхъ царей саны!
Здравствуй благополученъ лѣта безчисленна!
Всякаго супостата имѣй покоренна!

ЦАРЬ 2.

Доколѣ Фебъ не станетъ въ бѣгу златолучный,
Дотоль царь юдейскій будетъ благополучный.

ЦАРЬ 3.

Четверовластный скипетръ четыре міра части
Скоро твоей господской да покоритъ власти!
Се и мы главы наша тебѣ покоряемъ,
Единыя свободы точію желаемъ,
Да даси намъ путь миренъ безъ всяка порока,
Посѣтити новаго рожденна отрока.

ИРОДЪ.

Радуюся, яко васъ здравыхъ созерцаю,
За привѣтство равныя слова воздаваю.

По трудѣхъ путшествія извольте почити,
  Хощу нѣчто ко любвѣ вашой предложити:
Коимъ случаемъ всѣ три, не зъ едныя страны,
  Въ едно намѣреніе и путь сей собранны? [1])

ЦАРЬ 1.

Мы трое равны есмы въ ученіи значномъ,
  Въ звѣздочетствѣ. Но егда на небѣ презрачномъ
Увидимъ что нова и не можемъ пояти
  Всякъ своимъ умомъ, звыкли въ едино сбирати.
Предъ деветмя мѣсецами узрѣхомъ на небѣ
  Нову звѣзду,—о томъ намъ сбратися было требѣ,—
Яже не на небесѣхъ была утвержденна,
  Но въ облацѣхъ надъ небо пречудно явленна
И, якъ звѣздамъ обычно, не въ западъ течаше,
  Но противу естества на югъ та идяше.
Ту звѣзду разсуждая, на долзѣ пребыхомъ:
  Многихъ волхвовъ искусныхъ въ память приводихомъ,
Егдаже помянухомъ славна Валаама,
  Имъже та прореческя звѣзда аще здавна:
«Отъ Іякова,—рече,—звѣзда возсіяетъ»;
  Ериѳрея Сивилла тоже провѣщаетъ:
«Таже отъ Израиля возстанетъ человѣкъ:
  Славенъ, честенъ и премудръ, вожделѣнный отъ вѣкъ;
Тому вся земля имать быти покоренна,
  Того царя познаетъ надъ всѣхъ прославленна»:—
Къ тому, звѣздѣ ведущой, и мы и путшествуемъ,
  Да поклономъ и дарми того почестуемъ.

ПРОДЪ.

Игдѣ есть она звѣзда, по нейже идосте?
  Дадите ми ю зрѣти, о нейже рекосте.

[1]) Въ рукописи: *собраный*.

ЦАРЬ 2.

По той звѣздѣ идуще, егда здѣ приспѣхомъ,
Абіе бысть, аки бы никогда видѣхомъ:
Скрыся и оттолѣ наю не есть зрима;
Не вѣми, или будетъ паки намъ видима.

ИРОДЪ.

Кіи дары хощете тому царю дати,
Молю возвѣстите ми: и азъ хощу знати.

ЦАРЬ 1.

Азъ злато.

ЦАРЬ 2.

Азъ же ливанъ.

ЦАРЬ 3.

Азъ приношу смирну:
Сія дары прилични суть царю всемірну.

ИРОДЪ.

Попремногу, о друзи, мнѣ ся возлюбисте
За честь, юже толику царю сотвористе.
Хотѣлъ быхъ привѣтствовать съ вами царя нова,
Но дарствія моя ту еще не готова.
Молю: гды обрящете, и мнѣ возвѣстите,
Вѣстію мене о немъ, молю, ввеселите.
Мѣю сребра и злата, камене добуду;
Витати царя нова, сколь мнѣ мощно, буду.

ЦАРЬ 1.

Благослови ны, царю, во путь намиреный;
Ты же здравъ живи сѣмо, миренъ, надаренный!

ИРОДЪ.

За посѣщеніе вамъ благодарю зѣло,
  Землю ми іюдейску проходите смѣло,
Егоже желаете, царя посѣтите.
  Азъ паки желаю, мнѣ о немъ возвѣстите.

ЦАРЬ 1 *(къ рожденному глаголетъ).*

Отъ чиста злата въ небѣ имѣя полаты
  И градъ святый, емуже блещатъ стѣны златы,
На драгихъ каменіяхъ красно основанный,
  Тебѣ въ вѣчно жилище, Боже, зготованный:—
Ты же почто оставилъ красоту толику
  И воспріялъ еси ты нищету велику?
Надъ всѣхъ царей честнѣйшій такъ себе смиряешь,
  Егда между скотами тебе водворяешь!
Порфиры и мягкія одежды дарствуешь
  Людемъ, а на твердѣйшемъ самъ сѣнѣ бѣдствуешь.
Солнца, огня теплоту даешь твоей твари,
  Грѣешь землю бездушну воздушными пары;
Самъ въ глубокомъ вертепѣ себе на хладъ давый,
  Аки надъ всего міра нищихъ обнищавый!
Пріими убо малую отъ меня часть злата,
  Пріими, дражайшій злата, злато отъ мя, блата!
Не придохъ,—не могу бо,—тя обогатити,
  Вся въ руку имущаго, но токмо вручити.
  . . . .
  Пріими, а мя помилуй, Боже милосердый!

ЦАРЬ 2.

Азъ предъ тобою, Боже, тощъ да не явлюся,
  Ливанъ отъ мене пріими, смиренно молюся.
Вѣмъ, яко ты Богъ еси безсмертный, нетлѣнный,
  Безбоязненный, во вѣкъ сущій неизмѣнный.

Человѣка, чрезъ змія въ раи поврежденна,
Пришелъ еси цѣлити и живить мертвенна;
Но не инакъ, точію чрезъ смерти и раны,
Цѣльба, жизнь человѣку паки будутъ даны.
Врачу душамъ и тѣламъ! ливанъ ти приличенъ,
Плотію смертенъ сущій, божествомъ же вѣченъ!
Пріими врачеванія знакъ—ливанъ, молюся!
Ино что больщо нѣсть ми,—тѣмъ да умилюся.
Твоимъ даромъ никаковъ даръ будетъ сравненный.
За великъ отъ мя пріими сей даръ умаленный,
Пребогатый, преславный надъ всѣ человѣки!
Буди благословенный Боже во вся вѣки!

ЦАРЬ 3.

Вѣчный Боже, на земли нынѣ воплощенный,
Отъ вѣка Богъ, подъ лѣты человѣкъ рожденный!
Кую ти азъ дамъ титлу, яко человѣку,
Иже царемъ и княземъ даешь титлы зъ вѣку?
Царь, иже тебѣ злато за даръ приношаше,
Царя тя быти міру прообразоваше;
Вторый, иже принесе тебѣ ароматы,
Врачемъ душъ и тѣлъ дерзнулъ тебе нарицати;
Азъ тя архіереемъ, Боже, нарицаю, —
Яко архіерею смирну предлагаю.
.... [1]) повелишь пасити,
Но со кадиломъ смирну тебѣ приносити.
Проженешь сѣнь ветхую, егда тя на жертву
Богу отцу принесешь за тварь твою мертву.
Архіерею, за весь міръ молящій Бога!
Да будетъ твоя милость и на насъ премнога!
Благослови отъити въ страны свои здравымъ
Путемъ благополучнымъ, веселымъ и правымъ.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

ВСИ ТРИ.

Удаляемся тѣломъ, духомъ же съ тобою
Хощемъ быти, Ты насъ имѣй со собою.
Подобаетъ намъ инымъ путемъ шествовати,
Да не зволимъ Ироду о семъ возвѣщати,
Да коваренъ сый царя не убіетъ,
Крови невинной всуе да не изліетъ.

ПѢНІЕ.

Весь міръ нынѣ веселится, веселися:
Христосъ Спаситель родися; (*2-жды.*)
Пришли къ нему три цары, тріе цары,
Поклонъ даютъ, кладутъ дары; (*2-жды.*)
Ливанъ, смирну, купно злато, купно злато;
Зъ различныхъ странъ даръ той взято. (*2-жды.*)
Мы же ему сердце даймо, сердце даймо,
Чистымъ сердцемъ величаймо.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

ИРОДЪ:

Есть ли возвѣщеніе о царѣхъ прешедшихъ?
Что ми не есть вѣдомо о ихъ мимошедшихъ?

СЕНАТОРЪ 1.

Изволишь, о монархо, стражемъ здѣ предстати:
Аще прешли или ни, изволь вопрошати.

СЕНАТОРЪ 4.

Стражіе! монаршему лицу предстанѣте,
О чесомъ васъ вопроситъ, отвѣты дадѣте.

СЕНАТОРЪ 3.

Царей прешедшихъ аще вспять шедшихъ видѣсте,
Почто неудержанныхъ наю не повѣсте?

СТРАЖЪ 1.

Никако не явися ни единъ идущій,
Азъ бо бѣхъ неусыпно стражбу ми стрегущій.

СТРАЖЪ 2.

Како бы не дерзнули мы ихъ удержати?
И какъ быхомъ не дерзнули вамъ возвѣщати?

СЕНАТОРЪ 2.

Измѣна есть, о царю: инъ путь возлюбили,
Дабы о нарожденномъ ти не возвѣстили;
Прелестники сущіе тя, царю, прельстиша,
Слово свое царское волшебно сломиша.

ИРОДЪ.

И тако царьми званныи царски хранятъ слово!
Сердце ихъ царьми звати мое не готово.
Не мудрецы,—глупцы, и всякъ не братъ, но измѣнникъ;
Не хотѣлъ ми быть другомъ, всякъ будетъ же плѣнникъ.
Но прежде настоящо дѣло совершѣмо:
Гдѣ есть новый царь рождейся, поищемо.

СЕНАТОРЪ 1.

Четверовластный царю! Азъ мыслихъ на долзѣ
Кромѣ иныхъ замысловъ что бы къ твоей пользѣ;
Но не успѣли того: бо не увѣдали мѣста,
Кая того царя нова гдѣ роди невѣста.

Вели убо рабиномъ прійти премудрѣйшимъ,
Отъ книжниковъ еврейскихъ много искуснѣйшимъ,
Негли, кое въ книгахъ чтуще здѣ пророцство,
Обрящутъ того царя новаго намъ сродство.

СЕНАТОРЪ 4.

Не противу глаголю словеси твоему;
Но, аще и младому, умови моему
Тако мнится, яко, мечь во Іюдей спорѣ
Простерши, изыщемо нова царя вскорѣ.

СЕНАТОРЪ 2.

Добръ твой совѣтъ, обаче мощно испросити
Отъ книжниковъ, потомъ же сіе сотворити.

ИРОДЪ.

Добрѣ. Два ми воскорѣ пригласи рабина
Здѣ съ книгами; именемъ вели господина.

ПАРЕНЬ.

Зъ охотою, монархо, иду по нихъ споро,
Лицу ти пречестному здѣ представлю скоро.

ИРОДЪ.

Мы же чрезъ сіе времяна да не празднословимъ,
Помысльмо, како того наступцу уловимъ.

(Пришедшимъ рабиномъ).

Добрѣ здѣ пришли есте, друзи возлюбленны,
Изрядно въ писаніи всякомъ изученны!

РАБИНЪ 1.

Здравствуешь ли? Что слышно добраго, монархо?
Что тя видимъ прискорбна, великій тетрархо?

ИРОДЪ.

Сего ради васъ призвахъ, да устъ вашихъ сладость
　Горьку ми скорбь претворитъ на сладкую радость.
Егда нѣкій царь новый въ Юдеи родися
　И уже во вселенной вездѣ сый прослыся?
Нѣцы отъ востока шедше тріе цары,
　Мой престолъ поругавше, тому даша дары.
О немъ ми возвѣстите: гдѣ и есть ли тако,
　Или ни, да скорбь мою отъимете всяко.

РАБИНЪ 1.

Монархо! аще мене послушать возможно,
　Азъ тебѣ отъ Талмутовъ исповѣмъ неложно.
О рожденномъ отроку глаголать начну ти,
　Токмо не прогнѣвайся, смирно ся молю ти.
Написалъ Исайя пророкъ у Талмуты,
　Яко мѣлъ родитися отъ колѣна Юды
Зъ дому Дáвида; въ главѣ такъ седьмой вѣщаше,
　Егда царю Ахазу собесѣдоваше:
«Се дѣва во чревѣ пріиметъ, родитъ сына,
　Еммануилъ наречетъ; тая того вина:
Престолъ Давида [1]) отца—его престолъ будетъ,
　Царству же его конца во вѣки не будетъ.»
И Соломонъ премудрый тоже глаголаше,
　Яко то въ сіе время быти имѣяше.
Написалъ: «Родится мужъ въ іюдейстѣй странѣ,
　Иже праотцевъ спасетъ зъ пекелной отхлани.»
Іеремія въ главѣ третей его чаетъ,
　Отъ сѣмени Іаковля изыти вѣщаетъ:
«На землѣ явися и живетъ съ человѣки.
　Невидимый знанъ будетъ между человѣки».

---

[1]) Въ рук.: *дѣвица*.

Еще Валаамъ мудрый, аще жилъ безбожно,
О немъ силою Бога пророче неложно:
«Отъ сѣмени Іаковля прійдетъ мужъ великій
И будетъ обладати надъ всѣми языки.»

ИРОДЪ.

Добрѣ. Еще же молю, аще убо вѣста:
Гдѣ рожденъ есть, въ писаніи поищѣте мѣста.

РАБИНЪ 2.

Монархо! Отъ мене ты слушай того мѣста,
Гдѣ такого отрока родила невѣста.
Мѣсто его Михея пророкъ изъявляетъ,
Иже во главѣ пятой сице повѣдаетъ:
«Ты, Виѳліемъ, не меньши во владыкахъ Юды:
Зъ тебе изыдетъ пасый Израиля люди,»
Отколь дается знати, яко въ Виѳліема
Собышася Михеемъ сія глаголема.
Въ Виѳліемѣ родися; а въ коемъ же мѣстѣ,
Втайнѣ о немъ Аввакумъ сице даетъ вѣсти;
Тако отъ Аввакума бѣ прорекованный:
«Посреди двохъ животныхъ будеши познанный.»

ИРОДЪ.

И тако ми ушеса словы насладисте!
Лучше бы, дабы тако здѣ не приходисте!
Мнѣхъ, яко въ моемъ радость сотворите сердцы,
Вы въ слезахъ аки люты топите мордерцы.
Не хощу васъ. Идѣте зъ очесъ моихъ вскорѣ,
Да не зрю васъ никогда на монаршемъ дворѣ.

ИРОДЪ.

Егда ли обрящется власть гдѣ-сь превысока,
Бы по малой радости слезного потока
Не вкусила. Ахъ? слезъ токъ виссонъ омочаетъ!
Зрящу на скипетръ, болѣзнь сердце ми пронзаетъ:
Коликимъ величествомъ отвнѣ увѣнчанный,
Толикимъ внутрь жалости узомъ окованный!
Тридесять седмь лѣтъ саномъ царства бѣхъ почтенный,
Нынѣ же внезапу буду извлеченный!
Извлеку прежде мечь мой на завистну выю,
Иже хощетъ отъяти діадиму сію.
Будешь, будешь первѣе въ подземленномъ долѣ,
Нежели на юдейстѣмъ сѣдящи престолѣ.
Восхощешь избѣгнути?.. Но не будетъ время.
На злату діадиму узъ понесешь бремя;
Хотящъ въ благихъ оплывать на Ирода ѳронѣ,
Поплывешь и утонешь въ крови своей тонѣ.

СЕНАТОРЪ 1.

Престани, о монархо, о семъ сѣтовати.
Хощу нѣчто полезно ти совѣтовати:
Вели вожда призвати со сильными вои,
Со всякимъ оружіемъ и крѣпкими строи.
Тыхъ въ виѳлеемску зволишь землю отпустити,
Поволишь всѣхъ отрочатъ на главу избити:
Между тѣми наступцу твоего убіютъ,
Твоя же мысль и сердце въ радости почіютъ.

ИРОДЪ.

Добрѣ глаголешь. Гряди, пригласи ми воя,
Да придутъ въоруженныи ко мнѣ не безъ строя.

ПАРЕНЬ.

Господина моего творю повелѣнно,
Шедши, воя приведу сѣмо немедлѣнно.

СЕНАТОРЪ 1.

Двоюлѣтныхъ повели бить отрокъ нещадно,
Хотящу наслѣдити не будетъ отрадно.

ВОЖДЪ 1.

На повелѣніе ти пріидохъ готовый,
Имамы творить дѣломъ, еже речеши словы.

ВОЖДЪ 2.

Что повелиши, царю, тое будетъ дѣломъ;
Желаемъ ти работать душею и тѣломъ.

ИРОДЪ.

Хощу, да будутъ ваши мечи обнаженны
И сердца ко моему сердцу сопряженны.
Мечи, въ купу сложивше, да всякъ лобызаетъ:
Аще ми будетъ вѣренъ, симъ да освѣщаетъ;
Еще же крове нашой, смѣшавше, вкусѣмо.
Юнче! гряди воскорѣ, чашу подаждь сѣмо.
Се азъ въ первыхъ источу, ты же твори тако,
И ты, да и во бранѣхъ будетъ вамъ еднако.

ВОЖДЪ 1.

Готовы, зри, не токмо зъ рукъ кровь источити,
Но и главъ не пощадѣмъ за тя положити.

ИРОДЪ.

Пимо се, глаголюще: «Буди въ храбрость нашу,
Новъ же царь да испіетъ отъ насъ смертну чашу!»

ВОЖДЪ 1.

Благополученъ всегда да долгоденствуешь!

ВОЖДЪ 2.

И надъ царемъ новымъ здравъ да долгоденствуешь!

(Піютъ.)

ИРОДЪ.

Нынѣ убо десницу крѣпко въоружите;
Въ Виөліема предѣлы скорѣе бѣжите;
Будите безъ милости, будите жестоки:
Избійте двоюлѣтны и вящше отроки,
Да между тыми новый царь убіенъ будетъ,
Моя же вѣчна слава въ цѣлости пребудетъ.

ВОЖДЪ.

Готовы дѣломъ сія исполнити;
Ты же, монархо, зволь благословити.

ПѢНІЕ.

Гласъ слышанъ—въ Рамѣ. Рахили рыдаше:
Яко любезныхъ чадъ си не видяше,
Вопль испускаше:
«О чада моя, чада прелюбезна,
Очесемъ моимъ красото полезна!
Плачу васъ слезна.
Никогда плача азъ не утолюся,
Дондеже лицемъ васъ не наслаждуся;
Сама убьюся».

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

УБІЕНІЕ ОТРОЧАТЪ НЕСЛЫШИМОЕ, НО ЗРИМОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

ПЛАЧЬ И РЫДАНІЕ УБІЕННЫХЪ ОТРОЧАТЪ ПОДОБІЕМЪ ПЛАЧЕВНОЙ РАХИЛИ.

Глаголати ли имамъ, иль молчати буду,
  Егда мя вопросите, кто есмь и откуду?
Глаголати пространно плачь ми препинаетъ,
  А хлипаніе часто рѣчь ми присецаетъ;
Молчати невозможно сердцу болѣзненну,
  Имущему печальми душу уязвленну.
Мощно ли утаити огнь, въ нѣдрехъ скровенный?
  Иный не утайть болѣзни духъ опечаленный,
Но отъ болѣзненныя души провѣщаетъ
  Внутрь сущую всѣмъ явѣ: «горе есть»—возвѣщаетъ.
Возвѣщу убо, и азъ на мене смотрящимъ
  И яже о мнѣ знати извѣстно хотящимъ.
Азъ есмь плачь, рыданіе скорбные Рахили,
  Еяже сердце многи скорби уязвили.
Вѣсте ли, о людіе, кто та Рахиль бяше?
  Та, яже Іякову сожительствоваше;—
Іякову супруга мужу святу, честну,
  Видѣвшему иногда лѣствицу небесну,
По нейже восхождаху, нисхождаху ноги
  Ангеловъ, сказующихъ спящу тайны многи.
Того мужа та жена, о ней написано:
  «Гласъ въ Рамѣ, гласъ Рахилинъ плачевенъ слышано;
Рахиль плакаше своихъ чадъ прелюбезнѣйшихъ,
  Погубляемыхъ отъ рукъ немилостивѣйшихъ,
И утѣшити себе отнюдь не хотяше,
  Понеже дѣтей своихъ истребленныхъ зряше».

Но речетъ кто, яко «та двоихъ токмо мѣла
Сыновъ, ихъже по долгомъ неплодствѣ родила:
Іосифа прекрасна и Веніамина
По первородномъ чадѣ послѣдняго сына;
Обаче тыи цѣлы а живы пребыша
И въ народъ ся премного тыи расплодиша:
О комъ убо печется та слезная мати?
О комъ убо тужитъ? сѣтуетъ о коемъ дитяти?»
Таковая глаголющь не вѣсть тайны Бога,
Егоже постижныи судьбы бездна многа.
Да увѣсть убо тайну ту, не всѣмъ вѣдому,
Яже дѣема бяше въ Іяковлѣ дому.
Безчадна Рахиль долго духомъ си тужаше,
Яко супружескаго плода не раждаше.
Егдаже разрѣшилъ Богъ оноя неплодство,
Услышавъ мольбу теплу, даде чадородство,
Даде ей купно и даръ зъ своей благостыни
Пророческаго духа,—быть ей пророкини:
Еже будущая, то умнѣ предсмотрѣти
И вѣдати, каковы будутъ ея дѣти,
Дѣти, внуки, правнуки въ послѣдняя роды,
Счастье ихъ и несчастье, плѣны и свободы.
Во первыхъ убо, егда родила первенца
И еще не вскормила своего младенца,
А уже въ ночномъ сонномъ видѣніи зряше
То, еже Іосифу быти имѣяше:
Зряше того ведома; его же связаша,
Яко плѣнна раба отъ братій продаша,
Плачуща, рыдающа, къ рождьшей вопіюща:
«Рахили! О Рахили!» слезнѣ глаголюща:
«Рахили, мати моя! почто мя остави?
«О мати! чадо твое отъ злыхъ рукъ избави!»
Того Рахиль въ видѣніи соннемъ часте зрящи,
Обаче со ужасомъ воспряну, стенящи,

И, объемши младенца матерски руками,
  Слезы отъ очію си точаше рѣками.
Таже, егда зачала и Веніамина,
  Прежде рожества того послѣдняго сына,
Еще во утробѣ своей младенца имущи,
  Уже пророчески вѣкъ предъузрѣ будущій:
Племя Веніамина како имѣ быти
  Въ бѣдахъ, скорбѣхъ, печалѣхъ, гинути, не жити,—
Ово отъ своихъ, ово отъ чуждыхъ гонимы,
  Отъ всѣхъ убиваемы, весьма нещадимы.
Предзряше пророчица она всю подробну
  Имѣвшую брань быти междусобну,
Въ неже Веньямина отъ сподсвѣтлаго солнца
  Истребится отъ своихъ пеленъ до конца,
А за едино токмо скверна грѣха дѣло,
  Егоже и помысломъ вспомянутъ не мѣло.
Предзряше и другое злое время мати,
  Яко мечь Ассиріевъ имѣ поядати
Останокъ Веніаминь, а неизбіенныхъ
  Зряше въ плѣнъ вавилонскій скованныхъ веденныхъ.
То Рахиль пророчески егда зряше убо,
  Прегорькимъ рыданіемъ рыдаше сугубо
Ово о избіенныхъ, ово о плѣненныхъ
  Чадъ своихъ прелюбезныхъ, въ конецъ разоренныхъ.
Иныхъ всѣхъ и онѣхъ рыдаше не тольма,
  Якоже о семъ часѣ возрыдая больма,
Егда узрѣ мечь острый скоро обнаживша,
  Виѳлеемскія дѣти избити имѣвша.
Ратуеми внуки себѣ защищаху,
  Плѣненны свободы себѣ желаху;
А иже пеленами повитыя дѣти—
  Како мощно имъ бяше себе защитити?
То предзрѣніе слезы Рахили точаше
  И отъ горькаго плача престать не даяше

Даже до скончанія. А егда, плачася
Ради Веніамина и вскорѣ скончася,
Тѣло ея честное камо погребенно,
Рахилею оное мѣсто нареченно;—
Мѣсто, идѣже потомъ Виѳліемъ создася,
Отъ гроба Рахилина Рахиль-градъ прозвася.
И егда въ Виѳліемѣ лютость сотворися,
Рыданіе Рахили и плачь обновися:
Аще бо и мертвая тамо почиваетъ,
Обаче ея душа на все то смотряетъ.
И яко бывши жива, отъ имѣвшихъ быти
Рыдаше, такожде и, преставшиі жити,
О событіи вещи горчая рыдаетъ,
Яко же еваньилистъ то воспоминаетъ:
«Слышится въ Рамѣ гласъ, горцѣ стенящій,
Отъ Виѳліема града съ плачемъ исходящій,
Гласъ Рахили плачущей, но несоравненно
Паче перваго плача много болѣзненно:
Тогда бо единою гортанью кричаше
И отъ единыхъ очесъ слезы испущаше;
А нынѣ, елико есть дѣтей, кровь ліющихъ,
Толико есть матерей, плачевнѣ ревущихъ».
Того плача азъ есмь гласъ и вѣстникъ повсюду,
Отъ Рахили дошедшій даже и довсюду,
Возвѣщающь слышащимъ печаль вельми смутну,
Младенцовъ избіенныхъ смерть зѣло укрутну.
Кто во васъ сердоболенъ духомъ умиленнымъ,
Поне мало поболи сердцемъ сокрушеннымъ,
Споболи рахилинымъ болѣзнемъ сердечнымъ,
Соплачи тоя теплымъ слезамъ безконечнымъ!
Иродъ, лютъ властолюбецъ, добра ненавистникъ,
Самаго діавола истинный намѣстникъ,
Новорожденна царя хотя погубити,
Посла неповинные младенцы избити;

Посла вооруженны, аки на рать, воя,
Аки на не дающихъ супостатъ покоя.
Но, о прелюбезнѣйшій мучителю, слыши,
Егда си незлобивыхъ младенцовъ біеши:
Егда ли тыя на тя полки собираютъ?
Егда ли на царство ти брани возставляютъ,
Котріе отъ матернихъ сосцевъ отрываютъ?
Неповинныхъ мечами лютѣ убиваютъ.
Еже азъ умнымъ окомъ егда созерцаю,
Сице къ сердцу моему плачевнѣ вѣщаю:
«О сердце, сердце, твердѣйши опоки!
Что удержиши слезныя потоки?
Что, отъ жалости, аки воскъ не таешь,
Слезъ не истощаешь?
Зри, коль жалостныи и скорбные часы!
Сквозѣ пронзаютъ утробу ми гласы
Слезныхъ матерей, плачущихъ о чадѣхъ
Въ весѣхъ и градѣхъ.
Чада любезна въ кровь си углебаютъ,
Матери въ слезахъ горькихъ утопаютъ,
Егда біютъ вои чадъ немилосердны,
Неблагосердны.
Лютѣйшіи звѣря изъ рукъ похищаютъ,
Отъ сладкихъ сосцевъ обще отрываютъ,
Всѣхъ закалаютъ, агнецевъ незлобивыхъ
Не творятъ живыхъ.
Вся виѳліемска земля превращенна,
Въ кровь неповинныхъ дѣтокъ обагренна,
Въ полахъ и стогнахъ течетъ крове море.
Горе! Ахъ! Горе!
Четырнадесять тысящь положили
И еще крове тыхъ ся не напили,
Не напоили звѣрообразнаго
Ирода злаго.

Впойтъ невинность, въ небо вопіющи.
Утолишь жажду въ сѣрчистой пловущи
Рѣцѣ, егда самъ пойдешь въ ада руцѣ
Къ вѣчной муцѣ.
Плачу и плакать непрестанно буду,
Печали сея во вѣкъ не забуду,
Буду рыдати на злаго Ирода
Въ роды отъ рода.

Пѣніе: «Гласъ слышенъ въ Рамѣ» и прочая.
(Вождь вой приноситъ главы отрочатъ, и Иродъ радуется, и вѣнчаетъ, и отпускаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

ВОЖДЪ.

Торжествуй, славный монархо, оттолѣ
Мирно сѣдящій на твоемъ престолѣ!
Четырнадесятъ тысящь отрочатъ избихомъ,
Таможь и наступцу твоего уловихомъ;
Се въ знамя принесохомъ дѣтинныя главы,
Да дѣтище твоея не терзаетъ славы:
Еяже ти живущи не хотѣлъ склонити,
Торжественнѣ на мертву изволь наступити.
(*Кидаютъ.*)

ИРОДЪ.

Радость объятъ мя нынѣ толь велія зѣло,
Сколь великую прежде сердце жалость мѣло.
Вамъ же благодарствую за толики труды,
Вѣнецъ побѣдоносный отъ мене вамъ буди.
Не замедлю великимъ саномъ васъ почтити,
Нынѣ же помозите мнѣ ся веселити [1]).

---

[1]) Въ рукописи: *веселите.*

Пѣвцы! торжественныя пѣсни воскликните;
Поюще же, во длани весело плещите,
Да мало утѣшимся по счастливомъ бою,
Потомъ будетъ склонитися время къ упокою.

ПѢНІЕ.

Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшѣте, *и прочая.*

ИРОДЪ.

Довольно ликовъ! Пѣвцы! нынѣ престанѣте.
Вельможи и вы, вои! въ свояси идѣте.
Хощу мало уснути, сѣдящи на ѳронѣ,
На пресладкомъ почити Морѳеуша лонѣ.
Аще случай явится, скоро здѣ придѣте,
Въ царскомъ управленіи словы пособѣте.
Юнцы! вѣнецъ, скипетръ, мечь отъ мене возьмѣте,
Гдѣ ми есть сокровище, тамо понесѣте;
Сами же паки вскорѣ ко мнѣ приходите,
Здравія ми опасно и вѣрно блюдите,
Велѣте что инаго еще воскликнути,
Донелиже пресладцѣ возмогу уснути.

ПѢНІЕ.

Спишь, окаянне, сномъ обремененный!
Гласъ невинности, въ небо возведенный,
За кровь рыдаетъ, отмщенія проситъ,
О нечаянну смерть тебѣ голоситъ.

(Отроки отбѣгутъ Иродовы.)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

НЕВИННОСТЬ.

Внушай, о небо, Невинности гласу!
Но презри крове пролитой въ семъ часу
Насъ немовянтокъ, злобы не творившихъ,
Жизнь оставившихъ!
Ничто же въ жизни злаго содѣяхомъ,
Не токмо злыхъ дѣлъ, и словесъ не знахомъ,
Кромѣ любезнѣ матерь нарицати,
Сосца вкушати.
Даждь отмщеніе отъ суда ти свята
На кровопицу Ирода проклята:
Пролилъ еси кровь жизни отчаянне
Ты, окаянне!
Отвори гортань несыту зміину,
Пій, юже излилъ еси, кровь невинну;
Еяже жаждалъ, нынѣ утолися,
Возьми, напися.
Простри утробу жаждну, несыту,
Лій въ ню кровь сію, лій чрезъ тя пролиту,
Пій и матерей пролитыя слезы
Въ стопны и стезы.
Пій истекшія отъ скорбну зѣницу
Смотрящихъ воевъ на люту десницу,
Бьющу насъ, агнецевъ, для твоей трапезы,—
Пій кровь и слезы.
Отъ крове нашой намъ порфиру сшилесь,
Бисерами слезъ матерних спестрилесь,
Увѣнчаясь намъ вѣчнымъ вѣнцемъ главы
Вѣчныя славы.
По малой жизни мы вѣчне царствуемъ,

Тебѣ же вѣчну смерть ходатайствуемъ
Не злобы нашой, но Бога судьбами,
Мстяща законами.

ИСТИНА И ДВА АНГЕЛА.

Ангелы! сѣмо Невинность да придетъ!
Гласъ твой предъ Бога престолъ уже взыде,
Еще слезы да зритъ и кровь вашу чисту,
Юже пролисте неповинну исту.
Даждь я ангеломъ, а вѣнецъ на главу
Пріими и гряди во вѣчную славу;
Пріими маслину, та есть знакъ побѣды
За Иродовы на васъ всѣхъ обиды,
Его же Отмщеніе безъ всяка откладу
На безконечны муки вѣчну предастъ аду.
Азъ, истая Истина, вѣщаю ти исто,
Яко ему готово во адѣ ужь мѣсто:
Въ Цербера всегда будетъ гортани сидѣти,
Будетъ огнемъ сѣрчистымъ объятый горѣти.
Ты же иди въ жизнь вѣчну. Ангели! пріймите,
Между ангеловъ лики сію водворѣте,
Со торжествующею въ небѣ торжествуйте!
Се азъ вама предъиду, вы мнѣ послѣдствуйте.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Почнуѳся ИРОДЪ *стогнетъ и немощнымъ гласомъ отрочатъ зоветъ.*

Юноши! ахъ юноши! камо отъидосте?

ЮНОШИ.

Се есмы господине. [1])

ИРОДЪ.

Чесо ради мя спяща здѣ пренебрегосте?

---

[1]) Написано съ боку.

ПАРЕНЬ 1.

Господине! великимъ быхомъ яты страхомъ
И того ради отъ тя спяща отбѣжахомъ.

ИРОДЪ.

Кій страхъ?

ПАРЕНЬ 2.

Исходило нѣкое лицо все бѣло,
Двѣ чаши носящее, дерзновенно, смѣло;
Мы недоумѣхомся, что бы было тако,
Ужасны не могохомъ при тебѣ стать всяко.

ИРОДЪ.

Горе ми окаянну! Азъ се видяхъ спящій,
Еже ми пророцало смерть въ часъ настоящій:
Невинность то ко Богу за кровь си взывала,
Юже излихъ, и тою мене напавала,
Слезы скорбны матерей пити ми даяше,
Отмщеніе въ небо и смерть ми взываше.
Горе! смерть ми настоитъ: все тѣло неможе.
Юноши! молю, вскорѣ устройте ми ложе.

(*Строятъ.*)

Здравствуй всякій, сѣдящій на моемъ престолѣ!
Азъ бо на немъ сидѣти не буду оттолѣ.
Побѣжите, да сѣмо пріидутъ вельможи.
Рцете, яко царь лежитъ на смертельномъ ложи.

ПАРЕНЬ 1.

Ты иди! Господина азъ буду хранити;
Но не изволь долгаго времени медлити.

ПѢНІЕ.

О прелестнаго міра!
Лютѣйшаго звѣра

Нынѣ вѣнчаетъ,
  А утро пожираетъ;
Дарствуетъ нынѣ злато,
  Утро мещетъ въ блато;
Сидитъ на престолѣ,
  Потомъ въ низкомъ долѣ.
О лукавствіа міра! Лукавства не мало:
  Въ пресладчайшомъ меду смертно имать жало;
Гдѣ сахаромъ лестны слова посыпаетъ,
  Пелунную горесть тамъ утаеваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

ПАРЕНЬ 2.

Великій господине! Вельможи придоша.
  Смотри скорбныхъ, яко тя больна обрѣтоша.

ИРОДЪ.

Умилосердитесь! Дайте ми пораду!
  Не дайте ми умерти, подайте отраду.

СЕНАТОРЪ 1.

Бѣжи, юнче, по врача, да будетъ здѣ вскорѣ,
  Его же обрящеши на моемъ подворѣ.

(*Отрокъ пошелъ.*)

СЕНАТОРЪ 2.

Друзи! Азъ неслыханный смрадъ въ немъ ощущаю:
  Не живуща, но смертна весьма его чаю.

СЕНАТОРЪ 3.

Рцы намъ слово, о царю! Что тебѣ болѣетъ?

ИРОДЪ (*немощнымъ гласомъ*).

Ахъ! увесь изнемогохъ; все тѣло дряхлѣетъ.

СЕНАТОРЪ 4.

Уступѣмо подалѣ: азъ не могу стати
Близко смрадна, ноздрибо требѣ затыкати.

ВРАЧЪ.

Здравствуйте, первѣйшіи Ирода вельможи!
Что се вашего царя сложило на ложи?

СЕНАТОРЪ 1.

Тя вѣмъ врача искусна смотрити болѣзни.
Можетъ ли еще съ нами пожити въ сей жизни?

ЛѢКАРЬ (*осматриваетъ*).

Не гнѣвайтеся на мя: царь вашъ боленъ зѣло.
Не вѣмъ, аще му кое сопоспѣшитъ дѣло.
Смотрите: во всемъ тѣлѣ множится огница,
Всю утробу повреди лютая чревница;
Се уды всѣ сорвенны и всѣ весьма сгниша,
Ноздри ощущеніе свое заградиша,
Увесь въ болѣзнехъ смертныхъ, и жити не може.
Извольте готовити ему гробно ложе
И сами, аще кто зъ васъ хощетъ здравымъ быти,
Изволите опасно всякъ себе хранити.
Смертенъ есть и всякаго онъ смертна сотворитъ,
Аще обонянія кто здѣ не затворитъ.
Азъ большъ стоять не могу. Господа! простѣте
И сами, совѣтую, долго не медлѣте.

ИРОДЪ.

Что вамъ врачь глаголаше, да азъ вѣмъ недужный;
Повѣсте: что ми будетъ въ сей часъ горькій, нужный?

СЕНАТОРЪ 2.

Смертенъ ты часъ настоитъ. Изволь ожидати;
Намъ же здѣ ради смрада не мощно стояти.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

ИРОДЪ.

Ахъ! Вельможи и вои! что остависте мя?
Стойте, дондеже тѣла азъ низложу бремя.

ГОЛОСЪ.

Уже не время.

ИРОДЪ.

Ахъ! горе! Кій гласъ уши страшный проникаетъ,
Болѣзненно ми сердце смертію страшаетъ?

ГОЛОСЪ.

Въ гробъ посылаетъ.

ИРОДЪ.

Тако ли то, Ѳортуно, измѣняти знаешь?
Вчера на престолъ, нынѣ въ гробъ мя посылаешь!

ГОЛОСЪ.

Вскорѣ дознаешь.

ИРОДЪ.

Недавно вельможъ, воевъ чини окружали;
А нынѣ окаянна всѣ мя отбѣжали.

ГОЛОСЪ.

Время дознали.

ИРОДЪ.

Ахъ! съ мірскими благими тяжко ся разстати;
Тяжше въ рѣцѣ гегенской вѣчне утопати.

ГОЛОСЪ

Не изринати.

ИРОДЪ (*шепчучи говоритъ*).

Ей! Дай кто помощь и руку!
Ей! Кто добръ! утоли муку.
Ахъ! страшная вижду,
А, а! терплю страхъ.
Ахъ! душу устрашаютъ,
Ахъ! тѣло удручаютъ.

(*И упадаетъ надъ пропасть*).

Ахъ, ахъ, ахъ!

ОТМЩЕНІЕ.

Толико, окаянне, творити дерзнулесь:
Противо Бога ярость, глупче, воздвигнулесь.
Се ти азъ, Отмщеніе, то сотворю вскорѣ,
Яко съ трупомъ си будешъ скоро въ ада мори.
Коль смертныхъ язвъ невинныхъ сотворилесь,
Толь тебѣ во адъ вѣчный дверей отворилесь!
Смертію отрочатъ всѣхъ животъ изгубити
Тщался еси; самъ въ смерти вѣчно будешь гнити.
Мирно съ Богомъ на земли не хотѣлесь жити:
Зъ смертію будешъ, или смерть тобою владѣти.
Не помогутъ вельможи, ни вои избранны.
Иди во адъ на вѣки, иди, окаянны!
Блесни, молнія, зъ неба! Разби, перунъ, тѣло!
Земле! пожри. Во вѣки тамъ будетъ се дѣло.
Такъ будетъ всяку грѣшну, кто Бога вбиваетъ,
Различными грѣхами мучитъ, распинаетъ.
Се, гегенну готову зря, всякъ да боится,
Да Ироду гордому здѣ не собразится.

ПѢНІЕ.

О гордость міра! что се сотворила?
Сама себѣ во адъ двери отворила,
Отъ Люцыпера завистію злою
Для непокою.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

ИРОДЪ (*въ узахъ ада*).

Горе! горе! Ахъ! горе! Нестерпимой муки!
Въ гортань достахся ада, не точію въ руки!
Горе! Палитъ мя пламень, палитъ мое тѣло;
Изъ утробы дышущу, — горе! — палитъ зѣло;
Внутрь мене огонь пекельный душу сожигаетъ;
Змій въ сердце и утробу жало угрызаетъ;
Грызетъ мою утробу мука нестерпима.
О муки! Ахъ, огня, въ вѣкъ неугасима!
Горю! горю! Мучуся, мучуся во вѣки!
Не воскресну отъ смерти между человѣки!
Ахъ! почто азъ родихся? Ахъ! почто азъ родихся?
По малой жизни во смерть въ вѣчную вселихся.
Проклятъ родитель, мати проклята ми буди!
Почто мене родили, почто между люди?
Проклятъ полъ день буди, буди часъ проклятый,
Вонъже рожденъ есмь, иже муками объятый!
Всѣ дни, часы, минуты, прокляты вся годы,
Яже изжихъ суетно, проклятый во вся роды!
Проклята гордость! Та мя во вѣкъ погубила,
Та мя противу Бога брань творить учила.
Прокляты и вельможи за своя совѣты,
Наустившіе мя быть невинныя дѣти!
Прокляты и всѣ вои, что не пощадѣша!

Почто число толико беззлобныхъ избиша?
Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку.
Проклятъ самъ себе давый въ Люцыпера руку:
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка!
Смотря на мя, гордяйся гордиться престани,
Да не когда въ сей будешь со мною гортани.

ПѢНІЕ.

О гордость міра! *и прочая.*

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

СМЕРТЬ.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егоже желала,
Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
Кровію виѳлеемску землю напоила.
Четырнадесять тысящь отъ сею косою
Покосила отрочатъ, якъ траву зъ росою.
А што лучшее—царя Ирода убила
И въ Цербера гортани того посадила.
Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
Тыхъ сильна обладати буду во вся вѣка,
Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

ЖИЗНЬ.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, Жизни, ты не чуешь?
Не умре Натура людска, но ввѣкъ жива будетъ,
Твоей области данна никогда не будетъ.
Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды.

Ты, яже еси нынѣ отселѣ изгнанна,
Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна;
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И садить со собою моя человѣки.
Вы Натуру людску сѣмо приведѣте,
Близь меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.
Сяди, Натуро людска, сѣмо на престолѣ;
Азъ тя, Жизнь, оставляти не имамъ оттолѣ.

НАТУРА.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, Натура бренна,
Яко человѣчество тако возлюбилесь:—
Съ тобою пребываги всегда сподобилесь.

ЖИЗНЬ.

Пріими вѣнецъ пречестный первый ти на главу,
Вѣчну буди имуща всегда о мнѣ славу;
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь тя вѣчну хощу взяти.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

КРѢПОСТЬ БОЖІЯ.

Разными дарованьми человѣкъ почтенный
Отъ Бога, егоже есть дланью сотворенный:
На что не памятаяй суетѣ вдадеся,
Противъ самаго Бога гордо вознесеся,
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный?

Но азъ, Крѣпость, низвергохъ съ небеснаго града
И предахъ того лютой во вѣкъ муцѣ ада,
Сице и человѣка, горда, вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыперомъ быти посажденна,—
Ирода проклятаго, иже суетою
Удовленъ, соплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Христа Бога рожденна убити:
Мнѣлъ бо себе большаго, неже Бога быти.
Кто есть велій, яко Богъ, Ироде проклятый?
Сѣди нынѣ умаленъ, ада узы ятый.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами: сій на крестѣ распинаетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешь.
Азъ есмь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги,
Гордый ти, за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агнчее сердце уготуетъ,—
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такимъ пожируетъ.
Агнцу, иже за тебѣ закланъ бысть родися,
Не якъ львовый Иродъ, кротокъ поклонися.

ЭПИЛОГЪ.

Показавши измѣну міра сего лестну
Тебѣ, слышателеви нашему пречестну,
За любовные слухи всѣмъ благодарствуемъ,
Такожде нарожденнымъ Христомъ привѣтствуемъ!
Здравъ и благополученъ да долгоденствуешъ,
Потомъ вѣчно на небѣ съ Нимъ же да царствуешъ,
Всѣ едиными усты и сердцы желаемъ.
Простѣте согрѣшившихъ въ дѣйствѣ, умоляемъ!

II.

МЕЖДОРѢЧІЕ.

——

1.

ИЗЫДЕТЪ СТАРИКЪ, ИСКІЙ МУДРОСТИ; ПРІИДЕТЪ МАЛЕЦЪ ШКОЛЬНЫЙ НАУЧИТИ ЕГО.

СТАРИКЪ.

Богъ въ помощь, государи! Вси здравы будите,
Крутчины на бѣднаго мене не кладите,
Что вышелъ дерзновенно между милость вашу:
Ума хощу сыскать на потребу нашу.
Кто вѣдаетъ, гдѣ разумъ въ лавкахъ продается?
Аршинъ съ десять купити старикъ волочется.
Уже мнѣ докучно безъ ума [1]) жити.
Аще бы возможно паки младымъ быти,
Приняхъ бы ся за книгу руки и зубами,
Дабы ума набити въ главу кулаками;
А нынѣ готовъ есмь добраго стяжати,
Токмо бы кто изволилъ разума продати.

Выходитъ МАЛЕЦЪ УЧИТЕЛЕНЪ *съ свиткомъ и съ плетью.*

Богъ ти въ помощь, старче! О чемъ ти крутчина,
Повѣждь: азъ тя утѣшю, искусны дѣтина.

---

[1]) Въ рукописи по тогдашнему произношенію въ стихѣ: *беззума.*

СТАРИКЪ.

Ума хощу купити да не обрѣтаю;
Ходя, у добрыхъ людей давно вопрошаю.

МАЛЕЦЪ.

Не кручинься, о старче! Азъ много имѣю
Ума и старыхъ людей учити умѣю,
Точію есть потребно, что велю, творити
И ни въ единомъ словѣ упорчивымъ быти.

СТАРИКЪ.

Вся готовъ есмь творити, учителю честны!
Во мздовоздаяніи тебѣ не буду лестны.

МАЛЕЦЪ (*показуетъ свитокъ и глаголетъ*).

Въ сей хартіи есть разумъ. Потребно ю съясти,
Изрядно разрѣзавши на мелкія части.

СТАРИКЪ.

То готовъ есмь сотворити,
Точію бы мудрымъ быти.

Тогда малецъ разрѣжетъ, а старикъ ястъ и глаголетъ

СТАРИКЪ.

О! вкусъ жестокъ есть; хощется блевати.

МАЛЕЦЪ.

Терпи, аще тя хощетъ и прервати:
Горекъ трудъ нынѣ, но сладки плодъ будетъ,
Егда въ главѣ ти ума прибудетъ.

Егда съястъ старецъ, тогда малецъ на таблицѣ v. (vel) *на бумагѣ напишетъ азбуку и учитъ старика.*

МАЛЕЦЪ.

Чти со мною. Азъ.

СТАРИКЪ.

Увязъ.

МАЛЕЦЪ.

Буки.

СТАРИКЪ.

Учителя прибрать въ руки [1]).

МАЛЕЦЪ.

Глаголъ.

СТАРИКЪ.

Учителя за хохолъ!

МАЛЕЦЪ.

Мало памяти во главѣ, по тѣлу расплыся;
Хощу во главу вогнати, токмо положися.

Старикъ ляжетъ, а МАЛЕЦЪ *отъ него плетію во главу память вгоняетъ и глаголетъ трижды:*

Иди во главу, память! Ты, старче, учися!
Но за соху паки пріимися.

СТАРИКЪ.

О! есть память! есть! Уже добре знаю,
Изрядно письмо то прочитаю.

---

[1]) За тѣмъ, какъ видно изъ слѣдующей сцены, въ рукописи пропущено:

МАЛЕЦЪ.

Вѣди.

СТАРИКЪ.

У меня уже суть дѣти.

МАЛЕЦЪ.

Чти гласно.

СТАРИКЪ (*читаетъ*)

Азъ, буки, вѣди, глаголъ.

МАЛЕЦЪ.

Се память въ главу вся добре собрася
Се уже письмо добре прочитася.
Но днесь довольно, да ты не стужиши;
Приходи рано, да ся больши учиши.

СТАРИКЪ.

Кто ся не хощетъ въ юности труждати,
Должно тому есть въ старости страдати.

2.

Изыдетъ СТАРИКЪ ТОЙ ЖЕ *и глаголетъ:*

Знаете ли мене, государи?
Азъ былъ вчера безъ разума стары,
Днесь умудренъ есмь, грамоты доволенъ;
Токмо главою чрезъ всю нощь быхъ боленъ:
Чрево, умъ снѣвше, много говорило,
Таже самому зѣло тошно было.
Грамоты столько глава моя знаетъ,
Яко и весь мозгъ ея не вмѣщаетъ.
Въ пазухѣ, въ зепяхъ грамоты довольно,
По сихъ бумашкахъ ума зѣло полно.
Аще же нынѣ еще поучюся,

Скоро философъ велій нарекуся,
Жду учителя: обѣщался быти
Скоро и добрѣ хощетъ научити.

УЧИТЕЛЬ.

Добре, что пришелъ, ученичe милы!
Хощу тя учити отъ всея ми силы.
Прочти стихъ вчерашны, потомъ же поступимъ
Дале въ премудрость, безъ денегъ ю купимъ.

СТАРИКЪ.

Учителю мой драгій! добре памятаю
Азъ, буки, вѣди, глаголъ и толкъ ея знаю:
Азъ—ты увязъ;
Буки—учителя прибрать въ руки;
Вѣди—у меня уже суть дѣти;
Глаголъ—учителя за хохолъ.
А правда, яко добре сія толкую?
Уже философіи учиться хотую.

УЧИТЕЛЬ.

Аще хощеши, старче, еще мудрѣе быти,
Тупы умъ твой треба изострити.

СТАРИКЪ.

Пожалуй, государь мой, о томъ ты потщися;
Дамъ плату великую, токмо потрудися.
Се ти злата довольство, изволь изострити
Тупость ума моего, чтобы мудру быти.

УЧИТЕЛЬ.

Сяди и терпи; полезно ти будетъ:
Ума остроты во главѣ прибудетъ.

Тутъ учитель возьметъ брусъ и начнетъ главу острити и глаголетъ трижды:

Главо дурная! брусомъ симъ остриcя.
Старче безумны! къ сохѣ возвратися.

СТАРИКЪ (*крикнетъ*)

Бережи власовъ! Увы! болитъ глава.
Охъ! тяжцѣ придетъ премудрости слава!

УЧИТЕЛЬ.

Суть буйство власы: нужда изривати;
Ради мудрости изволь пострадати.

Тутъ рветъ власы, а СТАРИКЪ *кричитъ:*

Довольно уже, лютый учителю!
Изострилъ еси умъ мой, мучителю!

УЧИТЕЛЬ.

Краткая болѣзнь вѣчную утѣху
Тебѣ раждаетъ, достойную смѣху.
Смотри въ грамоту и читай смѣло,
Уже познаеши всякое дѣло.

Ту возьметъ письмо и читаетъ; возрадовавжеся, глаголетъ

СТАРИКЪ.

Ей, во истинну умъ мой изощренны!
Въ писаніихъ зѣло умудренны!
Токмо не сладко, мнитъ ми ся, читаю,
Яко азъ словесъ лекарства не знаю.

УЧИТЕЛЬ.

Не вдругъ все благо можеши пріяти;
Будетъ сладость. Изволь мзду воздати.

СТАРИКЪ.

Все, еже имамъ, буди предъ тобою,
Токмо сотвори милость ты днесь со мною.

УЧИТЕЛЬ.

Отверзи уста, пріими сію сладость,
Сладкоглаголивъ буди людемъ въ радость.
И мажетъ медомъ уста и лице и даетъ ясти.

СТАРИКЪ.

Паче медовова усладихся сота;
Сладкая будутъ словеса изъ рота.

УЧИТЕЛЬ.

Се самъ знаеши, яко умудрися
И гортань твоя много усладися.
Паши хлѣбъ токмо при сей мудрости,
Не познаеши отъ глада трудности.
Иди ты съ умомъ до твоего дому;
Како умудрися, не сказуй никому.

СТАРИКЪ.

Иду радостнѣ, тя имамъ хвалити,
Аще мя люди будутъ мудрымъ чтити.

И идетъ старикъ за завѣсу; а УЧИТЕЛЬ *глаголетъ:*

Глупъ состарѣся. Кто его научитъ,
Аще и на смерть кто кнутомъ замучитъ?

Соха, борона—то то дѣло его,
И гдѣ ему знать силу ученія моего?

И выходитъ тойже старикъ и начнетъ шумѣти съ учителемъ и подерется; выбѣгаетъ цыганъ и прогоняетъ старика.

3.

Исходитъ СТАРИКЪ [1]) *и глаголетъ:*

Увы мнѣ бѣдну! Весь изнемогаю,
Частѣе стеню, неже отдыхаю:
Старость глубока зѣло ми стужаетъ,
Недугомъ тяжкимъ вельми озлобляетъ.
Ноги не крѣпки, не служатъ и руцѣ;
Въ новой на всякъ день есмь недуговъ муцѣ.
Глава ми болитъ, стомахъ зазнобися,
Сердце печально, все тѣло растлися:
Уши не слышатъ, очи видятъ мало;
Бодрость и дѣйство всѣхъ удовъ престало;
Языкъ не хощетъ усты разверзати,
И зубы хлѣба не могу сожевати.
Живы хожду трупъ, весьма неключимы,
А отъ скудости зѣло есмь мучимы;
Хлѣба не имамъ, риза вся раздранна.
Не вѣмъ надъ мене въ мірѣ окаянна.
Зима лютая вельми досаждаетъ,
Мертвеца суща въ дрова изгоняетъ;
Сѣщи не могу, обаче искати,
Не возмогу ли готовыхъ собрати?

Поидетъ за завѣсу и абіе съ дровами изшедъ, глаголя:

Богъ ми пособилъ: наидохъ дрова сія,
Отъ нихъже болитъ зѣло моя выя.

---

[1]) Это междорѣчіе не стоитъ въ связи съ двумя предъидущими. Старикъ здѣсь разумѣется не тотъ, который былъ выведенъ въ предшествующихъ интерлюдіяхъ.

Охъ! утрудихся! Не могу носити.
Лутше умрети, неже въ нуждѣ жити.
Богъ мя оставилъ за преступленія,
Не посылаетъ мнѣ умерщвленія.
Юныи мнози вездѣ умираютъ,
Старика тлѣнна жити оставляютъ.
Ей, смерть есть слѣпа, не видитъ, что взяти;
Мало въ ней ума, не вѣсть разсуждати:
Юнымъ есть горька, а тѣхъ похищаетъ;
Мнѣ бы была сладка, но мя оставляетъ.
О смерте! гдѣ ты? камо заблудила?
Вскую бѣднаго старика забыла?
Потщися ко мнѣ, возьми мя до себе:
О коль азъ давно ожидаю тебе!

СМЕРТЬ *изыдетъ и глаголетъ:*

Что, старче древни, слезно вопіеши?
Чесо мя ради до себе зовеши?
Имя ми есть Смерть. Азъ міръ умерщвляю,
Души отъ тѣлесъ людскихъ разлучаю.

СТАРИКЪ.

Честная Смерть! ничто мнѣ съ тобою;
Живи въ дружествѣ добромъ ты со мною.
Инніи люди сѣмо прихождаху,
Тіи до себе тебе призываху.

СМЕРТЬ.

Не льсти мя, старче! По гласѣ тя знаю.
Чего хощеши, повѣждь: вопрошаю.

СТАРИКЪ.

Прости мя, Смерте! Се правду вѣщаю:
На помощь милость твою призываю,
Пособи дрова на плеща возложити.
Твоимъ пособствомъ престану тужити.

СМЕРТЬ.

Старче лукавы! что се ты твориши?
Непрельстимую богатырку льстиши.
Не мое дѣло въ дровахъ ти пособляти;
Азъ вѣмъ тѣлеса ваша въ гробъ хищати.
Обаче тебѣ имамъ пособити,
Да скорѣе въ гробѣ можешъ почити.
Се коса моя дровамъ ся касаетъ,
Гробъ тя древяны въ дому твоемъ чаетъ:
Прощайся съ людьми и Богу молися,
Утро въ могилу ко мнѣ ты ложися.

СТАРИКЪ.

Увы мнѣ! увы! Что имамъ творити?
Вскую азъ дерзнухъ Смерть къ себѣ гласити?
Самъ ю возбудихъ, яже твердо спаше,
Мене мертвити не у помышляше.
Прельстихся бѣдный. Лучше бѣ молчати.
Воли божія въ готовости ждати.
Уже днесь время приде умирати.
Извольте вы мнѣ прощеніе дати,
Бога за душу мою помолити,
Въ послѣдней нуждѣ любовь мнѣ явити.
Сами здравствуйте на лѣта премнога!
Званіемъ Смерти не гнѣвайте Бога.

(Смерть косою коситъ, старикъ упадаетъ.)

4.

О ЛЕТЯГИ СІЕ.

Изыдетъ ЛЕТЯГА *и глаголетъ:*

Добро щастіемъ и въ гробы входити,
А лутше того въ путь съ нимъ выходити:
Хоша нехорошъ азъ, но щасливъ зѣло,
Се похвалюся тымъ предъ всѣми смѣло.
Идохъ азъ путемъ и вижду сдалека:
Лежитъ мѣшокъ сей, а нѣсть человѣка;
Взяхъ и посмотрѣхъ и се,—слава Богу!—
Сто рублевъ денегъ. Идужь я въ дорогу.
Въ радости пошелъ, теперь погуляю
Съ други своими, которыхъ самъ знаю.
Слушайте, друзи! На кабакъ ходите,
Лишнія деньги туды относите.

ЗАКОМЫ, *услышавъ его глаголаніе, исходитъ и глаголетъ:*

Увы мнѣ грѣшну! лютѣ погибаю!
Не хощу жити; иду утопаю:
Денегъ здѣсь вчера погубилъ есть многа,
Цѣлое сто рублевъ. Молю, ради Бога:
Не слышалъ ли кто? Азъ готовъ платити
И вѣчно буду Бога зань молити.

ЛЕТЯГА.

Друже! не печалься, не иди, не топися:
Есть твой убытокъ, токмо разсудися.
За находное потреба платити:
Половиною будетъ ся дѣлити.

ЛАКОМЫ.

О мужу добры! буди Богъ съ тобою,
Яко сотворилъ ты милость со мною!
Прими, молю тя, тридесять рублевъ сію,
Искупи отъ узъ бѣдну мою выю.
Отдаждь то мѣшокъ, ничто изимая,
Да будетъ въ мѣшку сто рублевъ цѣлая;
Протчее Богъ имать возмѣстити,
И азъ готовъ есмь благодаренъ быти.

ЛЕТЯГА.

Смотря на слезы, мало примаю,
За тридцать рублевъ сто ти вручаю.
Симъ азъ доволенъ, мало бо трудихся,
Твоими труды тѣмъ же умилихся.
И за то слава Богу во вѣкъ буди!
Пойду на кабакъ: ждутъ мене тамъ люди.

(И отходитъ.)

ЛАКОМЕЦЪ *глаголетъ:*

Ой! буду уже себѣ торговати,
Ради прибыли товаръ куповати.

Ту ОБМАНЩИКЪ *изыдетъ, навезавъ въ мѣшечикъ чего нибудь подобіемъ сорока соболей, и глаголетъ:*

Поиду далече на чюждую страну,
Тамъ продамъ товаръ, чтобъ не быть познану:
Сорокъ соболей изрядныхъ имѣю
Да своимъ людемъ продати не смѣю.

ЛАКОМЕЦЪ.

Слышу, человѣче, что въ мѣшку носиши.
Вижду—соболи. Что за нихъ просиши?

ОБМАНЩИКЪ.

Изрядны товаръ, стоитъ сорокъ рублевъ, а за тридцать отдамъ, аще не скажешь о мнѣ никому.
Ты можешь съ иншимъ товаромъ продати,
И зѣло много барыша приняти.

ЛАКОМЕЦЪ.

Ты молчи, я молчи. Се денегъ готовыхъ
Даю тридцать рублевъ считанныхъ домовыхъ.

ОБМАНЩИКЪ.

На что считати? Вѣру ти имѣю,
А долго, право, стояти не смѣю.
Буди здравъ, брате, богатъ разживися,
Токмо за прибыль ту не удавися.

(И бѣжитъ за завѣсу.)

ЛАКОМЕЦЪ.

Иди, гдѣ хощешь. Азъ продати знаю;
Будетъ ми прибыль, добре уповаю.
Нѣсть людей чуждыхъ: хощу посмотрити,
Зъ добрыхъ товаровъ утѣху имѣти.

Здѣ, развезавъ мѣшокъ, выложитъ и увидитъ обманъ, закричитъ:

Увы мнѣ бѣдному! Что се созерцаю?
Явѣ или во снѣ, разсудить не знаю.
Ахъ! обманулъ мя человѣкъ лукавы,
Вмѣсто соболей сія мнѣ продавы.
Но еще денегъ надобно смотрѣти:
Не сицеву ли съ нихъ прибыль буду имѣти?

(*Развязавъ мѣшокъ, найдетъ деньги мѣдны и высыплетъ, крича*):

Горе мнѣ! горе! Въ конецъ погубихся!
Своимъ лакомствомъ излиха прельстихся!
Что се купихъ азъ? Хотѣхъ ихъ прельстити,

Но самъ прельщенъ есмь. Людемъ срамно явити:
Раздавъ вся деньги, а въ домѣ нѣсть хлѣба!
Въ бѣдѣ ми жити уже нѣсть потреба.
Отнесу въ домъ се, самъ смерти искати
Поиду, гдѣ очи будутъ путь являти.

(*Уходитъ за завѣсу.*)

5.

Изыдетъ БОГАТЫРЬ, ХОТЯЙ БИТИСЯ, *и глаголетъ:*

Ей! молодецъ храбрый хощетъ погуляти.
Кто мнѣ въ силѣ равенъ, желаю познати.
Кровь во мнѣ играетъ, не могу терпѣти,
На единомъ мѣстѣ, якъ баба, сидѣти.
Многія посѣтихъ далекія страны,
Морскія пучины мною преплаваны,
Искахъ богатыря, подобнаго себѣ,
Не найдохъ на земли: развѣ есть кто въ небѣ?
Со славою вездѣ со крѣпкими брахся,
Выну торжествовахъ, егда подвизахся.
Аще бы и Самсонъ нынѣ обрѣтался,
Моея крѣпости весьма бы боялся.
Владѣютъ то люди, для того боятся
Моего оружія, вси мене страшатся.
Толико безбѣдно денно пребываю,
Осмь лѣтъ оружія сего не вымаю.
А, хотя въ новинку, добро посмотрѣти,
Присхлую къ нему кровь платенцемъ отрети.

(*Здѣ добываетъ оружія и не можетъ его добыти и глаголетъ:*

О! твердо засохло, не мощно изъяти.
Тому не извольте вы ся дивовати:
Отъ множества крови такъ ся прилѣпила,
Якъ кліемъ весьма внутри ся скрѣпила.

Однакожъ потребно съ поховъ истягати,
Хотя бы вервіемъ къ столпу привязати.

Ту привяжетъ, за главицу тянетъ, а въ то время исходитъ РУСКИ ВОИНЪ *и глаголетъ:*

Дай, Господи, здравія вамъ всѣмъ, добрымъ людемъ!
Во мирѣ и покои мы взаимъ пребудемъ,
Токмо благоволите то намъ извѣстити,
Кто здѣ дерзнулъ есть себе излиха хвалити:
Равнаго силѣ своей нигдѣ обрѣтаетъ,
Все множество народа единъ устрашаетъ.
Посмотрѣлъ быхъ на него и моглъ быхъ познати,
Како жъ на гордая слова отвѣтъ дати.

(И, обратився къ богатырю, глаголетъ:)

Не ты ли, окаянне, гордо восклицаше
И храбрымъ себе человѣкомъ зваше?

БОГАТЫРЬ.

Не азъ, государь! Нѣкто инный бяше,
Иже скверными усты гордо глаголаше;
Прейде мимо пьяница, безъ ума глашая,
Не вѣдый, что глаголетъ, отъ хмѣля падая.
Ты, яко мужъ премудры, пьяну не противься:
Не можетъ умно рещи безъ ума опився.

ВОИНЪ.

Не ты ли самъ той, гордо восклицавый,
Оружіе къ столпу умно привязавый?

МАЛЕЦЪ *избѣжитъ и речетъ:*

Онъ есть лукавецъ, иже похвалися.
Ты, сильны мужу, надъ нимъ похрабрися.

ВОИНЪ (*къ богатырю.*)

А, лукавы человѣкъ! Но иди со мною
На брань, азъ явлю здѣ месть надъ тобою.

БОГАТЫРЬ (*къ воину.*)

Молю, потерпи мало: не могу изъяти
Меча изъ пошевъ его, чимъ бы воевати.

Здѣ потянетъ и урветъ рукоять и самъ съ нею падетъ на землю.

ВОИНЪ.

О право сильны! Не могъ устояти,
Нѣсть кого мечемъ острымъ подсѣкати:
Довольно плети за его похвалу,
Милость сотворю и дамъ ему главу.
(*Здѣ наступитъ на выю и біетъ плетью глаголя:*)
Глупы человѣче! впредь ты не хвалися,
Шиломъ питайся, за мечь не берися.

БОГАТЫРЬ (*молится.*)

Пощади, государь мой! Пощади, молюся!
Силою никогда жъ впредь ужъ похвалюся.

Воинъ, его бія, глаголетъ: «Не хвалися!» трижды и прогоняетъ его за завѣсу и самъ за нимъ забѣжитъ.

6.

Изыдетъ АСТРОЛОГЪ *съ трубкою и глаголетъ:*

Изыду въ люди, въ мірѣ проявлюся,
Многимъ на пользу пожити потщуся.
Прежихъ весь мой вѣкъ въ наукахъ премногихъ,
Вѣмъ пользовати богатыхъ, убогихъ.

Наипаче буду на звѣзды глядати
И будущая людемъ провѣщати.

(Выметъ трубку и смотритъ на звѣзды и глаголетъ:)

Доброе лѣто имать нынѣ быти,
Жито, пшеницу хощетъ намъ родити.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Ученымъ людемъ мало будетъ чести,
Едва довольно дадутъ пити, ѣсти.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Правды не станетъ, лжа по градомъ ходитъ,
Гнѣвъ божій весьма по себѣ приводитъ.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Добро жити совѣщаю
Хищниковъ много быти познаваю.

(Ту, снимя съ себя одежду и положа, смотритъ паки; въ то время тать покрадетъ, а онъ глаголетъ:)

Благое ведро нынѣ имать быти,
Ни капля дождя восхощетъ мочити.
Всуе, опанчю носящи, трудихся:
Нигдѣ водою азъ, мню, омочихся.

(Паки смотритъ и глаголетъ:)

Въ чюжихъ потребахъ мудрыми бываютъ,
Сами въ своей бѣдѣ ничесоже знаютъ.

(Въ то время дождь его обольетъ, онъ же глаголетъ:)

Откуду дождь сей? Звѣзды не являху,
Паче ведро веліе вѣщаху;
Взяти опончю, чтобы ся окрыти.
Не чаяхъ дождемъ днесь омоченъ быти.

(Кинется до епанчи; не обрѣтъ же ея, глаголетъ:)

Увы мнѣ, яко въ небо засмотрихся!
Опончи, шапки чрезъ воровъ лишихся.

Обаче еще имамъ усмотрати,
Егда возмогу татя поимати.

(Паки посмотривъ, и глаголетъ:)

Щастливый путь небо мнѣ проявляетъ,
За татьми скоро въ путь итти повелѣваетъ.

Ту бѣжитъ скоро и впадетъ въ яму; а МУЖИКЪ, *пришедъ, просты и глаголетъ:*

Се тебѣ, глупче, что высоко зриши,
А на землю подъ ноги не смотриши.
Ты будущая дерзну провѣщати,
Твоихъ случаевъ не возмогъ познати:
Впалъ еси въ яму темную глубоко
За то, что въ небѣ зрѣлъ еси высоко.
Лучше подъ ноги прилежно смотрѣти,
Землю орати, неже въ звѣзды зрѣти.
Полежи въ ямѣ мало, потружайся;
Да тя извлеку, три дни дожидайся.

(И отходитъ за завѣсу.)

7.

Выходитъ ПЬЯНИЦА *и глаголетъ:*

Благій обычай у честныхъ бываетъ:
Кто больши любитъ, больше испиваетъ.
Такову любовь азъ хощу явити,
О твоемъ здравіи сію чашу пити.

БЛУДНЫЙ *(речетъ.)*

О мой любезный! како ти воздати?
И слово твое мило зѣло вняти.
Се сто червонныхъ въ чашу полагаю;
Аще испіешь, тебѣ ихъ вручаю.

Но, мой любезный, потщися испити,
Радости сердцу моему приложити.

ПЬЯНИЦА.

Здравъ, господине, буди многа лѣта!
Испію до дна ради тебе, свѣта.

Та чаша первіе наполненна явь, а потомъ тайно источится, юже онъ подъемъ праздну, аки испіетъ; потомъ, вземъ деньи, повалится и речетъ

БЛУДНЫЙ:

Возьмите его, спати отведите;
Да цѣлы будутъ златницы, блюдите.

Слуга возьметъ пьянаго и на сторону положитъ; онъ начнетъ аки умирати. Придетъ дьмонъ, возьметъ душу и отнесетъ во адъ, а СЛУГА *единъ, посмотрѣвъ мертваго, бѣжитъ ко блудному и речетъ:*

Честны господине! братъ нашъ умираетъ,
Напився сладцѣ, душу изрыгаетъ.

БЛУДНЫЙ.

Земля велика есть, гдѣ сохранити,
Испилъ сто златницъ, можно гробъ купити.

СОБЕСѢДНИКЪ *(къ тому слузѣ речетъ.)*

Слушай, мой брате: шедъ, погреби тѣло;
Мы съ господиномъ посѣдимъ весело.

(Той слуга поидетъ и въ яму кинетъ тѣло мертваго, а господин съ другимъ другомъ далѣе веселятся.)

Ту треба закрывати.

III.

ДѢЙСТВО
О СВЯТѢЙ МУЧЕНИЦѢ ЕВДОКІИ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Является Евдокія спяща, и явится діяволъ и будетъ веселитися; и по семъ приходитъ архангелъ и будетъ грозити діяволу, да отъидетъ отъ Евдокіи. Діяволъ не хотяше, архангелъ мечемъ прогонитъ его.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Является Евдокія, за столомъ со юношами веселящеся, и глаголетъ о почтеніи своемъ и о богатствѣ; такожде и юноши похваляютъ ю и поздравляютъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Является Евдокія спяща, и Гермонъ станетъ читати евангеліе. И приходитъ ангелъ и запалитъ сердце Евдокіи, и Евдокія возстанетъ и станетъ слушать и пошлетъ рабыню, да приведетъ чтомаго. И Гермонъ къ ней приходитъ, Евдокія будетъ его вопрошати, и Гермонъ будетъ ее поучати.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Является Евдокія и глаголетъ, како бы познати истину, и по семъ приходитъ Гермонъ и пресвитеръ и сказуютъ ей о

царствіи небеснѣмъ и о вѣчней мукѣ и совѣтуютъ ей, дабы роздала все богатство и освободила бы рабовъ и рабынь. Евдокія вскорѣ сіе сотворити обѣщася, и по семъ Гермонъ повелитъ Евдокіи, да сотворитъ молитву ко Господу Богу, и по семъ отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Является Евдокія молящася, и является Христосъ и пресвятая Богородица и ликъ юношъ и дѣвицъ. И послетъ Христосъ архангела Михаила, да возведетъ Евдокію на облака. И по семъ явися діаволъ, арящеся глаголаше: «и сію ли въ царство небесное ввести хощеши?» Такожде и иная многая будетъ глаголати; хощетъ похитити Евдокію отъ рукъ ангела. И по семъ будетъ гласъ отъ Христа, повелѣваетъ діаволу въ бездну итти. И паки будетъ гласъ ко архангелу, да отведетъ Евдокію, откуду пояхъ ю. И по семъ возьмется видѣніе: Евдокія, молящася и благодаряще Бога. И по семъ Гермонъ приходитъ. Евдокія ему сказуетъ о видѣніи, и Гермонъ, удивляяся, глаголетъ ей о милосердіи божіи, како готовъ пріимати кающихся; такожде совѣтуетъ ей, да пріиметъ святое крещеніе. Евдокія съ радостію отъ пресвитера пріиметъ крещеніе.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Является Евдокія, благодарствуетъ Бога, что пріяла крещеніе, такожде рабовъ и рабынь освобождаетъ. И по семъ приходитъ и Гермонъ, и пресвитеръ. Евдокія имъ объявляетъ, чтобъ рабъ и рабынь всѣхъ свободныхъ сотвори, и будетъ просить, дабы ю отвели въ монастырь. И Гермонъ съ радостію отведе въ монастырь.

ЯВЛЕНІЯ 7.

Является отъ прежде бывшихъ любителей Евдокіиныхъ единъ, именемъ Ѳилостратъ, глаголетъ съ печалію о Евдокіи, гдѣ она скрыся. И по семъ приходитъ едина отъ рабынь

Евдокѣиныхъ и сказуетъ ему, яко Евдокія прія крещеніе ученіемъ нѣкоего старца, онъ же въ монастырь ю отведе, и нынѣ тамо пребываетъ. Ѳилостратъ, гнѣваяся на Гермона, и хощетъ облещися въ монашескія одежды и обмануть и Гермона, како бы узрѣти Евдокѣю.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Является Гермонъ, сидя за столомъ, и читаетъ книгу; и по семъ приходитъ Ѳилостратъ во одежди монашеской. Гермонъ его вопрошаетъ, почто пріиде. Ѳилостратъ сказа ему, что желаетъ съ нимъ быти въ монастырѣ. И Гермонъ многа отрицашеся ради юности его. Ѳилостратъ глагола о Евдокіи, како въ юности толикій трудъ подъя, и будетъ просить Ѳилострата, дабы Евдокію видѣти. И Гермонъ повелѣ отвести его ко Евдокіи.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Является Евдокія молящася, и по семъ приходитъ старецъ и приводитъ Ѳилострата. Евдокія его вопрошаетъ, почто пріиде. Ѳилостратъ нача ей глаголати о возвращеніи въ миръ, прельщая ю словесы непотребными, воспоминая честь ея и богатства, и како вси ю желаютъ зрѣти. Евдокія же дуну на лице его и умертви его; и по семъ является Христосъ и повелитъ воскресити Ѳилострата. Евдокія благодаряше Бога и воскреситъ Ѳилострата. Онъ возста и будетъ молить Евдокію, что ему повелитъ творити. Евдокія отпуститъ его въ домъ и повелитъ ему христіяниномъ быти, Ѳилостратъ обѣщася.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Является царь Авлеріанъ съ совѣтники и глаголетъ о высокости чести своей; такожде воспоминаетъ, како бы умучити христіанъ. Единъ отъ совѣтникъ его сказуетъ ему о Евдокѣи, како быша зѣло богата и како все богатство отнесе въ нѣкій монастырь. Царь, гнѣваяся, посылаетъ сына своего; сынъ же

царевъ обѣщася обитель разорити и Евдокію предъ царя поставити.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Является монастырь Евдокѣинъ; по семъ пріѣдетъ царевъ сынъ на конѣ, и конь разсвирѣпѣетъ и убьетъ сына царева. Воины возьмутъ его и понесутъ. По семъ приходитъ царь съ совѣтники и объявляетъ имъ о страшнемъ снѣ, еже видѣлъ тоя нощи, и зѣло будетъ печаленъ. Совѣтники ему разсуждаютъ и сонъ его ни во что вмѣняютъ; и по семъ воинъ приходитъ и царю о сыновней смерти объявляетъ, и тѣло его предъ нимъ полагаетъ. Царь мертваго сына узритъ и жалостно рыдати начнетъ. Единъ отъ совѣтникъ его, именемъ Ѳилостратъ, начнетъ ко царю глаголати: «Аще хощетъ сына жива зрѣти, то послетъ ко Евдокѣи съ моленіемъ просити, яко той Ѳилостратъ, егоже Евдокія воскреси отъ мертвыхъ». Царь по словеси его сотворяетъ и моленія чрезъ писанія съ трибуномъ посылаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Является Евдокія съ старицами, благодаряще Бога, яко избави ихъ отъ царева сына. И по семъ приходитъ трибунъ и приноситъ отъ царя писаніе. Евдокія писаніе пріемлетъ и недостойну себя нарицаетъ. И по семъ пріемлетъ писаніе и будетъ читати, и напишетъ писаніе къ царю, повелитъ положить на мертваго и глаголетъ: «аще царь увѣруетъ въ Господа Бога, то воскреснетъ сынъ царевъ». И отпуститъ трибуна.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Является царь и плачетъ надъ сыномъ; и по семъ приходитъ трибунъ, приноситъ писаніе и положитъ на мертваго и мертвый возстанетъ. Царь будетъ глаголати и имя божіе славити, также и совѣтники вси, радующися. И по семъ царь

повелитъ пѣти и играти и по веселіи глаголетъ совѣтникомъ яко хощетъ пріяти святое крещеніе, и отходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 14.

Является царь съ совѣтники, благодаряще Бога, и по семъ объявляетъ имъ, яко хощетъ оставити царство свое, чтобы онѣ избрали инаго царя. Совѣтники просиша, дабы сына оставилъ, онъ не хотяше; они же Діогена избраша нѣкоего отъ ближнихъ царевыхъ.

ЯВЛЕНІЕ 15.

Является Діогенъ, глаголетъ о чести своей и похваляетъ древнихъ боговъ. И совѣтники совѣтуютъ, чтобы почитати боговъ и не сообщаться бы съ совѣтники царя Авлеріана. И единъ отъ совѣтникъ сказа о Евдокіи, чтобы ее представить на судище. Царь повелѣ ю привести, и вси отходятъ. И по семъ является Евдокія спяща, и явится Христосъ, укрѣпляетъ ю, да не устрашится мукъ. Евдокія благодаряше Бога. И по семъ приходятъ воины и возьмутъ Евдокію. И по семъ Діогенъ приходитъ и Евдокію вопрошаетъ и новелитъ принести богамъ жертвы, она же не хотяше. Игемонъ повелитъ ее мучити. И по семъ приходитъ ангелъ, игемона умертвитъ; Евдокіа помолися и воскреси его; онъ возста и обѣщая христіаниномъ быти.

ЯВЛЕНІЕ 16.

Является другій игемонъ, посланъ отъ царей, и совѣтуетъ, како бы Евдокію погубити; единъ отъ совѣтникъ глаголетъ, яко бы ю на судище не призывати, понеже царя и гемона прельсти, и чтобы и сему игемону тожде не сотворила. Игемонъ послуша совѣта его, повелѣ Евдокію смерти предати.

КОНЕЦЪ.

Епилогъ проситъ прощенія.

IV.

АМФИТРІОНЪ.[1]

КОМЕДІЯ.

ПРОЛОГЪ, ИЛИ ПРЕДИСЛОВІЕ.

МЕРКУРІЙ, *сидящый на облацѣ,* НОЩЬ *же ѣдетъ на колеснице, которую тянутъ двѣ лошади.*

МЕРКУРІЙ[2] *рече.*

Тише, милая Нощъ! Задержы свои кони: некоторую пособь хощу у тебя упросити, и есть мнѣ два слова тебѣ молвити по приказу Юпитера.

НОЩЬ *отвѣщаетъ.*

Ални ето ты, государъ Меркурій? Хто тебя помышлялъ здѣ обрѣсти сидящаго!

МЕРКУРІЙ.

Въ правду, видя, что я усталъ отъ всего труда, который Юпитеръ мнѣ даетъ, я здѣсь потихоньку сѣлъ на этѣ облака тебя ожидати.

НОЩЬ.

Ты шутишъ, Меркурій, и ты не думаешъ о томъ, что ты говоришъ: сколько пристало богу такову, какъ ты, говорити, что усталъ!

---

[1]) Въ рукописи постоянно: *Анѳитріонъ.*

[2]) Въ рук.: *Меркуриі.*

МЕРКУРІЙ.

Ты же помышляешъ, что боги изъ желѣза здѣланы?

НОЩЬ.

Ни; токмо надобно богу всегда здержати свое божество и такіе слова, которые богамъ неподобны говорити, про людей оставити.

МЕРКУРІЙ.

Тебѣ, милая Нощъ, легко говорити: ты сидишъ въ своей колесницѣ и даешъ себя тянуть двумъ сильнымъ конямъ, сама же не ворохнешься. А мнѣ въ правду не на ту стать, и невозможно мнѣ хотѣти довольно стихотворцомъ зладля ихъ наглости, понеже они всякому богу причитаютъ честь по ихъ величеству, мене же пѣша оставляютъ, аки путьшественника сельского; а я, яко всѣ знаютъ, на земли и на небесахъ славный гонецъ великого Юпитера, который мене толь часто посылаетъ и толико трудовъ даетъ, что надобно мнѣ болѣй всѣхъ боговъ, чѣмъ мене возити.

НОЩЬ.

Что ты хощеши творити [1]) о семъ? Стихотворцы то содѣваютъ, что имъ на умъ взыдетъ, и то не первая глупость, что мы отъ нихъ видимъ. Однакожъ туне ты на нихъ негодуешъ, понеже крылѣ ногамъ твоимъ въ помощь тебѣ дали.

МЕРКУРІЙ.

Правда то; лише когда скоро бѣжишъ, не толь ли скоро устанешъ?

НОЩЬ.

Оставимъ тѣ рѣчи и скажи: что хотѣлъ еси мнѣ глаголати?

[1]) Въ рук: *говорити*. Въ подлинникѣ: Que voulez-vous faire à cela?

МЕРКУРІЙ.

Юпитеръ, яко азъ глаголахъ, тьмы у тебе проситъ для нѣкія сладости, которую новая любовь ему даетъ. Провѣщательство его не въ диво тебѣ, яко многажды, земли ради, оставляетъ небо; и то извѣстно, что начальникъ всѣхъ боговъ любитъ человѣчество возпріяти смертныя ради красоты и можетъ вящши ста статей привлещи къ себѣ самыхъ немилостивыхъ. Изъ очей Алкмены зритъ себѣ болѣзнь и тогда, когда въ поляхъ Анѳитріонъ, мужъ ея, ѳебанскія полки устрояетъ, Юпитеръ воспріялъ на себе образъ его и мужескую волю надъ нею исполняетъ и на ту стать не всегда удастся и не у всѣхъ женъ мужескимъ образомъ искати любве.

НОЩЬ.

Азъ удивляюся Юпитеру и не могу того разумомъ объяти, какія премѣнные думы онъ не имѣетъ.

МЕРКУРІЙ.

Хощетъ онъ тѣмъ искусити всякихъ случаевъ и тѣмъ объявляетъ свое божество, а не скотство. И со всею тою честію, которую имѣетъ отъ всѣхъ смертныхъ, однакожъ бы я ему въ несчастіе почиталъ, когда бъ онъ всегда величество держалъ и всегда бъ, аки заключенный въ темницѣ, въ небѣ сидѣлъ. И той простоты, мнится мнѣ, болѣ нѣтъ, чтобъ всегда величеству своему поддану быти, и пущши всего въ любовныхъ дѣлѣхъ величество гораздо помѣшкою бываетъ. И Юпитеръ, которой на охотѣ знается, выступаетъ изъ самого своего вышняго величества; чтобъ ему войтить въ похотѣніе свое, самъ отъ себе отходитъ и тогда не Юпитеромъ является.

НОЩЬ.

То еще не удивительно, что божество на человѣчество премѣняетъ и что человѣческимъ образомъ радость пріемлетъ, кото-

рую человѣческое ествество подаетъ; токмо видѣти его въ подобіи тельчіи, змѣиномъ, лебяжіемъ и во иныхъ прочіихъ, — мнѣ мнится, что сіе не пристало, и я тому не удивляюся, яко многажды о томъ баснословятъ.

МЕРКУРІЙ.

Да глаголютъ ушники, что хощутъ; однакожь и въ тѣхъ премѣненіяхъ есть сладость, которая ихъ мысли превосходитъ. Юпитеръ вѣдаетъ, что творитъ въ тѣ поры, какъ и иногда; и въ трепетѣ безсильнаго огня скотина не токмо скотина, яко помышляемъ.

НОЩЬ.

Речемъ про красоту, отъ которой нынѣ пріятство имѣетъ. Токмо онъ видитъ изъ чести, чего хощетъ себѣ желати, и что ему учинити могу?

МЕРКУРІЙ.

Хощетъ онъ, чтобъ ты своихъ коней малою ступію вела, дабы возможно его любовной душѣ долѣй имѣти радость, и чтобъ сицева нощь прохладная долѣй всѣхъ нощей была: и запрети солнцу скоро не возходити и день объявити, дабы тотъ, въ чіемъ мѣстѣ Юпитеръ радость имѣетъ, не пришелъ препяти.

НОЩЬ.

Изрядна служба, юже мнѣ великій Юпитеръ возлагаетъ! И какое имя сицевой службѣ дается, которой у меня онъ проситъ?

МЕРКУРІЙ.

Про такую младую богиню, яко ты, такова служба не въ диво, понеже сицево дѣло у простолюдиновъ въ стыдъ почитается; токмо доходя къ великой чести, что ни творишь, все добро, и отъ кого что учинися, по тому дѣлу и имя дается.

НОЩЬ.

Про такіе дѣла болѣй мене ты вѣси: я, тебѣ вѣрующи, пріемлю на себя ту службу.

МЕРКУРІЙ.

О! о! милая Нощь! по малу утѣшайся, молю; твое имя на земли незабвенно есть; тебе не лишится вся вселенная и видишь много нарочетыхъ дѣлъ. Токмо мнѣ отъ сердца говорить, инде намъ другъ другу нечево попрекать.

НОЩЬ.

Оставимъ такую противность и будемъ тѣ жь, что мы были. Не дадимъ людемъ смѣяться намъ, правды ради, которую другъ другу сказываемъ.

МЕРКУРІЙ.

Прости, Нощь! Я пойду на низъ совершати, что мнѣ приказано, и премѣнити свое лице въ слугу Анѳитріонова.

НОЩЬ.

А я дамъ упокоитися тьмамъ на земли.

МЕРКУРІЙ.

Прости, Нощь!

НОЩЬ.

Прости, Меркурій!

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПЕРВОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СОСИ, *слуга Анѳитріоновъ, идя, запялся.*

Кто идетъ? О! страхъ творитъ мнѣ всегдашнее запинаніе. Государи мои и друзія всего свѣта! О коль великая во мнѣ смѣ-

лость ходити одному въ такой тьмѣ! И господинъ мой радъ своей славѣ, а мнѣ немилостивую шутку сотворилъ. Что? Когда бъ у него была про сосѣда любовь, послалъ ли бы онъ меня въ такую темную нощь возвѣстить своей женѣ пришествіе его и розказать про его побѣжденіе? Не могъ ли онъ дожидатися дня? О! О! Соси бѣдной! въ какой службѣ твои дни сотворены! Нашъ случай гораздо хуждшый у большыхъ, нежели у меньшихъ. Они хотятъ, чтобъ у насъ про нихъ все было въ естествѣ и въ мочи: день и нощь, градъ, вѣтръ, страсти, жаръ стужа: когда намъ прикажутъ, ничто насъ не задержи. Двадесятъ лѣтъ службы никакой прибыли намъ не даетъ и послѣднее непослушаніе ихъ немилость возвратитъ на насъ; однакожь наша душа безчувственна въ честь себѣ почитаетъ оставаться у нихъ. Иногда бываетъ у насъ въ думахъ оставляти ихъ. Напрасно наша грубость то совѣщеваетъ: ихъ взглядъ на наше сердце велію крѣпость имѣетъ и малое мгновеніе очей ихъ милостію укрѣпитъ насъ ихъ любити. Однакожь въ темностяхъ вижу я свой домъ, и страсть моя умаляется. И надобно мнѣ ради того посольства нѣкоторые рѣчи выдумати, какъ мнѣ розказати Алкменѣ про щастливую побѣду на нашихъ супостатовъ. Токмо съ которой мнѣ стати починати, того ради, что я самъ на бою не бывалъ и ничего про то не видалъ? Однакожь даромъ: я стану говорить, какъ попалось, будто самъ видѣлъ. И не я первый буду розказати то, чего не видалъ. Дабы мнѣ лутче вѣдать, что говорити, тѣ жь словеса прежде вскорѣ проговорю. Впервыхъ такъ: я вниду въ горницу, яко гонецъ отъ Аноитріона, и сей ѳонарь буди Алкмена, кому я стану говорити. *(Поставивъ свой ѳонарь на землю и предъ нимъ поклонясь, рече)*: Государыня моя! Аноитріонъ, мой господинъ и твой мужъ (разумно я выдумалъ!),—ево разумъ всегда наполненъ твоею красотою,—меня избралъ изъ всѣхъ иныхъ тебѣ розказать счесть его оружія, яко онъ желаетъ себя видѣти съ тобою. *(За ѳонарь побѣж. . . вмѣсто Алкмены, рече)*: «А, Соси! твое пришествіе радость мнѣ въ сердце даетъ». *(Изшедше*

изъ-за ѳонаря). А государыня! очюнь мнѣ много воздаешь чести, и мой случай тожъ съ собою принесетъ. (Изрядный отвѣтъ учинилъ!) (*Паки за ѳонарь пошелъ.*) «Здраво ли живетъ Анѳитріонъ?» (*Изъ-за ѳонаря вышедши*). Государыня моя! яко всегда, человѣкъ всегда съ разумомъ и съ великимъ сердцемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ слава его приводитъ. (Зѣло изряденъ вымыслъ!) (*За ѳонаремъ рече*). «Когда будетъ Анѳитріонъ и своимъ милымъ пришествіемъ радость душѣ моей учинитъ?» (*Изъ-за ѳонаря*) Толь скоро, какъ ему возможно будетъ, токмо не толь скоро, какъ сердце его желаетъ. (Ахъ! изрядно!) (*Изъ-за ѳонаря*). «Въ какое естество побоище его привело? Что онъ говоритъ и что онъ дѣлаетъ? Скажи мнѣ всю правду.» (*Изъ-за ѳонаря вышедши*). Меньши онъ говоритъ, нежели творитъ, государыня моя, и даетъ трепетъ своимъ супостатомъ (Ай! откуду мой разумъ беретъ такіе выборные словеса?) (*Изъ-за ѳонаря*). «Что творятъ измѣнники? Скажи мнѣ перехватали ли ихъ?» (*Паки вышедъ изъ-за ѳонаря*). Не могли они противостояти нашей силѣ, и мы ихъ въ части изсѣкли и Птереласа, ихъ главу, до смерти убили, и градъ Телебе приступомъ взяли, и во всей персидской земли про насъ съ трепетомъ говорятъ. (*За ѳонаремъ*). «Ахъ! какое счастіе! Кто бъ подумалъ отъ боговъ такой милости! Розкажи мнѣ, Соси, все бывшее». (*Изъ-за ѳонаря вышедши*). Добро, государыня! Безъ похвальбы я могу все въ правду розказати, что ни чинилось. (*Батожкомъ на землю указывая*). Подумай, что въ томъ мѣстѣ стоитъ градъ Телебе, а на сей сторонѣ рѣка идетъ. Тотъ градъ Телебе едва не толь великъ, яко Ѳеба. Въ евтомъ краю наше войско стояло, а въ промежкѣ, что ты видишъ, наши супостаты были: на вышинѣ въ евтомъ мѣстѣ была ихъ пѣхота, и нижей вправѣ была ихъ конница. И по семъ, какъ богамъ молитву сотворили и весь строй учинили, и тогда почали биться. Супостаты думали преднихъ нашихъ всѣхъ прирубити, и треми полками конница на насъ напала; однакожъ ихъ огонь мы скоро угасили и узришъ нынѣ, какъ мы бились. Ту было наше пер-

воначальное войско, здѣ были стрѣльцы Креона, нашего царя, а здѣ все вооруженное тѣло, которое тотчасъ. . . . Подожди: вооруженное тѣло боится, и кажется мнѣ, что я слышу нѣчто.

ВТОРОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МЕРКУРІЙ (*во образѣ Соси*) и СОСИ (*самъ такожде*).

МЕРКУРІЙ.

Нынѣ я похожу на него; отженю его отсюды прочь, либо пришествіе его препнетъ радость, которую наши любовники имѣютъ.

СОСИ.

Мое сердце начинаетъ утишатися, и я думаю, что напрасно изпужался. Однакожь боязнь не вся меня оставила, того ради пойду на дворъ и передумаю, что говорити.

МЕРКУРІЙ.

Ты будешь сильнѣй Меркуріа, естьли я тебя впущу.

СОСИ.

Никакъ не думаю, чтобъ такова долга нощь на свѣту была, какъ теперешна. Когда я уже долго на пути, и не знаю, господинъ ли мой взялъ вечеръ вмѣсто утра, или солнце много вина пило, что толь долго съ постели не сходитъ.

МЕРКУРІЙ.

Какъ съ малою честію сей невѣжа говоритъ про божество! А и моя рука скоро наказаніе учинитъ, и стану я надъ нимъ тѣшитися, отнимая его имя и лице.

СОСИ.

А и въ правду я не туне боялся. Нынѣ я пропалъ. Что мнѣ бѣдному сотворить и почать? Вижу я предъ нашими враты нѣ-

котораго человѣка, про котораго во мнѣ сердце не добро вѣщуетъ. Однакожь, страхъ бы позабыть, я стану пѣть. (*Соси поетъ, а доколѣ Меркурій говоритъ, его гласъ утишается*).

МЕРКУРІЙ.

Кто есть той злодѣй и кто дерзаетъ толико взяти воли и помѣшаетъ моей думы своимъ пѣніемъ? Или хощетъ онъ извѣдать тяжесть руки моей?

СОСИ.

Знатно, что сей человѣкъ не любитъ мусикійской игры.

МЕРКУРІЙ.

Больши уже недѣли, яко я не обрѣлъ есмь человѣка, кому бъ кости переломать, и сила руки моей въ покоѣ исчезаетъ, и для того я сыскиваю нѣкоторыхъ хребтовъ, чтобъ не отвыкла рука.

СОСИ.

Бѣсъ ли то, или человѣкъ? Смертная боязнь душу мою угасила. Однакожь за что такъ дрожу? Авось иногда столько жь у него страсти въ сердцы, какъ и у меня; авось онъ такъ баско говоритъ, чтобы я не догадался, что онъ боится. Такъ, такъ! Не станемъ того терпѣть, чтобъ думали, будто я птица, и хотя у меня сердца нѣтъ, однакожь надобно мужественно показаться. Онъ также одинъ, какъ и я; я силенъ и у меня добръ господинъ, и сверхъ того и дворъ нашъ не далече.

МЕРКУРІЙ.

Кто идетъ?

СОСИ.

Я.

МЕРКУРІЙ.

Какой я?

СОСИ.

Я! (Не пужайся, Соси!)

МЕРКУРІЙ.

Кто ты еси? скажи мнѣ.

СОСИ.

Азъ есмь человѣкъ и говорю.

МЕРКУРІЙ.

Господинъ ли ты, или слуга?

СОСИ.

Какову мнѣ захочется быть.

МЕРКУРІЙ.

Како [1]) свои степени [2]) полагаешь?

СОСИ.

Туды, куды думаю итти.

МЕРКУРІЙ.

Сей мнѣ отвѣтъ не любъ.

СОСИ.

А мнѣ гораздо любо.

МЕРКУРІЙ.

Дерзай, или силою, или любовію я тотчасъ хочу отъ тебе вѣдать, что ты дѣлаешь, откуду ты до свѣту идешь, и куды ты идешь, и кто ты еси.

[1]) Сверху написано: *К, ды*.

[2]) Сверху: *слѣды*.

СОСИ.

Я дѣлаю добро и зло, какъ мнѣ захочется; я иду оттуды, я иду туды, и я господину своему подданый.

МЕРКУРІЙ.

Ты разумъ являешь. Я вижу, что тебѣ хочется тѣшитися, а я гораздо желаю съ тобою обознаться, и отъ своей тебѣ руки поушное дати.

СОСИ.

Какъ? мнѣ самому?

МЕРКУРІЙ.

Тебѣ самому. (*И Меркурій заушилъ Соси*). Да и вотъ тебѣ неложно.

СОСИ.

А! а! Уже ты и отъ правды. [1])

СОСИ.

Я говорю: Соси.

МЕРКУРІЙ.

Слушай! Знаешь ли, что я тебя въ гробъ забію?

СОСИ.

Про что пѣть? Неужли ты сбѣсился?

МЕРКУРІЙ.

Кто тебѣ даетъ ту волю сіе имя взять?

СОСИ.

Я того имени не воспріемлю; оное всегда мнѣ было.

---

[1]) Здѣсь въ рукописи недостаетъ листа.

МЕРКУРІЙ.

О страшная ложь! Какъ тебѣ стыда нѣтъ? Ты мнѣ смѣешъ судержать, что твое имя Соси?

СОСИ.

Да! такъ я сдержу и съ великою правдою, что мнѣ то имя отъ боговъ дано, и мнѣ той воли нѣтъ свое имя перемѣнить и быть инымъ, какъ я есмь.

МЕРКУРІЙ (*бьетъ Соси*).

Тысяча ударовъ батогомъ надобно тебѣ дать за такую ложь.

СОСИ.

Судъ праведный! гражданскіе люди! выручайте, я молю.

МЕРКУРІЙ.

Какъ? ты смѣешъ еще крычать?

СОСИ.

Ты мнѣ батогомъ хребетъ мягчишъ, да ты же хощешъ, чтобъ я не крычалъ?

МЕРКУРІЙ.

Вотъ такъ то рука моя тѣшится!

СОСИ.

Дѣло гораздо не хорошо. Ты радуешься, что ты сильняе меня, и что у меня толь мало сердца. Такъ добрые люди не дѣлаютъ, чтобъ имъ користоваться человѣческимъ трепетомъ. И то непригоже, что наша рука бьетъ безопасно; и то сердце мочно похулить, которой бьетъ тѣхъ, у кого сердца нѣтъ.

МЕРКУРІЙ.

Скажи: еще ли ты Соси?

СОСИ.

Твои удары во мнѣ перемѣны не учинили, и вся перемѣна которую я въ себѣ вижу, то есть—Соси битый.

МЕРКУРІЙ.

Еще сто ударовъ за такую ложь.

СОСИ.

Ай! пожалуй, перестань бити!

МЕРКУРІЙ.

А ты перестань лгати.

СОСИ.

Все, что ни изволишъ. Я стану молчати, и споръ между нами гораздо не равенъ.

МЕРКУРІЙ.

Еще ли ты Соси? скажи.

СОСИ.

Я есмь тотъ, что ты хочешь, и учини изъ меня все, что тебѣ ни покажется: твоя рука господиномъ тебя надо мною учинила.

МЕРКУРІЙ.

Твое имя было Соси, яко ты говорилъ?

СОСИ.

Такъ я доселѣ думалъ, что то такъ было; лишь нынѣ твой батогъ мнѣ то инако объявилъ и то мнѣ показалъ, что я то имя неправедно держалъ.

МЕРКУРІЙ.

Вотъ я тебѣ правду сказываю, что прямое имя мое Соси, и весь градъ Ѳеба знаетъ, что у Анѳитріона кромѣ меня иного Соси не бывало.

СОСИ.

Ты Соси?

МЕРКУРІЙ.

Да, я Соси. А хто то дѣло смѣетъ инако сказать, тотъ бы самъ себя берегъ.

СОСИ.

Праведное небо! Уже мнѣ нынѣ самому себя отрицаться и отъ иного видѣти, что мое имя отъимаетъ! А счастіе его велико, что у меня сердца нѣтъ. Когда бъ не то, я бъ.....

МЕРКУРІЙ.

Вижу я, что ты между зубами нѣчто ворчишъ.

СОСИ.

Нѣтъ! Лишь, боговъ ради, дай мнѣ поволи съ тобою немного поговорити.

МЕРКУРІЙ.

Говори.

СОСИ.

Посули жь мнѣ, пожалуй, прежде, что ударовъ здѣ не будетъ. Учинимъ миръ вмѣстѣ.

МЕРКУРІЙ.

Добро, я тебѣ то позволю.

СОСИ.

Кто тебя приводитъ въ такое мечтаніе? И что тебѣ въ томъ будетъ, яко ты мое имя отъимаешъ? И возможно ли тебѣ такъ учинить, хотя бъ ты былъ сатана, что я не буду я, что я не буду Соси?

МЕРКУРІЙ.

Какъ ты смѣешъ? . . .

СОСИ.

А! потише, пожалуй. Вѣдь мы учинили миръ, и ты мнѣ обѣщалъ болѣй не бить.

МЕРКУРІЙ.

Какъ ты, воръ, злодѣй, страдникъ! . .

СОСИ.

Брани, сколько хочешъ: то есть лехкіе раны, и о томъ я не гнѣваюсь.

МЕРКУРІЙ.

Ты говоришь, яко ты Соси?

СОСИ.

Да, а ты мнѣ басни розказываешъ.

МЕРКУРІЙ.

А когда такъ, инъ и миръ покинемъ, и батогъ въ руки возьму.

СОСИ.

Мнѣ то даромъ. Я не могу вѣрить, что я не я, и не могу терпѣть того, что невозможно есть. И тебѣ быть, что̀ я есмь,— какъ то можетъ бытиʔ И возможно ли мнѣ не мною слытиʔ Кто видалъ такіе шуткиʔ И мочно ли то сказать, что правда есть неправдаʔ Грезится ли мнѣʔ А мнѣ кажется, что и не сплю. Безъ разума ли я сталъʔ Не вижу ли я, что здѣ стоюʔ Не знаю ли того, что я говорюʔ Господинъ мой Аноитріонъ не приказалъ ли мнѣ суды пріити къ Алкменѣ, женѣ ѐгоʔ Не велѣлъ ли онъ мнѣ розказать все, что на бою учинилось, и про побѣду на супостатовъ нашихъʔ И не въ той ли часъ я суды пришелъʔ Не держу ли я ѳонаря въ рукахъʔ Не нашелъ ли я тебя предъ нашимъ дворомъʔ Не говорилъ ли я тебѣ человѣческимъ разумомъʔ Не радуешься ли ты моему безсердечеству, дабы меня къ себѣ на дворъ не пуститьʔ Не тѣшился ли ты батогомъ на моемъ хребтѣʔ Не отбилъ ли мнѣ рукъ и ногъʔ Ай! Все то очюнь праведно. Я бъ благодарилъ бога, когда бъ неправда была! Перестань же ругатися надо мною бѣднымъ и дай мнѣ учинить то, что мнѣ приказано, дабы мнѣ господина своего не ослушаться.

МЕРКУРІЙ.

Не ходи, понеже за всякую ступень на свою спину больши ста ударовъ залѣзешъ, и я тебя до полусмерти прибію. И все то, что ты говорилъ, про меня было, кромѣ ударовъ. Меня Аноитріонъ послалъ къ Алкменѣ и велѣлъ розказать все, что на бою учинилось, и какъ его сила веселится надъ его супостатами, и какъ голову ихъ положили. Я тебѣ въ правду покажу, что я есмь Соси, сынъ Даве, честный гражданскій человѣкъ и братъ Арпаги, который умре въ чюжей странѣ; жена моя именуется Клеантисъ, чей разумъ зачѣмъ меня въ безуміе не приведетъ; въ Тебѣ градѣ бичемъ оную били, чего она вѣкъ никому не сказала, и мнѣ предъ всѣми людьми хребетъ пятнали, что я былъ зѣло добрый человѣкъ.

СОСИ.

Правду онъ говоритъ. Естьли бы не Соси былъ, невозможно бы ему того знать. И нынѣ удивляюся и починаю вѣрить. Да и въ правду, какъ я на него посмотрю, все то, что у меня, тожь и у него вижу: таковъ же онъ тѣломъ, таковъ же и лицемъ, таковъ же и дѣйствомъ, и все мое естество въ немъ тожде показуется. Я его немного розпрошаю, и тѣмъ увижу, въ правду ли онъ Соси. Скажи жь мнѣ: между всею добычею что Анентріону досталось?

МЕРКУРІЙ.

Пять великихъ алмазовъ, удивительно въ злато вставленныхъ, что показуется мудрого художества.

СОСИ.

А про кого онъ то сберегаетъ?

МЕРКУРІЙ.

Про жену свою и хочетъ видѣть, чтобъ она тѣмъ украсилась.

СОСИ.

Куда онъ ихъ спряталъ и въ чемъ ихъ везетъ?

МЕРКУРІЙ.

Въ маленькомъ сундучкѣ за своею печатью.

СОСИ.

Не лжетъ ни во единомъ словѣ и во всемъ мнѣ правду отвѣщаетъ, о чемъ ни спрашиваю. Потому я начинаю вѣрити, яко я не я. Онъ у меня по силѣ своей и такъ Соси, и я помышляю, что и въ правду онъ Соси. Однакожь какъ я себя осязаю и

самъ передумаю, мнѣ мнится, что я всегда есмь я. Гдѣ жь бы мнѣ еще сыскать сущую правду, чтобъ мнѣ прямо сыскать? То, что я одинъ дѣлалъ и никто не видалъ, кромѣ меня никому невозможно того вѣдать,—и тѣмъ либо его поимаю, или самъ отъ себя отстану. Въ тѣ поры, какъ они бились, что ты дѣлалъ въ шатрѣ, въ которой ты побѣжалъ спрятаться?

МЕРКУРІЙ.

Отъ окорока. . . .

СОСИ (*испужався*).

Ахъ! и то знаетъ!

МЕРКУРІЙ.

Отъ окорока жь я говорю, что отрѣзалъ два великія ломтя, которыми я гладъ свой утолялъ. Да къ томужь я прибавилъ вина, которое утѣшало зракомъ, хотя и не пито, и въ тѣ поры возпріималъ сердце вмѣсто нашихъ людей, которые билися.

СОСИ.

Тотъ знакъ укажетъ мнѣ, что все правду говорить, и невозможно иному кому, кромѣ меня, развѣ бы ему въ скляницѣ сидѣть было, изъ которой я пилъ. Нынѣ я вижу по всему и закладываю я главу свою, что ты еси Соси. Скажи жь мнѣ: когда ты Соси, что жь ты хочешъ, чтобъ я былъ? Однакожь я есмь, что ни есть.

МЕРКУРІЙ.

Какъ я не буду больши Соси, будь ты въ тѣ поры, что хочешъ; однакожь доколѣ я есмь Соси, я тебѣ смертію грожу, есть ли ты смѣешъ то воспріяти мое имя.

СОСИ.

Все сіе дѣло мнѣ надокучитъ, и не вѣдаю, что мнѣ съ разумомъ моимъ чинити, и правда противится. Однакожь надобно

совершить, какъ ни есть, нашъ споръ и лучшее дѣло, что могу чинити, сирѣчь домой пойтить.

МЕРКУРІЙ.

Ай! вижу я, что тебѣ любо битіе, и безъ ударовъ не можешь быть.

СОСИ.

Ай! ай! Что жь это будетъ, великіе боги? Теперь уже онъ болей біетъ гласомъ цѣлымъ, и не почто моему хребту и въ мѣсяцъ не мочи. Покинемъ того бѣса или человѣка, и пойду назадъ, откуды пришелъ. О праведное небо! изрядное я учинилъ посольство!

МЕРКУРІЙ.

Однакожъ я его отогналъ и его образомъ я ему учинилъ думу. Вижу я Юпитера, котораго провожаетъ съ великою честію любовная Алкмена.

ТРЕТЬЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЮПИТЕРЪ, АЛКМЕНА, КЛЕАНТИСЪ, МЕРКУРІЙ.

ЮПИТЕРЪ.

Запрети, милая Алкмена, со свѣщами приближатися. Они, мнѣ подаютъ радость на тебя взирати, однакожъ могутъ же пришествіе мое объявити, которое лутши тихо держати. Моя любовь мучила мя во всемъ моемъ дѣлѣ, въ чемъ меня задерживала слава оружія нашего, чинъ моея службы у меня отняла, который подноситъ твоей красотѣ. И то, что я приношу твоему благообразію, будетъ во многихъ устѣхъ человѣческихъ злохуленіе; азъ же никому не хощу отвѣщати, яко той, которая радость мнѣ воздаетъ.

АЛКМЕНА.

Я радуюся, Анеитріонъ, твоей великой славѣ, которую ты себѣ разумомъ и мужествомъ обрѣлъ, и слухъ про твою побѣду и одолѣніе супостатовъ творитъ велію радость во сердцѣ моемъ. Однакожь, какъ я вижу, что та честь и слава отдѣляетъ отъ меня то, что я люблю,—я не могу въ своей слабости воздержати себя, дабы тую жь честь не въ милость не почитати. Естьли бы мнѣ возможно, я бъ супротивилась Тебаномъ, которые тебя учинили генераломъ. То есть велія сладость, какъ послѣ одолѣнія вижу то, что люблю, въ великую славу возвышену; однакожь послѣ толь великой радости несчастливый часъ скоро пріити можетъ. Сколько трепетовъ тебе ради душа моя терпитъ на всякое время, когда я о тебѣ подумаю! Возможно ли въ страстехъ такихъ душу обрѣсти то, чѣмъ себя утѣшити отъ того безчастія, чѣмъ служба намъ грозитъ? И коими вѣнцы вѣнчаютъ одолѣтеля, и хотя азъ имѣю радости въ той чести; однакожь невозможно уравнять слабостію мое сердце, которое на всякій часъ трепещетъ о томъ, что любитъ.

ЮПИТЕРЪ.

Я ничего въ тебѣ не вижу, дабы огнь мой не разжигалъ, и больши той радости невозможно быть, какъ брѣсти любовь у того, что мы любимъ. Однакожь смѣть ли мнѣ сказать, что нѣкій соблазнъ срящетъ меня: твои любовные вещи, которые ты мнѣ подаешь. Чтобъ мнѣ лутши ихъ вкусити, моя любовь, милая Алкмена, не ищетъ ничего, кромѣ твоей любви ко мнѣ одному, и то мнѣ пріятство, чѣмъ ты меня одаряешъ, недостоинъ я есмь твоимъ мужемъ нарицатися.

АЛКМЕНА.

По тому жь имени душа моя горитъ и дерзаю то творити, что ни прикажетъ любовь. Токмо я не знаю, кій есть соблазнъ, которой обѣгаетъ твоей любви?

ЮПИТЕРЪ.

Ахъ! то и есть желаніе, которое превосходитъ супружникову, и ты не знаешь, коль велію сладость моя душа пріемлетъ въ нашихъ прохладныхъ часѣхъ. И ты не можешъ думать, яко любительное сердце терпитъ всякую трубость и счастіе свое почитаетъ себѣ въ безсчастіе. А во мнѣ, милая и любимая Алкмена, ты видишъ мужа и любителя; кромѣ любительного имени не хочу я себѣ дати, хотя я съ тобою вмѣсто мужа пребывалъ. И той любитель твоей воли съ ревностію желаетъ, дабы твое сердце къ нему одному склонилось, а страданія того не хочетъ, что именемъ мужъ даетъ. Онъ хощетъ любовію токмо получити твою любовь и ничего не хочетъ самовольно припяти и въ твоемъ сердцы нужду учинити, которою любовь многажды бываетъ отражена. Для того соблазна, которой съ нимъ воюетъ, хощетъ онъ удовольствовати своему вожделѣнію, чтобъ ты его раздѣлила отъ того, еже его уязвляетъ; и имя супружниково держи токмо чести ради и дабы отъ твоего сердца благоволеніе твое любовнику всю любовь и весь прохладъ предала.

АЛКМЕНА.

Анфитріонъ! въ правду ты мною играешъ, когда такъ глаголешъ, и я опасаюсь: когда бъ кто сіе слышалъ, сказалъ бы, что любовь твой разумъ отняла.

ЮПИТЕРЪ.

Тѣ рѣчи разумнѣй, какъ ты не мыслишъ. Токмо долей мнѣ здѣ остаться, и я очюнь себя обвиню, и пора уже велія въ полкъ свой возвратитися. Прости моей нужды: великая немилость на время меня отъ тебя отрѣваетъ; однакожь, милая Алкмена, какъ ты узришъ на своего мужа, подумай и на любителя.

АЛКМЕНА.

Я не стану раздѣлять, что боги сочетали вмѣстѣ: и мужъ, и любитель мнѣ зѣло драгоцѣнны.

КЛЕАНТИСЪ.

Ой, боже! Какое любовное знаменованіе отъ любаго мужа! А какъ мой измѣнникъ, а не мужъ отдаляется отъ всякой любве!

МЕРКУРІЙ.

Пойду, скажу Нощи, дабы покрыла звѣзды и дала бы солнцу изъ своего покоя вытти.

ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЛЕАНТИСЪ И МЕРКУРІЙ.

(*Меркурій хощетъ итти, а Клеантисъ его задерживаетъ*).

КЛЕАНТИСЪ.

Какъ? Такъ ли ты меня покидаешъ?

МЕРКУРІЙ.

А какъ же? Не хощешъ ты, чтобъ я то творилъ, еже мнѣ приказано? Какъ мнѣ за Анѳитріономъ не итти?

КЛЕАНТИСЪ.

Съ такимъ стыромъ, измѣнникъ, хочешъ ты отъ меня поити?

МЕРКУРІЙ.

Вотъ есть о чемъ сердитовать! Намъ есть еще много поры вмѣстѣ жити.

КЛЕАНТИСЪ.

Какже ты хочешъ по скотски отъ меня отъитти и не подати мнѣ ни единого умильного слова?

МЕРКУРІЙ.

Гдѣ жь ты хочешъ, чтобъ мой разумъ тебе ради искалъ умильныхъ словесъ? И въ пятнадцать лѣтъ словеса исчезаютъ, и въ такую долгую пору мы все другъ другу сказали, что знали.

КЛЕАНТИСЪ.

Возьми образецъ, измѣнникъ, отъ Анѳитріона и смотри, сколько любве онъ показуетъ Алкменѣ, и постыдися того, что у тебя толь мало страданія для твоей жены.

МЕРКУРІЙ.

Не глаголи про то, Клеантисъ! Они млады еще и все, что ни творятъ, пристанетъ имъ, а намъ гораздо старымъ не пристанетъ. Хорошо бъ насъ видѣти лицемъ къ лицу купно лобзатися!

КЛЕАНТИСЪ.

Что и какъ ты глаголешъ? Я ужли изъ поры надѣятися, дабы кто по мнѣ вздыхалъ?

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ, я того не глаголю. Я очюнь брадатъ воздыхати, и мое воздыханіе посмѣшище людемъ будетъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Достоинъ ли ты, злодѣй, такой честной жены, какъ я?

МЕРКУРІЙ.

Боже мой! Я говорю, что ты зѣло честна, и такой великой чести я не спрашиваю. Хотя не буди толь честна жена, токмо не обезумь моей головы.

КЛЕАНТИСЪ.

Ты меня за то бранишъ, что тебя люблю?

МЕРКУРІЙ.

Женская дружба не всегда мнѣ люба, и твоя честь мнѣ такая радость, что мнѣ лутши хочется быть далеко отъ тебя.

КЛЕАНТИСЪ.

Тебѣ надобно сердца съ неправедною любовію и такая жена, которая тебѣ тѣжь умильные словеса даетъ, что ей любимцы ея приносятъ, и которыхъ она позабыти не можетъ.

МЕРКУРІЙ.

Хощешъ ли, я тебѣ правду скажу? Худое мнѣніе не приходитъ токмо къ дуракамъ, и я себѣ возьму въ пословицу: хотя бъ меньши чести, лише бъ угомонъ былъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Какъ? Ты бы терпѣлъ безопасно, чтобъ любила иного и во всемъ бы ему волю давала?

МЕРКУРІЙ.

Да, токмо бъ на меня не ворчала, лишь бы ты разумъ свой перемѣнила. Я лутши люблю безчестіе спокойное, нежели честь безпокойная. Прости, Клеантисъ, моя милая душа! Мнѣ надобно пойтить за Анѳитріономъ.

КЛЕАНТИСЪ.

За что для наказанія мое сердце не осмѣлится? Охъ! мнѣ зѣло жалостно нынѣ, что я честная жена!

Конецъ первой части и дѣянія.

ВТОРАГО ДѢЯНІЯ

ПЕРВОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АНѲИТРІОНЪ И СОСИ.

АНѲИТРІОНЪ.

Пріиди сюды, злодѣй! Знаешъ ли ты, воръ, яко рѣчи твои бита тебя учинятъ, и чтобъ мое сердце на тебѣ вымести, я не ищу кромѣ добраго батога?

СОСИ.

Когда ты такъ изволишъ, государь, я ничего болей не говорю, и ты всегда будешъ правъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ ты мнѣ хочешъ говорити, что правда такіе лжи, которые ты своимъ воровствомъ выдумалъ?

СОСИ.

Нѣтъ; я есмь слуга, а ты мой господинъ, и будетъ все то, что ты изволишъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Я утолю свое сердце и выслушаю прежде тебя въ правду, какъ ты все то учинилъ, что я тебѣ приказалъ. Надобно мнѣ прямо то дѣло розыскать. Доколѣ я жены своей не видалъ,

приведи всѣ свои думы вмѣстѣ и возвратися въ свою душу, и отвѣщай мнѣ слово къ слову на мой вопросъ.

СОСИ.

Лише убоявся твоей немилости, скажи мнѣ, пожалуй, прежде, ты яко изволяешь, дабы я глаголалъ: говорить мнѣ по моей совѣсти, или какъ говорятъ у большихъ? говорить ли мнѣ правду, или тебѣ норовить?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, я тебя не принуждаю ни къ чему, какъ къ одной правдѣ.

СОСИ.

Добро, не замай же меня и спрашивай о всемъ, что изволишь.

АНѲИТРІОНЪ.

По приказу, что я тебѣ далъ, что ты противъ того учинилъ?

СОСИ.

Я пошелъ въ самую нощную тьму, и бранилъ тебя въ своей грубости и проклиналъ двадцатію тотъ указъ, даный мнѣ тобою . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ ты, злодѣй? . . . .

СОСИ.

Изволишь приказать, государь: я, естьли хочешь, стану лгать.

АНѲИТРІОНЪ.

Такъ то показуетъ своему господину слуга любовь! Даромъ, покинемъ и то. А на пути, что тебѣ учинилось?

СОСИ.

Я убоялся всячины, что ни завидѣлъ.

АНѲИТРІОНЪ.

О безсердечный!

СОСИ.

Природа не всякого человѣка равно одаряетъ: одному она даетъ охоту ничего не боятися, мнѣ же дала боятися и себя беречи.

АНѲИТРІОНЪ.

Когда ты домой пришелъ? . . .

СОСИ.

Предъ нашими враты я хотѣлъ переговорить то, какъ мнѣ было сказать про войну, и что ты мнѣ приказалъ.

АНѲИТРІОНЪ.

А опослѣ?

СОСИ.

Послѣ же мнѣ препяли и много мнѣ дѣла учинили.

АНѲИТРІОНЪ.

А кто?

СОСИ.

Соси; и я, который по твоему приказу къ Алкменѣ пришелъ и который все знаетъ, что у насъ дѣялось, также какъ и я, что съ тобою говорю.

АНѲИТРІОНЪ.

Какіе розказы!

СОСИ.

Нѣтъ, государь, сущая правда. Тотъ я прежде меня дома уже былъ, и я тамъ былъ,—я тебѣ побожусь,—прежде, какъ я туды пришелъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Скажи мнѣ, я тебѣ молюся: откуды ты взялъ такіе верченые вещи? Сонъ ли на тебѣ есть, или ты піянъ? Разумъ ли ты погубилъ, или ты такъ неладно шутишь?

СОСИ.

Никакъ. Я тебѣ говорю по правдѣ и не розказываю тебѣ лжи. Я честной человѣкъ, въ томъ тебѣ и слово дамъ, и ты мнѣ можешь вѣрити. Я тебѣ говорю, что я помышлялъ, что я только одинъ Соси былъ, а я себя двойного сыскалъ, и что изъ тѣхъ двухъ я одинъ дома, а другой здѣсь у тебя, и что я тотъ, который [1]) здѣсь гораздо утомився, нашелъ другого меня бодра, весела и здрава и который иной охоты не имѣлъ, кромѣ того, что бить и кости ломать.

АНѲИТРІОНЪ.

Надобно быть зѣло тиху и разума смирнаго—терпѣть всѣ тѣ лжи, которые слуга говоритъ.

СОСИ.

Естьли ты хочешь сердитовать, инъ покинемъ мы и розговоры, и вся охота у меня говорити минется.

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, я тебя стану слушать и не сердитовать, яко я тебѣ обѣщалъ, лише скажи мнѣ по своей душѣ: такіе дивные случаи могутъ ли праведныи быти?

---

[1]) Въ рук: *которою.*

СОСИ.

Нѣтъ, не могутъ быти; въ томъ ты, государь, правду говоришь, и всякому бы человѣку такое дѣло въ неправду показалося, и не мочно изъ того разумну быти, и всякой скажетъ, что сіе есть розказъ ложный и дураческій, и не можетъ человѣку въ разумъ воитти, однакожь правда.

АНѲИТРІОНЪ.

И невозможно тому вѣрити, токмо безразумну не быть?

СОСИ.

Я и самъ не вѣрилъ безъ пени великой. И разумъ мой, видя себя раздвоена, во мнѣ смутился, и долго я бранилъ обманщикомъ другово то себя; однакожь, какъ я себя позналъ и меня принудилъ, я видѣлъ, что я самъ безъ всего вымыслу съ головы до ногъ походилъ на меня: пригожъ, походка великородная, тѣломъ складенъ, разумомъ ласкавъ:—что говорить? Двѣ капли воды другъ другу не могутъ уподобитися, какъ я самъ на себя походилъ. И естьли бы его руки не толь тяжелы были, мнѣ гораздо любяй было.

АНѲИТРІОНЪ.

Какому терпѣнію я принужденъ есмь! Однакожь не вошелъ ты къ намъ на дворъ?

СОСИ.

Да войтить! А на какую жь было стать? Хотѣлъ ли вѣкъ слушати рѣчей? И не запрещалъ ли я своимъ вратамъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ запрещалъ?

СОСИ.

Батогомъ, отъ котораго мой хребетъ крѣпкую болѣзнь еще слышитъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Били тебя?

СОСИ.

Да въ правду. . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

А кто же?

СОСИ.

Я самъ. . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Ты самъ себя билъ? . .

СОСИ.

Да, я самъ, токмо не тотъ я, что здѣся, тотъ я, что дома и которой біетъ противъ четверихъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Чтобъ тебя небо разгромило, что ты мнѣ такъ говоришь!

СОСИ.

Я тебѣ, государь, не шутя, говорю. Себя, котораго я давече нашелъ, надо мною, который съ тобою говоритъ, имѣетъ велію силу: руки у него сильны, сердце высоко;. и я могу то говорити съ чувства. И тотъ бѣсъ, или я, меня такъ билъ, какъ надобно; и какъ станетъ бить, не умѣетъ престать.

АНѲИТРІОНЪ.

Совершимъ наши рѣчи. Видѣлъ ли ты жену мою?

СОСИ.

Нѣтъ....

АНѲИТРІОНЪ.

А для чего?...

СОСИ.

Для праведного дѣла.

АНѲИТРІОНЪ.

Кто тебѣ запретилъ, злодѣй? Скажи мнѣ.

СОСИ.

Сколькожды мнѣ повторять все одно дѣло? Я самъ, я тебѣ говорю. Тотъ я сильнѣе меня; тотъ я силою врата подъ свою мочь взялъ; тотъ я, которой меня научилъ тихо говорить; тотъ я, которой хочетъ одинъ я быть; тотъ я, которой мнѣ самому ревнуетъ; тотъ я, которой съ великимъ сердцемъ, своею силою мнѣ безсильному далъ себя знать; тотъ я, которой у насъ дома; тотъ я, которой себя господиномъ надъ собою учинилъ, и тотъ же я, которой меня чуть до смерти не убилъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Знатно, что ты сего утра много пилъ, яко твой разумъ помѣшался.

СОСИ.

Я бъ хотѣлъ, чтобъ меня повѣсили, естьли я пилъ, кромѣ воды; и какъ я поклянуся, мнѣ мочно вѣрити.

АНѲИТРІОНЪ.

Ино ужь то спаніе твой разумъ разнесло, и нѣкоторой сонъ всѣхъ тѣхъ смутностей научилъ, которыи мнѣ розказываешь вмѣсто правды.

СОСИ.

Нѣтъ, я не спалъ и не думаю еще спать и теперь. Я тебѣ говорю неспящей, и по утру жь я не спалъ. Вѣрь моей душѣ: и другой Соси тожь не спалъ въ тѣ поры, какъ онъ меня билъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Поди за мною. Я тебѣ велю молчати: очюнь ты мнѣ утомляешь разумь, и я могу неразумнымъ себя назвати, что я имѣю то терпѣніе, и слышу отъ слуги такую дурость, которую говоритъ.

СОСИ.

Все сіе есть дурость и безуміе, что происходитъ отъ человѣка не великородна, и были бъ тѣжь словеса избранные и разумные, когда бъ вельможный оныя говорилъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Пойдемъ домой и не станемъ болей ждать. Ални и сама Алкмена идетъ со всею своею красотою, и не думаю, что она меня дожидается: въ тотъ часъ она удивится, когда меня теперь увидитъ.

ВТОРОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АЛКМЕНА, КЛЕАНТИСЪ, АНѲИТРІОНЪ И СОСИ.

АЛКМЕНА.

Пойдемъ для моего мужа, Клеантисъ, къ богамъ, имъ свой поклонъ принести и имъ благодареніе воздати для счастливого случая, что Теба, градъ, отъ его руки приняла. Ай, боже!

АНѲИТРІОНЪ.

Еще небо попустило, что Анѳитріонъ, побѣдитель своимъ супостатомъ, съ радостію паки видѣти можетъ свою жену. И

чтобъ сей день, пріятенъ любви моей, тебя паки мнѣ вручилъ съ тѣмъ же сердцемъ, съ которымъ оставилъ, и чтобъ я могъ обрѣсти у тебе столькожъ любовнаго огня, сколь я желаю!

АЛКМЕНА.

Чего ради толь скоро назадъ возвратился?

АНѲИТРІОНЪ.

Во истинну въ сей день ты мнѣ подаешь отъ своей любви гораздо худые знаки. И что сіе есть «и чего ради толь скоро назадъ возвратился»? И сердце, любовію объятое, не станетъ вѣкъ такихъ словъ говорити. И я думалъ по себѣ и по своей любви, что я зѣло долго отъ тебя отлученъ былъ, и того ради спѣшился и всѣмъ сердцемъ желалъ паки тебя видѣти: всякое время мнѣ зѣло долго показалось, и отлученіе отъ того, что любимъ, коль мало оно ни есть, всегда очунь долго бываетъ.

АЛКМЕНА.

Я не вижу. . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, Алкмена, по твоему нетерпѣнію мочно вѣдать, какъ ты пору мѣрила, и ты являешь часы нашего разлученія яко тѣ, которые безъ любве пребываютъ. Когда такъ кто любитъ, яко доведется, послѣднее разлученіе къ смерти ихъ приводитъ и, кого мы любимъ зракомъ, невозможно тому очунь скоро пріитти. Я повинюся, что тебя ради моя любовная душа жалуется, и я ожидалъ отъ твоего сердца гораздо иной радости, нежели ты мнѣ подаешь.

АЛКМЕНА.

Я не могу разумѣти, на чемъ ты созидаешь тѣ рѣчи, которые я отъ тебя слышу. И токмо ты жалуешься на меня, я не знаю по душѣ своей, что мнѣ больши учинити для твоего прохлажденія. Вчера въ вечеру, яко мнѣ мнится, какъ ты назадъ

пріѣхалъ, я тебя приняла всѣмъ сердцемъ и съ великою радостію, и не воздала ли тебѣ моя любовь все то, чего ты можешь отъ моего сердца желати?

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ?

АЛКМЕНА.

Не показала ли я твоимъ очамъ сущую и праведную радость? И можетъ ли душа лутши объявити радость, юже имѣетъ, видя своего мужа пріѣхавша и возлюбленнаго отъ всего сердца?

АНѲИТРІОНЪ.

Что ты мнѣ говоришь?

АЛКМЕНА.

Къ тому твоя любовь мнѣ объявила такую радость, моей ради ласкавости, что невозможно вѣрити, и ты меня не оставилъ до самаго утра. Потому, естьли я удивляюся, что толь скоро назадъ пріѣхалъ, не возможно мнѣ виноватой быти.

АНѲИТРІОНЪ.

Неужьто для того, что очунь на меня думаешь, нѣкій сонъ сея нощи, Алкмена, въ твою душу ложно мя показалъ? И возли бо въ спаніи ты меня ласково принимала, твое сердце думаетъ, что тѣмъ меня гораздо прохлаждала и все подобное сотворила?

АЛКМЕНА.

Неужьто нѣкій туманный воздухъ своею злобою, Анѳитріонъ, въ твоей душѣ отъ твоего вчерашняго пришествія запретилъ правду? и что отъ любовной сладости, которую я тебѣ воздала, твое сердце не хочетъ меня застыдить, глаголющи всю правду?

АНѲИТРІОНЪ.

Тотъ воздухъ, которымъ ты меня честуешь, мнѣ кажется гораздо неповаденъ.

АЛКМЕНА (*рече*).

Чего жь ты хочешь, дабы я тебѣ дала вмѣсто сна, про который ты мнѣ говорилъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Кромѣ сна невозможно отговоритися отъ того, что ты мнѣ розказываешь.

АЛКМЕНА.

Кромѣ воздуха, который тебѣ разумъ возмутилъ, невозможно того выдумать, что я отъ тебя слышу.

АНѲИТРІОНЪ.

Престанемъ говорить, Алкмена, про такой воздухъ.

АЛКМЕНА.

Престанемъ говорити, Анѳитріонъ, про такой сонъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Такое дѣло, про которое мы говоримъ, и такую игру возможно очунь далече завести.

АЛКМЕНА.

Правду ты говоришь, и начинаетъ сердце мое кровію обливатися.

АНѲИТРІОНЪ.

Неужьто тѣмъ хочешь ты мою душу утишити и мнѣ отвѣщати на мои жалобы?

АЛКМЕНА.

Неужьто ты мною, будто нѣкоею шуткою, тѣшитись хочешь?

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! Пожалуй, Алкмена, престанемъ, я тебя молю, и станемъ въ правду говорити.

АЛКМЕНА.

Очунь ты далече, Анѳитріонъ, свою шутку заводишь; престань мнѣ насмѣхатися.

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ ты мнѣ смѣешь говорить въ очи, что я прежде сегодняшняго дня былъ здѣ?

АЛКМЕНА.

Какъ ты смѣешь того запиратися безъ стыда, что ты вчера вечеру не приходилъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Я вчера суды приходилъ? . . .

АЛКМЕНА.

Да, и въ правду; еще солнце не взошло сего утра, а ты опять отъ меня пошелъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Праведно небо! такой смутѣ есть ли что подобное? И кто бъ Соси, не удивился такому дѣлу?

СОСИ.

Шесть зернушокъ элеборну, государь мой: ей разумъ смутилъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Алкмена! я тебя молю для всѣхъ боговъ, скажи мнѣ, что сіе есть. Призови весь свой разумъ и всѣ свои думы вмѣстѣ и думай о томъ, что станешь говорити.

АЛКМЕНА.

Я тожь думаю про тебя; и всѣ тѣ, что у насъ въ дому, видѣли твой приходъ, и не могу выдумать, что сіе есть, что ты мнѣ говоришь. И когда бъ надобно впрямь указать, и ты бъ въ правду не могъ вздумати, что ты здѣсь былъ, отъ кого жъ, опричь тебя, мнѣ мочно узнать про послѣдній бой, который ты имѣлъ съ своими супостаты, и пятъ алмазовъ, которые носилъ Птереласъ, котораго твоя рука въ вѣчную тьму послала? Возможно ли тебѣ указать больши той правды?

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ я уже тебѣ далъ ту алмазную запону, которая мнѣ досталась и которую я про тебя обѣщалъ?

АЛКМЕНА.

Да, и въ правду я тебя тѣмъ скоро огласити могу.

АНѲИТРІОНЪ.

А какже? . . .

АЛКМЕНА.

Вотъ на, смотри: та ли запона?

АНѲИТРІОНЪ.

Соси! что это есть?

СОСИ.

Она тебя дразнитъ, государь: еще у меня здѣсь, и напрасно она такіе шутки розводитъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Печать еще цѣла.

АЛКМЕНА.

Что это? Не омраченіемъ ли ты думаешь? Возьми самъ въ руки. Еще ли тебѣ больши правды надобно?

АНѲИТРІОНЪ.

Ой, бози! Ой, праведное небо!

АЛКМЕНА.

Поди, Анѳитріонъ: ты много шутишь, и мочно тебѣ соромиться, что ты глумишься мною.

АНѲИТРІОНЪ.

Розломай скорѣе печать.

СОСИ (*розкрывъ сундучокъ*).

А и въ правду, господинъ, мѣсто пусто. Ужь то нѣкакъ волшебствомъ вонъ выняли? Или они сами вышли и безъ провожатаго самы къ той пришли, кому придуманы были?

АНѲИТРІОНЪ.

Ой, бози, чіей силѣ все возможно есть! что это за случай? И что мнѣ изъ того думать? Неужли то любовь меня безъ ума учинила?

СОСИ.

Токмо она правду говоритъ. Мы равны стали и ты, государь, такожде вдвоемъ сталъ, что и я.

АНѲИТРІОНЪ.

Молчи! Заткни ротъ!

АЛКМЕНА.

Для чего ты такъ удивляешься, и откуду тебѣ могутъ пріитти такіе кручинные думы?

АНѲИТРІОНЪ.

Ой, боже! Какая смута! Я вижу нѣчто, яко превосходитъ природу, и моя честь опасается нѣкоторого случая, что мой разумъ не знаетъ.

АЛКМЕНА.

Думаешь ты, видячи всю правду, еще запиратися, что ты не былъ здѣсь?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, лишь про мое пришествіе, про которое ты говоришь, розкажи мнѣ, естьли возможно, все, что дѣялось.

АЛКМЕНА.

Когда ты хочешь, чтобъ я тебѣ все розказала, что ни дѣялось, ты же хочешь сказати, что не ты былъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Прости меня въ томъ: я того не думаю; лишь я спрашиваю для нѣкоторого дѣла, что мнѣ хочется знать между нами.

АЛКМЕНА.

Дѣла твои велики, которыя у тебя въ думахъ. Тѣ ли тебѣ дали, чтобъ толь скоро позабыть то, что ты дѣлалъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Можетъ быть; однакожь великую дружбу учинишь, когда мнѣ все розкажешь.

АЛКМЕНА.

Розказъ не долгъ. Я тебя приняла, исполнена любовною радостію, и отъ сердца я тебя обняла и цѣлованіемъ ту радость больши одиножды объявила.

АНѲИТРІОНЪ (*себѣ рече*).

Ай! отъ такой сладости возможно ли мнѣ воздержаться?

АЛКМЕНА.

На то ты мнѣ въ тотъ часъ сей драгоцѣнный даръ поднесъ который въ добычѣ съ бою ты про меня отложилъ. Твое сердце скоршимъ напускомъ мнѣ объявило любовного огня весь жаръ, и насильство, и ростанище твое ради твоихъ нужныхъ дѣлъ дало мнѣ видѣти мученіе отъѣзда твоего, и все твое дѣло, (еже) тебѣ нетерпѣніе отъѣзда ради дало; и вѣкъ твоя любовь въ любовиыхъ дѣлахъ мнѣ съ такою сладостію и тебѣ съ такою радостію не казалась.

АНѲИТРІОНЪ (*себѣ рече*).

Возможно ли быти мнѣ пущши того погублену?

АЛКМЕНА.

Всѣ тѣ перемѣны и всѣ тѣ любовныя дѣла, яко ты можешь вѣрити, мнѣ гораздо любы были. И естьли ты хочешь, чтобъ я повинилась, мое сердце, Анѳитріонъ, имѣло непримѣрную сладость.

АНѲИТРІОНЪ.

А опослѣ, изволь мнѣ сказать?

АЛКМЕНА.

Мы розказывали другъ другу всякіе любимые розказы и утѣшали другъ друга всякими любовными словесы. А послѣ приготовили намъ ужинать, и мы, самъ другъ ужинавше, спать.

АНѲИТРІОНЪ.

Вмѣстѣ ли? .....

АЛКМЕНА.

Да, и въ правду вмѣстѣ. Чего ради меня спрашиваешь?

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! сіе слово есть мнѣ всего больнѣе и отъ котораго всегда дрожала моя ревность!

АЛКМЕНА.

Какъ отъ этого слова такъ тебѣ краска въ лице вступила? Худо ли тѣмъ учинила, что съ тобою легла спать?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, не со мною ты легла по несчастію моему, страждущу сердцу. И кто то скажетъ, что я вчера здѣ былъ, неправду говоритъ и сущую ложь.

АЛКМЕНА.

Анѳитріонъ! ......

АНѲИТРІОНЪ.

Ой непостоянная и невѣрная!

АЛКМЕНА.

О чемъ такъ запаляешься?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! Полно сладости и полно дружбы! То время пришло, что и мое постоянство лишается, и сердце мое не вздыхаетъ и ничего не желаетъ, опричь неистовства и отомщенія.

АЛКМЕНА.

Кому жь хочешь отомстити и о чемъ ты завидѣлъ невѣрность, яко ты теперь виноватою меня нарицаешь?

АНѲИТРІОНЪ.

Я не знаю; однакожь не я былъ: и есть то отчаяніе, которое все обвиняетъ.

АЛКМЕНА.

Поди, недостойный мужъ, и дай всякому про себя говорить, что поклепъ твой напрасной мнѣ пристрашенъ. И очунь ты меня далече заводишь и невѣрностію меня уличаешь. Токмо ты ищешь на такую стать соузный узолъ розорвати, которымъ я присвойственна тебѣ,—всѣ тѣ рѣчи излишнія, и я готова и на томъ положила терпѣти, что въ сей же намъ день розлучитися.

АНѲИТРІОНЪ.

Послѣ такова недостойнаго безчестія, что ты мнѣ объявила, опричь того, что говоришь, невозможно намъ дожидатися, и то послѣднее дѣло, которое мочно намъ учинити, и то можетъ быти, что тѣмъ не совершится. Безчестіе праведное, и безчастіе мое видимое и моя любовь напрасно мнѣ хочетъ помрачити. Однакожь тѣ части не очунь чувственные, и мой праведный гнѣвъ еще хочетъ просвѣтитися. И твой братъ можетъ то сказати, что до сего утра я его не покидалъ: и я его пойду искати, чтобъ мнѣ мочно тебя огласити на то пришествіе, которое ты неправдою на меня взводишь. А послѣ того прямо розъищемъ, что въ томъ дѣлѣ есть, и по семъ я сулю безчастіе тому, кто мнѣ измѣнилъ.

СОСИ.

Государь мой! поити ли мнѣ за тобою?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ, не ходи. Токмо дожидайся меня здѣсь, доколѣ назадъ буду.

КЛЕАНТИСЪ.

Надобно ли? ......

АЛКМЕНА.

Не знаю, чего мнѣ ждати: остави меня одну и не ходи за мною.

ТРЕТІЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЛЕАНТИСЪ ДА СОСИ.

КЛЕАНТИСЪ.

Ужь то что ни есть нашему господину разумъ возмутило; однакожь братъ скоро будетъ и докончаетъ ихъ споръ.

СОСИ.

Не диво, что господина моего сердце болитъ: и случаи его гораздо безчастные. Я опасаюсь про себя: нѣтъ ли чево такова? И я у своей жены потихоньку выспрошаю.

КЛЕАНТИСЪ.

Я посмотрю, прійдетъ ли мужъ мой ко мнѣ, и станетъ ли онъ со мною говорити; я же первая не начну говорити.

СОСИ.

Въ иную пору хощется намъ нѣчто знати, чего бъ послѣ хотѣли не знати, и я дрожу, когда ее хочу спрошати. Не лутши ли будетъ то замолчати, что мы знаемъ? Пошли, посмотримъ, что можетъ быти, и я не хочу больши боронитися. То есть

простота человѣческая хотѣти все знати и то, что намъ не подобаетъ знати. Богъ съ тобою, Клеантисъ!

КЛЕАНТИСЪ.

Ай! ай! Еще ты смѣешь, измѣнникъ, ко мнѣ приближатися!

СОСИ.

Боже мой! Что тебѣ доспѣлось? Всегда [1]) я тебя вижу сердитую! Напрасно ты то сердце надо мною вымещаешь.

КЛЕАНТИСЪ

Что ты называешь напрасно? Скажи мнѣ.

СОСИ.

Я говорю, что есть напрасно то, что называютъ напрасно и въ стихахъ и въ простомъ писаніи; и напрасно то есть даромъ, есть ничто, а ничто есть гораздо мало.

КЛЕАНТИСЪ.

Не знаю, кто меня задерживаетъ, что я тебѣ, злодѣй, глазъ не выцапаю и что я тебя не научу того, къ чему меня женское можетъ привести сердце.

СОСИ.

Эй! Откуду тебѣ взялся такой бѣснующійся разумъ?

КЛЕАНТИСЪ.

Ты бѣснующими называешь тѣ шутки и то поруганіе, которое ты надо мною творилъ?

---

[1]) Въ рук.: *да*. Въ подлинникѣ: Toujours on te voit en courroux.

*

СОСИ.

А которое? . . .

КЛЕАНТИСЪ.

Будто ты не знаешь? Или и ты также хочешь сказати, какъ твой господинъ, что ты здѣсь не былъ?

СОСИ.

Нѣтъ! То я лутши знаю, и я тебѣ всю правду скажу, что мы пили нѣкое вино, которое то учинило, яко мы всего позабыли, что ни творили.

КЛЕАНТИСЪ.

Ты тѣмъ думаешь оправдитися?

СОСИ.

Нѣтъ, и въ правду ты мнѣ можешь вѣрити. Я былъ въ такомъ чину, чтобъ я могъ то учинити, что бъ мнѣ послѣ не любо было, которого я и самъ не помню.

КЛЕАНТИСЪ.

Ничего ты того не помнишь, что ты, сюды пришедъ, учинилъ?

СОСИ.

Нѣтъ, я ничего не помню, и ты мнѣ все розказати можешь. Ты вѣдь знаешь, что я добрый человѣкъ и что я самъ себя обвиню, естьли я виноватъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Какъ Анѳитріонъ меня розбудилъ, я все не спала и тебя дожидалась; послѣ же, когда ты пришелъ, я у тебя никогда такой стужи и непочитанія не видала къ своей женѣ. Уже я са-

ма къ тебѣ пришла, да когда тебя хотѣла я поцѣловать, ты отъ меня носъ отворотилъ и ухо привернулъ.

СОСИ.

Такъ ладно. . .

КЛЕАНТИСЪ.

Какъ, такъ ладно? . . .

СОСИ.

Боже мой! Клеантисъ! ты не знаешь, для чего я то говорю? Я было ѣлъ чеснокъ: чтобъ тѣмъ духомъ тебѣ не встошнить, и я того ради немного отвернулся.

КЛЕАНТИСЪ.

Я тебѣ всякія любовныя словеса подавала, а ты на всѣ мои рѣчи будто глухой былъ и ни одного слова ласковаго я не могла у тебя изо рта выдрать.

СОСИ.

Ай! исполать!

КЛЕАНТИСЪ.

Хотя моя любовь жаръ въ себѣ имѣла; однакожь въ тебѣ кромѣ духу не нашла, и въ твоемъ пришествіи ты мои думы оманулъ и не хотѣлъ въ постели мѣста своего взяти, и къ которому насъ указъ человѣческій принуждаетъ.

СОСИ.

Что жь я не лежалъ у тебя?

КЛЕАНТИСЪ.

Нѣтъ, злодѣй!

СОСИ.

Есть ли то возможно?

КЛЕАНТИСЪ.

Измѣнникъ! очунь то праведно, что я тебѣ говорю, и всѣхъ безчестей то есть пушее безчестіе. Еще кабы съ утра ты то возновилъ, мнѣ бъ не толь досадно было; а то ты пошелъ и мнѣ ничево не оставилъ кромѣ реченія, смѣшаного съ бранію и съ непочитаніемъ.

СОСИ.

Здравствуй, Соси!

КЛЕАНТИСЪ

Что? Мои жалобы смѣхъ тебѣ и радость приводятъ послѣ такой кручины, какъ ты мнѣ далъ?

СОСИ.

А! какъ я самъ собою доволенъ!

КЛЕАНТИСЪ.

Такъ ли того жалѣютъ, какъ худо учинятъ?

СОСИ.

Я бы вѣкъ не думалъ, что я толь честной человѣкъ есмь!

КЛЕАНТИСЪ.

Чѣмъ было тебѣ себя оглашати въ такомъ худомъ дѣлѣ, а ты мнѣ еще радость объявляешь на лицѣ своемъ!

СОСИ.

Боже мой! Потихоньку говори. Естьли я радость объявляю, думай, что то не даромъ: и не думаючи, вѣкъ я лутчи не чинилъ, какъ то, какъ я ночесь съ тобою пребывалъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Измѣнникъ! еще ты мнѣ наругаешься!

СОСИ.

Нѣтъ я тебѣ въ правду говорю. И въ томъ чину, въ которомъ я пребывалъ, опасался я нѣчево, что твоими рѣчьми душа моя оправилась; были нѣкоторыя у меня думы, и опасался я, чтобъ съ тобою не учинилъ какова дурна.

КЛЕАНТИСЪ.

Чего же ты опасался и чего ради? скажи мнѣ.

СОСИ.

Дохторы говорятъ, что, когда кто піянъ, не подобаетъ ему съ женою своею спать и что невозможно въ тѣ поры испустить дѣтей на свѣтъ, которые бъ съ разумомъ были и долголѣты. Видишь ли, что я не напрасно то дѣлалъ, и что я тебя свободилъ отъ великого зла?

КЛЕАНТИСЪ.

Мнѣ даромъ твои докторы съ своими глупыми рѣчьми! Не замай указываютъ тѣмъ, которые немогутъ, и не почто имъ хотѣть владѣти здоровыми людьми; они очунь мѣшаются во всякія дѣла: они хотятъ нашу любовь яко въ заперти держати и въ песіи дни еще намъ даютъ своими указами больши ста дураческихъ розказовъ подъ носъ.

СОСИ.

Потихоньку...

КЛЕАНТИСЪ.

Нѣтъ! Я сдержу, что то неладно. Сіе розказы исходятъ отъ разоренаго разума. Нѣтъ! не вина, не поры—которые могли запретить сотворити любовную должность; и дохтуры, запрещающіи, подобны суть скотинѣ.

СОСИ.

Про нихъ, я тебя молю, не говори зла: они суть добрые люди, хотя что про нихъ и говорятъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Не тутъ ты, гдѣ думаешь, и напрасно теперь толь ласково говоришь: и твой отговоръ не пособитъ тебѣ; и я стану все отомщати, когда ни есть то, что на всякій день твоимъ непочитаніемъ дѣлаешь. И отъ давешнихъ рѣчей я ничего не позабуду и стану то чинить, что ты мнѣ самъ приказалъ.

СОСИ.

А что петь я тебѣ приказалъ?

КЛЕАНТИСЪ.

Не сказалъ ли ты мнѣ давече, что ты не станешь сердитовать, хотя иного любити стану?

СОСИ.

А! Въ томъ я виноватъ. Я теперь инако говорю, и берегись чтобъ тебѣ меня въ томъ не слушать.

КЛЕАНТИСЪ.

Однакожъ, токмо я смогу переспоривати себя, я учиню нѣчто...

СОСИ.

Тише! Перестанемъ тѣ рѣчи. Я вижу Амфитріона, который, мнѣ кажется, доволенъ идетъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЮПИТЕРЪ, КЛЕАНТИСЪ И СОСИ.

ЮПИТЕРЪ.

Я избралъ сію пору смирити Алкмену и отогнати ту кручину, которая ея сердце обрѣла, и дати своей любви сладость, и охоту, и миръ. Вверху ли Алкмена, или нѣтъ?

КЛЕАНТИСЪ.

Вверху, однакожъ, своей кручины исполнена, одиночества ищетъ и мнѣ запретила за собою итти.

ЮПИТЕРЪ.

Хотя она заказала, что хочетъ; однакожъ заказъ ея до меня не дойдетъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Кручина его, яко же вижу, скоро премѣнилась.

ПЯТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЛЕАНТИСЪ И СОСИ.

СОСИ.

Что ты говоришь, Клеантисъ, про эту игру теперь? Каково онъ сперва сердитъ былъ!

КЛЕАНТИСЪ.

Естьли бы мы того хотѣли, что намъ надобно, мы бы всѣхъ къ чорту послали; и я вижу, что и въ лутшемъ пути нѣтъ.

СОСИ.

То говорится въ ярости, и мужчинъ тѣхъ очунь ты любишь, и ты бъ сама, право, себѣ въ кручину почитала, когда бъ всѣхъ мужей чортъ прибралъ.

КЛЕАНТИСЪ.

Въ правду, естьли бы о чемъ. . . . . .

СОСИ.

А се они и сами. . . Замолчимъ.

ШЕСТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЮПИТЕРЪ, АЛКМЕНА, КЛЕАНТИСЪ И СОСИ.

ЮПИТЕРЪ.

Хощешь ты меня во отчаяніе привести? О! о! Задержи, милая Алкмена!

АЛКМЕНА.

Съ творцемъ моей грубости невозможно мнѣ пребывати.

ЮПИТЕРЪ.

Азъ молю тя.

АЛКМЕНА.

Отпусти мя.

ЮПИТЕРЪ.

Какже? . . .

АЛКМЕНА.

Отпусти меня, я ти глаголю.

ЮПИТЕРЪ.

Твои слезы подвижутъ мою душу, и твои болѣзни оную сокрушатъ. Поволи, чтобъ мое сердце. . . .

АЛКМЕНА.

Не гоняйся за мною.

ЮПИТЕРЪ.

Камо ты хощешь итти?

АЛКМЕНА.

Тамо, идѣже ты не будеши.

ЮПИТЕРЪ.

Тѣ суть непотребныя рѣчи. Я прилѣпленъ къ твоей красотѣ узломъ самокрѣпкимъ, и невозможно мнѣ на мгновеніе отъ тебя быти розлучену, и я пойду всюду за тобою, Алкмена!

АЛКМЕНА.

А я всюду отъ тебе отбѣгати буду.

ЮПИТЕРЪ.

Сего ради зѣло есмь азъ страшнѣйшій?

АЛКМЕНА.

Болей, нежели возможно сказати, въ моихъ очахъ. Однакожь я тебя вижу, яко престрашного звѣря, жестокаго и яростного, отъ котораго приближеніе есть страховитое, яко нѣкое зло, отъ негоже всюду отбѣгати. Мое сердце терпитъ тебя, видя неимовѣрную страсть, и есть мнѣ то мука, которая къ смерти мя приводитъ. И не вижу я ничего во всей подвселенной пре-

страшнѣе, и ненавистнѣе, и трепетнѣе, что бъ мнѣ несносняе было тебя.

ЮПИТЕРЪ.

Ужли мнѣ довольно, гои! что твои уста глаголютъ!

АЛКМЕНА.

Гораздо болѣе, нежели я глаголю, въ моемъ содержатся сердцы, и чтобъ ему вымолвить, оное болѣзньствуетъ, неумѣющый обрѣсти реченій, къ тому потребныхъ.

ЮПИТЕРЪ.

Ай! Что жь тебѣ сотворилъ мой любовный огнь, яко ты мене презираешь, Алкмена, такимъ престрашнымъ звѣремъ?

АЛКМЕНА.

Ай! Праведное небо! Возможно ли симъ рѣчамъ вопрошенымъ быти, и не могутъ ли онѣ души изъяти?

ЮПИТЕРЪ.

Ай, Алкмена! разумомъ бы болѣе милостившимъ. . . .

АЛКМЕНА.

Ни! я тебе не хощу видѣти и слышати.

ЮПИТЕРЪ.

Есть-ли у тебе сердце со мною такъ сотворити? Та ли есть любовь, вовсе преданная, которая всегда хотѣла пребывати, когда я вчера въ вечеру былъ?

АЛКМЕНА.

Ни! ни! Не то есть нынѣ, что было, и твои поносительныя словеса инако устроили. Нѣсть уже болѣе той любви подда-

ной и страдательной. Ты оную въ моемъ сердцы стами язвами нещадно погубилъ, и осталось въ ея мѣсто ненависть непреклонная, явственное злопамятство, месть неодолѣема, отчаяніе моего сердца праведно, праведно хощетъ тебе ненавидѣти. И за то чувственное безчестіе столько жь,—могу повинитися,—что я тебя любила, столько жь и болѣе скажу, яко я тебя ненавижу!

ЮПИТЕРЪ.

А! Коль мало силы у твоей любви было, когда послѣднее дѣло могло его уморити! Неужели потѣха можетъ учинити такую печаль? И для насмѣшища возможно ли такъ возъяриться?

АЛКМЕНА.

А! то и есть, чѣмъ ты меня прогнѣвилъ и въ чемъ моя грубость не можетъ тя простити: и праведно изреченіе отъ моей ревности, я бы видѣла себя не толь много язвленну. Однакожь въ ревности есть нѣкое изтѣсненіе, которое многажды у насъ силу отъемлетъ, и душа самотихая въ такомъ случаѣ безъ сумнѣнія съ великимъ страданіемъ возвѣщаетъ про свою грубость. Вознесеніе сердца, которое быти можетъ обольщено, имѣетъ, чѣмъ привлещи душу согрубившую, и въ любви, которая даетъ ему зачатіе, обрящетъ онъ противу всей своей силы одолѣніе быти отречено. И въ такомъ же оскудѣніи противу сердца объявленіе всегда оборонятися имѣютъ то, что ихъ отраждаетъ, и дается милость легко тѣмъ, которыми мы не владѣемъ. Однакожь, что отъ радости сердца пойдетъ къ послѣдней ярости и безъ вины, пришедъ, съ толикою нещадностію изъязвити любовную слабость и честь отъ сердца, которое гораздо насъ любитъ,—а! то есть нещадное дѣло въ себѣ, и которое болѣзни моего сердца въ вѣкъ не забудетъ.

ЮПИТЕРЪ.

Правду глаголеши, Алкмена. Подобаетъ предатися: сіе дѣяніе, безсумнительно, есть преступленіе ненавистное. Я не хощу

вящши боронитися, токмо даждь моему сердцу явитися твоимъ очесемъ и даждь твоему сердцу совокупитися съ моимъ. Тѣ неподобныя рѣчи, которыми ты мене оглашаешь. Я ти скажу правду: твой мужъ, Алкмена, все то зло сотвори и мужа тебѣ достойно виннымъ почитати; а любитель безвиненъ такому нещадному дѣлу, и тебѣ досадити его сердцу невозможно: онъ имѣетъ про тебе во своемъ сердцы вѣчное воспоминаніе, и много чести, и любовного подданія. И токмо онъ ничѣмъ могъ изъязвити тебя, онъ имѣлъ винное безсильство, стами ранами при твоихъ очахъ я бы его изъязвилъ. И то есть мужъ, который вышелъ изъ той подданной должности, которую онъ достоинъ всегда имѣти; по своему жестокому поступленію мужъ себя объявилъ и для совокупительства помышляетъ вся ему поволена. И онъ есть безъ сумнѣнія виновенъ въ тебѣ. Онъ единъ жестоко принималъ твою любимую красоту: не люби и ненавиди мужа. Я не стану вопрошати, хотя его и оставишь; однако жь, Алкмена, свободи своего любителя отъ такой немилости, что такое поврежденіе тебѣ учинила; не вверзи на него оскудѣніе, разлучи его съ виноватымъ и, будущи онъ праведенъ, не дай [1]) ему страдати за несотворшее дѣло.

АЛКМЕНА.

А! Всѣ тѣ высокія рѣчи не имѣютъ кромѣ отговору непостоянного, и разуму прогнѣвленному сія словеса не въ пору суть и такія посмѣятельныя окрествія туне ты пріемлешь. И у меня нѣсть премѣненія въ томъ, кто мнѣ согрубилъ, и все, въ немъ сущее, является моей ненависти, и въ ея праведномъ насилованіи суть обличены и любитель, и мужъ: оба на одну стать владаютъ моими думами и однѣмъ цвѣтомъ моею уязвленою душею оба суть изображены очамъ моимъ, оба виноваты, оба мнѣ согрубили, и оба мнѣ суть ненавистны.

---

[1]) Слова: *на него—страдати* приписаны съ боку другою рукою.

ЮПИТЕРЪ.

Добро жь; когда ты такъ изволишь, я на себя вину возложу. И ты праведна еси, когда мене обличаешь и твоему воспоминанію мя виннымъ нарицаешь, и праведна немилость твоя обрѣтаетъ мя и всю ту нещадность не даешъ мнѣ кромѣ великого терпѣнія непрестаннаго. Тому я не удивляюся, что мое пришествіе тебе отгоняетъ, и что отъ меня всегда отбѣгати твоя немилость мнѣ грозитъ. И возможно мнѣ быть тебѣ ненавистну и возможно тебѣ дослати на меня всякія безчастія; и нѣсть во вселенной страсти, которой себѣ не ожидаю, о томъ, что согрубилъ твоимъ благопріятнымъ очамъ. Сіе преступленіе можетъ уязвити не токмо людей, но и боговъ, и я достоинъ есмь наказаніемъ принимати твою немилость, и нещадность, и всякія страсти. Однакожь мое сердце еще умоляетъ пощады. И дабы мнѣ того умолити, я предъ тобою на колѣна припаду и прошу у тебе, имени ради самаго живущаго огня и самой подданой любви, которыми душа можетъ горѣти тебе ради. Токмо твое сердце, благообразнѣйша Алкмена, мнѣ откажетъ твою милость, куды жь мнѣ приклонитися,—и надобно мнѣ искати скончанія скораго и меня отъ тебя оторвати погубленіемъ самого себе. О жестокія страданія моихъ мукъ, которыхъ мнѣ невозможно болей терпѣти! Сіе введетъ мя во отчаяніе. Не мни того, Алкмена, что, любя, яко я творю, твою небесную красоту, мнѣ возможно жити одинъ часъ въ твоей немилости. И такъ уже отъ сего часа грубостная долгота чинитъ, въ смертныхъ угашеніяхъ, покореніе всего моего печальнаго сердца; отъ диранія тысящи орловъ нещадныя язвы не могутъ примѣнитися къ моей болѣзни. Алкмена! не можешь ты объявити, есть ли прощеніе и мнѣ отчаятися: сія шпага тотчасъ язвою пріятною пронзетъ предъ твоими очесы сердце безчастное того ради, что могло согрубити умоленной красотѣ. Счастливъ спущатися въ геенскую тьму, токмо моя смерть твое сердце утѣшитъ и не оставитъ по сицевыхъ печальныхъ дняхъ больши у тебя ненависти,

въ воспоминаніе моей любви. Все то, чего отъ тебе ожидаю въ послѣднее пріятство.

АЛКМЕНА.

Ай! зѣло нещадный мужъ!

ЮПИТЕРЪ.

Скажи, Алкмена!....

АЛКМЕНА.

Еще мнѣ про тебя сохранити добродѣтель послѣ того, какъ ты недостойно оглашалъ мя?

ЮПИТЕРЪ.

Какое невоспоминаніе досады! Что безчестное слово намъ оздаетъ, можетъ ли то содержатися противъ сердца, любовью зажженнаго?

АЛКМЕНА.

Сердце, любве исполненное, лутши всякимъ смертямъ предается, нежели ему согрубити тому, кого любитъ.

ЮПИТЕРЪ.

Пущши кто любитъ кого, меньши тотъ имѣетъ страданія.

АЛКМЕНА.

Нѣтъ! Не говори мнѣ больши: ты достоинъ еси моему непріятству.

ЮПИТЕРЪ.

Ты уже не любишь мене болей?

АЛКМЕНА.

Я говорю то, сколько мнѣ есть возможно; и я вижу съ грубостію, что то, чѣмъ ты мнѣ досадилъ, не можетъ отъ моего сердца отомщено быти.

ЮПИТЕРЪ.

Къ чему жь такое насильство, когда я для твоего отомщенія смерть тебѣ свою вручаю? Прикажи мнѣ погубитися, я тебя не ослушаюсь.

АЛКМЕНА.

Кто не можетъ не любити, можетъ ли тотъ хотѣти, чтобъ за него кто умеръ?

ЮПИТЕРЪ.

А я не могу жити, дондеже не оставишь своего непріятства ко мнѣ и доколѣ ты мнѣ не обѣщаешь пріятного прощенія, которого я, лежа у твоихъ ногъ, прошу. Избери себѣ изъ двухъ едино: либо мя простити, либо смерти предати.

АЛКМЕНА.

На чемъ мнѣ возможно постановити, объявляется болей, нежели я желаю. Дабы содержать то злопамятство, даное мнѣ, мое сердце познало измѣнити мя. И когда речется, что болѣе нѣсть ненависти, не речеся ли то, яко азъ прощу.

ЮПИТЕРЪ.

Ай, милая Алкмена! Нынѣ исполненому радости....

АЛКМЕНА.

Остави, я себѣ хощу зла для моего безсильства.

ЮПИТЕРЪ.

Поди, Соси, поспѣшай и, доколѣ я любовную радость имѣю со Алкменою, взыщи чиноначальниковъ нашего полку и воззови ихъ ко мнѣ обѣдати. Дондеже я его отсуду оттоню, Меркурій воспріиметъ его мѣсто.

СЕДЬМОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЛЕАНТИСЪ И СОСИ.

СОСИ.

Нынѣ ты видишъ, Клеантисъ, какое сіе житіе есть. Хощешь ли ты имъ уподобитися и между нами также немного примиритися и паки нѣкую малую дружбу? . . . .

КЛЕАНТИСЪ.

То есть для твоего носа, въ правду, такъ то миръ и чинится.

СОСИ.

А что ты не хочешь?

КЛЕАНТИСЪ.

Нѣтъ! не хочу.

СОСИ.

А мнѣ даромъ: тебѣ же хуже.

КЛЕАНТИСЪ.

Ну! ну! пріиди назадъ.

СОСИ.

Нѣтъ! Теперь я не хочу, и я хочу быть сердитъ: ты сперва сердита была.

КЛЕАНТИСЪ.

Поди, поди, измѣнникъ! Не замай же меня, тепере: и я уже устала честная жена быти.

Конецъ второй части.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПЕРВАГО ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АНѲИТРІОНЪ.

Такъ, безъ сумнѣнія, что случай нарочно мнѣ закрываетъ, и я уже утомился отъ всей той смуты, которую я вижу. И нѣсть престрашно дѣянія, яко я помышляю. Однакожъ не могу я обрѣсти, какъ ни ищу, того, кого я намѣрилъ искати. И я все то обрѣтаю, что не [1]) сыскиваю: многіе мнѣ докучники, которые не помышляютъ мнѣ надокучити, не знающе меня, розказываютъ мнѣ то, что учинилось, и радуются тому, дабы мене возненстовити въ той смутѣ нещадной. Отъ печали, которая мене уязвляетъ, отъ ихъ обиманія и отъ ихъ радости на мою кручину все мнѣ тяжело; и напрасно я ищу лишитися ихъ собесѣдованія: ихъ великая дружба задерживаетъ меня со всѣхъ странъ. И тогда, когда на ихъ дружбу я отвѣщаю главнымъ помааніемъ, я имъ даю больши ста клятвъ. А! коль мало меня ласкаетъ слава чести моей и все то, что мнѣ ни даетъ веліе одолѣніе, когда душа страждетъ явственную болѣзнь! Я бъ отдалъ славу свою самовольно, токмо бъ сердце упокойно было. Моя ревность на всякій часъ объявляетъ мнѣ мое безчастіе и больши мой разумъ ищетъ вѣдати, меньши же я могу изъ смущенія освободитися. Кража моихъ алмазовъ не столь мнѣ удивительна и возможно печать поднять, яко никто не познаетъ, токмо то, что будто я самъ ихъ вчера отдалъ,—сіе мнѣ разумъ мой воз-

[1]) Въ рукописи: *ни.*

мущаетъ. Природа то творитъ, яко другъ на друга походитъ, и тѣмъ нѣкоторой прелестникъ користовался; однакожь невозможно въ душу войтить, дабы на ту стать возможно было мужнее имя воспріяти, и во всемъ дѣяніи много у насъ разньства, почему женѣ мужа прямого познати возможно. Красоту Тесалину всегда мнѣ похваляютъ и чудеса повѣдаютъ; однакожь славные розказы, которые всюды чинятся, моимъ разумомъ въ глупость бы вмѣнялися; и того бы случая удивительная жесточь была, когда бы, исшедши съ польнаго одолѣнія, я бъ принужденъ могъ быти вѣровати съ погубленіемъ своей же чести. Я хощу еще розспросить про ту безславную тайну и посмотрю, не тщетный ли какой сонъ который надъ ея помраченнымъ разумомъ верхъ взялъ. О! когда бъ небо тѣмъ благословило, чтобъ мои думы праведны были и ради бъ моей чести разумъ свой погубила.

ВТОРОЕ ОБЪЯЛЕНІЕ.

МЕРКУРІЙ И АНѲИТРІОНЪ.

МЕРКУРІЙ.

Яко любовь мнѣ здѣ никакой не творитъ радости, я себѣ учиню самъ радость и стану утѣшать свою сановитую тщету и выведу Анѳитріона изъ разума. Хотя не пристанетъ богу толь милостиву, какъ я, однакожь я того не спрашиваю и чувствую, что моя планита немного приводитъ мене къ злу.

АНѲИТРІОНЪ.

Чего ради сего часа тѣ врата затворяютъ?

МЕРКУРІЙ.

Ге! ге! Тише! Кто тамъ такъ стучится?

АНѲИТРІОНЪ.

Я.

МЕРКУРІЙ.

Кто я?

АНѲИТРІОНЪ.

Ей! отвори.

МЕРКУРІЙ.

Какъ отвори? И кто еси ты, который толь много самовольствуетъ, мнѣ толь смѣло говорить? . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Какже? не знаешь ты меня?

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ, не знаю и не хощу знати.

АНѲИТРІОНЪ.

Всѣ ли люди разума лишилися, или нѣкая болѣзнь на нихъ напала! Соси! Оля, Соси!

МЕРКУРІЙ.

Да что жь будетъ? Соси то есть мое имя; или ты боишься что я оное позабуду?

АНѲИТРІОНЪ.

Видишь ли ты меня?

МЕРКУРІЙ.

Вижу. Лишь кто тебѣ волю даетъ храбровати и чего ты внизу хощешъ, или спрашиваешъ? . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Что я спрашиваю? Ай, злодѣй!

МЕРКУРІЙ.

Чего жь ты ради не спрашиваешъ? Говори, когда ты хощешъ, чтобъ я слушалъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Пожди, измѣнникъ! Ужо я вверхъ прійду и батогомъ научу тебя слушати и научу тебя ко мнѣ на ту стать говорити.

МЕРКУРІЙ.

Потише: только ты болей станешъ стучаться, я къ тебѣ сошлю худого внизъ гонца.

АНѲИТРІОНЪ.

Праведное небо! Кто отъ вѣка видалъ такую злобу и возможно ли терпѣть отъ раба і кощуна?

МЕРКУРІЙ.

И что же будетъ? Ужли ты меня всего разсмотрилъ? Ужли ты глазищами своими прямо видѣлъ? Ой! Какъ ты сердитуешь и какъ ты являешься вспыльчивъ! Естьли бы возможно было взглядомъ укусити, ты бъ меня ростерзалъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Я самъ дрожу, когда подумаю на то, что ты себѣ уготовляешъ своими невѣжливыми рѣчьми, какъ ты взводишъ на себя страшное ненастье и какъ несчетно ударовъ на твою спину упадутъ!

МЕРКУРІЙ.

Друже! токмо отсюды ты прочь не пойдешъ, и ты можешъ то добыть, чѣмъ мнѣ грозишъ!

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! ты познаешъ, злодѣй, въ твоей смутѣ, что сіе есть, какъ рабъ на господина своего найдетъ.

МЕРКУРІЙ.

Ты мой господинъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Да, я твой господинъ. Воръ! собака! смѣешъ ли ты меня не узнать.

МЕРКУРІЙ.

Я, развѣ Анѳитріона, господина себѣ не знаю.

АНѲИТРІОНЪ.

Какой же Анѳитріонъ можетъ кромѣ меня быти?

МИРКУРІЙ.

Анѳитріонъ? . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Безъ сумнѣнія. . . .

МЕРКУРІЙ.

Ай, какое привидѣніе! Скажи намъ немного: гдѣ та честная корчемница, идѣже ты мозгъ свой загрѣлъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ? еще?

МЕРКУРІЙ.

Возможно ли тѣмъ виномъ праздновати?

АНѲИТРІОНЪ.

Боже мой!

МЕРКУРІЙ.

Старое ли, или новое вино было?

АНѲИТРІОНЪ.

Что жь я терплю?

МЕРКУРІЙ.

Новое то въ голову вступаетъ, когда оное безъ воды піешъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! я тебѣ вырву языкъ безъ сумнѣнія.

МЕРКУРІЙ.

Полно же, мой милый друже! Повѣрь мнѣ, доколѣ никто насъ не слышитъ: я вѣдь вино то въ тебѣ почитаю. Поди отселѣ прочь и дай Анѳитріону радость свою покойно исполняти.

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ? Анѳитріонъ здѣ?

МЕРКУРІЙ.

Здѣ; послѣ великой чести, что одолѣніе ему воздало, онъ теперь у прекрасной Алкмены имѣетъ сладость и любительный розговоръ; и послѣ того спору, который у нихъ былъ, онъ теперь имѣетъ радости и любовный миръ. Брегися ты, чтобъ тебѣ не препяти ихъ тихой и любовной сладости, когда ты не хощешъ, дабы онъ тебѣ наказаніе далъ за твое невѣжество.

ТРЕТЬЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! какое дивное дѣло онъ мнѣ въ душу положилъ и какую нещадную смуту онъ мнѣ въ разумъ далъ! И токмо то правда есть, что сей измѣнникъ говоритъ, къ чему жь уже я вижу приведену честь и мой огнь? И къ чему мнѣ прибѣгнути? Въ молчаніи ли соблюсти или всюду разнести? Все-ли мнѣ въ печальномъ сердцы моемъ содержати или разгласити? Безчестіе родословія моего могло ли мнѣ такую досаду учинити? Я ничего не боюся и не опасаюся, и все мое изволеніе хощетъ исполнити отомщенія.

ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СОСИ, НАУКРАТЪ, ПОЛИДАСЪ И АНѲИТРІОНЪ.

СОСИ.

Государь мой! симъ моимъ трудомъ все то, что могу творить, сирѣчь я тебѣ привелъ сихъ господъ [1]).

АНѲИТРІОНЪ.

А! а! здѣ ты.

СОСИ.

Государь.

АНѲИТРІОНЪ.

Злодѣй! Песъ!

СОСИ.

Что-же?

---

[1]) Въ рук.: *госпожъ*, какъ и ниже.

АНѲИТРІОНЪ.

Я научу тебя такъ оглашать .....

СОСИ.

Что-жь сіе есть и что тебѣ доспѣлось?

АНѲИТРІОНЪ.

Что мнѣ доспѣлось, плачевной?

СОСИ.

Ай! государи! пріидите скорѣе и пособите.

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! пожалуй, покинь.

СОСИ.

Чѣмъ-же я виноватъ?

АНѲИТРІОНЪ.

Ты меня еще спрашиваешь, злодѣй? Дай мнѣ удовольствовати свою праведную грубость.

СОСИ.

Когда кого повѣсятъ, и ему скажутъ про что.

НАУКРАТЪ.

Скажи намъ, пожалуй, что есть его преступленіе?

СОСИ.

Стойте, государи, за меня, естьли изволите.

АНѲИТРІОНЪ.

Какъ-онъ ту смѣлость имѣлъ ворота мои предо мною затворити и къ тому прибавити грозы и многія невѣжливыя словеса? Ай, собака!

СОСИ.

Я уже мертвъ . . . .

НАУКРАТЪ.

Утоли свое сердце . . . .

СОСИ.

Господари! . .

ПОЛИДАСЪ.

Что-жь сіе есть? . . .

СОСИ.

Ударилъ ли онъ меня?

АНѲИТРІОНЪ.

Нѣтъ! Надобно ему за тѣ словеса заплатити, которыя онъ мнѣ смѣлъ говорити.

СОСИ.

Какже мнѣ возможно было что говорити, когда по твоему приказу я дома не былъ? И тѣ госпожы со мною тожь скажутъ, что я ихъ звалъ обѣдать къ тебѣ.

НАУКРАТЪ.

То правда есть, что онъ намъ то сказалъ и не захотѣлъ отъ насъ ни пяди отстать.

АНѲИТРІОНЪ.

Кто тебѣ то приказалъ?

СОСИ.

Ты самъ. . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

А когда-жь? . . . .

СОСИ.

Послѣ вашего учиненаго миру и посредѣ удовольствованія твоей душѣ, когда ты утолилъ грубость Алкмены.

АНѲИТРІОНЪ.

Праведное небо! На всякій часъ и ступень, которую я учиню, прибываетъ что ни есть къ моей жестокой мукѣ, и въ такой нещадной смутѣ я не знаю, чему вѣрити и что говорити.

НАУКРАТЪ.

Все то, что онъ про васъ розказалъ, превосходитъ толь много природу, что прежде надобно было тѣмъ въ правду извѣститися, нежели что начати.

АНѲИТРІОНЪ.

Пойдемъ. Вы могите обнадежити мое намѣреніе и знатно, что небо васъ во время привело сюды. Узримъ, какова жь счастія мнѣ сегодня ожидати. Розтолкуемъ сію тайну и узнаемъ, какой сей есть случай. Ай! Я розжигаюся увѣдати то, чего я боюся пущши смерти.

ПЯТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЮПИТЕРЪ, АНѲИТРІОНЪ, НАУКРАТЪ, ПОЛИДАСЪ, СОСИ.

ЮПИТЕРЪ.

Какой здоръ принуждаетъ мя сойти? И кто смѣетъ стучатися, яко господинъ, гдѣ я есмь?

АНѲИТРІОНЪ.

Что-жь я вижу, праведное небо?

НАУКРАТЪ.

Боже! что-жь это за диво? Какъ два Анѳитріона намъ здѣ объявляются?

АНѲИТРІОНЪ.

Моя душа остается безтрепетна. Ай! ай! Я не могу болей, и случай скончался; уже мое же предпоставленіе уже объявилось, и то, что я вижу, мнѣ все скажетъ.

НАУКРАТЕСЪ.

Больши же я на обеихъ ихъ взираю, и больши же я вижу, что онѣ другъ на друга ноходятъ.

СОСИ.

Государи мои! вотъ сей прямой, а сей прелестникъ и достоинъ наказанія.

ПОЛИДАСЪ.

Въ правду сіе удивительное подобообразіе разумъ во мнѣ смущаетъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Очунь долго терплю оманъ злодѣйскій, и надобно симъ желѣзомъ запретити волшебство.

НАУКРАТЕСЪ.

Задержи.

АНѲИТРІОНЪ.

Пусти меня!

НАУКРАТЕСЪ.

Боже мой! Что жь ты хощешь дѣлати?

АНѲИТРІОНЪ.

Я хощу наказаніе дать прелестника худой измѣнѣ.

ЮПИТЕРЪ.

Потихоньку, и твоя вспышка намъ здѣся не нужна. И когда кто такъ сердитуетъ, какъ ты теперь, тотъ даетъ думати, что ево неправда есть.

СОСИ.

То такъ: сіе есть волхвъ, который носитъ заговоры, что можетъ походити на господина дворового.

АНѲИТРІОНЪ.

Я тебѣ про твою часть дамъ чувствовати тысячу ударовъ за твои невѣжливы слова.

СОСИ.

Мой господинъ имѣетъ сердце и не дастъ своихъ людей бити.

АНѲИТРІОНЪ.

Дай мнѣ себя потѣшити въ моей послѣдней грубости и мое безчестіе кровію омывати окаянника.

НАУКРАТЕСЪ.

Мы не станемъ терпѣть таковаго удивительного бою отъ Анѳитріона противу себя.

АНѲИТРІОНЪ.

Какже моя честь отъ васъ пріемлетъ такое ожесточеніе, и мои друзія стоятъ за прелестника? Чѣмъ имъ было первымъ за то отомщеніе мое, онѣ жь сами не запрещаютъ объявити свою грубость.

НАУКРАТЕСЪ.

Что-жь ты хочешь, дабы мы учинили? Когда мы видимъ два Анѳитріона, все наше сердце остается въ превѣсъ и, чтобъ тебѣ показать сегоднешнее наше послушаніе, мы боимся себя омануть и тобою опознаться. Мы видимъ въ тебѣ Анѳитріона и спасеніе Тебаномъ, славный содержитель; и въ немъ мы тожь видимъ, и невозможно намъ знать, которой можетъ прямой быти. Про насъ тебѣ невозможно сумнѣватися, и прелестникъ отъ нашихъ рукъ можетъ земли пожрати; однакожь подобообразіе намъ покрываетъ между вами, и то бъ было очунь смѣло скончати то, что намъ невѣдомо. Дай намъ исподоволь распознати, съ которой страны можетъ быти оманъ, и, когда мы узнаемъ всю правду, не надобно намъ сказати, что есть наша должность.

ЮПИТЕРЪ.

Да, такъ; вы правду говорите и сіе подобообразіе вамъ можетъ отъ двухъ насъ сумнѣніе дати; и я не сердитую, видя васъ на превѣсу: я болей есмь слышателенъ и знаю васъ отрещи. Око не можетъ въ насъ учинити разньства, и я вижу, что легко возможно себя обольстити. Вы не видите, что я сердце показую и что шпагу въ руки беру, и то есть худой знакъ, и я могу сыскати который тише и праведнѣе. Одинъ изъ насъ есть [1]) Анѳитріонъ, хотя мы оба вашимъ очамъ показуемся. И я нынѣ скончаю сію смуту и я дамъ себя всѣмъ такъ знати, что

[1]) Въ рук.: *еси*.

онъ самъ повинится, изъ какой крови воплотился и зародился, и я болей ничего не молвлю. Лишь токмо въ очахъ всѣхъ Тебановъ я хощу съ вами отъ сущей правды объявити знакъ, и сіе дѣло, безъ сумнѣнія, есть не малое дѣло, что всему народу предъ очи объявити. Алкмена ожидаетъ отъ меня того явственнаго свидѣтельства: честь ея имѣетъ печаль всея смуты и хощетъ, чтобъ ее оправдали. И я то дѣло возьму на себя и къ чему любовь мя принуждаетъ, и самовыборныхъ начальниковъ велѣлъ я вмѣстѣ созвати, чтобъ лутши объявити славу, которая ей нужна. И ожидающи съ вами тѣхъ свидѣтелей, я васъ молю: пріидите, почтите нашъ столъ, къ которому Соси васъ звалъ.

СОСИ.

Я вѣдь себя не оманывалъ, государи мои, и это слово всѣмъ намъ покажетъ, что есть праведно, и прямой Анѳитріонъ есть—у кого обѣдъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Ой, боже! Возможно ли мнѣ себя видѣти болей унижена? Какъ возможно мнѣ здѣ слышати, страданія моего ради, все то, что прелестникъ въ очи мнѣ говоритъ? И что въ моей ярости, которую сіе словеса мнѣ даютъ, еще руки мнѣ удерживаетъ?

НАУКРАТЕСЪ.

Туне ты жалуешься. Поволь намъ ожидати явленія, обѣщанного намъ: невозможно мнѣ вѣдать, правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ; однакожь мнѣ кажется, что правду говоритъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Подите, безсильные друзія, и ласкайте прелестника. Теба имѣетъ про меня и иныхъ, кромѣ васъ, и я такихъ найду, которые станутъ дѣлити со мною безсчастіе мое и которые пособятъ мнѣ мою досаду отомстити.

ЮПИТЕРЪ.

Добро жь, я ихъ буду дожидаться и знать буду уступити разньство въ ихъ присутствіи.

АНѲИТРІОНЪ.

Прелестниче! ты думаешь тѣмъ отговоритися; однако жь ничто тебя не бережетъ отъ моего мщенія.

ЮПИТЕРЪ.

На такія бранныя словеса не думаю я теперь отвѣщати; однако жь послѣ узнаю укорити ярость твою двѣма словесы.

АНѲИТРІОНЪ.

И самое небо не будетъ мочи тебя оберегати! И хотя въ геенну я пойду тебя искати!

ЮПИТЕРЪ.

Не потребно то будетъ, и всѣ то увидятъ, что я не стану убѣгать.

АНѲИТРІОНЪ.

Пойдемъ, побѣжимъ и, доколѣ онъ съ ними не выйдетъ, соберемъ всѣхъ своихъ друзей, которые за меня станутъ, и пріидемъ въ домъ ко мнѣ насильно, чтобъ мнѣ тысящію язвъ уязвити.

ЮПИТЕРЪ.

Я васъ молю, пойдемъ скорѣе во дворъ безъ чиновъ.

НАУКРАТЕСЪ.

Въ правду, всѣ тѣ случаи уничижаютъ думы и разумъ.

СОСИ.

Оставьте, государи, все ваше удивленіе и наполнитеся радостію, подите и сидите за столомъ до заутріа. Какъ я себя стану удовольствовати, и радоватися, и розказывати про свое мужество! Я уже розжигаюся братися, и вѣкъ мнѣ такъ ѣсть не хотѣлось, какъ нынѣ.

ШЕСТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МЕРКУРІЙ ДА СОСИ.

МЕРКУРІЙ.

Стой тутъ! Какъ ты здѣсь смѣешь пріити и твой носъ всунути, потиралка [1]) поваренна?

СОСИ.

Ай! пожалуй же, потише.

МЕРКУРІЙ.

Ай! ты опять пришелъ? Ужо я тебѣ кости въ хребтѣ поправлю.

СОСИ.

Ой, мочный и славолюбный я! уймися, я тебя молю. Соси! пощади Соси, и не имѣй въ томъ радости самому себя бити.

МЕРКУРІЙ.

Кто тебѣ далъ волю тѣмъ именемъ себя называти? Не наказалъ ли я тебѣ съ грозою батоговъ?..

---

[1]) Съ боку: *тряпица.*

СОСИ.

Сіе имя намъ обоимъ возможно имѣти подъ однѣмъ господиномъ; и всѣ люди Сосіемъ меня познаваютъ, и я терплю, что ты еси Соси, терпи и ты такожде, чтобъ я могъ быти. Пущай два Анеитріона въ ревности и въ недружбѣ пребываютъ; учинимъ, чтобъ два Соси въ мирѣ жили.

. . . . [1])

СОСИ.

Я тебѣ всегда передомъ дамъ итить, и всегда ты можешъ надо мною верхнее мѣсто взяти; ты будешъ большой, а я буду меньшой.

МЕРКУРІЙ.

Такой мнѣ братъ безъупокойный не по душѣ; я хочу одинъ быти.

СОСИ.

О сердце варварское и нещадное! Дай же мнѣ хотя стѣнію своею быти.

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ! ничѣмъ не хочу.

СОСИ.

О коль мало пощады душа твоя имѣетъ! Въ такомъ чину терпи меня при себѣ всюды: я тебѣ буду такая сѣнь униженная, что будешъ мною доволенъ.

---

[1]) Въ рукописи пропускъ. Въ подлинникѣ:

MERCURE.

Non, c'est assez d'un seul: et je suis obstiné
A ne point souffrir de partage.

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ! недвижимъ мой есть указъ и, естьли ты смѣешь въ сей дворъ войти, тысячу ударовъ батожныхъ залѣзешь.

СОСИ.

Ой! ой! Къ какой немилости ты, бѣдный Соси, принужденъ еси!

МЕРКУРІЙ.

Какъ твои уста смѣютъ тебѣ то имя дати, что̀ я заказалъ?

СОСИ.

Нѣтъ! Я не про себя думаю, я говорю про нѣкоего старого Соси, который былъ мнѣ сродникъ, которого съ великою нещадою въ обѣдное время отсуду отогнали.

МЕРКУРІЙ.

Берегись ты такихъ рѣчей, естьли хочешь быти въ щотѣ живыхъ.

СОСИ (*потише себѣ говоритъ*).

Ой! какъ бы я тебя билъ, естьли бъ сердце у меня было, двойной б. . . нинъ сынъ и зѣло гордый и надутый!

МЕРКУРІЙ.

Что ты говоришъ? . . .

СОСИ.

Ничево. . . .

МЕРКУРІЙ.

Мнѣ кажется, что ты нѣкоторыя рѣчи держишъ?

СОСИ.

Спрошай, я право не дохнулъ.

МЕРКУРІЙ.

Нѣкоторое слово, что на б. . .ина сына походило, однако жь мнѣ въ ухо дошло, и то есть правда.

СОСИ.

Развѣ нѣкоего папугая доброе погодіе взбудило?

МЕРКУРІЙ.

Прости; и какъ у тебя хребетъ засвербитъ, пріиди сюды: я здѣ живу.

СОСИ.

Ой, боже! Какъ часъ, въ который бы ѣсть, отъ брашна отринуту быти, и тотъ проклятый есть часъ! Пошли и отставимъ свою кручину, и пойдемъ сегодня за слѣпымъ привидѣніемъ, и праведнымъ совокупленіемъ сведемъ безсчастнаго Соси съ безчастнымъ Анѳитріономъ. Я вижу, что онъ идетъ съ нѣкоторыми друзіями.

СЕДЬМОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АНѲИТРІОНЪ, АРГАТИѲОНТИДАСЪ, ПОСѴКЛЕСЪ.

АНѲИТРІОНЪ.

Останьтесь немного здѣ и подите за мною издалека; и не ходите всѣ, я васъ молю, дондеже пора будетъ.

ПОСѴКЛЕСЪ.

Я думаю, что сей случай больно сердцу твоему согрубитъ.

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! я имѣю со всѣхъ странъ смертныя болѣзни и я терплю, любве ради, токмо жь для своей чести.

ПОСУКЛЕСЪ.

Когда сіе подобіе есть таково, какъ говорятъ, Алкмена можетъ быти безъ вины.

АНѲИТРІОНЪ.

Ай! на такое дѣло самыя помышленія бываютъ обвинены, безъ поволенія безвинство исчезаетъ. И такое преступленіе досадитъ самонѣжному мѣсту, и, правда, многажды прощаетъ любовь, и честь вѣкъ не проститъ.

АРГАТИѲОНТИДАСЪ.

Я своя помышленія здѣ не хочу вмѣщати. Однако жь, государь, отъ такова безстыднаго дѣла душа моя уязвляется, и что добрые люди вѣкъ не попустятъ. Какъ кто намъ что прикажетъ, надобно главу склонити и его честь соблюсти. Аргатиѳонтидасъ нейдетъ къ уговору, слушать отъ друга противной рѣчи, и то дѣло не честного человѣка. И нынѣ надобно намъ слушать кромѣ отомщенія и судъ не можетъ мнѣ доволенъ быти, и не надобно иного почину начинати: безъ всякаго уговору надобно шпагою прелестниково тѣло пробости. И самъ узришъ, что учинимъ, и какъ Аргатиѳонтидасъ прямо пойдетъ по сему приговору, токмо то мнѣ обѣщай, что тотъ прелестникъ не умретъ отъ иной руки, кромѣ моей.

АНѲИТРІОНЪ.

Пойдемъ. . . .

СОСИ.

Я пришелъ, государь, себя унижати къ твоимъ ногамъ и достоинъ я указу за свою глупость. Брани меня, тазай меня, бей меня, корчь меня, умножи мнѣ ударовъ, умори меня въ своей грубости,—ты прямо учинишь: я достоинъ, я не стану болей говорити ни единого слова противъ тебя.

АНѲИТРІОНЪ.

Встань. Что здѣ дѣлаютъ?

СОСИ.

Меня здѣ выгнали. Я думалъ ѣсть и веселиться также, что и онѣ; а я не думалъ въ правду, что я себя здѣ дожидался меня бити. Да, другой я, слуга другова тебя, учинилъ вновь діявольскую игру. Жесточь намъ, государь, одинъ таланъ показуетъ, и также насъ два Соси стало, какъ васъ два Анѳитріона.

АНѲИТРІОНЪ.

Поди за мною.

СОСИ.

Не лутши ли мнѣ глядѣти, не идетъ ли кто?

ВОСЬМОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЛЕАНТИСЪ, НАУКРАТЪ, ПОЛѴДАСЪ, СОСИ, АНѲИТРІОНЪ, АРГАТИѲОНТИДАСЪ И ПОСИКЛЕСЪ.

КЛЕАНТИСЪ.

Ой, боже! . . . .

АНѲИТРІОНЪ.

Чего ты пужаешься и какую страсть я тебѣ даю?

КЛЕАНТИСЪ.

Какъ ты еси вверху, а я тебя вижу здѣ?

НАУКРАТЪ.

Не торопись. Се онъ здѣсь и объявитъ и всю правду желаемую и которой, — естьли, что говорилъ, возможно вѣрити намъ,—покажетъ все, отчего сія смута учинилася.

ДЕВЯТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МЕРКУРІЙ, КЛЕАНТИСЪ, НАУКРАТЪ, ПОЛУДАСЪ, СОСИ, АНѲИТРІОНЪ, АРГАТИѲОНТИДАСЪ И ПОСИКЛЕСЪ.

МЕРКУРІЙ.

Вотъ вскорѣ теперь увидите; токмо знайте прежде, что сіе всѣмъ богамъ господинъ принялъ образъ Анѳитріоновъ и для Алкмены съ неба сошелъ на сіе мѣсто. А я Меркурій есмь: не знающи, чѣмъ забавиться, побилъ того немного, чей образъ принялъ; а теперь можетъ онъ тѣмъ похвалиться и въ честь себѣ почитать, что богъ батогомъ билъ его.

СОСИ.

Право, государь мой богъ, я есмь твой слуга, и я хотя бъ безъ такой чести и безъ твоей милости пребывалъ.

МЕРКУРІЙ.

Теперь я ему дамъ волю Сосіемъ быти, и я усталъ таковъ дуренъ имѣти образъ. Я паки пойду на небо и амврозіею очищуся. *(Меркурій полетѣлъ на небо).*

СОСИ.

Не дай тебѣ небо вѣкъ охоты приближатися ко мнѣ, и твоя ярость зѣло раздражена на меня: я вѣкъ не видалъ такова бога, который бы пущшый бѣсъ былъ, что ты.

ДЕСЯТОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЮПИТЕРЪ, КЛЕАНТИСЪ, НАУКРАТЕСЪ, ПОЛИДАСЪ, СОСИ, АНѲИТРІОНЪ, АРГАТИѲОНТИДАСЪ И ПОСИКЛЕСЪ.

ЮПИТЕРЪ *(во облацехъ).*

Узри, Анѳитріонъ, кто есть твой прелестникъ и въ своемъ ты образѣ Юпитера видишь, и по тому можешь знати; мнѣ мнит-

ся, что полно того все вкратцѣ на яву поставити, и теперь я хощу между вами паки миръ и любовь постановити. Мое имя, которому непрестанно вся вселенная покоряется, можетъ утишити поношеніе, которое могло пронестися; и дѣло съ Юпитеромъ не можетъ безчестія принести, и безопасно мочно тебѣ въ честь почитати, видящи себя соревнителя со всемогущимъ богомъ. Я не могу видѣти, чтобъ тебѣ возможно ради того роптати, и мнѣ возможно самому, будущи богомъ, какъ я есмь, тѣмъ ревниву быти. Алкмена вся твоя и ничто васъ не розлучитъ; и мочно тебѣ нынѣ лутши еще любити, видящи, что про иного, кромѣ тебя, у ней любви нѣтъ, иного мужа имѣти не хощетъ. Юпитеръ, видящи ея постоянство и безсмертную славу, не возмогъ ее укорити, кромѣ твоего образа, и то, что я имѣлъ отъ нея, любезное сердце кромѣ тебя никого не ударяло.

СОСИ.

Государь! Юпитеръ знаетъ позолачивати пилюли.

ЮПИТЕРЪ.

Оставь всю кручину, что твое сердце имѣетъ, и отдайся паки любви, которая тебя призываетъ. Отъ тебя зародится сынъ, емуже будетъ имя Геркулесъ, которое расширится по всей вселенной; и твое счастіе будетъ толь велико, что вся вселенная познаетъ, яко руку надъ тобою держу. Я всѣхъ твоихъ супостатовъ подъ ноги положу, и ты смѣло можешъ на мя уповать и на надеждность, что я тебѣ воздалъ; и грѣхъ тебѣ будетъ, естьли сумнѣватися станешъ въ словесехъ Юпитеровыхъ. Я глаголю, что я тебѣ придумалъ. *(Юпитеръ во облацехъ невидимъ бысть).*

НАУКРАТЕСЪ.

Въ правду я доволенъ, что тебѣ такая честь воздается.

СОСИ.

Государи мои! хочете ли вы мнѣ вѣрити и моей думы слушати? Не дайтеся вѣкъ въ такіе привѣтные охоты: и худо тутъ вдаться съ обѣихъ сторонъ, и въ такомъ чиновномъ благонравіи розговоры суть препинательные. Великій богъ Юпитеръ много намъ чести воздаетъ и его милость къ намъ, безъ сумнѣнія, непремѣнна; онъ намъ обѣщаетъ подлинное счастіе и у насъ родится сынъ великосердечный: все то зѣло добро. Однакожь оставимъ тѣ рѣчи и всякъ къ себѣ домой пойдемъ: въ такомъ дѣлѣ всегда лутши молчати.

V.

ДѢЙСТВІЕ,

НА СТРАСТИ ХРИСТОВЫ СПИСАННОЕ.

ПРОЛІОКГЪ.

О смутная во свѣтѣ явися година!
    Жалю неутоленнаго открыся причина:
Властителскую силу пріятъ завистъ въ свѣтѣ,
    О любовномъ нигдеже не слыхать совѣтѣ!
Исполнися ярости единоутробныхъ
    Братій сердце, егда злостъ движе преисподнихъ
Силы, дабы ся во всемъ свѣтѣ пространила
    И единоутробныхъ братій побудила
До заздрости; иже днесь любовъ преминяютъ
    Въ ярость, гды ковъ на братій своихъ воздвизаютъ,
Любвы своей ко любвѣ не хтятъ наклоняти,
    Совѣтуютъ братіи своей пострадати.
Аще нѣкіи въ паствѣ овецъ пребываютъ,
    Обаче отъ истинной пути заблуждаютъ,
Егда въ себѣ рекоша: «смертію умрѣти
    Братіи безневинной». Сей позоръ узрѣти
Изволте, где и любовъ будетъ умирати;
    Ея же страданія добро естъ внимати.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЕРИННѢСЪ ВРАЖДЫ БОГИНѢ ЛЮБОВЬ ПЛѢНЯЕТЪ МЕЖДУ БРАТІЮ ЕДИНОУТРОБНОЮ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЕРИННѢСЪ РАЗГНѢВАСЯ НА ЛЮБОВЬ, ПРИЗЫВАЕТЪ ФУРІЙ СЪ ПЕКЛА НА ПОМОЩЪ СЕБѢ, ХОТЯЙ ПЛѢНИТИ ЛЮВОВЪ.

ЕРИННИСЪ.

Не терплю далей уже сего смиренія
И таковагѡ себѣ уничиженія:
Нѣкто уже во свѣтѣ имени моего
Не вѣстъ, егда въ любви житія своего
Времена отправуютъ. Инаго совѣта
Зажаю, да бымъ скутокъ моего обѣта
Получила: подвигну всѣхъ сердца во вражду
И тако мою тогда горящую жазду
Утолю, егда Любовъ будетъ побѣжденна,
Сила же моя токмо будетъ прославленна.
Егда бо всѣ во враждѣ будутъ пребывати,
Тогда начнетъ ся мое имя прославляти.
Нинѣ, егда своего мѣста не имѣю
Вражды богинѣ, и такъ ничто же не смѣю:
Вси бо союзомъ любве суть соединенны,
Мнѣ нѣкогда же хощутъ быти наклоненны.
Но егда подъ властъ мою вся сердца наклоню,
Тогда своея жажды усушенну тоню
Исполню, тогда мое прославится имя,
И въ единоутробной братіи мое племя
Владѣти начнетъ, брата подавше во узы
И единоутробные жь расторгше союзы.
Сію мою власть нехай госкорѣ познаю,

Васъ на помощъ ко себѣ, сестры, призываю.
Алекто! подвигни адъ, дабы побѣжденна
Любовъ была, сія бо мнѣ есть поставленна
Зѣло вопреки: отвсюду мене изганяетъ,
Егда союзомъ своимъ всѣхъ соединяетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ФУРІИ ПРИЗВАННЫЕ УТѢШАЮТЪ ЕРИНУ, ОБѢЦУЮЩЕ ЕЙ ПОБѢДУ СОТВОРИТИ НА ЛЮБВѢ, ГДЕ ОРАЗЪ ГРАДУТЪ И ВО ВРАЖДУ РАСПАЛЯЮТЪ СЕРДЦА БРАТІИ ЕДИНОУТРОБНОЙ: КАИНУ НА АВЕЛЯ И СЫНОМЪ ІЯКОВА ЕДИНОНАДЕСЯТИМЪ ПРОТИВУ БРАТА СВОЕГО ІОСИФА.

АЛЕКТО.

Се азъ прійдохъ на помощъ, сестро моя, къ тебѣ,
Собравшы и инныя сестры моя къ себѣ.
Желаемую вскорѣ одержышъ побѣду
На Любвѣ, яже тебѣ повсегда обиду
Творитъ. Двигну отъ ада преисподнихъ силы,
Дабы ся вси воскорѣ твоей поклонили
Власти люде. Не будетъ мѣста нѣгде мѣти
Любовъ, где бы ся могла отъ твоей хранити
Силы: ввесь родъ смѣшаемъ враждою, ея же
Союзы расторгнемо, имиже родъ вяже
Въ соединеніе утробное къ себѣ.
Побѣдимъ ю воскорѣ, яко намъ естъ требѣ.

ТИЗИФОНА.

Помощна и азъ буду тебѣ Тизифона,
Живущая въ отчинѣ силнаго Плютона.
Подвигнути ко распрѣ сердца, моей сылы
И вражды исполнити, бы ся испражнилы
Отъ Любве, мнѣ належитъ, чесо ради тебѣ
Скоро поклонъ учинятъ: смиреннаго себѣ

Не могуще хранити житія, ко брани
  Подвигнутся. Ты же всѣмъ явишися пани,
Ярости бо и вражды кождо исполнятся,
  Егда искринной любви въ сердцу оставятся.

МЕГЕРА.

И азъ на помощъ потщахся Мегера
  Къ тебѣ, еюже подземная сфера
Всегда движется въ огненной ярости.
  Что же ми велишъ отъ своей кротости
Творити, азъ вся воскорѣ потщуся
  Исполнити. Въ томъ нѣчто не сумнюся,
Вся бо сотворю, твоему угодна
  Повеленію. Яже неудобна
Будутъ моими силами двигнути,
  Сія поможетъ Адъ мнѣ расторгнути.
Токмо мнѣ яви свое желаніе,
  Сотворю скоро азъ послушаніе.

ЕРИННѢСЪ.

Сестры моя! потщѣмся огнемъ распалити
  Сердца въ ярость братіи, для тыхъ бо мнѣ жити
Немощна: сіи, зъ единой утробы рожденны,
  Тако Любве союзомъ суть соединенны,
Же нѣкогда не можетъ ярость въ нихъ пребыти.
  Тогда немощна моей власти разширити.

АЛЕКТО.

Потщимося отвсюду Любовъ скоренити!
  И въ единоутробной [1]) брати нѣстъ ей жити:
Сихъ такожде во ярость сердца распалимо,

[1]) Было написано: *единоутробныхъ*, потомъ исправлено, но такъ, что трудно разобрать окончаніе.

Зде обѣтающую любовъ укоримо
Укоризною сею, же будетъ плѣненна
По всемъ мірѣ, твоя же токмо возвишенна
Сыла будетъ. Се уже сей обѣтъ нашъ тебѣ
Даемъ: мѣти будеши насъ помощныхъ себѣ
И воскорѣ исполнимъ твое желаніе,
Се бо грядемъ творити тебѣ послушаніе.
Яrости и братія скоро исполнятся,
Твоему владѣнію во всемъ покарятся.

ПѢНІЕ.

Niech ogień więcy
Weru wygorący!
Niech plomień paszy,
Z Aetny buchaiący,
Płomień siarczysty!
Niech miłosć topnieie,
Kiedy iskrzysty
Pożar piekło sieie!
Bardziey gorzycie,
Furia rozniecona!
Bardziey topnicie
Gniewem zapalona!
Serca zapałi
J braci rodzonych
Twardsze od stali,
Ogniem niezmiękczonych.
Ziemię! cokołwiek
Masz nayzważliwszego,
O czym nie wie wiek,
Do ogniu złosnego
Wysylay chętnie.
Otworzcie sie piekła!

Zamieszay mętnie
Od gniewa y wsciekła.
J adem Megera
Z łacznymy wężamy,
Jry z Chymerą,
Harpiy z ożogamy,
Circe z Gorgoną!
Wypuśćie swe iady:
Bracia rodzona
Pobudćie do zwady!
Niechay Erynna
Swoie siły bierże!
Wladnie iedina
Niech w swiatowey sferże!
Niech milosć wieczney
Doznaie ruiny!
Wladzy beżpieczney
Żegawcy Erynny!

АЛЕКТО.

Се уже сотворихомъ твое веленіе,
Пріиметъ свою державу ваше владѣніе.
Не сумнися: воскорѣ прославится сила
Ваша въ мірѣ, юже бо Любовъ честъ позбыла:
Междуусобную начнутъ и братія вражду,
Ты же свою получишъ владѣнія жажду.

СЦЕНА 3.

КАИНЪ ЖЕРТВУ ПРИНОСИТЪ БОГУ И ОСКОРБИСЯ, ЯКО НЕПРІЯТНА БЫСТЬ ЕГО ЖЕРТВА БОГУ.

КАИНЪ.

Отселѣ не принесу жертвѣ нѣкоея
Богу, чесо не пріятъ молитвы моея.

СЦЕНА 4.

АВЕЛЬ ТВОРИТЪ ЖЕРТВУ И ОТЪ КАИНА, БРАТА СВОЕГО, ИЗВЕДЕНЪ НА ПОЛЕ, УБѢЕНЪ БЫВАЕТЪ.

АВЕЛЬ.

Се агнца тучна тебѣ во жертву приношу
Саваоѳу: воззри нань, усердно тя прошу!

КАИНЪ.

Пойди, брате Авелю, на поле со мною,
Да жизныя покажу плоды предъ тобою,
Яже земля израсти по трудахъ рукъ моихъ.

АВЕЛЬ.

Грядемъ, брате, видѣти жизность плодовъ твоихъ.

КАИНЪ.

Се виждъ, брате Авелю, собранныи плоды.

АВЕЛЬ.

Вижду изобиліе небесной угоды.

КАИНЪ.

Скорблю зѣло, Авелю, яко Богъ нѣсть жертвы
Моей пріятъ; се мнюся быти аки мертвый.

АВЕЛЬ.

Восуе, возлюбленне, на Бога скорбиши:
Чесо бо ему жертву лукаво твориши?

КАИНЪ.

Кое лукавство въ моей требѣ мниши быти?
Се ты самъ лестецъ еси, не будеши жити.

СЦЕНА 5.

ІЯКОВЪ ПОСЫЛАЕТЪ СЫНА СВОЕГО ІОСИФА ДО БРАТІИ ВИДѢТИ, ЗДРАВЫ ЛИ БРАТІЯ И ОВЦА АЩЕ ЦѢЛЫ СУТЬ.

ІЯКОВЪ.

Возлюбленное мое, Іосифе, чадо!
  Вѣси ли, где братія пасутъ овецъ стадо?
Въ Сихими ли градѣ? Виждъ, въ покою ли дробы
  Овецъ и братія ли единой утробы
Твоя добрѣ здравствуютъ. Сія возвистити
  Потщися мнѣ, звѣдавши, гдѣ ли мѣютъ быти.

ІОСИФЪ.

Се азъ граду моему отцу сотворити
  Послушаніе, а вся дробы разсмотрити
Овецъ. Сыну твоему токмо въ путшествіе
  Благослови, отче мой, дабы пришествіе
Благо было. Воскорѣ азъ сотвору волю
  Твою, со братіею побываю въ полю.

ІАКОВЪ.

Приступи ко мнѣ сѣмо, любимое чадо!
  Богъ тебѣ да поспѣшитъ овецъ въ паствѣ стадо
Видѣти и братію, иже тамъ витаютъ
  И овца моя всегда въ паствѣ оглядаютъ!

СЦЕНА 6.

СЫНЫ ІЯКОВА КОВЪ ВОЗДВѢЗАЮТЪ НА ПРИХОДЯЩАГО ІОСИФА, СОВѢТЪ ТВОРЯЩЕ УБИТИ ЕГО, КОТОРЫМЪ, ЕГДА ВОСХИТИЛИ ЕГО УБИТИ, РУВИМЪ ДАЕТЪ СОВѢТЪ, ДАБЫ ЕГО ЖИВА ВЪ РОВЪ ВОВЕРГЛИ И ТАКО ПО ЕГО СОВѢТУ ТВОРЯТЪ.

СИМЕОНЪ.

Се грядетъ сновидецъ нашъ, иже посрамляетъ
  Снами своими насъ всѣхъ. Явѣ обличаетъ

Совѣсть его въ гордини, яко онъ сей чести
  Хощетъ, дабы старѣйшихъ моглъ себѣ причести
Во работу: лутче есть смертію умрѣти
  Сему, иже обыче снами ся хвалити.

ИСАХАРЪ.

Ей, полезно глаголешъ. Убіймо мы сего
  Сновидца, да свободу живота нашего
Будемъ мѣти: акй бы единаго знаетъ
  Сына отецъ, токмо нимъ ся утѣшаетъ

ЗАУЛОНЪ.

Ей, истинно. Потщимся грядущаго сѣмо
  Восхитити; болшія скорби не терпѣмо.
Нехай болше не жіетъ! Смертію убіемъ
  Сего всѣхъ властелина и тако почіемъ
Отъ скорби нашей, юже онъ намъ приносити
  Обыче. Грядѣмъ его сѣмо восхитити.

ІОСИФЪ.

Воспріими, Симеоне, мой животъ ко себѣ,
  Да милость обрѣщется моей жизни въ тебѣ.

СИМЕОНЪ.

Не желаю отселѣ азъ такому жити,
  Иже братію хощетъ работники мѣти.

ІОСИФЪ.

Молю тебя, Левію, сохрани мя жити:
  Се мя будешъ въ вѣки работника мѣти.

ЛЕВІЯ.

Небрежу азъ твоея работы ничтоже:
  Хулныя дерзнулъ еси сны рещи почтоже?

ІОСИФЪ.

Азъ, Іудо, молю тя и тебе, Сыраху:
Избавѣте мя сего смертелнаго страху!

ІУДА.

Ничтоже успѣютъ твои лестные молитвы,
Ты бо еси самъ вина твоея убитвы.

ІОСИФЪ.

Нефалиме! или тя молю, Заулоне:
Помози ми, да мя смерть люта не послоне.

ЗАУЛОНЪ.

Нѣсть ты еси достоинъ милости коея,
Вина бо безуміе юности твоея.

ІОСИФЪ.

Дане! тя, или Гаде, молю и, Асиру,
Предъ тобою рыдаю: помози ми сыру!

ДАНЪ.

Доколѣ сей сновидецъ глаголы хулити
Сія будетъ, лукавно хотяй насъ убити?
Смерти его воскорѣ лютой предадѣмо,
Сердце же наше жалю всего свободѣмо.

ІОСИФЪ.

Молю тя: отческую ко мнѣ милость яви,
Рувиме, брате первый: жити мя сохрани.

РУВИМЪ.

Братія любиміи! прошу послухайте
Глаголу въ томъ моего. Вы не убивайте

На душу свою брата; лучше его жива
  Во ровъ вврещи, чесо бы отъ крове правдива
Душа наша зостала. Аще бо убіемъ,
  Кровъ его убитаго на насъ всѣхъ изліемъ;
Но егда въ ровъ живаго, иже во пустыни,
  Вовержемъ, всея уже свободимся вины.

ВЕНІАМИНЪ.

Добро, аще и тако сему сотворимо
  Сновидцеви, же его жива оставимо
И вовержемъ до рову, ни тамо бо смерти
  Убѣгнетъ, егда гладомъ зло мусить умерти.

НЕѲАЛИМЪ.

Возьмѣмъ его воскорѣ и въ ровъ воверждѣмо,
  Насъ свободныхъ отъ всея скорби сотворѣмо.
Лучшей сновидца сего болше не видѣти,
  Нижели скорби всегда во сердцу терпѣти.

ГАДЪ.

Гради сѣмо, тщеславче, иже всѣмъ владѣти
  Желаешъ! Уже болше не будешъ видѣти
Сновъ твоихъ: иже тебѣ власть знаменовали,
  Скорый, вижду, смертелный ровъ наготовали.

ІОСИФЪ.

Агъ! окаянному мнѣ небеса дадѣте
  Помощъ или любимому отцу возвистите
Моему, да отчую во помощъ десницу
  Подастъ мнѣ, отселѣ бо нѣсть моему лицу
Свѣта, егда во ровѣ пустомъ воверженну
  Мушу быти мертвецъ, отъ всѣхъ небреженну.
Мати моя Рахили! не вѣси ты сего,
  Отъ братіи яростной убійства моего!

Стихія вся! воскорѣ о семъ вѣстъ дадѣте!
Или вы, вѣтры свѣта, сіе донесѣте,
Да прилетитъ со вами ту слезы пролити
Матеръ моя и мертва въ земли мя сокрыти!

СЦЕНА 7.

СЫНЫ ІЯКОВА, ВОЗВРАТИВШЕСЯ ОТЪ РОВА, СѢДОША ЯСТИ, ИМЪЖЕ ІУДА, ЕДИНЪ ОТЪ НИХЪ, СОВѢТЪ ДАЕТЪ, ДАБЫ ПРОДАЛИ ІОСИФА ІЗМАИЛИТОМЪ, И ТАКО ТВОРЯТЪ.

ЛЕВІЙ.

Время уже по трудахъ мало хлѣба снѣсти,
Сего ради изволте на семъ мѣстѣ сѣсти.

СИМЕОНЪ.

Ей, по истиннѣ время; се зде возлежѣмо,
Алчная наша сердца мало укрѣпимо.

ЗАУЛОНЪ.

Нинѣ всегдашнія скорби сердца свободихомъ,
Егда сего сновидца во ровѣ сокрихомъ:
Смерть бо ему воскорѣ тамо или гладомъ
Будетъ, или зміевымъ угризенну ядомъ.

ІУДА.

Что потребно, братія, же брата убіемъ
И кровъ его убита во насъ всѣхъ сокрыемъ?
Лучше Ізмаилтяномъ его отдадѣмо,
Руцѣ же свободныя наши сохранѣмо
Отъ крове его: братъ бо единоутробный
Нашъ есть; сіе сотворимъ, да не будетъ гробный.

Се градутъ со куплею Ізмаилтане.
Дадѣмъ его! нехай въ нихъ мертвъ, живъ ли зостане.

СИРАХЪ.

Согласуемъ и тому твоему совѣту.
Но отъ Ізмаилитовъ вопросимъ отвѣту
О томъ; аще ли его изволятъ пріяти,
Тогда отъ рова его потщимося зъяти.
Градущихъ ихъ на пути токмо предварѣмо;
Раба ли имъ потребно, сія извѣстѣмо.

ІУДА.

Добро; потщѣмося ихъ скоро предварити,
Нѣсть ли нуждны раба суть, о томъ вопросити.
Богъ да спѣшитъ во пути, господіе нашѣ!
Мѣемъ нѣкія рещи во ушеса вашѣ
Глаголы. Теченію мало престанѣте.
Нѣсть ли вамъ раба требѣ, сія намъ рецѣте:
Аще кому требно, можетъ его мѣти,
Восхощетъ ли цѣною в насъ его купити.

ІЗМАИЛТЯНИНЪ.

Добро; извольте его сѣмо показати,
Тогда мощно глаголомъ будетъ отвѣщати
Вашимъ: егда ли будетъ ко роботѣ нашой
Угодный, купимъ его къ намъ по цѣнѣ вашой.

ІУДА.

Градѣте, братія, сѣмо раба приведѣте.

ГАДЪ.

Добро, воскорѣ его предъ вами узрѣте.

ІУДА.

Зрѣте: сей есть отрочищъ, егоже продати
Хощемо мы. Рцѣте намъ, аще ли вы-дати
Восхощете тридесять сребниковъ за него,
Сію бо мы обрѣли цѣну быти его.

ІЗМАИЛИТЪ.

Пріймѣте вы двадесятъ сребниковъ цѣною,
Аще ли ни, да будетъ онъ съ вами въ покою:
Болшой цѣны не мѣетъ. Глаголы внемлѣте
Нашѣ, намъ же свободный часъ во путь дадѣте.

ІУДА.

Пріймѣте отрочища, сребники отдавшы.
Да будетъ вамъ работникъ во узахъ доставшы!
И градѣте со миромъ въ путшествіе ваше,
Мы такожде грядемо всй на дѣло наше.

ІЗМАИЛИТЪ.

Добръ, друже, сей юноша. Егда приведемо
Во землю его нашу, тамо продадемо
По цѣнѣ его болшой. Вы же стережѣте,
Рабы, его и по насъ скоріе градѣте.

РАБЪ.

Нѣчтоже сумнитеся, господіе нашѣ!
Дѣломъ сія исполнимъ мы глаголы вашѣ,
Раба сего приведемъ въ отческія странны.

ІЗМАИЛИТЪ.

Добро; градѣмо скоро во путь, намъ избранный.

СЦЕНА 8.

РУВИМЪ, БРАТЪ ПЕРВЫЙ СЫНОВЪ ІЯКОВЛИХЪ, ПРИШЕДШИ КО РОВУ, НЕ ОБРѢТЕ ІОСИФА ВЪ РОВѢ; РАЗВЕРЗАЕТЪ РЫЗУ СВОЮ, РЫДАЮЩЕ, ЕГО ЖЕ ИННЫИ БРАТІЯ УТѢШАЮТЪ.

РУВИМЪ.

Увы мнѣ! Что сіе есть? Отрочища въ ровѣ
Іосифа не видѣхъ. Въ коей онъ покровѣ?
Братія любимыи! азъ вы вопрошаю:
Нѣсть ли его кто изятъ? Яко азъ не знаю.
Возвистѣте, молю васъ: жалю бо терпѣти
Не могу. Се воскорѣ отъ сего умрѣти
Мушу и азъ; аще онъ не возвратится,
Сердце мое отъ жалю въ камень измѣнится.
Или, земле, абіе ты пріими мя къ себѣ:
Нехай жалю не терплю положенный въ тебѣ!

СИМЕОНЪ.

Ей, не вѣмы истинно, кто его отъ рова
Изятъ и кто восхитилъ; сія вѣстъ намъ нова.
Мы, зде пребывающе, сего не слышахомъ,
Ниже что таковаго случаю внѣмахомъ.

РУВИМЪ.

Агъ! и мнѣ смерть воскорѣ небеса дадѣте,
Или, где мой любимый братъ есть, возвѣстѣте.

ІУДА.

Престани уже, брате, жалю таковаго,
Понейже нѣсть есть мощно видѣти живаго
Брата. Нѣсть ли онъ лютымъ звѣремъ восхищенный?
Или лукавымъ рабомъ нѣкимъ украденный?
Се и отцу тужде возвѣстимо вину
О снѣденномъ отъ звѣрей Іосифѣ, сыну.
Козля еще убіемъ и ризу скрвавленну
Принесемо ко отцу, по немъ оставленну.

СЦЕНА 9.

СЫНЫ ПРИХОДЯТЪ КО ІЯКОВУ, ОТЦУ СВОЕМУ, СО РИЗОЮ ОКРВАВЛЕННОЮ, ГДЕ РЫДАЮЩАГО УТѢШАЮТЪ, НО НИЧТОЖЕ МОГУТЪ УСПѢТИ СОВѢТОМЪ СВОИМЪ.

ІУДА.

Се ризу обрѣтохомъ, отче! Нѣсть ли сына
Твоего Іосифа? Твоей бо едина
Утѣха онъ бысть душы. Познай ризу сію,
Аще сына твоего, отче нашъ, пріими ю:
Его же бо звѣръ снѣде, риза украшенна
Кровію знаменуетъ, къ тебѣ принесенна.

ІЯКОВЪ.

Увы мнѣ погибшему! Что днесь оглядаю?
Сію ризу моего сына быти знаю.
Что се есть? Азъ быхъ послалъ любимое чадо
Къ вамъ, дабы повидалъ въ паствѣ овецъ стадо.
Где сію обрѣтосте ризу покрвавленну,
Мнѣ смерти вину скорой, въ очи предложенну?

Рцѣте глаголъ истинный: что жалости сія
Есть виною, и кто есть смерти таковыя
Дѣтель? Рцѣте, мушу бо воскорѣ умрѣти,
Аще ми нѣсть моего мощно сына зрѣти.

СИМЕОНЪ.

Коея еще, отче, вины вопрошаешъ,
Где бы сынъ былъ, понеже знаменіе маешъ?
Се лютъ звѣръ сниде его: зри на обагренну
Кровію ризу его, къ тебѣ принесенну.

ІЯКОВЪ.

Увы мнѣ! Кая днесь азъ глаголы слышу?
Болше южъ въ тѣлѣ моемъ отъ жалю не дышу.
Звѣръ ли снѣде сладкое, Іосифа, чадо?
Дабы первѣе згибло овецъ моихъ стадо,
Где быхъ былъ отъ очію нѣсть моего свѣта
Не посылàлъ, о немъже не имамъ отвѣта!
Увы мнѣ, чадо мое! Тя ли лютъ звѣръ сняде?
Или нѣсть тя человѣкъ лукавъ изукраде?
Увы мнѣ, послѣдняя утѣхо моему
Сердцу! не явиши ли ся ты отцу своему?
Звиръ ли мое восхити драгоцѣнно зѣло
Сокровище, угаси зримое свѣтило?
Звиръ ли бисеръ восхити, имъже жизнь купися
Мнѣ, днесь во смерть скорую уже премѣнися?
Звѣръ ли вѣтву угрызе, юже процвѣтало
Житіе мое, нынѣ мертво позостало?
Увы мнѣ! Кій волкъ пожре агня мое младо?
Не довлѣло ли ему овецъ моихъ стадо?

Сего азъ мѣлъ надежду старости моея;
Нинѣ же гдѣ приклоню худости своея
Главу, егда не вижду Іосифа жива?
Лучше мене сокрыти во землѣ плачлива,
Не терплю бо боліе жалю таковаго.
Граду ко преисподнимъ зрѣти погибшаго
Іосифа, моего сына. Или, земле,
И мене тамо пожри, да мя сынъ мой емле
Ко себѣ, или мертва нинѣ воспріими мя,
Въ жалю же зѣлномъ болшъ не остави мя.

СИМЕОНЪ.

Доколѣ рыданія сего не престанешъ,
Отче нашъ? Ты бо еще мертвецемъ зостанешъ
Отъ жалости зѣлноя. Престани рыдати,
Понеже нѣсть мощно есть сына оглядати.
Се мы къ тебѣ пріидохомъ старости твоея
Претрудженной надежди, токмо ты своея
Старости пощадѣти изволь: жалю болше
Сердцу твоему не даждъ, дабы далѣй горше
Чесо тебѣ не было. Изволь попрестати
Сего плачу, воли же господней отдати
Сія вся: вѣсть онъ въ радость жалость преминяти.
Что бо за полза есть плачемъ здравіе прѣняти?

ІЯКОВЪ.

Оставѣте мя отца, отъ жалю плѣненна,
Егда надежда моей жизни оставленна.
Не терплю болше жалю. Въ подземныя странны
Граду сына видѣти: аще бо избранный
Тамо мой сынъ Іосифъ, и азъ тамо жити
Буду, да бымъ тако моглъ безъ жалю пребыти.

АКТЪ ВТОРЫЙ.

ЛЮБВЕ РЫДАНІЕ ЕРИННИСЪ БОГИНИ ВРАЖДЫ ХВАЛИТСЯ ЗЪ ПОБѢДЫ, ЮЖЕ ПРІЯТЪ НА ЛЮБВѢ, ГДЕ КО НЕЙ ПРИХОДЯЩЕ МІРЪ СО СТРОПОТНИКИ И СЕДМЬ ГРѢХОВЪ ВѢНШУЮТЪ СЕСТИ НА ПРЕСТОЛѢ, ИХЪ ЖЕ ЗА ЗЛЫЕ ДѢЛА ГОНОРЪ БОЖІЙ, ПРИЗВАВШИ ОТМЩЕНІЕ, ХОТЯ ПОГУБИТИ, ЛЮБОВЪ УМОЛЯЕТЪ ОТМЩЕНІЕ, ДАБЫ ОСТАВИЛО ЖИТИ ЗЛОСТИ АДСКІЯ, ПОНЕЖЕ САМА ХОЩЕТЪ УМРѢТИ ЗА РОДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

СЦЕНА 1.

БЛАГОВОЛЕНІЕ СО ПѢНІЕМЪ ЖАЛОСНЫМЪ РОДЪ НЕБЛАГОДАРНЫЙ, ЛЮБОВЪ ОТЪ СЕБЕ ИЗГАНЯЮЩІЙ, НАКАЗУЕТЪ.

БЛАГОВОЛЕНІЕ *(Пѣніе).*

Агъ! отмѣна сего свѣта
Вредитъ зѣло безъ отвѣта.
Нинѣ мнится вся желати,
Утро тщится смерть задати.
Кто понесе жаль таковый,
Въ немъже сердцу гробъ готовый?
Болѣзнь тамо въ сердцу жизна,
Где невинне укоризна.
Умножаетъ тяжкій зѣло
Жаль во сердцу сіе дѣло:
Где злость царства власть примаетъ,
Любовъ смерти осуждаетъ.
Кто, стропотники, вамъ озябленіе
Во сердцахъ даде? Кто прозябеніе
Злости сотвори, егда всегда вражда
Есть ваша жажда?
Не вѣсте, яко лѣпо вамъ есть мѣти
Любовъ во сердцу, сія бо вамъ жити
Даде. Вы же ей нинѣ остависте,

Зло сотвористе.
Кто вамъ совѣтомъ отъ сердецъ любовъ
Изгнати? Кто ли во васъ подвигне ковъ
На Любовъ? Агъ! зло благоволеніе—
Любве забвеніе.
Мнится вамъ тое, яко лучше мѣти
Вражду во сердцахъ, Любви жъ умрѣти
Соизволисте. Кое безуміе—
Ваше разуміе!
Нѣчто успѣютъ ваши сія злости:
Аще бо Любовъ своея цѣлости
Избудетъ, паки между человѣки
Будетъ во вѣки.

СЦЕНА 2.

ЛЮБОВЪ, ОТВСЮДУ ИЗГНАННА, РЫДАЕТЪ, КОТОРУЮ УТѢШАЕТЪ ТЕРПѢНІЕ И СМИРЕНІЕ.

ЛЮБОВЪ.

Увы мнѣ нещасливой, отвсюду изгнанной!
Увы моей горести, увы окаянной!
Не имамъ мѣста нинѣ главы приклонити,
Егда вси изволиша мене оставити.
Ко кому во странствіи азъ притеку нынѣ,
Жадной не обрѣтающе веще моей вынѣ?
Азъ бо всегда союзомъ всѣхъ сердца вязала
Моимъ, нынѣ же отъ нихъ вигнанцемъ зостала.
Кая вещъ сея вины? Нѣсть ли сія дѣла
Благіе суть, яже азъ повсегда творила?
Мною соединенни личные громады
Людей едино былы. Нынѣ, егда звады,
Повстали отъ Плютона, азъ есмь оставленна,
Вражда же въ своихъ злостехъ зѣло возвышенна,

Тако бо во всѣхъ сердцахъ уже возгорѣся,
Же ни едноутробныхъ смерти постыдѣся
Сотворити. Увы мнѣ! Гдѣ нынѣ пребуду,
Понеже есмь конечно изгнана отвсюду?

ТЕРПѢНІЕ.

Оставивше жалости, буди во терпѣніи
И тако не сумнися нѣчто о спасеніи.
Аще бо нынѣ еси отвсюду изгнанна,
Обаче власти твоей будетъ честь воззданна:
Сія злости плѣниши, точію мя [1]) въ себѣ
Сохрани. Се истинно азъ помощна тебѣ
Буду. Паки во сердцахъ мѣсто обрѣтеши
Человѣческихъ себѣ, егда понесеши
Сія вся терпеливно уничиженія.
Остави нынѣ плачу и слезъ теченія.

СМИРЕНІЕ.

Истинно извѣщаю и азъ сія тебѣ:
Возвышенна будеши, точію мя себѣ
Мѣй образъ. Вся смиренно сія укоризны
Претерпи. Аще бо и избудеши жизни,
Обаче въ честь будеши паки возвышенна,
Вражда же вѣчно будетъ тобою плѣненна.

СЦЕНА 3.

ЕРИННѢСЪ СѢДИТЪ НА ПРЕСТОЛѢ СО ИНЫМИ ФУРІЯМИ ПЛѢНЕННЫМИ, ХВАЛИТСЯ ЗЪ ПОБѢДЫ, ЮЖЕ ПРІЯТЪ НА ЛЮБВИ.

ЕРИННѢСЪ.

Нынѣ величіе мое отъ рода во роды
Прославленно, понеже моея породы

[1]) Въ рукописи: *моя*.

Послушають всѣ странны. Любовъ есть плѣненна,
   Еюже сила моя была побѣжденна.
Благодарна есмъ вашой помощи тщаливой.
   Сестры моя, понеже мнѣ днесь фрасобливой
Помощны явистеся, тщанія своего
   Приложисте къ цѣлости гонору моего,
Который прежде цѣле отъ любви плѣненный
   Былъ, нынѣ въ чести своей презъ васъ воздвиженный.
Отселѣ любви въ сердцу нѣсть южъ пребывати,
   Азъ точію со вами буду царствовати;
Сего ради и нынѣ со мною сѣдѣте
   На престолехъ, за труды честь вашу пріймѣте.

СЦЕНА 4.

СВѢТЪ ПРИХОДИТЪ СО СТРОПОТНИКИ СВОИМИ И ПОХВАЛЯЕТЪ ЕРИННУ НА ЦАРСТВІИ.

СВѢТЪ.

Егда твоя во страннахъ моихъ разширися
   Держава, тогда и азъ зѣло исполнися
Радости, инози бо мнѣ нынѣ послѣдують
   Стропотники, иже мой совѣтъ воспріймуютъ.
Со ними и азъ тебѣ придохъ тя хвалити:
   Желаемъ достоинству вашему пребыти
Во вѣки на царствіи, дабы родъ, прелщенный
   Суетствы моими, ввесь былъ къ тебѣ привлеченный.

ЛЕСТЕЦЪ.

Паче меда словеси сладчайшими всегда
   Прелщати азъ обыкохъ. Глаголю бо егда
Кія глаголы кому умиленнѣйшія,
   Истинно сей я быти мнѣетъ полезнѣйшія;

Обаче мои горестъ словеса цукруютъ,
Егда со сердцемъ моимъ нѣчто согласуютъ.

ЛУКАВЕЦЪ.

Доселѣ коварствъ моихъ не могохъ дѣлати,
Ввесь бо міръ зѣло тщался въ любвѣ пребывати.
Нынѣ, понеже Любовъ отвсюду изгнанна,
Моя рада въ лучшее дѣло есть избранна:
Вси бо мои коварства начаша хранити,
Дабы могли истѣнну отвсюду плѣнити.
Сего ради, Еринно, во царствіи твоемъ
И азъ блаженство мѣю въ дѣланіи моемъ.

СЛАСТОЛЮБЕЦЪ.

Нынѣ мірскія сласти мене насыщаютъ,
Егда вся страны свѣта тебе послушаютъ,
Еринно! Ничто бо родъ таковаго мѣетъ,
Егоже моя жажда себѣ не успѣетъ.
Вся творю, яже хощу, ничтоже сумняся;
Творяще, пребываю, никого бояся.

УБІЙСТВО.

Подъ властію твоею егда пребываютъ
Вся племена, найпаче мене исполняютъ,
Убійство: всѣхъ бо сердца, огнемъ распаленны
Ярости, ко убійству зѣло устроенны.
Нѣкто нынѣ внѣмаетъ закона коего,
На убійство дерзаетъ и брата своего.
Сего ради да будетъ твоя власть во вѣки,
Еринно яростная, между человѣки!

ЕРИННИСЪ.

Дознаете и болшой отъ мене пріязни.
Нѣкоея отселѣ не бойтеся казни,

По желанію вашемъ вся нынѣ творѣте;
  Подъ властію моею нынѣ всѣ начнѣте
Свои дѣла во мірѣ: азъ вамъ помощъ буду,
  Егда во сердцахъ людскихъ повсегда пребуду.

СЦЕНА 5.

СЕДМЬ ГРѢХОВЪ СМЕРТЕЛНЫХЪ ПРИХОДИТЪ И ВѢНШУЮТЪ ЕРИННѢ ПОБѢДЫ И ЦАРСТВІЯ, НА ПРЕСТОЛѢ СѢДЯЩЕЙ, ИМЪ ЖЕ ОНА ПОВЕЛѢ СѢСТИ СО СОБОЮ.

ГОРДЫНЯ.

Величеству твоему поклонъ отдаемо,
  Егда тя на престолѣ семъ оглядаемо.
Во радости вся странна темнаго Плютона
  Сего ради, понеже вси, твоего лона
Хотяще доступити, Любовъ оставляютъ,
  Достоинство точію твое прославляютъ.
Таковаго блаженства тебѣ вѣншовати
  Се и мы приходимо, егда царствовати
Зачало ты пріяла. Да будешъ во вѣки
  Власть имѣти на землѣ между человѣки!

ЛАКОМСТВО.

Азъ такожде спріяю сердцемъ и дѣлы
  Власти тебѣ, дабы тя работники мѣли
Мои свою госпожу: ихъ азъ премѣняю
  Сердца всегда во алчбу и мысль исправляю
Во таковую жажду, иже насыщенна
  Не можетъ обрѣстися. Аще исполненна
Всѣми будетъ блаженствы, обаче желаетъ
  Еще болшихъ и тебе на помощъ взываетъ,
Враждебная богинѣ! Дабы свою жажду
  Утолила, многую возбуждаетъ вражду.

Сего ради желаю и азъ на престолѣ
Тебѣ томъ царствовати, свѣтъ буде доколѣ.

НЕЧИСТОТА.

И азъ вашего племя отъ Плютона странны
Нечистыхъ дѣлъ; мнѣ же родъ спріяетъ избранный,
Егда твоя начатся сила умножати.
Предстаю и азъ тебѣ сея вѣншовати
Побѣды, яко Любовъ отъ тебе плѣненна:
Жій во вѣки и въ славѣ твоей прославленна!

ВРАЖДА.

Желаю и азъ тебѣ, твое созданіе,
Царствовати во вѣки, ты бо воспытаніе
Мое еси: тобою азъ ся умножаю
И отъ тебе начало свое быти знаю.

ЛѢНОСТЬ.

Аще и азъ на ложу всегда пребываю
Плютона пекелнаго, но, егда тя знаю
Побѣждающую Любовъ, славная Еринно,
Приходяще ко тебѣ, желаю искринно
Царствія на престолѣ во вѣчные лѣта,
Дабы тя прославляли странны всего свѣта.

ГНѢВЪ.

Егда есмь азъ презъ тебе въ сердцахъ умноженный,
Отъ нихъже Любовію прочь быхъ изверженный,—
Прихожду къ твоему смиренно престолу,
Желаючи царствія съ Плютономъ посполу
Тебѣ: егда бо ты власть Любве побѣдила,
Тогда вся подземная воздвигнуся сила.

БЛУДЪ.

Не заблудихъ ничтоже отъ твоего лица,
Аще Блудъ есмь. Егда міръ честь твою восклица,
Желаю на томъ тронѣ тебѣ царствовати:
Презъ тебе власть наша начатъ воставати.
Царствуй ту и въ отчинѣ нашой будешъ мѣти
Сполне престолъ зъ Плютономъ въ Еребѣ во вѣки.

ЕРИННѢСЪ [1]).

Чада моя и друзи! Сіе желаніе
Пріймую благодарно. Вамъ въ воздаяніе
Со мною мѣста даю сѣсти на престолѣ,
Где радость воспрійметe вси сполне доволѣ.

СЦЕНА 6.

РАБЫ ГОСПОДНИ, ПРІИМШІИ ТАЛАНТЫ И ТВОРЯЩЕ КУПЛЮ СПАСЕННУЮ НА ТОРЖИЩИ МІРА СЕГО, ПРІОБРѢТОША ТАЛАНТЫ ИННЫИ; ИХЪ НЕСУЩЕ КО ГОСПОДУ, ВПАДАЮТЪ ВЪ РАЗБОЙНИКИ ДУШЕВНЫЯ — СЕДМЬ ГРѢХОВЪ СМЕРТЕЛНЫХЪ, ИЖЕ, ИМЪ ТАЛАНТЫ ОТЕЯШЕ, ЗЪ ОДЕЖДЫ ОБНАЖИЛИ ПОБИТЫХЪ.

СЦЕНА 7.

ПРІЕМШІИ ДАРЫ ДУХА СВЯТАГО НЕСУТЪ Я ВО ВОЗДАЯНІЕ, ГДЕ ВЪ ПУТИ ВПАДАЮТЪ ВО РАЗБОЙНИКИ ДУШЕВНЫЯ И ОТЪ ДАРОВЪ ОБНАЖЕННЫ БЫВАЮТЪ.

СЦЕНА 8.

ВОЗЛЮБИВШИХЪ СУЕТСТВА МІРА СЕГО ЗВАНІЕ ГОСПОДНЕ ЗОВЕТЪ НА ПУТЬ КО ПОКАЯНІЮ, КОТОРЫМЪ ГРѢХИ СМЕРТЕЛНЫЕ ВОПРЕКИ СТАВШИ, ПАКИ ВЪ МІРЪ ИХЪ ВОЗВРАЩАЮТЪ, УСТРАШАЮЩЕ ИХЪ ВО ПУТИ СПАСЕННОМЪ ОБРѢТАЮЩИМИСЯ ПОДВИГАМИ.

ЗВАНІЕ.

Міра сего суетства уже оставѣте,
Кающеся по пути господнемъ градѣте.

[1]) Это слово въ рукописи пропущено.

Званіе господне—азъ всѣхъ васъ призываю,
Ни во что бо суетства міра вомѣняю;
Аки сѣнь исчезаетъ, егда восіяетъ
Солнце, и аки трава мразомъ увядаетъ.
Вся ни во что мѣнятся мірскія суеты.
Истины суть глаголы, яже вамъ извѣсти.

ПЕРВЫЙ ГУЛЯКА, ГОРДЫЙ.

Нѣкогда угоднаго міра оставляю,
Въ немъ бо азъ во всей чести всегда пребываю.
Нѣкто ми есть подобный, всѣ ми ся кланяютъ,
Веленія моего люди послушаютъ.

ВТОРОЙ ГУЛЯКА, СЛАСТОЛЮБЪ.

Како и азъ доброты міра оставити
Могу сего и на инъ путь ся возвратити,
Воздержанія ничто понеже имѣю?
Не пойду, буду въ мірѣ, во немъже благо жію.

ГУЛЯКА ТРЕТІЙ.

Не оставлю никогда любимаго міра,
Въ немъ бо вся доволная, въ немъ сладости пира
Мнѣ ползуютъ, никоихъ терпеній не знаю,
Всегда въ радости, всегда блаженъ пребываю.

ГУЛЯКА ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЛЕВОСѢЯТЕЛЬ.

Чесо оставлю міръ сей? Чесо покаяніе
Творити буду? Се бо мое желаніе
Всегда вражду творити въ мірѣ, никто же
Отъ міра сего мене извести не може.

ПЯТЫЙ ГУЛЯКА, ЛѢНИВЪ.

По такомъ азъ пути како шествовати
Буду, иже обыкохъ безъ дѣлъ пребывати?
Въ семъ бо пути великій есть подвигъ, егоже
Нѣкто отъ человѣкъ понести не може.

ШЕСТОЙ ГУЛЯКА, СВОБОДЬ.

Нѣкогда сего міра хощу оставити,
Иже свободенъ всегда въ немъ обыкохъ жити.
Кому сотворю кое нынѣ послушаніе,
Свободенъ въ мірѣ жити—всегда желаніе?

СЕДЬМОЙ ГУЛЯКА—ЮНОША КРАСЕНЪ.

Чесо юности моей творю насиліе?
Чесо оставлю мірскихъ красотъ обиліе?
По остромъ пути како буду шествовати,
Иже въ мірѣ обыкохъ всегда ликовати?

ГОРДЫЙ.

Не оставлю краснаго азъ во вѣки міра:
Лучше сластнаго въ мірѣ заживати пира.
Возвратѣмся, братія! Лучше въ мірѣ жити,
Где можемъ славу и честь, вся благая мѣти.

СЦЕНА 9.

ГОНОРЪ БОЖІЙ ПРИХОДИТЪ И ПРИЗЫВАЕТЪ ОТМЩЕНІЯ БОЖІЯГО, ДАБЫ УБИЛЪ ЕРИННУ СО ВСѢМИ, СОСѢДЯЩИМИ ЕЙ НА ПРЕСТОЛѢ. СЕГО УБОЯВШИСЯ, ЕРИННА СО ПРИСѢДЯЩЕМИ СЕБѢ НАЧАТЪ УТѢКАТИ, ГДЕ ПРИБѢГАЕТЪ ЛЮБОВЪ И САМА ИЗВОЛЯЕТЪ УМРѢТИ.

ГОНОРЪ БОЖІЙ.

Что сія за облуды? Нѣсть суть рода земна.
Сіе дерзновеніе, сія вещъ пріемна

Кому есть? На престолѣ Вражда сѣде славы
    Откуду? Божіе нѣсть сіе дѣло справы.

ПѢНІЕ.

Призри, Боже, на родъ земный!
Се врагъ его плѣнитъ темный.
На царствіи сѣде Вражда,
Сія вражей злости жажда.

ГОНОРЪ.

Не терплю Гоноръ божій таковаго дѣла,
    Дабы злость въ родѣ людскомъ силу свою мѣла:
Родъ человѣческій рукъ дѣло божественныхъ.
    Что сія, егда надъ нимъ отъ властей подземныхъ
Кто царствовати будетъ? Токмо сія Богу
    Власть подобаетъ. Сего терпѣти не могу.

ПѢНІЕ.

Да погибнутъ сія злости!
Да пожретъ ихъ адъ въ темности!
Честь же между человѣки
Будетъ твоя зде во вѣки.

ГОНОРЪ.

Дабы ю мѣлъ кто инный, призову воскорѣ
    Отмщенія господня, еже на позорѣ
Погубитъ ту избранныхъ пекелныхъ алектовъ.
    Чесо ради дерзнули зъ пекелныхъ заклеповъ
Прійти сѣмо и свою власть въ родѣ множити
    Человѣчомъ? Погублю да не будутъ и жити.

ПѢНІЕ.

Скоро пошли Отмщеніе!
Яви людемъ спасеніе,
Дабы зъ твоея щедроты
Избавилися работы.

ГОНОРЪ.

Или хощутъ подобно зъ своего Еребу,
Гордыню воздвигнути ко горнему небу?
Всѣхъ сердца измѣнили враждою коея
Ради вины? Союзы братіи своея
Единоутробные любви измѣнили,
Егда свою братію смертію плѣнили.

ПѢНІЕ.

Се бо злость ся возвышаетъ,
Людей вражда всѣхъ мѣшаетъ;
Любовъ отвсюду плѣненна,
И честь твоя оставленна.

ГОНОРЪ.

Кто таковыя злости претерпѣти може?
Отмщеніе воскорѣ пошлы, силный Боже,
Да плевосѣятели днесь погубитъ сія!
Се бо мя умаляютъ ихъ беззаконія.

ОТМЩЕНІЕ.

Кто власть себѣ дерзаетъ отъ силъ преисподнихъ
Мѣти во родѣ? Кто честь получити горнихъ

Желаетъ? Нѣсть ли мене не вѣсть, Отмщенія
Божаго, егоже сіи дерзновенія
Убѣжати не могутъ? Погибнетъ воскорѣ
Кто колвекъ возносится въ гордини ихъ горѣ.

ГОНОРЪ.

Виждъ, якое дерзнули творити облуды
Сіи дѣло: ихъже Богъ въ подземные спуди
Заключилъ былъ, здѣ паки возносятся горѣ;
Начали царствовати въ свѣтѣ на позорѣ.
Да пріймутъ достойную казнь сіи почвары!
Погибшихъ да пожрутъ ихъ пекелные хмары!

ОТМЩЕНІЕ.

Внезаапу лучныя пущу на ня стрылы,
Дабы погибше вѣчней въ геенѣ горѣлы
За таковую дерзость, же тя, Честь господню,
Умаляютъ. Хотяще ввесь родъ въ преисподню
Привести Плютонову, вражду воздвѣгнули.
Не терплю: пущу стрылы, дабы постигнули
Таковые облуды, яже развращаютъ
Міръ, да яру божіей мести казнь познаютъ.

ЛЮБОВЪ.

Молю тя азъ смиренно, лутше мнѣ умрѣти;
Остави сія злости, да будетъ родъ зрѣти,
Же сія вся плѣняютъ смертію моею,
Честь же божія паки цѣлостю своею
Почтенна будетъ. Нынѣ остави я жити:
Азъ родъ смертію хощу отъ узъ свободити.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯКО ЛЮБОВЬ—ХРИСТОСЪ СПАСИТЕЛЬ НАШЪ СТРАЖДЕТЪ И УМИРАЕТЪ, ПОКАЗУЕТСЯ И ВЕТХАГО ЗАВѢТА ОБРАЗАМИ, И НОВОЙ БЛАГОДАТИ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СТРАДАНІЯ ХРИСТОВА.

СЦЕНА 1.

ФИГУРА ВЕТХАГО ЗАКОНА, ПРООБРАЗУЮЩАЯ ХРИСТА, ВО ВЕРТОГРАДѢ МОЛЯЩАГОСЯ,—ДАНІИЛЪ, ВИДѢНІЕМЪ УСТРАШЕННЫЙ, ПАДЫЙ НА ЗЕМЛѢ, АНГЕЛОМЪ ВОЗДВИЗАЕМЪ БЫВАЕТЪ.

АНГЕЛЪ.

Даніиле, желанный мужу! внемлѣ себѣ
Словеса сія, яже азъ глаголю тебѣ.
Не бойся: отъ перваго дне, воньже начало
Воспріялъ еси трудовъ, воскорѣ предстало
Слово твое предъ Богомъ. Се нынѣ явити
Азъ сія тебѣ прійдохъ и тя укрѣпити.
Даніиле! послушай словесе моего:
Да оставится боязнь отъ сердца твоего!
Миръ тебѣ о Господѣ! Сердцемъ укрѣпися,
Твоя бо предъ Господемъ молба поставися.

ДАНІИЛЪ.

Не дерзну, господи мой, появити ока
Къ тебѣ: вѣмъ, яко сила твоя жестока;
Се бо, егда точію гласъ твой ко мнѣ приде,
Устрашихся, аки бы душа ми отъиде.

АНГЕЛЪ.

Дерзай, мужу желанный! Предстоитъ молитва
Твоя предъ Богомъ: вся южъ престанетъ убитва.

СЦЕНА 2.

ОБРАЗЪ САМАГО ХРИСТА, ВО ВЕРТОГРАДѢ МОЛЯЩАГОСЯ, ПОСТАВЛЯЕТСЯ, ЕМУЖЕ ВѢНЕЦЪ ИСПЛЕТЕННЫЙ ОТЪ ЗВѢЗДЪ ДВАНАДЕСЯТИ, ВО ЕГО ВЕРТОГРАДНОМЪ МОЛЕНІИ ПРОСІЯВШИХЪ, ПОДАЕТСЯ.

ЮНОША 1.

Зри, человѣче, како Богъ возлюби тебе,
Егда твоея ради любве даде себе
На смертъ. Нинѣ ко Отцу сія отвѣщаетъ,
Яко на раны готовъ, аще нѣстъ зла знаетъ;
Не устрашися своей жизни оставити,
Дабы тя моглъ отъ смерти вѣчной избавити.

ЮНОША 2.

Преклонивше колѣцѣ Ісусъ ко молитвѣ,
Бодрствуетъ, человѣче, ко твоей ловитвѣ,
Дабы тя моглъ отъ сѣти вражей исхитити,
Въ нейже тя врагъ душевный хотѣ поглотити.
Ты же твое сердце къ нему и колѣнѣ
Приклони, да будешы въ руцѣ его нинѣ.

ЮНОША 3.

Во вертоградѣ Христосъ егда преклонися
Ко молитвѣ, се ангелъ съ небесе явися,
Приносяще къ нему въ руцѣ своей чашу,
Дабы творилъ ко Отцу жертву за жизнъ нашу.

ЮНОША 4.

Вся словомъ сотворивый нинѣ упадаетъ
Во вертоградѣ Христосъ, съ небеси желаетъ
Помощи. Како тяжко грѣховное бремя,
Еже на Христа вложи Адамово племя!

ЮНОША 5.

Напаяется земля усохшая нинѣ
Кровію, аки дождомъ: егда наединѣ
Молитствуетъ Христосъ, паде потъ крвавый отъ тѣла
На землю, дабы вмѣсто терній крынѣ мѣла.

ЮНОША 6.

Огнъ грѣха въ человѣка врагъ во вертоградѣ
Райскомъ воверже, иже плода вкуси въ садѣ.
Сей огнь Богъ и человѣкъ егда угашаетъ,
Во вертоградѣ пѡтомъ тѣло изливаетъ.

ЮНОША 7.

Во вертоградѣ Христосъ пѡтомъ излїяся:
Потъ отъ крове Авеля на немъ показася;
Но егда потъ во каплехъ крове истѣкаетъ,
Человѣка отъ скверны Христосъ измываетъ.

ЮНОША 8.

Чашу приноситъ ангелъ Христу въ вертоградѣ,
Егда о своихъ овецъ онъ бодрствуетъ стадѣ.
Твоя [1]), человѣче, милость Христа распалила,
Но отчая чашею любовъ укрѣпила.

ЮНОША 9.

Тако истинная любовъ творитъ: человѣка
Хотяще въ любви мѣти, устави отъ вѣка
Зань умрѣти. Вся даетъ, вся и оставляетъ,
Егда тебе погибша къ себѣ обрѣтаетъ.
Остави, человѣче, вся суетства нинѣ,
Да обрящетъ тя Богъ твой во страждущемъ Сынѣ.

---

[1]) Зачеркнуто: *къ тебѣ*.

ЮНОША 10.

Благословится земля проклятая нинѣ,
Егда Богъ преклонился ко ней на колѣнѣ;
Но и человѣкъ, земля, благословеніе
Пріятъ, за его бо Богъ страждетъ спасеніе.

ЮНОША 11.

Паде человѣкъ, паде и Богъ на колѣнѣ,
Дабы тя упадшаго въ беззаконной сѣнѣ
Воздвиглъ къ себѣ на лоно. Ты же, грѣховъ бремя
Отверзше, внемли себѣ спасеное время.

ЮНОША 12.

Хотяще смоковницу паки украсити
Иссохшую цвѣтами, зде пôтомъ кропити
Землю начатъ; но дабы сія окропила
Роса всѣхъ сердца, милость Христа усушила.

СЦЕНА 3.

РОВОАМЪ, ЦАРЪ ІЗРАИЛСКІЙ, ИЗОБРАЗУЕТЪ ХРИСТА В СТОЛПА БІЕННАГО, ГРОЗЯЩЕ НАРОДУ ВЕРВІЕМЪ И ТЕРНІЕМЪ, ВОПРОШАЮЩЕМУ ОБЛЕГЧЕНІЯ ЯРМА, ЯЖЕ НА НИХЪ ОТЕЦЪ ЕГО НАЛОЖИ СОЛОМОНЪ.

ПЕРВЫЙ ОТЪ НАРОДА.

Приходимо ко тебѣ, царю нашъ, слезяще,
Милосердія ввесь родъ отъ тебе моляще;
Се бо яремъ великій отецъ твой на выю
Нашу вложи, облегчи ты же тягость сію!

ВТОРЫЙ ОТЪ НАРОДА.

Моляще тя, согласно возносимо руцѣ:
Призри на насъ и яви милость въ тяжкой муцѣ,

Юже страждемъ отъ отча ярма возложенна!
Повели, да намъ будетъ тягость умаленна.

ЦАРЪ.

По маломъ ко мнѣ паки времени пріидѣте.
Вы же, отроки! старцевъ зде всѣхъ призовѣте.
(И ко приходящимъ глаголетъ старцемъ)
Се скорбяще приходитъ родъ ко мнѣ, моляще,
Да свободу отъ ярма отчаго обраще.
Что вамъ мнится? Каковъ имъ нинѣ отвѣтъ дати?
Се бо мѣютъ зде паки предо мною стати.

1 СТАРЕЦЪ.

Добро милостъ явити, аще царствовати
Въ родѣ семъ хощешъ: всѣ бо сего ти желати
Будутъ, дабы тя мѣли на многіе лѣта
Царя: сія глаголы моего совѣта.

2 СТАРЕЦЪ.

И азъ такожде сему согласный совѣту.
Ты же по волѣ твори твоему обѣту.

3 СТАРЕЦЪ.

Исполни, царю, сіе согласіе наше,
Добро аще явится прѣзрѣніе ваше.

ЦАРЪ.

Не ползую во вашемъ совѣтѣ. Грядѣте,
Сѣмо юношъ воскорѣ ко мнѣ призовѣте.

1 ЮНОША.

Повеленію царя всѣ ся повинуемъ.

ЦАРЪ.

Сядѣте на престолѣхъ зде, посовѣтуемъ.
(*Сѣдящимъ глаголетъ царъ*)
Вѣсте ли, яко родъ зде былъ весъ, мя моляще,
Да отъ отча ярма леккость отъ мене обряще.

2 ЮНОША.

Нѣкоея доселѣ вѣсти не слышахомъ,
Нинѣ отъ глаголъ твоихъ вся, царю, познахомъ.

ЦАРЪ.

Вопрошаю васъ, рците: како отвѣщати?
О семъ бо васъ и призвахъ зде совѣтовати.

1 ЮНОША.

Аще моя полезны пріймеши созѣты,
Глаголю, да отъ тебе будутъ болшій мѣти
Яремъ: аще бо отецъ твой тяжко на выю
Иго вложи, но ты имъ вящшу тяжесть сію
Приложи, толстѣйшый бо чреслъ отца твоего.
Молю тя, не отвержи совѣту моего.

3 ЮНОША.

Полезный и мнѣ мнится совѣтъ друга сего:
Внѣмай, царю, глаголы до сердца твоего.

2 ЮНОША.

Совѣтую, царю мой: повели призвати
Народъ зде и сей отвѣтъ изволъ имъ подати,
Умноживше имъ ярма тяжкаго на выю.
Внемли: истинныхъ глаголъ во сердци не крыю.

ЦАРЪ.

Отрокъ! вели народу зде скоро предстати.

ОТРОКЪ.

Гряду веленіе твое, царю, исполняти.

ЦАРЪ.

(*Ко приходящему народу глаголетъ*)

Чесо вы дерзнулисте сіе глаголати,
Дабы азъ восхотѣлъ вамъ лекшой яремъ дати
Паче отча? Нѣчто же вашихъ азъ внимаю
Глаголъ. Се еще болшій яремъ накладаю
На васъ: аще бо отецъ вервіемъ казнити
Велѣлъ васъ, азъ терніемъ повелю васъ бити.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБРАЗЪ САМАГО ХРИСТА, СТРАЖДУЩАГО У СТОЛПА, ПОСТАВЛЯЕТСЯ, ЕМУЖЕ ВѢНЕЦЪ ОТЪ ЗВѢЗДЪ ДВАНАДЕСЯТИ ПОСТАВЛЯЕТСЯ, ВО СТРАДАНІИ ПРОСІЯВШИХЪ.

1.

Дѣлаютъ, но зло дѣло на хребтѣ Іисуса
Грѣшници, егда его паче надъ Ируса
Обнаженна у столпа сѣкутъ розги тѣло.
Страждетъ сія, человѣче, любяще тя зѣло.

2.

Достойна біенію Іисуса предаша
Сего ради, понеже вины не познаша,
Вины въ немъ жадноя; но страждетъ, дабы всѣхъ насъ вины
Грѣховныя избавилъ, яко своя сыны.

3.

Вяжетъ лоза, се лозу къ столпу привязаша,
Егда во вертоградѣ дѣлаты начаша
Рабы злыи; добрыи рабы винограда
Къ сердцу привяжетъ божественна сада.

4.

Язвы пріятъ у столпа Ісусъ привязанный,
Язвамъ нашимъ во врача со небесе данный.
Къ сему врачу прибѣгни, кождо уязвленный
Грѣхами человѣче! будешъ улѣченный.

5.

Одѣваяй вся свѣтомъ, ризы криномъ селнымъ
Даяй, се нинѣ самъ естъ цѣло обнаженный:
Христосъ тя, человѣче, свѣтомъ оздобити
Хощетъ, тощію грѣхи изволъ оставити.

6.

Привязанный у столпа Христосъ пріятъ раны,
Кровъ тако изліяти возлюбивый за ны.
Нѣсть болѣзнъ, яко болѣзнъ, юже ты терпиши,
Христе мой! Человѣку врачество твориши.

7.

Дѣлателіе злыи къ столпу привязаша
Ісуса, вмѣсто земли тѣло ископаша.
Кровъ Христа неплодну егда окропила
Землю, во плодоносну паки претворила.

8.

Сотворивый вся словомъ нинѣ мѣетъ руцѣ
Привязанны ко столпу. Давый себе муцѣ
Христосъ тя отъ работы хощетъ свободити
Вѣчноя, человѣче: даетъ ся крѣпити.

9.

Беззаконныи къ столпу Христа привязаша,
Не внимающе тыхъ благъ, отъ него же взяша:
Се бо имъ отъ работы даде столпъ огненный
Во вожда нинѣ отъ нихъ у столпа біенный.

10.

Иногда во огненномъ столпѣ глаголати
Изволилъ ко Евреомъ Христосъ; зде вязати
Даде себе ко столпу, нѣчто отвѣщавый,
Недостоинъ бо словесъ господнихъ родъ жвавый.

11.

Сладкую отъ камене источивый воду
Иногда Іюдемъ, нинѣ сего жь роду
Племя къ столпу каменну Христа привязати
Дерзнуло, хотяще зло за благо воздати.

12.

Егда каменъ о каменъ кто ли ударяетъ,
Скоро огнъ во молніяхъ отъ нихъ воскрешаетъ;
Но у каменна столпа мысленный той каменъ
Ісусъ біенъ, отъ него любве горитъ пламенъ.

СЦЕНА 5.

АГНЕЦЪ, ВЪ ТЕРНІИ АВРААМУ ВМѢСТО ИСААКА СЫНА ВО ЖЕРТВУ ПОКАЗАНЫЙ, ПРОЗНАМЕНУЮЩІЙ ХРИСТА, ВѢНЕЦЪ НА ГЛАВѢ ТЕРНОВЫЙ НОСЯЩА, ЕМУЖЕ ДОБРОДѢТЕЛІЕ ДАЮТЪ КРЫНИ.

1. ЛЮБОВЪ.

Кто бы се таковаго любимаго зѣло
  Намъ въ терніи рождый агнца увязило?
Дадѣмъ ему ми крини отъ руки на главу,
  Се бо агнецъ зде страждетъ во божію славу.

2. ВѢРА.

Достойно сему агнцу отъ рукъ [1]) крини дати,
  Иже терніемъ себе изволилъ вѣнчати.
Лутче въ терніи цвѣтутъ крыни насажденны,
  Отъ нихъже вѣнецъ агнцу будетъ уплетенный.

3. НАДЕЖДА.

Азъ глаголю Надежда: егда мы вѣнчати
  Агнца будемъ кринями, увѣнчаетъ златы
Онъ насъ вѣнцы. Дадѣмо мы агнцу воскорѣ
  Крини, да насъ на брачномъ познаетъ соборѣ.

СЦЕНА 6.

ОБРАЗЪ САМАГО ХРИСТА, ВѢНЕЦЪ ТЕРНОВЫЙ НА СЕБѢ НОСЯЩА, ЕМУЖЕ ДАЕТСЯ ВѢНЕЦЪ ОТЪ ЗВѢЗДЪ ДВАНАДЕСЯТИ, ВО СТРАДАНІИ ОТЪ ВѢНЦА ТЕРНОВАГО ВОСІЯВШИХЪ.

1.

Се агнецъ божій, грѣхи вземляй всего міра,
  Увязе во терніи, яже ради пира

[1]) Въ рукописи: *рокъ*.

Райска земля израсти. Внимай, яко вина
Грѣхъ твой есть, человѣче, и агнцу кончина.

2.

Иже златыми вѣнцы всѣхъ царей вѣнчаетъ,
Нинѣ терновый вѣнецъ на себе пріймаетъ:
Тако Творецъ любимый созданію даде
Вся, самъ, обнищавше, во терніи сѣде.

3.

Небесное въ терніе сѣмя упадаетъ—
Христосъ, но въ достойные плоды прозябаетъ:
Егда бо отъ сѣмене сего процвѣтаютъ
Цвѣты, тогда тернія грѣховъ увядаютъ.

4.

Процвѣтаетъ въ терніи кринъ небесна сада,
Рукою дѣлателя райска винограда
Насажденный, егоже терніе покрыло
Сіе, еже отъ сердца грѣшныхъ возрастъ мѣло.

5.

Достоинъ есть дѣлатель мзды всегда своея,
Обаче мзду воспріятъ злую отъ Юдея [1])
Христосъ, сей бо дѣлатель въ него винoградѣ
Нинѣ въ терновой зрится вѣнчанный оградѣ.

6.

Подножіе ногъ твоихъ—земля, но израсти,
Христе, терніе тебѣ, имъже главу бодсти
Дерзнули Іюдее. Агъ! поруганіе,
Егда Творца терніемъ вѣнча созданіе!

---

[1]) Въ рукописи: *Іюдея*.

7.

Сей естъ царъ. Изыйдѣте, Іерусалима
Дщери, зрѣти, егоже видѣсте очима
Входяща въ Ерусалимъ. О жалю причина
Тяжкого, егда зрится такова отмѣна!
Прежде царя, нинѣ же разбойника знаютъ!
Судіи погибшіи всѣхъ жизнъ убиваютъ.

8.

Исполненны тернія грѣховъ тя вѣнчаютъ
Терніемъ, Христе! Болѣзнъ въ сердцу умножаютъ
Твоемъ. Ты же, Христе мой, вся сія терпиши,
Да человѣка болѣзни вѣчноя лишиши.

9.

Гроздъ винный Ісусъ егда дозрѣ въ вертоградѣ,
Зрѣте, въ коей нинѣ естъ отъ Еврей отрадѣ!
Сіи отъ него вино егда истачаютъ,
Терніемъ весма его острымъ избождаютъ.

10.

Отъ неплодныя земли егда пожинаетъ
Терніе Христосъ грѣховъ, кончину вѣщаетъ
Жатвы, понеже вѣнецъ терновый на главу
Пріятъ, емуже даде злый родъ во неславу.

11.

Чесо беззаконныи терніемъ вѣнчаютъ
Іесуса, егда на смертъ люту осуждаютъ;
Но паче недостойныхъ хотяй попалити
Огнъ—Іесусъ, и се начатъ въ терніи горѣти.

12.

Се зъ небеснаго гумна класъ зѣло обфитій
Израсте въ неоранной землѣ плодовитый,
Егоже плодъ хотяще враги умалити,
Терніемъ его острымъ начаша давити.

СЦЕНА 7.

ИСААКЪ, ИМѢЮЧІЙ ЗАКЛАТИСЯ ВО ЖЕРТВУ БОГУ ОТЦУ ОТЪ ОТЦА СВОЕГО, ГРАДЕТЪ, НОСЯ НА СЕБѢ ДРОВА, ПРООБРАЗУЮЩІЙ ХРИСТА, КРЕСТЪ НА ГОЛГОФУ НЕСУЩА; ЕГО ЖЕ ЕГДА АВРААМЪ ХОТѢ ЗАКЛАТИ, АНГЕЛЪ ВОЗБРАНИ ЕМУ.

АВРААМЪ.

Сядѣте, рабы мои, ту. Азъ со дѣтищемъ
Граду моимъ до онъде, тамо бо поищемъ
Мѣста, ианьже мя Господь возва; во́звратимся
Къ вамъ, токмо Саваоѳу тамо поклонимся.

РАБЫ.

Гради, господине нашъ! Се ми тя зде чаемъ,
Понеже волю твою таковую знаемъ.

АВРААМЪ.

Возми, чадо, сей снопъ дровъ: грядѣмо палити
Жертву, юже Саваоѳъ повелѣ творити.

ИСААКЪ.

Творю волю, отче мой: тебѣ послѣдую
И на раму сей снопъ дровъ отъ въ руцѣ пріймую.
Отъ! се дрова и огнъ, гдѣ жъ агнецъ ко требѣ,
Егоже Богу сожжемъ, живущему въ небѣ?

АВРААМЪ.

Узритъ Богъ овча. Ты же гряди по мнѣ, чадо!
Мѣетъ бо онъ во жертву избранное стадо.

АНГЕЛЪ.

Аврааме! послушай.

АВРААМЪ.

Се азъ; кто есть рекій?

АНГЕЛЪ.

Не возложи на сына Исаака руки:
Нинѣ бо разумѣхъ тя, яко ся боиши
Бога, егда во жертву сына не щадиши.

СЦЕНА 8.

ОБРАЗЪ САМАГО ХРИСТА, НЕСУЩА КРЕСТЪ НА ГОЛГОФУ, ЕМУЖЕ ДАЕТСЯ ВѢНЕЦЪ ОТЪ ДВАНАДЕСЯТИ ЗВѢЗДЪ, ОТЪ ВРЕМЕНЕ КРЕСТНАГО ПРОСІЯВШИХЪ.

1.

Аки вторый Исаакъ, истинный грядеши
Христе, крестъ твой воспріемъ, да на немъ пожреши
Себе жертву во воню благоуханія
Отцу твоему грѣшна ради созданія.

2.

Іисусе уязвленный градеши мой камо,
Крестъ воспріемше зѣло тяжчайшый на рамо?
На Голгофу ли, да тя сіи распинаютъ,
Иже тебѣ Голгофу сердце свое знаютъ?

3.

Реклъ еси, дабы, вземше крестъ, послѣдовали
Тебѣ, Христе, и міра вси ся отрицали.
Ты же кому со крестомъ послѣдуешь нинѣ?
Азъ тя, Христе, принудихъ въ моей грѣшной винѣ.

4.

Пріемше крестъ, восходитъ Іесусъ на Голгофу,
Аки Авель принести хотяй Саваоѳу
Жертву: ему же въ сердцу огнъ любве палаетъ,
Имъже на крестѣ въ жертву Отцу согаряетъ.

5.

Благо всѣмъ даяй иго, самъ воспріятъ бремя
На раму свою тяжко, страсти твоей время
Егда прійде, Христе мой! Вся словомъ носиши;
Наша грѣхи пріемше, агъ! зѣло стениши.

6.

Агъ! грѣховное бремя како отяготѣ
На рамѣ твоемъ, Христе, егда ти восхотѣ.... [1])

. . . .

Тѣмъ изшедше на мало, жалуйте за сію
Дерзостъ вашу. Се и азъ молитву пролѣю
Ко Господу за вами, дабы призрѣ на ны
И желаемое далъ врачество на раны.

---

[1]) За этимъ утраченъ листъ, на коемъ находилось окончаніе 8-й и начало 9-й сцены.

СЦЕНА 10.

воздвѣзаетъ моисей змію на столпъ, на исцѣленіе іудеомъ, отъ неяже приходяще исцѣляются; которая змія знаменуетъ распятаго на крестѣ христа, спасителя нашего.

ІУДЕЕ 2.

Вторицею молимъ тя, вожде, со слезами:
Сотвори ко Господу молитву за нами,
Невозможна бо сія казни претерпѣти,
Скоро зміевымъ ядомъ вси мусимъ умрѣти.

МОИСЕЙ.

Паки придосте ко мнѣ помощи просити.
Но чесо дерзнулисте на Бога хулити?
Не вѣсте ли, кая вамъ творитъ благодати
Богъ, презъ него днесъ есте отъ работы зняти
И посуху прейдосте морскую глубину,
Въ нейже враги пріяли вѣчную кончину?
И нинѣ во пустини отъ каменя воду
Даде вамъ Богъ и пищу во вашу угоду,
И враги побѣдихомъ, и во земли жити
Будемъ, аще престанемъ на него хулити.
Чесо любовъ во сердцахъ вашихъ угашаетъ
Ко Богу и глаголъ его не слушаетъ?

ІУДЕИ.

Отселѣ твою волю будемо творити,
Точію сея казни рачъ насъ свободити.

МОИСЕЙ.

Уязвленный да кождо на змію взираетъ,
Сіе бо намъ врачество самъ Богъ представляетъ.

Обаче о врачествѣ ничто же сумнися,
  Вѣрующимъ бо сіе врачество открыся.

СЦЕНА 11.

ОБРАЗЪ РАСПЯТАГО ХРИСТА ПОСТАВЛЯЕТСЯ, ЕМУЖЕ ДАЕТСЯ ВѢНЕЦЪ ОТЪ ЗВѢЗДЪ ДВАНАДЕСЯТИ, ОТЪ НЕГО НА ДРЕВѢ КРЕСТНОМЪ ВСЕМУ МІРУ ПРОСІЯВШИХЪ.

1.

Истинное Ісусъ нашъ ста слонце во чинѣ
  На крестѣ, да просвѣтитъ въ подземной глубинѣ
Всѣхъ бывшихъ: иже его усердно желаютъ,
  Нинѣ радости своей начало взыраютъ.

2.

Простре Ісусъ на крестѣ руци собирати
  Всѣхъ ко себѣ, кто его творца хощетъ знати.
О неизлеченная, Христе, любовъ въ тебѣ,
  Егда страждущіи чада собѣраешъ къ себѣ!

3.

На крестное вознесенъ Ісусъ знаменіе,
  Дабы пріятъ по дѣлехъ упокоеніе.
Дѣлалъ еси, Ісусе, но паче дѣлали
  На хребтѣ твоемъ злыи, иже тебе знали
Истинна наслѣдника отча винограда.
  Се нинѣ ложе мѣешъ отъ райскаго сада.

4.

Истѣкаетъ на крестѣ кровъ отъ ребръ Ісуса.
  Нинѣ на истиннаго взирайте Ируса,

Иже, хотяще вся намъ сокровища дати,
  Ребра, руцѣ и нозѣ даде ископати.

5.

Создавый землю и вся, небо яко кожу
  Пропиная пропятый самъ на крестномъ ложу.
Но зрѣте: не слезами свою омочаетъ
  Постелю, рѣку крове отъ ранъ истачаетъ.

6.

Распятому Іисусу рану отверзаютъ
  Во ребрахъ: нѣсть ли иматъ порока, взираютъ,
Въ сердцу. Аще нѣчто же, Іудею, зриши,
  Обаче невѣрствіемъ очеса слѣпиши.

7.

Распятый новый Адамъ, ветха избавити
  Хотяй Адама вины, же дерзнулъ вкусити
Возбраненнаго яблка. Агъ! сладкояденіе!
  Тя ли ради претерпѣ наше спасеніе?

8.

Восшелъ еси, Іисусе, на крестное древо:
  Сіе ли сѣдалище имаши царево?
Но паче тя истинна роду являеши
  Пастыря, егда овца свыше взираеши.

9.

На древо тя крестное, Христе, вознесоша,
  Руцѣ, нозѣ и ребра тебѣ прободоша,
Злату грывну тя, Христе, царя вѣковъ знаютъ,
  Вмѣста каменій драгихъ гвоздми украшаютъ,

10.

Отъ тебе въ пяти тисящъ пятми насыщенны
Хлѣбы людіе, но родъ, зѣло развращенный
Еврейскій пятъ ранами, Христе, хлѣбъ тя краетъ:
Смысловъ пяти не имій зло дѣло дерзаетъ.

11.

Простеръ еси, Ісусе, на крестъ твои руцѣ,
Егда вся совершенна въ твоей горкой муцѣ;
Лукъ напятлъ еси, Христе, стрилу тя твориши,
Да темныя во вѣки враги побѣдиши.

12.

Нинѣ юже престани сердечныя брани,
На Ісуса распятаго взырающе раны:
Се бо естъ знаменіе блаженна покою,
Симъ небо примирися во вѣки съ тобою.

СЦЕНА 12.

ІОВЪ ТЕРПЕЛИВЫЙ НА ОДРѢ БОЛѢЗНЕННОМЪ ИЗОБРАЗУЕТЪ ХРИСТА, СТРАЖДУЩАГО НА КРЕСТНОМЪ ЛОЖИ, ЕГО ЖЕ ПОСѢЩАЮТЪ ТРІЕ ДРУЗИ ЕГО, СОБОЛѢЗНУЮЩЕ ЕМУ И УТѢШАЮЩЕ ЕГО: ЕЛИФАСЪ, ЦАРЪ ѲЕМАНСКІЙ, ВЕЛДАДЪ И СОФАРЪ МѢНІЙСКІЙ.

ЕЛИФАСЪ.

Кто сей естъ? Нѣстъ то божій рабъ Іовъ? Возрѣте,
Таковъ ли бысть онъ, другъ нашъ? Агъ! Слезы пролѣйте!
Какова есть во свѣти скорая отмѣна!
Другъ нашъ богатъ и славенъ се на снопѣ сѣна
Болѣзненный на одрѣ страждетъ! Агъ! горести!
Откуду таковыя зѣлные болести?

СОФАРЪ. [1])

Миръ тебѣ, друже, даемъ други приходяще;
Соболѣзнуемъ зѣло, тя на одрѣ зряще.

ВЕЛДАДЪ.

Іовъ ли есть, познавай, друже! Се бо мало
Есть Іову подобенъ. Что бы ся такъ стало
Наглаго на Іова? Чесо бы отмѣна
Сія на немъ явися, яко ни едина
Раба имать? И чесо во немощи лежитъ,
И тако тяжка зѣло болѣзнъ его держитъ?

СОФАРЪ.

Ей, истинно, другъ нашъ есть Іовъ болѣзненный.
Не вѣстно, чесо онъ есть тако оставленный
Отъ рабовъ своихъ и що такоя болѣзни
Виною есть, же въ его тѣлѣ гніютъ близны.

ЕЛИФАСЪ.

Миръ тебѣ, друже, даемъ други, приходяще;
Соболѣзнуемъ зѣло, тя на одрѣ зряще,

ІОВЪ *(воставши, по малу начатъ глаголати.)*

Простѣте мою худость, се бо нага зрите.
Богъ ли васъ сѣмо послалъ, или вы творите
Любовъ ко мнѣ прежнюю, любимыи друзи,
Зрѣте на мнѣ божію казнъ: юже супрузи
Воловъ не богатятъ мя, нѣсть и овецъ стада;
Ни единаго вижду любимаго чада;
Рабы едни погибли, инны оставиша;
Мнѣ погнилыи раны болѣзнъ умножиша.
Внезаапу погибли всѣ мои богатства,

[1]) Въ рукописи: *Елифасъ.*

Азъ точію во гною зде кормлю робатства.
Агъ! болѣзни не стерплю, болѣзни такъ зѣлной!
Подвигнухъ казнъ божію въ немощи такъ силной!
Да погибнетъ денъ, воньже азъ родихся,
И часъ сій, егоже азъ духомъ оживихся!
Да помрачится тмою и будетъ забвенный
Отъ Бога денъ и ко числу лѣтъ не причтенный!
Да погибнутъ и звѣзды, свѣтящіи въ нощи
Той, въ нюже азъ жизнъ пріяхъ, и да будутъ тощи
Отъ нихъ небеса! Чесо вратъ не заключиша
Матернія утробы и не погубиша
Мя во утробѣ? Или чесо мя умрѣти
Не сотвориша, егда азъ начахъ свѣтъ зрѣти?
Нинѣ бо аще бы азъ моглъ спяще молчати,
Мнѣлъ бымъ ся со цари, зе князи почивати.
Чесо сущимъ въ горести свѣтъ дается зрѣти?
Лутче имъ болѣзненнымъ воскорѣ умрѣти:
Аще бо смертъ получатъ, пребудутъ въ нокою,
Въ болѣзни бо вся страждутъ горести съ собою.

ЕЛИФАСЪ.

Кто яростъ глаголъ твоихъ можетъ истерпѣти?
Аще бо ты многія прежде научити
Вѣдалъ, и во болѣзни многихъ утѣшати
Прежде ты тщался, и отъ одра воздвизати
Многихъ ты обыкохъ, и словеса твои
Укрѣпяли скорбящихъ,—чесо не въ покои
Нинѣ сію терпиши болѣзнъ, яже, на тя
Пришедше, согнитимы на телеса взя тя
Ранами? Чесо твоя любовъ измѣнися
Ко Богу? Внимай себѣ: когда оставися
Чистъ во сердцу, лучше естъ на Бога отдати
Печалъ сію, вѣстъ бо Онъ всѣмъ помощъ подати;

Немощныхъ онъ врачуетъ, скорбныхъ утѣшаетъ.
  Блаженъ человѣкъ, егоже Богъ и обличаетъ!
Сей бо разитъ и паки можетъ исцѣлити
  И скорбящихъ въ болѣзнѣ можетъ утѣшити.

ІОВЪ.

Како нинѣ въ покою азъ могу пребыти?
  Кто бо молчаще можетъ сію скорбъ терпѣти,
Еюже отъ болѣзни азъ на сердцу мѣю,
  Отъ неяже на тѣли цѣлъ лежащъ согнію?
Множайшія господни стрѣлы въ мнѣ унзоша
  Паче пѣска морскаго; сіи отверзоша
Болѣзнъ во сердцу моемъ, милость отверже мя
  Господня и отъ любве все болзное племя
Остави мя [1]). Нинѣ азъ на смрадъ возыраю,
  И аще кое мѣю брашно, воню знаю.

ВЕЛДАДЪ.

Доколѣ глаголеши? Или нѣстъ сутъ правы
  Суды господня? Се бо тако естъ ласкавый,
Яко и согрѣшившимъ грѣхи отпущаетъ,
  Егда кто со слезами къ нему воздыхаетъ,
Тѣмъ и ты въ молитвахъ бодрствуй сердцемъ чистымъ.
  Да явишися предъ Нимъ во врачество истимъ.

ІОВЪ.

Или азъ безчестіе сотворихъ душею,
  Не вѣмъ, ни совѣстію никогда моею.
Нинѣ же отятъ ми естъ живогъ: се во гною
  Страждущій пребываю, нѣкогда въ покою
Почити отъ болѣзни могу. Чесо въ землю
  Не возвращуся, егда нѣсть покоя емлю?

---

[1]) Въ рукописи: *мня*.

СОФАРЪ.

Не многъ словеси буди. Или оправдити
Хощеши ся предъ Богомъ? Сей бо и творити,
И развращати мѣетъ свободныя силы.
Аще бы вся сокрушилъ, яже суть во мірѣ,
Кто дерзнетъ глаголати кой глаголъ ко нему?
Тѣмъ и ты помолися ко Творцу своему
Со всякимъ смиреніемъ: истинно узриши
Благодатъ, въ нейже тебе здрава всѣмъ явиши.

ІОВЪ.

Ничто мнѣ, тѣшителе, глаголъ вашъ ползуетъ,
Егда зѣлную болѣзнъ сердце мое чуетъ.
Но понеже пріидосте зде мя поситити,
Хотяще болѣзнъ мою въ сердцу умалити,
Любовъ вашу азъ нинѣ благодарну мѣю.
Аще же во болѣзни ничто не успѣю
Благо вамъ сотворити, но да дастъ вамъ свыше
Богъ съ небеси благихъ всѣхъ пѣска морска лишше!

ЕЛИФАСЪ.

Желаемъ и мы тебѣ отъ одра востати
И преждную отъ Бога благодатъ пріяти,
Иже тебѣ да будетъ въ скорби утѣшителъ
И отъ одра болѣзни скорый избавителъ!

СЦЕНА 13.

ПЛАЧЪ РЫДАЕТЪ УМЕРШАГО И ВО ГРОВѢ ПОЛОЖЕННАГО ХРИСТА.

ПЛАЧЪ.

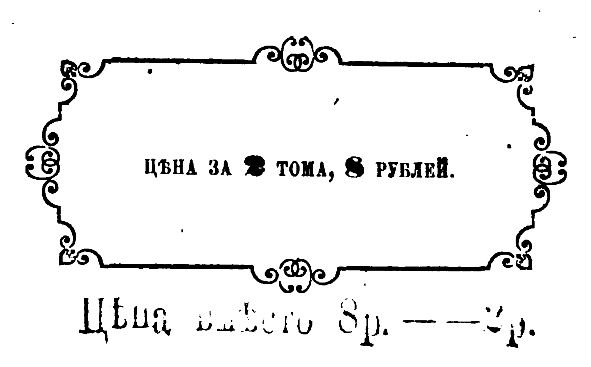
Умре Любовъ людскаго ради спасенія.
Кто ся не рыдаетъ днесъ, разлученія

Таковыя видяще крѣпкія союзы,
Ихъже насмертелніе разсѣкоша узы?
Изволи умрѣти Христосъ ради нашей жизни,
Прежде смерти многія тѣрпѣ укоризны.
О! сіе ли тя, Христѣ, съ небесе звабило,
Дабы тя беззаконныхъ племя погубило?
Сіе ли ти воздаде благодареніе
Родъ невѣрный, пріемшій отъ узъ спасеніе
Египецкой работы? Смерти ли ты чашу
За воспитаніе даде? Агъ! рыдайте нашу
Спасенную вину! Въ семъ ли царъ, во вѣки
Царствующій, чертозѣ между человѣки?
Вся словомъ украсивый нинѣ обнаженный
Положенъ естъ во гробѣ, отъ всѣхъ небреженный!
Кое сердце каменно нинѣ не явится
Отъ жалю, егда наша жизнъ во гробѣ зрится?
Очеса! кая нинѣ слезы пролѣете,
Егда вашего свѣта нѣчто имѣете?
Человѣческій родѣ! нинѣ пролій слезы,
Небесныя видяще зде зложенны спезы,
Имиже тя погибша небо купи себѣ.
Зри, каковая милостъ Господня ко тебѣ.
Свѣтила небесныи! нинѣ свѣтъ сокрыйте.
Слезы зде, небо, слезы вся стихія лѣйте:
Се бо слонце померкне, слонце на всѣхъ благо
Сіяющее. Сіе народа естъ злаго
Неблагодареніе. Кто когда такую
Слыша яростъ или кто претерпѣ тяжкую
Тако болѣзнъ, якая днесь сердцу моему
Дадеся, создателю смертъ дерзну своему
Егды созданіе дати. Нѣстъ ужъ въ утробѣ
Жизни моей, понеже создателъ во гробѣ.
Іисусе, любве моя! влѣй въ очеса рѣки,
Излій море, да тя азъ рыдаю во вѣки,

Сѣдяще зде у гроба, где тя вижу жертва.
Рыдай, и ввесь народе, за тя бо есть жертва.

ЕПѢЛОГЪ.

Любовъ Христа страждуща возлюбисте зрѣти:
Да будете отъ него любовъ всегда имѣти,
Желаемъ. Аще же что не по любви вашей
Зде слышасте, простотѣ вся простѣте нашей.


ЦѢНА ЗА 2 ТОМА, 8 РУБЛЕЙ.
Цѣна вмѣсто 8р. — —2р.